

Л 2010

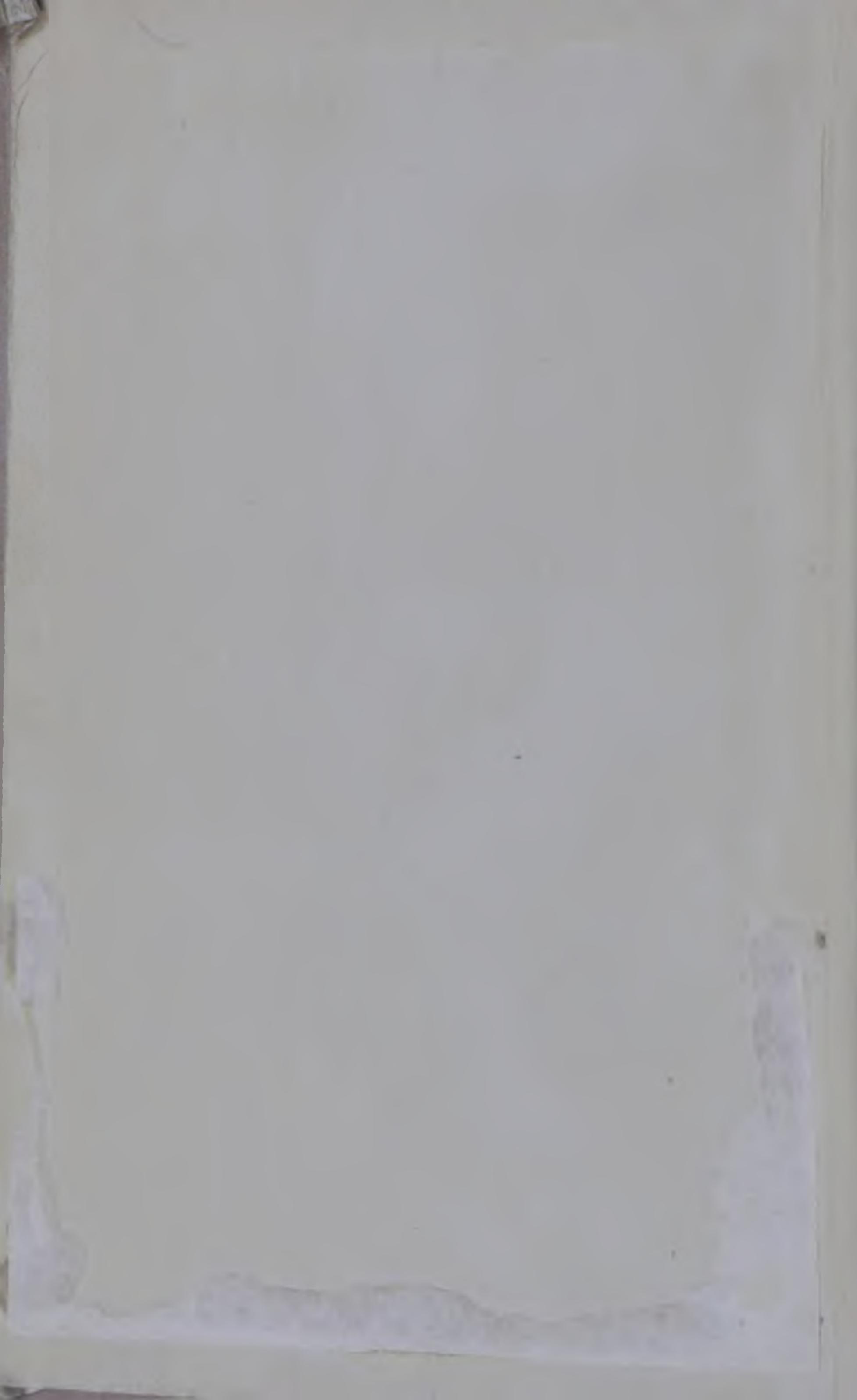
24498к

Г. МУСТАФИН

КАРАГАНДА

53

Г. МУСТАФИН

КАРАГАНДА

РОМАН

*Авторизованный
перевод с казахского
К. Горбунова*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва · 1953

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Глава первая

Широкая степь, покрытая прошлогодней, желтой травой. На возвышенности, укрепленная толстыми проволочными растяжками, торчит старая, побуревшая от ржавчины железная труба. Она уже давно не дымит. Возле трубы пять-шесть приземистых барачков; кирпичные стены давней кладки потрескались и готовы вот-вот развалиться, их поддерживают лишь многочисленные подпорки.

За бараками тянутся груды угольной золы. В жару, чуть подует ветер, над поселком повисает черный туман. Но сейчас, ранней весной, земля и зола влажны — пыли нет.

Этот небольшой карагандинский поселок среди голой степи напоминает родимое пятно на широком лице человека.

Весенним днем вдали показался одинокий караван. Но это не был обычный караван казахских кочевников.

Одна за другой тянулись брички в упряжках, дроги, затянутые брезентом. В повозках разместились пятнадцать—двадцать человек. И все — русские. Только на передней бричке сидел житель здешних мест, казах Канабек, невысокий, склонный к полноте. Соседом его был человек богатырского сложения, его черные волосы слегка тронуты сединой.

Караван поровнялся с заброшенным кладбищем, расположенным у обочины дороги, и остановился. Путники осматривались кругом, но нигде не было видно людей, поселок словно вымер.

Канабек приподнялся в бричке, громко крикнул:

— Эй, кто здесь есть?

Из барака вышел высокий человек с квадратными плечами и черными низко свисающими усами. С минуты он внимательно разглядывал приезжих, пытаясь разгадать, что это за люди. Потом медленно, тяжело переставляя ноги, направился к каравану.

Канабеку не терпелось:

— Земля, что ли, под тобой прогибается? Экий ты неповоротливый!

Усатый, подойдя, негромко сказал:

— Здравствуйте!

И остановился, никому не подавая руки.

Канабек соскочил с брички, подбежал к нему, протянул руку.

— Будем знакомы, дорогой! Я — Канабек, председатель Тельмановского райисполкома. Слышал?

— Слышал, — помедлив, ответил усатый. — А я — Ермек, рабочий. Остался здесь сторожить Караганду.

— Вот ты-то нам и нужен! Знаешь, кто приехал к нам? Эти люди из Донбасса, а некоторые из самой Москвы. Хотят, чтобы ожила мертвая Караганда. Вместе с нами хотят создать новую, советскую Караганду! — торопливо говорил Канабек. — Вот познакомься, это наш друг Сергей Петрович Щербаков, такой же, как ты, старый шахтер, будущий управляющий треста. — Он указал на своего соседа по бричке. — А это — механик, товарищ Козлов. Вот слесарь Лапшин. Вот инженер Орлов.

Ермек поздоровался с каждым за руку. Его смуглое

лицо порозовело, в глазах появился блеск. Но он вел себя сдержанно и не произнес ни слова, хотя оживленное лицо говорило о его радости лучше всяких слов.

Пока продолжался этот короткий разговор, маленький поселок ожил. Забегали ребятишки. Из барачных вышли мужчины, женщины. Появились подводчики, приехавшие из соседних колхозов за углем. Придерживали своих коней всадники, проезжавшие по дороге. Вскоре вокруг гостей сгрудилась небольшая толпа.

Послышались расспросы:

— Что, они хотят пустить карагандинский промысел?

— Говорят, мастера из Донбасса приехали!

— Э, не шути с нашим углем, он железо расплавляет!

Ермек вытащил из кармана горсть ключей, протянул их Щербакову.

— Я о вас от Чайкова слышал, давно поджидал. Вот наконец и приехали. Принимайте ключи от промысла в собственные руки!

Щербаков взял ключи и встряхнул их на своей широкой ладони. На какую-то минуту он задумался, обводя голубыми, глубоко посаженными глазами простертую вокруг степь. Ее бескрайные просторы, должно быть, взволновали его.

Высоко подняв руку с ключами, широкоплечий богатырь громко заговорил:

— Товарищи! С тех пор как здешний пастух Аппак Байжанов нашел в сурочьей норе карагандинский уголь, прошло около ста лет. Все эти долгие годы русские и английские капиталисты держали взаперти от народа богатства казахской земли. А мы вот этими ключами откроем замки и передадим в распоряжение народа принадлежащие ему сокровища! Нас направили сюда Коммунистическая партия, товарищ Сталин. Мы поможем братскому казахскому народу разбудить для жизни эту широкую степь. По решению советского правительства крохотный и убогий угольный промысел должен превратиться к концу пятилетки в могучий индустриальный центр. Не легко это будет выполнить.

Работы предстоит много, и трудностей мы встретим много. Но сила народная преодолет все. Надо только по-партийному организовать эту силу — тогда не найдется той крепости, которую мы не могли бы взять...

Щербаков говорил по-русски. В этом краю еще немногие казахи знали русский язык. Но слова: Сталин, партия, советская власть — были понятны всем. Речь Щербакова переводил Канабек.

Старуха казашка, стоявшая рядом с Ермеком, слушала речь, опершись на палку. Пряди седых ее волос, выбившиеся из-под платка, были похожи на белые тюльпаны, приколотые к вискам. Старуха была туга на ухо. Тронув палкой плечо Ермека, она спросила:

— Что он сказал? Сталин их прислал?

Ермек кивнул головой. Старуха пожевала губами, протянула невнятно:

— А-а-а...

Когда Канабек закончил перевод речи, старуха подошла к Щербакову, взяла его за руку и подвела к краю старого кладбища. Потом нетерпеливыми жестами стала подзывать кого-то. Из толпы вышел молодой высокий паренек, круглолицый и большеротый. Он чувствовал себя стеснительно, краснел и широко улыбался.

Старуха, указывая Щербакову на могилы, говорила:

— Здесь похоронен мой отец — умер от туберкулеза. А это могила мужа — погиб в шахте. Вот здесь зарыт мой старший сын — он был горячий парень, не вынес оскорбления и ударил техника-англичанина. К англичанину на помощь прибежал урядник Кудря и зарубил моего сынка шашкой. Многие похороненные здесь умерли от истязаний и нужды. Я не раз слышала, что отец наш Ленин и мудрый вождь Сталин всегда вставали на защиту трудовых людей... Вот и тебя, дорогой, послали в помощь к нам.

Старуха подвела за руку молодого парня к Щербакову.

— Это мой единственный племянник, Акым его

зовут. Сирота. Поручаю его тебе, дорогой мой. Сделай его человеком, шахтером, какими были все мужчины в нашей семье.

Канабек перевел слова старухи, и Щербаков ответил:

— Спасибо за доверие, матушка. Вашу просьбу я выполню с радостью.

Поддерживая старуху под руку, он повел ее с кладбища.

Ермек проводил гостей к свободному бараку. Толпа расходилась. Всадники, переведя коней на рысь, продолжали свой путь; нагрузив подводы углем, колхозники двинулись к своим аулам.

К вечеру по степи, словно на крыльях ветра, разнеслась весть: «Прибыли мастера из Донбасса, из Москвы, собираются пустить Караганду».

Прошло несколько дней. Приезжие устроились на новом месте. Маленький промысел начал оживать.

Невдалеке от барачных, на холме, возвышается небольшая куча угля. Возле нее Акым вместе с другим рабочим, раскачиваясь и наклоняясь, вручную крутят барабан, к которому прикреплен стальной трос с бадьей на конце. Поднятый уголь они сваливают в стороне от старой кучи.

— Почему надо отдельно высыпать? — спрашивает Акым.

— А кто его знает! — отвечает напарник.

— Я хотел спросить у Сергея Петровича, да не знаю русского языка, а он по-казахски не понимает.

— Как же твоя бабушка просила его сделать тебя шахтером?

— Да тогда Канабек переводил.

Из колодца шахты по деревянной лестнице поднялись Щербаков, молчаливый инженер Орлов и десятник Сейткали.

Сейткали — старый карагандинский шахтер. Когда промысел заглох, Сейткали уехал в аул. Но, услышав о приезде донбассовцев, сейчас же вернулся на шахту, заступил на работу десятником.

Сейткали — светловолосый, нос у него мясистый и широкий, голос басистый.

— Много потерь, очень много, — говорил Щербаков, покачивая головой. — Почти половина добычи просыпается при подъеме наверх.

— При англичанах потерь было еще больше, — громко ответил Сейткали.

— Англичане нам не указ. Надо научиться добывать чистый уголь, не смешанный с породой, и вовсе не допускать потерь, — повторил Сергей Петрович, раскуривая трубку и в то же время внимательно наблюдая за работающими у барабана.

Парни с натугой крутят вал, то и дело вытирают пот со лба.

— Что, Акым, тяжело? Устал? — спросил Щербаков через Сейткали.

— Тяжело, но еще не устал.

— Видно, ты не из таких, которые устают... А что скажешь, если тебе придется взяться за кайло?

— О, еще как рубал бы! Научите.

— Научим. Помяни мое слово: придет такое время, когда будешь машиной рубать. — Сергей Петрович хлопнул Акыма по плечу и обратился к Сейткали: — Поставь его напарником к Ермеку. Пусть обучается.

Во время этого разговора седовласый инженер Орлов молчаливо стоял в стороне, протирая платком пенсне. Надев пенсне, он неторопливо подошел.

Сергей Петрович кивнул головой на парней, крутящих барабан:

— Этого мы долго терпеть не станем.

Орлов поднял плечи, развел руками:

— А что в наших условиях можно сделать?

— Почему бы не поставить у барабана лошадей?

— А-а, оборудовать конный барабан! Это разумно.

— Да, конный барабан. Освободим людей от тяжелого труда да и угля поднимать будем больше. Я поручу механику Козлову, а вы помогите ему.

— А где найдем в степи лесу?

— Козлов найдет, он сумеет.

Из груды угля, добытого сегодня, Сейткали отобрал крупные куски, сложил их в ящик, начал прибивать крышку гвоздями.

Акым краем глаза все время следил за его работой, не понимая ее цели, потом спросил:

— Зачем так крепко забиваешь? Для чего это нужно?

— На Урал и в Донбасс отправим.

— Что, там своего угля нет?

— Будут исследовать наш уголь.

— Исследовать?.. Что же, масло из него хотят делать? Уголь — он и есть уголь!

Сергей Петрович, заинтересовавшись спором, попросил Сейткали перевести. Выслушав, рассмеялся.

— Объясните ему. Когда поймет, станет лучше работать. Уголь бывает разный. Из угля и масло можно получить и кокс, который расплавляет железо. Нам нужно узнать, хорошо ли коксуется наш уголь. На Урале и в Донбассе есть специальное оборудование для таких исследований.

Акым слушал, кивал головой.

Орлов приказал Акыму отнести забитый ящик в барак, где разместилось управление будущего треста. Сам пошел следом за ним.

А Щербаков и Сейткали медленно двинулись к шахте «Герберт», заброшенной со времен английских концессионеров. Поднялись на холм. Щербаков с удовлетворенной улыбкой осматривал окрестность.

Вдали, на подернутой белесой дымкой возвышенности, и ближе, на низменности, — всюду видны люди. Они копают землю, словно охотники, разрывающие нору какого-то крупного зверя: и здесь и там закладывают новые шахты. А из-за перевала один за другим двигаются караваны.

— Работа началась. Видишь, и люди помаленьку прибывают, — говорил Сергей Петрович. — Когда будут заключены договоры с колхозами, караваны потекут к нам, как поток.

— Да, народ уже наслышан о Караганде. Только и ждет нашего зова.

— А мы должны быть готовы их встретить. Что

понадобится народу в первую очередь? Вода, хлеб, жилище. А у нас пока — пустые руки.

— Труднее всего придется с водой, — Сейткали озабоченно почесал затылок. — На всю Караганду — два-три колодца, и вода в них лежит на большой глубине. Рыть новые колодцы — не шуточное дело.

— Нет, меня жилье заботит больше, чем вода. Строительных материалов на месте нет. Железную дорогу, чтобы подвезти материалы, когда-то еще проведем. А где жить рабочим зимой?

Сейткали ответил:

— В нескольких километрах отсюда расположены колхозы «Кзыл-Кудук», «Ак-Кудук», «Ашылы-Айрык», «Букба». Часть рабочих на первое время можно разместить там. Другие, на крайний случай, построят себе земляные бараки. Для этого много материалов не потребуется. Дороже всего вода. Из колхозов воду не повозишь.

Разговор был прерван звонким стуком молотка, доносившимся из каменного сарая, возле высокой железной трубы. В свое время этот сарай был построен на месте закладки шахты «Герберт».

В одном из отделений сарая, куда зашли Щербаков и Сейткали, громко постукивал молотком кузнец Коктаинша — маленький проворный старичок. Во времена хозяйничанья англичан он слыл лучшим мастером в Караганде. Услышав, что прибыли донбассовцы и москвичи, Коктаинша вернулся из аула раньше всех других. Он первый застучал молотком по наковальне, оборудовал небольшой горн. Сейчас кузнец ковал наконечник кайла. Сергей Петрович залюбовался ловкостью его рук.

— Вы лепите из железа легче, чем из глины.

Коктаинша, хоть и плохо знал русский язык, ответил смело:

— А вы бы посмотрели, как работал кузнец Каракыз!

— Где он? — встрепенулся Щербаков.

— Помер.

— Эх, жаль!.. Побольше бы нам хороших мастеров. Дайте знать всем старым шахтерам, пусть воз-

вращаются на промысел. Только пусть захватят с собой кайла: инструментов у нас не хватает.

— Да они и сами не оставят. Обеспечьте им жилье, все остальное само собой наладится.

Его маленькая мастерская завалена кусками ржавого железа, старыми тупыми кайлами. Во дворе сарая валяются сломанные вагонетки, тонкие рельсы. Здесь, в сарае, механик Козлов, Лапшин и Коктаинша начали оборудовать будущий механический цех промысла.

Перед сараем остановилась бричка, запряженная парой лошадей. Из нее выпрыгнул толстый, низенький, уже пожилой человек и начал вытряхивать свой запыленный плащ.

— Козлов приехал, — сказал Коктаинша.

— Борис Михайлович, уже вернулись? — крикнул Щербаков. — Раздобыли что-нибудь?

— Да ничего путного там не осталось, — говорил Козлов, выгружая из брички какие-то старые винты, шестерни, обрывки стального троса.

Полуразрушенный Спасский медеплавильный завод, на котором раньше хозяйничали англичане, был расположен в тридцати пяти километрах от Караганды. Козлов съездил туда в надежде раздобыть материалы для механической мастерской.

— Это все, что нашли?

— Есть еще три поломанных локомотива, останки двух камеронов да несколько труб. Их везет Лапшин.

— А на брошенной кулацкой мельнице в Большом Михайловском?

— Что может остаться от англичан да кулаков? — Козлов засмеялся, обнажив корни поломанных передних зубов. — И там хоть шаром покати — ничего, кроме двух изношенных движков. Попробуем из этого старья смастерить что-нибудь. Не сидеть же сложа руки, пока нас выручит железная дорога.

— Зайдемте-ка сюда! — Сергей Петрович повел Козлова, Коктаиншу и Сейткали в соседнее отделение сарая, к спуску в шахту «Герберт».

Щербаков заглянул в темный и глубокий вертикальный ствол шахты, задумчиво спросил Сейткали:

— Какая глубина?

— Около ста метров.

— Ермек говорит, что на дне шахты образовалось озеро.

— Возможно. Воды здесь и раньше было много.

— Надо использовать эту воду для технических нужд. Геолог Чайков говорил мне, что в двух местах обнаружил подземные источники. Их тоже используем. Вот на время нужда в воде у нас и отпадет.

Сейткали изумленно раскрыл рот. Он только и мог сказать:

— Не могу понять! — По его представлениям, воду полагалось брать только в колодцах и реках. — Как же мы достанем эту воду?

— Будем выкачивать машиной.

— А где машина?

— Борис Михайлович сделает.

Козлов покачал головой, звонко рассмеялся.

— Из чего я буду делать машину? Из этогохлама, что ли?

— Это тебе лучше знать. Людям нужна вода, вода! А пока суд да дело, замени-ка вон ту ручную крутилку конным барабаном. Только поживей! — напомним Сергей Петрович. Он повернулся к Сейткали. — С каждым днем наши забои пойдут все глубже. Ручными тачками не обойдешься. Вон во дворе «Герберт» валяются вагонетки, рельсы...

— Да они старые, ни на что не годны.

— Борису Михайловичу пригодятся. Подготовьте их поскорее к спуску в шахту... Да, вот еще: новых рабочих сразу не ставьте к кайлу. Их надо прикреплять к старым рабочим. У таких шахтеров, как, например, Ермек, многому можно научиться.

Этот подтянутый, сдержанный человек говорил спокойно, не торопясь; в его словах не приказ слышался, а отеческая забота о людях.

Отдав распоряжения Сейткали, Козлову и Коктаинше, Сергей Петрович пошел в управление. Шел он медленно, засунув руки в карманы своих широких брюк, шел и размышлял — одна мысль набегала на другую:

«...Совсем мало квалифицированных шахтеров!

Чернорабочих — и тех не хватает. Рабочую силу набираем в колхозах. Люди хотят учиться. Их надо обеспечить питанием, одеждой, жилищем, школами... Производство должно расти. С кошным барабаном, тачкой да кайлом далеко не уйдешь. Нужна механизация... И пока железная дорога не соединит Караганду со всей страной, эти трудности будут оставаться... А сейчас надо немедленно создать местные партийные, советские, профсоюзные организации. Кто поможет в этом? Эх, помощников бы побольше!..»

Среди бескрайной холмистой степи прячется крохотный карагандинский промысел... Кое-где видны разрозненные кучки людей... Медленное, как бы робкое движение.

Очнувшись от своих размышлений, Сергей Петрович остановился, сел на большой камень, вынул из кармана блокнот, положил его на колено и принялся писать:

«Москва. Председателю ВСНХ товарищу К у й б ы ш е в у.

Ознакомился с обстановкой, приступил к работе. Планы начинают проводиться в жизнь. Закладываем три новые шахты. Для исследования качества отправили образцы угля в Донбасс и на Урал. В двух местах нашли источники воды. Местные возможности используем до предела. Но этого недостаточно. Когда придет настоящая помощь — прежде всего железная дорога, развернем широкую работу. Местное население начинает прибывать на промысел. Нужны рабочие-специалисты для обучения недавних кочевников производству. Необходимо создать местные общественные организации. Прошу принять чрезвычайные меры.

Щ е р б а к о в».

Сдав телеграмму в тресте, Щербаков, не задерживаясь, снова вышел на волю, в степь. Сергей Петрович распахнул пиджак. Он шел среди степи, полной грудью вдыхая свежий весенний воздух.

Невдалеке он увидел рабочих, копающих землю, — закладывали новую шахту. Щербаков повернул к ним.

Худощавый подтянутый юноша с светлобронзовым лицом торопливо выбежал из здания крайкома партии. Сердце у него сильно билось. На ходу он пробежал глазами документ, только что врученный ему секретарем. Сверху крупными буквами было напечатано: «Краевой комитет партии...» Этот небольшой лист бумаги был его путевкой в жизнь.

День выдался жаркий, но юноша не сбавлял шагу. Он шел по улице Карла Маркса, местами загромажденной огромными камнями. Некоторые из них были величиною с лежащего верблюда, другие — не меньше юрты. Весной тысяча девятьсот двадцать первого года в окрестностях Алма-Аты разразился небывалый ливень. С гор скатывались бурные потоки, увлекаая в своем течении камни. Следы этого наводнения до сих пор оставались в городе.

Среди камней на улице вилась тропинка, узкая, как заячья стежка. Нетерпеливому юноше надоело идти по ее извивам, и он шел напрямик, перепрыгивая с камня на камень.

Припоминая свою продолжительную беседу с секретарем, он невольно подумал, что путь, по которому сейчас движется Казахстан, похож на эту улицу. Впереди видна выстланная зеленым ковром долина, но на пути к ней залегли глубокие овраги и высокие перевалы...

Наконец он добрался до своей квартиры.

Деревянный дом, наполовину ушедший в землю, в прежние годы, должно быть, был хорош, но во время наводнения покосился. Никто не знал, куда в бурные дни революции исчез его хозяин. Сейчас дом был коммунальный. Но у горсовета до сих пор не дошли руки привести его в порядок. Время было такое: начиная от центра республики и кончая окраинными аулами — всюду как бы шумело новоселье, жизнь еще устраивалась.

Юноша вышел из дому так же поспешно, как и вошел. В руке — чемодан, подмышкой — плащ. Завидя первого попавшегося извозчика, он остановил его:

— На станцию!

Бородатый возница взмахнул кнутом. Под колесами за клубилась едкая пыль. Обшарпанный фаэтон нырял по ухабистой дороге, заставляя седока подпрыгивать на сиденье. До станции — двенадцать километров. По дороге в обе стороны медленно двигались легковые и ломовые извозчики. Машины встречались редко. Высокие тополя, росшие по обочинам, были покрыты пылью, и вершины их словно поседели. Казалось, жара и густая пыль душат все живое.

— Оказывается, Алма-Ата богата не только солнцем и зеленью, но и пылью, — проговорил юноша. Это была единственная фраза, которую он обронил за все время пути.

На станции он расплатился с извозчиком, торопливо вышел на перрон и вскочил в вагон поезда, уже готового тронуться.

Не только наш герой, но и другие пассажиры сидели без билетов. Туркестано-Сибирская железная дорога действовала недавно. Пассажирские поезда еще не ходили, но красные вагоны товарных поездов вмещали всех желающих, и от них не было отбою, несмотря на то, что никто не давал обещания доставить их к месту назначения в срок.

Длинный состав, переполненный людьми, грузом, скотом, скрипя, тронулся с места. Блеяние овец, стоны гармоники, голоса людей — все это напоминало веселую откочевку большого аула.

Опершись плечом о створку вагонной двери, юноша не отрываясь смотрел вдаль. А поезд быстро шел вперед, земля с той же скоростью бежала назад. Только белоголовый Ала-Тау не отставал от поезда. Вершины гор длинными цепями тянулись на восток.

Вдоль железнодорожного полотна, по проселку, двигались люди: пешие, конные, на повозках. Блестящий от загара мальчик, с расплюснутым носом, голым животом, бежал рядом с полотном, стараясь не отстать от поезда. Увидав его, юноша невольно рассмеялся. Вот мальчик задохнулся, отстал. Теперь за вагонами верхом на воле припустился старик; вероятно, он принадлежал к роду жалаир: только у

жалаирцев принято ездить верхом на волах. Подводчик, дремавший на двухколесной арбе, запряженной ишаком, вдруг проснулся и с перепугу стал дрыгать ногами — должно быть, вообразил себя всадником. А ишак, подняв свои длинные уши, повернул голову в сторону поезда, но шага не прибавил. На верблюдах, бежавших рысью, сидели две женщины-казашки, на головах у них колыхались белые платки. Были тут и верховые, на конях, гнавшие во весь опор своих скакунов, — топот копыт сливался со стуком вагонных колес...

«Поезд словно наша новая жизнь, — подумал юноша. — Всех увлекает вперед».

Он взглянул на ручные часы и недовольно поморщился. Все виды транспорта, которыми казахский народ пользовался испокон веков, не могли сравняться по скорости с поездом. Туркестано-Сибирская железная дорога сократила прежний месячный путь до одного дня. Тем не менее нашему герою не терпелось. Путешествие ему предстояло длительное. Не одну сотню километров нужно было еще ехать на лошадях. Необъятному простору казахской степи, казалось, не было конца.

— Эй, сынок, садись-ка перекусить! — окликнули его.

Юноша круто повернулся. Казах с густой черной бородой свободно, как у себя дома, расположился на разостланной в углу вагона кошме. На достархане — белой скатерти, раскинутой поверх кошмы, — лежали лепешки и холодная жирная баранина, а с краю — черный торсук, сшитый из сыромятной прокопченной кожи, — сосуд для кумыса.

— Сполосни руки, светик, — предложила байбише¹ бородатого казаха, подавая чайник с водой.

Юноша вымыл не только руки, но и лицо, и присел к достархану. Только теперь он осмотрелся. В вагоне собрались люди многих национальностей — среди других были тут и узбеки, и уйгуры, и дунганы. Все вынимали провизию и раскладывали ее сообразно своим вкусам и привычкам. Длинноусый старик украинец

---

¹ Б а й б и ш е — пожилая женщина, в данном случае — жена.

достал из самодельного деревянного чемодана буханку хлеба и кусок свиного сала. Худощавый горбоносый пассажир, закусывавший овечьим сыром, был, конечно, сыном Кавказа. А молоденький паренек, только что игравший на гармошке «Галиябану»¹, — несомненно, татарин.

— Сынок, — обратился к юноше чернобородый казах, — есть поговорка: «Чем знать тысячу людей в лицо, лучше знать одного по имени».

— Зовут меня Мейрам.

— Да будет счастливо твое путешествие! Откуда и куда путь держишь?

— Я издалека и еду далеко, — коротко ответил Мейрам, пристально разглядывая лицо собеседника своими серыми глазами. Потом добавил: — Я из Москвы. Там учился. Сейчас, после учебы, еду на работу в Караганду. А ваше имя можно узнать?

— Меня зовут Маусымбай. Происхожу из рода Найман. Едем мы со старухой к Семипалатинску, в гости к замужней дочери... Вишь как поезд резво везет. Ни на каких конях за ним не угонишься. Незаменимый транспорт.

— В колхозе состоите? — спросил Мейрам.

— Пока воздерживаюсь, сынок, присматриваюсь. Люди вступают. И многие середняки уже записались.

— А люди, по-вашему, не присмотревшись вступают?

— У каждого свое соображение, — недружелюбно отрезал старик.

Пытаясь замять нежелательный разговор, он сам принялся расспрашивать своего пытливого собеседника.

— Если ты окончил учение в Москве, то почему не остался там или не нашел себе место в Алма-Ате? Зачем забираешься в такую глушь?

Мейрам усмехнулся. Вначале старик ласково называл его сынком, а вот сейчас пытается ущипнуть. Похоже, в разговоре он не привык стесняться и дает понять: «Хоть ты и в Москве знания получил, но

¹ «Г а л и я б а н у» — популярная народная татарская песня.

колким словам у меня можешь поучиться». Мейрам не стал состязаться в острологии и ответил миролюбиво:

— Это верно, я побывал в больших городах, отагасы¹. Но мне кажется, что жизнь я знаю поверхностно. Хочется заглянуть поглубже.

Маусымбай хихикнул и принялся рассказывать, что случилось с одним его знакомым, пытавшимся поглубже узнать жизнь:

— В нашем ауле живет человек по имени Турман. Вздумалось ему стать акыном. Кто-то ему сказал: чтобы сделаться мудрым акыном, нужно послушать могучий голос бури в степи. И вот, выбрав непогодливый зимний день, Турман ушел далеко в степь, намереваясь побеседовать с бурей наедине. На другой день его нашли почти замерзшим. Так он и не стал акыном, а сделался посмешищем для людей. В жизни, сынок, поверхность и глубина лежат повсюду. Зачем тебе ехать так далеко искать глубину?

На этот раз старик ущипнул еще чувствительней. Но Мейрам не обиделся, только посмеялся над рассказом о незадачливом акыне.

— Правильно говорите, отагасы: всюду найдешь и поверхность и глубину жизни. Мое детство и школьные годы прошли в Караганде. Потом я долго жил в Алма-Ате, в Москве. Но меня все время тянуло в родные места.

— Против этого возразить нечего, — проговорил Маусымбай и, вздохнув, сказал стихами:

На свете места лучше нет,
чем то, где родился,
где юных сверстников твоих
звучали голоса...

— О, вы, оказывается, тоже акын?

— Что мудреного? Любая женщина в минуту разлуки поет прощальные песни. Дар акына проявляется тогда, когда душа человека переполнена и жаждет излиться. А что может вылиться, если перевернешь порожнюю бочку?

¹ Отагасы — здесь: отец, буквально — глава аула (очага).

Беседа со стариком все больше увлекала Мейрама. Старик обладал острым языком и крепкой памятью, знал наизусть творения старинных казахских акынов. Раньше Мейрам черпал знания только из книг, а теперь ему открывалась богатая сокровищница метких слов и мыслей, рожденных творчеством народа. Но Маусымбай плохо разбирался в том, что говорил, не давал себе отчета, что многие старинные афоризмы уже не подходили к новой жизни.

— ...Груда песку не станет скалой. Толпе не дано быть вожаком. От благородного может родиться недостойный, который не заслуживает и чашку похлебки. От худородного может произойти достойный, что, впрочем, редко случается, — изрекал он с непреклонным видом.

— Здесь вы явно противоречите нашему времени, — возразил Мейрам. — Эти изречения высказаны в далекой древности представителями правящих классов.

— Вряд ли в то время люди знали о каких-то классах.

— Да, возможно, и не сознавали, но сами изречения подтверждают, что борьба бедных и богатых имеет давнюю историю. Вот только мы теперь разрешаем вековечный классовый спор, — говорил Мейрам.

Маусымбай изредка бросал на него короткие взгляды, смысл которых можно было определить так: «Видать, парень толковый».

За беседой они не заметили, что вечереет. Поезд стоял на какой-то станции.

— Почему не едем, сынок? Устал паровоз, что ли?

— Должно быть, состав задерживают на станции какие-то дела.

Но Маусымбая не удовлетворил этот ответ.

— Разве они не могут закончить свои дела на обратном пути? Надо же народ довезти до места!

— Наш поезд не пассажирский, а товарный. Если бы для грузов места не хватило, нас и вовсе не посадили бы.

— Разве что так, — сказал старик, смягчаясь.

Мейрам вылез из вагона, чтобы размять кости. Солнце уже спряталось за хребтами, лучи его играли только на скалистых вершинах гор. Прогретая за день земля уже дышала прохладой. Станция расположилась у подножия горы. Впереди лежала широкая степь, позади и по сторонам поднимались голые хребты гор. По их склонам и подошвам змейками скользили реки и ручьи. Вдоль зеленеющих берегов рассыпались юрты. Вокруг новой станции поселок еще не успел отстроиться, но местное население жило здесь уже оседло. Раньше в окрестных аулах кумыс и айран¹ ничего не стоили, теперь они находили хороший сбыт, обернулись красной денежкой. Возле путей всегда толпились женщины казашки. Они ходили с ведрами от вагона к вагону, предлагали молоко, сливки, кумыс. Было слышно бляение овец, выведенных на продажу. Кучка пассажиров уже разделывала тушу барана, купленного вскладчину. Подальше, в долине, виднелись стада и скотные дворы недавно обосновавшегося здесь колхоза.

Некоторое время Мейрам стоял, глядя на аулы, на станцию и на степь, оживленную поездом и людьми. «Степь пробудилась», — думал он.

Медленными шагами он поднялся на небольшую скалу. Заглядевшись на речку, бурно текущую под ногами, он не сразу заметил человека, долбившего снизу скалу. Но вот до слуха Мейрама донесся металлический звук, потом мелькнула искра, высеченная ударом молота. Мейрам спустился вниз и подошел к рабочему. Это был казах, одетый в синюю спецовку. Мельком взглянув на Мейрама, он продолжал долбить зубилом скалу. На ее поверхности одна за другой возникали одинаковые луночки, похожие на гнезда стрижей.

— Откуда ты, приятель? Почему в одиночку долбишь?

— Здешний. Помощники в моем деле не нужны.

— Видать, не для забавы работаешь. Твои гнез-

---

¹ Айран — напиток, приготовленный из кислого молока и воды.

дышки расположены с расчетом. Кто научил тебя этому?

— Наш техник подрывного дела, Василий Петрович.

— А для чего долбишь?

— Рвать будем. Камень для железной дороги нужен. Всюду стройка идет.

Рабочий поддерживал разговор неохотно, на вопросы отвечал скупно. Он был погружен в свое дело. Мейрам постеснялся отнимать у него время попусту.

Донесся звонок со станции.

— Хош¹, ровесник! — попрощался он и поспешил к поезду.

В свой вагон он влез уже на ходу. Света не было, в вагоне разлился полумрак. Мейрам прилег, положил голову на чемодан и закрыл глаза.

Со дня отъезда из Москвы прошло уже немало времени. И еще предстоит ехать дней десять. На пути встретятся и прохладные горные долины, и жаркая голая степь, и пастбища, покрытые сочными травами...

Больше всего Мейрама волновали думы о Караганде. Когда же через безводную пустыню протянется к ней железная дорога? Как удастся наладить снабжение производства и населения всем необходимым? А всего сложнее: воспитать трудовую армию — молодой казахский рабочий класс. Все это для Мейрама, недавно покинувшего стены института, — неизведанные стороны жизни, они беспокоят, тревожат. Вспомнились напутственные слова секретаря крайкома: «Партия вам поможет, да и Щербаков — управляющий будущим трестом — человек опытный. А самое главное — вам будет помогать вся страна».

Мейрам и не заметил, как заснул. Впросонках, повернувшись на другой бок, он произнес вслух:

— Сделаем... осилим...

Маусымбай поднял голову:

— Что ты сказал, сынок?

---

¹ Хош — до свидания.

Пятый день Мейрам едет верхом по бесконечной степи. Его чемодан навьючен на быстроногую серую кобылицу проводника. Проводник — казахский парень — в движениях очень проворен. Он не утомимо рассказывает о жизни здешнего населения, о местности. Всадники едут без дороги, напрямик.

— Минуем вот эту балку, перевалим через хребет и напрямик попадем в Караганду, — говорит проводник.

Кое-где среди зеленых холмов виднеются деревянные вышки, над ними клубами вьется дым. Доносятся какие-то бухающие звуки, вокруг суетятся небольшие группы людей.

— Что это за люди? — спросил Мейрам.

Проводник не замедлил с ответом:

— Геологи, ищут уголь. Покоя не знают — роют и роют землю. Уже третий год здесь копаются...

— И много нашли?

— Я спрашивал у одного. Говорит: если в Караганде возьмутся за добычу все роды и племена Казахстана, их дети, их внуки, то и внуки не выберут уголь до конца. Он, конечно, лишнего хватил, но угля здесь много.

— Нет, он преуменьшил, — возразил Мейрам. — Я читал, что угля в Караганде хватит не только детям и внукам, но и правнукам всего советского народа.

Поднялись на холм. Вдали, на возвышенности, показалась одинокая недымящая труба.

— Вот Караганда! — указал на нее проводник.

Среди черневших вокруг аулов и пасущихся стад высоко протянулась в небо лишь труба будущей третьей кочегарки Союза.

У подножия холма, с которого спустились путники, под вышкой работал нефтяной движок, вращавший стальной бур, скрытый глубоко под землей. Машина издавала уже знакомый Мейраму бухающий звук. Сильный дымок, вырываясь из узкой трубы, быстро таял в просторах степи. Возле вышки раскинулась белая палатка, рядом с ней стоял «газик».

Два человека вышли из палатки и направились к вышке. Один из них — русский, средних лет, неболь-

шого роста, одет в плащ-пыльник, другой — молодой казах с энергичным смуглым лицом.

Мейрам соскочил с коня, который пятился от шумной машины, и подошел к этим людям.

Поздоровались и сразу разговорились, словно давно знали друг друга. Русский словоохотливо рассказывал:

— Мы геологи. Меня зовут Анатолий Федорович Чайков, я руководитель разведывательной партии. А этот молодой человек — Аширбек Калкаманов — студент Горного института, проходит здесь практику.

Он презнакомил Мейрама со всеми своими людьми, вплоть до буровиков. Речь его нетороплива, синие глаза остры, движения ловки и быстры.

— А вы куда путь держите?

— В Караганду. Вы, я вижу, уже многое тут сделали, а я только думаю начинать.

— По какой части собираетесь работать?

— Э, об этом одним словом не скажешь!.. Думаю взяться за организационно-массовую работу. Производственной специальности у меня нет, технических наук не проходил. Наш народ, пожалуй, не скоро овладеет техникой.

Чайков добродушно усмехнулся.

— Если жизнь измерять темпами наших разведок, то все далекое окажется близким. Вот мы приехали из Ленинграда три года назад и за это время столько открыли здесь богатств, сколько разведчики английских и русских капиталистов за все годы своего хозяйничанья не сумели сделать.

Мейрам слегка покачал головой и улыбнулся. Чайков возбужденно допытывался:

— Чего улыбаетесь? Или я не правду сказал?

— Это хорошо, что мы так стремительно движемся вперед. Но, я думаю, для Казахстана и этого недостаточно. Если в прошлом Россия отставала от более развитых стран на десятки лет, то казахский народ отстал на сотни. Нельзя забывать этого.

— Вы хотите сказать, что нужно еще ускорить темпы? Правильно говорите, правильно! — подхватил Чайков. Лицо его оживилось. — Как бы ни отставал

казахский народ в прошлом, теперь он быстро двинулся вперед. Вы не знали в Москве геолога Каира Аманбекова?

— Знаю немного понаслышке.

— О, замечательный человек, золотая голова! Мой хороший друг. Мы с ним вместе воюем с некоторыми консерваторами из нашего главка. И не только из-за темпов воюем. Они все хотят доказать, будто карагандинский уголь не коксуется и его невыгодно добывать. А вышло по-нашему!

— Я немного слышал об этом.

— Мы одолели в этом споре. Иначе и быть не могло. Да какие только богатства не скрыты в Казахстане? Уголь, железо, золото, медь, нефть... Мы с Аманбековым как бы соревнуемся, открывая эти сокровища. Все-таки Аманбеков опередил меня. Он доказал, что по богатству некоторыми рудами Казахстан занимает одно из первых мест в мире. А я только одно доказал — что по углю Караганде принадлежит третье место в Советском Союзе. А разведал пока лишь эти вот места! — сказал Чайков, обводя рукой вокруг себя.

Перед ними один за другим далеко протянулись волнистые холмы, покрытые густым ковылем, и низины, поросшие травами. И конца им не видно. На вершинах холмов чернели вышки, над движками вились дымки.

Мейрам спросил:

— Сколько же миллиардов тонн вы нашли?

Чайков усмехнулся.

— Не будем копать в кармане государства.

— Извините, если не к месту спросил.

— Только успевайте добывать уголь, а найти его мы сумеем. На месте этих вот наших движков за годы сталинской пятилетки поднимутся в казахской степи трубы больших заводов. Тогда и среди казахов широко разовьются научно-технические знания, о которых вы сейчас мечтаете. Такие товарищи, как Аширбек, уже владеют ключом к изучению природы и смело пускают его в дело.

Аширбек не вмешивался в беседу. Он казался

человеком замкнутым. Низко согнувшись, он рассматривал образцы пород, добытые из недр. Разноцветные столбики глины были расставлены в ряд. И на каждом он ставил соответствующую надпись.

Чайков показывал на образцы и объяснял, не глядя на надписи:

— Бурый уголь, антрацит...

— А чем они отличаются друг от друга?

— Главное отличие в содержании углерода. Чем больше углерода, тем выше качество угля. Карагандинский уголь — высококачественный, коксующийся.

Беседа была прервана неожиданным происшествием. Проводник Мейрама все время крутился около «газика». Разглядывая его и ощупывая, он нечаянно нажал на кнопку гудка. Конь Мейрама, фыркнув, метнулся в сторону, оборвал повод и ускакал в степь. Проводник побежал вдогонку. Но поймать испуганную лошадь было не так-то легко.

— Будь ты неладен, вот и остался пешим! — с досадой воскликнул Мейрам.

Чайков успокоил его:

— Ничего, поймает... В здешних местах машина пока редкость. Но вот увидите, года через два этот ваш паренек будет править рулем, как поводом коня. А пока садитесь, я вас довезу.

— Ну что ж, спасибо. Придется взять «подводу» в вашем ауле. До свидания, товарищ Аширбек!

Аширбек поднял голову, молча кивнул и снова склонился над образцами пород. За все это время он так и не проронил ни одного слова.

Чайков и Мейрам сели в «газик» и тронулись в путь, продолжая беседу.

В степи кое-где зеленеют заросли карагана¹, всюду видны бугорки возле сурочьих нор. Сурки пасутся табунками. Грызуны очень осторожны: еще издали завидя машину, они торопливо убегают, смешно подпрыгивая. Вот толстая самка с детенышами подбежала к норе, поднялась на задние лапки и пищит, как бы дразня: «А нуте-ка, попробуйте поймать!»

---

¹ К а р а г а н — кустарник.

Тем временем Чайков продолжал свой рассказ о Караганде:

— Вы, наверно, знаете, что еще в тысяча восемьсот тридцать третьем году вот в таких сурочьих норах молодой пастух Аппак Байжанов нашел карагандинский уголь. Пастух и не знал, что такое он нашел. Пришел в аул, показал старикам, те тоже подивились...

— Вряд ли было так, — возразил Мейрам. — В казахском языке издавна существует слово «комир», по-русски — уголь. Слова в народе зря не употребляются. Кроме того, в Казахстане издавна бытует поговорка: «Не считай уголь пустяком, он плавит железо». Если молодой Аппак не знал, что нашел, то старики должны были догадаться.

— Может быть, и так... Тем не менее волостной старшина Тати, владелец земель, где был найден уголь, продал эти земли русскому предпринимателю Ушакову всего за двести пятьдесят рублей.

— Высокая цена, — насмешливо заметил Мейрам.

— По-вашему, Тати продешевил? Но зато Ушаков в тысяча девятьсот четвертом году продал свои владения французскому капиталисту — сыну президента Карно уже за семьсот шестьдесят шесть тысяч рублей. Через два-три года Карно, в свою очередь, сбыл земли английским капиталистам. Так в течение века и переходили из рук в руки казахские угленосные земли. — Чайков указал на трубу, одиноко торчавшую на возвышенности: — Вот и все, что осталось здесь после англичан. Революция выгнала их с казахской земли...

Многое из того, что рассказывал Чайков, Мейрам уже знал из книг, из разговоров с алма-атинскими руководящими работниками, однако слушать геолога было интересно. Чайков мог рассказывать о Караганде без усталости. Теперь Чайков перешел к разведывательным работам.

— Эти места в двадцатом году посетила экспедиция Александра Александровича Гапеева. Он-то и открыл неисчислимые залежи карагандинского угля, доказал его свойство коксоваться. Ни русские, ни английские капиталисты не сумели исследовать глубокие недра земли. Добывали они уголь бесхозяйственно,

хищнически... Гапеев, вернувшись из экспедиции, доложил, что Карагандинский бассейн имеет мировое значение. Мы с Каиром Аманбековым, да и многие другие, считаем себя учениками Гапеева, — гордо добавил он.

— По-моему, вы давно вышли из поры ученичества, — пошутил Мейрам.

Чайков весело рассмеялся.

— Если бы так, то мы были бы совсем неспособными учениками! Мы уже исследовали площадь в пять раз большую, чем Гапеев. Угля нашли в два раза больше. Теперь богатства Карагандинского бассейна уже ни у кого не вызывают сомнений. Но вот находятся «ученые», которые все еще оспаривают коксующиеся свойства здешнего угля. Странно это, Мейрам Омарович! И самое странное в том, что нашим расчетам и открытиям не верят некоторые работники главка.

— Пусть не верят. Народ верит, а это главное! — сказал Мейрам.

— Это верно! — согласился Чайков. Он снял левую руку с «баранки», протянул ее вперед. — Все эти люди, расселившиеся вокруг шахтной трубы, не пришли бы сюда, если бы не верили в наше общее дело!

— Верно, очень верно вы говорите! И нам предстоит оправдать это доверие... Люди приехали, но у них нет ни опыта добычи угля, ни технических знаний... Только русский народ может подать нам братскую руку помощи.

В глазах Чайкова вспыхивали огоньки радостного оживления, он слушал с большим интересом. Иногда нетерпеливо прерывал Мейрама.

— От ваших слов веет бодрым ветерком. Не все местные работники так рассуждают. Вот я беседовал с Жаппаром Султановым. Неглупый человек... Но не верит он, чтобы казахский народ был в силах освоить производство.

Мейрам нахмурился.

— Неудачный пример. Слышал я про этого Жаппара. Когда-то он был здесь одним из руководящих работников, но увяз в болоте национализма, оппортунизма.

Его перевели на работу в Акмолинск. Посмотрим, что у него там получится...

Впереди, на дороге, показался громоздкий рыдван, запряженный лошадей. За подводой шагала привязанная к ней корова. Вдруг рыдван накренился набок — с оси слетело колесо. Мужчина и женщина соскочили с повозки, начали поднимать ее кузов. Их настигли легкие дрожки. Из дрожек вышел мужчина могучего телосложения. Легко приподняв рыдван, он надел колесо на ось, потом сел на свои дрожки и отправился дальше.

— Управляющий трестом Щербаков, — сказал Чайков. — Как, догоним его или позже познакомимся?

— По всему видно, он торопится. Не будем его задерживать.

— Энергичный, умный, деловой человек. С группой помощников приехал из Донбасса. После их приезда оживать начала мертвая Караганда! Вон те точки, чернеющие на холмах, — это вновь заложенные шахты...

По дороге непрерывно двигались караваны подвод, в степи пасся скот; местами густо, местами в одиночку стояли юрты, черными курганами поднимались старые отвалы породы и шлака.

Машина мчалась вперед. Поселок уже близко. Чайков спросил:

— Где думаете остановиться?

— Здесь живет рабочий Сейткали. Он знает меня с детства.

— Я знаю его. Сейчас работает десятником. Вон в том бараке живет.

Машина остановилась. Возле одного из приземистых барачков, оставшихся со времен англичан, сидел мужчина с желтым лицом, скручивая папироску из махорки. Взглянув на подъехавших, он быстро встал, воскликнул басом:

— Уж не Мейрам ли? Подойди ближе! Сколько лет не виделись!

Он обнял Мейрама, стал целовать. Их объятия затянулись надолго, расспросам не виделось конца. Чайков торопился.

— Разрешите, Мейрам Омарович, попрощаться...
Меня ждет степь.

— Спасибо, Анатолий Федорович! Спасибо за рассказы. Хоть здесь и родные мои места, но вы о них знаете больше, чем я. Обещаете новую встречу?

— Не меньше вас ее хочу.

Чайков уехал. Сейткали повел Мейрама в дом.

Глава третья

Назавтра, едва взошло солнце, Мейрам вместе с Сейткали пошли к Щербакову.

На небе — ни облачка, в воздухе — ни ветерка. День обещал быть жарким, душным. Воздух насыщен острым запахом угля. Из механической мастерской доносились резкие удары молота. Возле первой шахты работала группа людей: одни поднимали уголь бадьей на поверхность, другие грузили его на тачки, везли и сваливали в кучи. Неподалеку, на холме, лениво бродили коровы.

Мейрам, несколько лет проживший в многолюдной, бурной Москве, почувствовал смущение перед тем, что увидел здесь. Маленький поселок, кустарная шахта. По склонам холмов выются дороги, поросшие травой — так мало по ним ездили. Сейчас по этим дорогам, поднимая пыль и приминая траву, тянутся караваны. В соседней низине, богатой пастбищами, рассыпались аулы, кольцом окружившие Караганду.

— А все-таки оживает степь! — проговорил Мейрам. Он шел неторопливо, внимательно присматриваясь ко всему.

— Прибавим-ка шагу, а то, пожалуй, не застанем его, — поторопил Сейткали. Он продолжал разговор, начатый еще дома: — Щербаков — опытный в нашем деле человек, хорошо знает шахту.

Они подошли к невысокому каменному дому под новой, недавно перекрытой крышей.

У дверей стояли лелкие дрожки, запряженные гнедой лошастью. На дрожках, напевая вполголоса, лежал молоденький кучер казах.

— Видишь, Щербаков собирается уезжать, — сказал Сейткали.

Он хотел было открыть дверь, но Мейрам задержал его руку и постучался.

— Прошу, войдите! — слышался из-за двери густой голос.

Щербаков сидел перед грубо сколоченным непокрытым столом в одной рубашке и брился. Он легко встал навстречу пришедшим, сказал:

— Здравствуйте, добрый день!

Мейрам протянул руку, назвав себя:

— Мейрам Омарович Омаров.

— Очень рад. Сергей Петрович Щербаков. Прошу садиться. Извините, пожалуйста, сейчас закончу.

Лицо у него намылено, рукава рубашки засучены, ворот распахнут; лоб широкий, выпуклый, подбородок крутой; сильные, мускулистые руки ниже локтей поросли черным волосом. Он с первого взгляда производил впечатление человека живого и радушного.

На столе, рядом с маленьким зеркальцем, в рамке под стеклом — фотография женщины лет сорока на вид. Глаза у нее веселые, умные; смотрит так, что кажется, вот-вот услышишь от нее приветливое слово.

К карточке прислонен заклеенный конверт. Мейрам невольно прочел адрес: «Москва... Антонине Федоровне Щербаковой». Значит, жена. В небольшой комнате, с куполообразным, как в юрте, низким потолком, вещей мало: простая железная койка, стол и большой чемодан, на дверном косяке висит шахтерская лампочка. Мейрам подумал: «Должно быть, из старых большевиков, подпольщиком был — на всю жизнь привык к скромной, походной обстановке».

Мейрам не ошибся в своей догадке. В Коммунистической партии Сергей Петрович состоял с 1914 года. В волосах его уже густо пробилась седина, хотя ему недавно минуло только сорок пять лет. Тридцать два года тому назад его отец, шахтер, Петр Алексеевич, во время забастовки рабочих на одной из шахт Донбасса был ранен полицейской саблей. Бородатый,

могучего сложения, он, не обращая внимания на льющуюся кровь из рассеченного левого плеча, поднял кулак и громко крикнул:

— За нашу кровь оплатите кровью!

В это время Сережа возвращался из школы. Подмышкой у него вместе с книгами была рогатка. Мальчика охватила жгучая жалость к отцу и ненависть к длинноусому полицейскому, сидевшему на рыжей лошади и с криком «разойдись» размахивавшему саблей. Сережа вскинул рогатку, прицелился. Гайка, пущенная меткой рукой, попала полицейскому в лицо. Он схватился за гриву коня и припал к луке.

Через год Петр Алексеевич умер. После него остались два сына и дочь, самому старшему — Сереже — было четырнадцать лет. Тяжелые времена наступили в семье. Сколько раз в сумерках, в холодной комнате, молчаливо сидели вокруг матери полуголодные ребяташки. Завтра не на что купить хлеба. Печален был кареглазый Коля, еще недавно такой непоседливый; всхлипывала шестилетняя Светлана, забыв свою резвость и говорливость.

Однажды Анна Никифоровна, женщина смуглая, спокойного и твердого нрава — лицом и характером Сергей пошел в нее, — со вздохом сказала:

— Придется тебе, Сережа, ученье бросить. В семье ты самый старший, заботы ложатся на тебя.

Был у покойного Петра Алексеевича верный друг, хотя и младше его, — слесарь Борис Михайлович Козлов. Он-то и помог Сергею устроиться на работу в шахте.

Серьезный, с виду медлительный, неразговорчивый подросток впрягся в шахтерскую лямку. Начал он с разносчика ламп, потом стал коногоном. Был он и саночником в низком грязном забое — ползал на четвереньках и возил тяжелые сани, груженные углем. В восемнадцать лет Сергей взял в руки кайло, его называли забойщиком.

Каторжная жизнь, горе семьи научили его многое понимать. Он уже знал, что не вырваться ему из темного забоя, не увидеть света до тех пор, пока и шахтой и жизнью рабочих распоряжается капиталист.

Только в борьбе с хозяевами шахтеры добьются лучшей доли. И когда Борис Михайлович впервые позвал Сергея на собрание подпольного кружка, юноша охотно пошел.

Война 1914 года застала Сергея уже большевиком. На фронте он распространял антивоенные листовки, был активным партийным агитатором.

А в начале гражданской войны Сергей Щербаков вступил в Пятую армию, которой командовал Ворошилов.

Страдное было время. Немецкие войска захватили Украину, Донбасс. Тысячи народу — женщины, старики, дети, крестьяне, шахтеры — в длинных железнодорожных эшелонах под защитой отрядов Пятой армии направились к Царицыну, который под руководством Сталина мужественно оборонялся от белых полчищ. По широкой донской степи, как река в половодье, двигались массы людей. Наскакивали и разрушали путь белоказаки, нажимали вооруженные до зубов интервенты, мучили зной, жажда в степи. Все пересиливали бойцы молодой Советской республики. Одни чинили разрушенную линию, другие отбивали наскоки врага.

Сергей Щербаков был в шахтерском отряде, командовал взводом. Подошли к реке. Мост взорван. Вот-вот интервенты возьмут Пятую армию в кольцо. Ворошилов приказал рыть окопы, обороняться и тем временем восстанавливать мост. Люди взялись за работу. Их то и дело обстреливали немецкие самолеты. Некоторые бойцы стали падать духом — бросали лопаты, разбегались. Тщетно Сергей с другими коммунистами старались навести порядок у себя в отряде — уставшие от боев и походов люди плохо слушались.

Щербаков отвел в сторону Бориса Михайловича Козлова, который тоже был в отряде.

— Что делать? Дисциплина падает.

Козлов по привычке задумчиво почесал подбородок.

— Да, дело неважное... — Он поглядел на реку. — Осталось только переправиться, и оторвемся от неприятеля...

— Пойду доложу командиру отряда, — оказал Щербаков. — Пусть поговорит с людьми.

— Вряд ли что получится, — покачал Козлов головой. — Что, ты не знаешь нашего командира? Из эсеров, временно пристал к нам. А теперь, кажется, поглядывает в сторону, как бы не переметнулся.

— Тем более надо поговорить, — упрямо повторил Сергей.

Козлов предупредил:

— Ты, смотри, там, в штабе, поосторожнее, а то еще прихлопнут.

Штаб отряда расположился в глинобитном домике, на окраине небольшого поселка. На крыльце трое штабных азартно играли в «очко». То и дело слышались возгласы: «По банку! Деньги на кон, отец дьякон!»

— Где командир? — нетерпеливо спросил Сергей.

— Зачем тебе? — не отрывая глаз от карт, отозвался белобрысый, лет тридцати, военный в распоясанной гимнастерке, из растегнутого ворота которой виднелась тесемка нательного креста.

— Дело есть! — твердо проговорил Щербаков, еле сдерживая злость.

— Командир спит, — сказал один из игроков, в студенческой куртке.

— Не во-время спит. Разбудите.

— Не приказано... Иду ва-банк...

На голоса вышел командир Пастухов, заспанный, взъерошенный, глаза красные. Выслушав Сергея, он сказал неохотно:

— Объяви бойцам, чтобы собирались на митинг. Потолкую с ними.

Он уселся на ступеньки, вынул из кармана кисет, стал скручивать цыгарку. Насмешливо и неприветливо посматривал на Сергея.

— Ну, а ты чего шебуршишь? Тебе что, больше всех надо?

— Я коммунист, — сказал Щербаков. — Болею душой за отряд.

— Из питерских небось?

— Из питерских или донбасских — все равно. Сейчас я командир взвода Пятой армии.

— А если я не признаю командования этой вашей армии? — раздраженно проговорил Пастухов, и толстая его шея вдруг покраснела. — Если меня связывает с нею только железная дорога?

— Не знаю, что вас связывает, а отряд связан с армией одной идеей.

— Хватит болтать! — оборвал Пастухов. — Скажи, чтобы созывали митинг.

На митинге Пастухов повел себя еще более странно, он говорил:

— Я понимаю, вы устали. Слишком далеко ушли от родных мест, бросили свои поля и посевы... Этот безумный поход затянулся...

В отряде часть бойцов были из крестьян, они заволновались:

— Верно! По домам надо!

Сергей стоял в группе коммунистов-шахтеров, тревожно переглядывался с товарищами: становилось ясно — Пастухов предатель.

Не вытерпев, Щербаков выступил вперед.

— А что вас дома ждет? Гайдамаки, немецкое офицерье! Отнимут у вас и поля и посевы!..

— Не перебивай! — крикнул Пастухов. — Пусть люди выскажутся. Тоже большевик нашелся!

Кто-то выкрикнул из группы бойцов:

— Обманули нас коммунисты!

— А вы как думали? — зло поддержал Пастухов.

Сергей оттолкнул его в сторону, протянул вперед руки.

— Товарищи! Видите эти мозоли? Я — забойщик с Донбасса. Разве рабочие могут обмануть крестьян? Разве у нас не одна доля? Разве у нас не одни враги — помещики и капиталисты? А если пойдем врозь, перебьют нас!

— Это наш Сергей, забойщик! — слышались голоса шахтеров. — Ему можно верить, правду говорит.

— А вот этот человек, — указал Щербаков на командира отряда, — провокатор, эсер! Он хочет предать наш отряд белым.

Пастухов выхватил наган, вскинул, но Сергей одним ударом сбил его с ног, крикнул шахтерам:

— Вяжите предателя!

И снова обратился к бойцам:

— Товарищи, я нарушил воинскую дисциплину — ударил командира. Расстреляйте меня на месте, если я неправильно поступил.

— Предателя Пастухова надо расстрелять, а не тебя! — загремели шахтеры.

— Принимай командование отрядом! — предложил Козлов.

Таков был Сергей Петрович Щербаков, с которым только что познакомился Мейрам, такова была его жизнь в прошлом.

Кончив бриться, Сергей Петрович надел пиджак, подсел к гостям.

— Теперь можно и поговорить.

— Вот, пожалуйста, — Мейрам протянул ему документ, выданный краевым комитетом партии.

Щербаков надел очки, прочел бумагу. Быстро сдернул очки, голубые его глаза улыбнулись.

— Хорошо! Очень хорошо!.. Много у нас всяких нужд... Но самая большая — нужна местная партийная организация. Не оформлена еще. Пора, пора оформлять! Дело мы большое затеяли, без помощи партийной организации его не выполнишь.

— Сколько у вас сейчас коммунистов? — спросил Мейрам.

— Около десяти человек. Но народ прибывает непрерывно.

— А как едут люди — самотеком или организованно?

— В большинстве едут организованно. Районы получили указания о наборе рабочей силы. В колхозы посланы типовые договоры. Уполномоченные от районов уже выехали в аулы. Председатель нашего Тельмановского райисполкома, товарищ Канабек, очень помогает нам.

— Сколько сейчас здесь народу?

— Около трехсот человек. А когда мы приехали, было не больше тридцати—сорока.

— Триста человек... Это на какое число данные?
— Сведения я получил три дня назад.
— Судя по тому, что я видел, народу стало больше.
— Возможно. Народ прибывает день и ночь, —
ответил Сергей Петрович. — Вы, кажется, вчера при-
ехали?

— Да, вчера.

— Где устроились? Тесновато у нас, непригляд-
но...

— Остановился я у Сейткали, но у него семья боль-
шая. Сейткали предлагает мне перейти к Ермеку.

— Резонно. У Ермека в семье только двое. Один
или с женой приехали?

— Я холостой, — улыбнулся Мейрам.

Щербаков громко рассмеялся.

— Ну, это дело переменчивое. Но сначала нужно
квартиру построить. Без жилья семейным здесь трудно.
Моя жена пока в Москве живет. С чего же думаете
здесь начать?

— Если разрешите, я спущусь в шахту — еще ни
разу не бывал под землей. Потом собираюсь познако-
миться с здешними аулами, съезжу в район.

— И это резонно. Осмотритесь, освойтесь... — Сер-
гей Петрович замолчал, не решаясь сказать, что у него
уже нет времени на беседу.

Мейрам понял это, сказал:

— Вам, вероятно, нужно в новые шахты. Пожалуй-
ста, не задерживайтесь из-за меня. Сейткали покажет
мне все.

— Вот и хорошо. Мне в самом деле нужно торо-
питься...

Они втроем вышли из комнаты, пошли к первой
шахте. Увидев их, рабочие, поднимавшие бадьей уголь,
перекинулись словами:

— Кто это идет с Щербаковым?

— Говорят, вчера из края приехал.

— О, теперь не только из края, из **Москвы** стали
приезжать.

— А что ты думаешь! Слава о Караганде теперь
загремит.

Щербаков остановился возле ворота, широко рас-

ставив ноги. Закурил толстую изогнутую трубку и, выпустив клуб дыма, сказал:

— Еще до нас Ермек и другие рабочие пустили в ход эту шахту. Меняли уголь на хлеб и мясо в аулах. Этим и жили, а шахты не покидали. Надеялись, что оживет промысел. Вот и дождались... Посмотрите, этот ворот нам в наследство от англичан остался. Прimitив, кустарщина... Все это барахло надо менять, механизировать... Поговорим об этом завтра подробно, приходите в трест.

Щербаков торопливо пошел к дрожкам.

Перемазанные углем рабочие продолжали крутить ручку ворота. Несколько человек нагружали уголь на подводы, запряженные верблюдами.

— Берите с края, не топчите уголь, не вражье добро! — басом прогудел десятник Сейткали.

С виду он был строг, резок, но рабочие любили его и называли «наш Сейткали».

Десятник повел Мейрама за собою. Бородатый подводчик проводил их взглядом, недовольно проворчал:

— Все придирается. Угля ему жалко!

Худощавый казах поморщился, глядя на него. Потом заложил под язык щепоть тертого табаку — насвая, подержал во рту, выплюнул и ответил:

— Уголь не легко достается. Видишь, с какой глубины вытаскивают его бадьями? Словно из львиной пасти вырывают.

— Будь этот уголь золотом, и то бы не приехал сюда! Потому только и приехал, что кузница в нашем ауле не может без угля.

— Что ж, все эти люди приехали сюда только ради своих кузниц? — спросил худощавый казах, обводя рукой виднеющиеся вдали аулы.

В низине и на зеленых склонах — всюду темнели старые, прокопченные юрты. В аулах — суетня, движение. С подъезжавших подвод сгружали домашний скарб, поднимали верхние деревянные остовы юрт.

Бородатый подводчик долго смотрел на все это, опершись на свою лопату. Сощурился, сказал:

— И промысел пускать трудно, и колхозы строить

не легко. Не знаю, зачем только люди создают себе эти трудности? Жили бы по старинке.

Худощавый рабочий еще раз сплюнул через зубы, сердито взглянул на собеседника.

— Эх, Иса! Ты не знал нужды, как знает ее бедняк, и не испробовал сладости довольства богатея. Потому и бродишь между старым и новым, ни в чем не находя смысла. А все-таки потянулся сюда вслед за другими. И правильно сделал. Разве все, что делают здесь люди, не похоже на великий той¹?

— Так-то оно так, но если все мы разбредемся из колхозов и сделаемся шахтерами — что будем есть?

— А если все сделаемся колхозниками, кто будет добывать уголь? Без угля разве проживешь? Каждый должен делать свое дело.

— Не знаю. Что-то жизнь стала вертеться, как колесо, — сказал Иса и тронул свою подводу.

Сейткали и Мейрам стояли у спуска в шахту. Десятник увлеченно рассказывал, что добыча угля увеличивается. Мейрам слушал недоверчиво, не разделяя радости Сейткали.

— Пока что хвалиться нечем.

Сейткали вспыхнул:

— Ты только вчера приехал и еще ничего не знаешь. Ведь промысел лежал как мертвый, а вот теперь воскрес и начал давать уголь. Сегодня сто бадей подняли!

Мейрам не стал спорить. Опершись руками на загородку, он заглянул в глубину колодца — вертикальное углубление, все четыре стены обшиты шпальником, темную бездну не пробить взглядом. Время от времени из глубины доносится протяжный голос:

— Ай-да-а!

Услышав этот зов, бадейщики принимаются вертеть ручки ворота.

— Кто это кричит? — быстро спросил Мейрам.

Сейткали открыл крышку спусковой лестницы возле колодца, пригласил:

— Пошли. Там все увидишь.

¹ Той — торжество.

Мейрам ступил на узкую, рассчитанную на двух человек, лестницу, входящую вглубь шахтного колодца. При слабом свете чадившей шахтерской лампы ничего под ногами не видно. Сейткали спускался по отвесной лестнице так уверенно и проворно, будто шагал по ровной земле. Мейрам почувствовал большую слабость в ногах, во всем теле; он переступал со ступеньки на ступеньку согнувшись, словно сзади кто-то подталкивал. Лампа в его руках вдруг погасла. На лбу выступил пот, сердце застучало часто и сильно. Он пытался овладеть собой, но это ему никак не удавалось.

— Подожди, отдохнем немного, — попросил он.

Но в эту секунду нахлынул полный мрак — не видно ни Сейткали, ни его лампы.

«Куда это он нырнул?»

Мейрам тревожно посмотрел вниз. Там едва мерцали светлые точки, похожие на искры гаснущего костра. Тогда он глянул вверх. Высоко над головой был виден маленький, как звезда, просвет. А вокруг разливался полный мрак, и невозможно было ничего различить.

— Сейткали, у меня голова кружится. Да где ты? Неужели вниз свалился?

— Я да чтобы свалился! — крикнул Сейткали совсем рядом с Мейрамом, и сразу вспыхнул свет его лампы.

— Откуда это ты вынырнул?

— Здесь стоял, тремя ступеньками ниже, только укрыл лампу полкой плаща. Ну что, растерялся?

— Ты и раньше был охотник до шуток. Все еще не бросил своей привычки?

— Разве привычки изменяются?

— Всё можно изменить.

— Все ли? Вот попробуй-ка измени Байтена.

— Кто такой Байтен?

— Старый шахтер. Но вместе с тем и лодырь не последний. Всех новичков ревнует к Караганде, а сам больше языком треплет.

— В Караганде не только Байтену и казахам, но и другим народам страны хватит места, — ответил

Мейрам. Здесь, в темноте, ему не хотелось много говорить, он только спросил: — Что это там внизу?

— Лампы шахтеров.

Немного отдохнув, они тронулись в дальнейший путь. Чем глубже спускались, тем ближе становилось светлое мерцание внизу; стали доноситься какие-то глухие звуки. Когда они прошли девять лестниц и начали спускаться по десятой, под их ногами раздался крик:

— Ай-да-а!

Сейткали объяснил:

— Это старый шахтер Исхак кричит. Подает уголь на поверхность. Его голос мы и слышали наверху.

Достигли наконец дна колодца. Мейрам словно вступил в неизведанный мир. Пространства в выемке было не больше, чем внутри юрты. Наверху светилось маленькое отверстие, в окружности своей тоже на взгляд равное конусу юрты. Слабый свет, проникающий через это отверстие, часто заслоняли бадьи, то спускающиеся, то поднимающиеся вверх. В правой стороне выемки зиял подземный ход высотой в рост человека. Стенки этого коридора сложены из угля, при свете ламп он отливал сверкающим блеском. Потолок густо застлан шпальником, подпертым с обеих сторон у самых стенок деревянными стойками. Голоса тачечников, сновавших по темному ходу, скрип и лязг тачек, угольная пыль — все это вместе создавало какую-то фантастическую картину.

Мейрам, приглядевшись, сказал:

— Должно быть, не дешево обошелся этот колодец! Сколько времени, сил и здоровья на него потрачено!..

Исхак слушал и кивал головой. Но он и не думал соглашаться.

— Ты кто такой будешь, что-то не узнаю? — спросил он, вглядываясь в Мейрама.

— Я новый здесь человек, только вчера приехал.

— Молодой и только что приехал? Понятно! По незнанию так говоришь. Раньше рабочие проливали свой пот ради англичан и подрядчиков. Тогда мы таскали сани на четвереньках, по колено в грязи, да еще сверху на нас стекала грязная вода. Хозяева всякой

неправдой отрывали у нас часть нищенского заработка, который мы добывали с таким трудом. А теперь мы для себя работаем, никто нас не смеет грабить. Если же не заработал — сам виноват.

Мейрам, не спуская глаз, смотрел на Исхака. У этого человека была редкая борода, глубокие морщины избороздили его худощавое лицо. Он успевал один отправлять наверх весь уголь, который подвозили тачечники. Наполнив бадью, Исхак громко подавал голос. Другой на его месте и один раз не смог бы крикнуть так заливисто. Каждое движение старого шахтера говорило о его большой внутренней силе. Силы этой, казалось, хватило бы на то, чтобы свернуть огромный хребет Ит-Жона¹, скрывшего в своих недрах неисчислимыe запасы угля.

— Агай², — обратился Мейрам к шахтеру, — очень хорошо вы мне ответили. Я вижу, сердце ваше горит во много раз ярче, чем эта лампа.

Все, что пришлось ему увидеть со вчерашнего дня на промысле, оставило в нем нерадостное впечатление. Слова Исхака переломили настроение Мейрама, вселили бодрость. Мейрам сказал Сейткали со всей искренностью:

— Трудности нам предстоят большие. Но с такими людьми, как Исхак, ничто не страшно. Ты слышал, как он мне ответил?

— Ответил как надлежит. Ты думаешь — он только что приехал из аула? Нет, он старый шахтер. Настоящий шахтер не может говорить иначе.

— Много у тебя шахтеров?

— Около тридцати.

— Сколько из них старых шахтеров?

— Человек пятнадцать.

— Вот когда мы сплотим вокруг них тысячу, дело у нас пойдет! Этот колодец превратится в озеро! Слышал, что говорил Щербаков о будущем Караганды?

---

¹ И т-ж он — буквально: хребет собаки.

² А г а й — уважительное обращение.

Сейткали не ответил. И трудно было понять, согласен ли он с Мейрамом, возражает ему или попросту пропустил его слова мимо ушей.

Добрую сотню шагов шли молча. Потом Сейткали громко заговорил, но о другом:

— Сейчас мы идем по коренному штреку. Уголь подается наружу через этот ход. Видишь эти ответвления направо и налево? По-шахтерски они называются «печи».

Мейрам удивленно посмотрел в лицо Сейткали, словно спрашивая: «Да разве я с тобой о печах говорил?» Но десятник продолжал:

— Уголь жилу имеет. Делать проходку как попало нельзя. Ты забудь это свое словечко «колодец». У нас здесь не колодец и даже не шурф, а настоящая шахта. Что, ты не видишь?

Мейрам понял, что словом «колодец» задел шахтерскую гордость Сейткали.

— Ты мог поправить меня и без обиды.

— Нужно называть каждую вещь своим именем. А ты все «колодец» да «колодец».

— Ладно, теперь всегда буду говорить: шахта.

Сейткали повсеселел, зашагал быстрее. Они повернули направо. Впереди замерцали лампы, слышались глухие удары.

— Куда мы теперь идем? — спросил Мейрам.

— К кайловщикам.

Вскоре они подошли к двум тачечникам. Они сидели, прислонившись к своим тачкам, и дремали. Два кайловщика, голые по поясу, стояли на коленях и наотмашь наносили сильные удары. Спрессованная черная порода блестела, при каждом ударе откалывался кусок не больше коленной чашки. По голым телам рабочих стекали черные струйки пота. Мейрам видел, что работать им трудно. Но Сейткали, насунив брови, принялся бранить кайловщиков:

— Что это у вас за стенка? Точь-в-точь извилистая стенка в аульном дворе! Надо выровнять! А на полу сам шайтан споткнется и упадет. Как же катить тачку? Уголь у вас перемещался с породой. Разве глина станет гореть? Тачечники сидят без дела и ждут.

Сегодня ни одной тачки угля не подали. Куда годится такая работа?

Кайловщики промолчали. Один из них, человек могучего сложения, с острой бородкой, жадно пил воду из фляжки. При скудном свете коптящей лампы сквозь угольную пыль лишь неясно вырисовывалась его могучая фигура.

— Эта окаянная порода тверже камня. А ведь силой я мог бы потягаться с любым силачом, — сказал кайловщик, напившись воды.

Теперь Сейткали смотрел на него с доброй улыбкой, поглаживая свои редкие усы.

— Что, брат, не легко? Разве я не говорил тебе, что рановато братья за кайло? А ты не послушал. Силы у тебя много, ну а смекалки, сноровки нет. Уголь сильнее тебя. Только терпением и сноровкой его одолеешь.

Сказав это, Сейткали повел Мейрама дальше.

Глава четвертая

У кайловщика Хутжана, с которым сейчас говорил Сейткали, была слава силача. На больших состязаниях он не знал себе равных. Уверенный в своей силе, Хутжан, как только приехал в Караганду, сразу попросился в кайловщики. В среде угольщиков профессия кайловщика почетная. Если кайловщик перевыполняет норму, у него и заработок растет и слава. Но далеко не каждый может рубать кайлом. Просьбу Хутжана удовлетворили только из уважения к его силе. Рабочие, поставленные к нему в бригаду, первое время нарадоваться не могли. Но день за днем эта радость увядала. Сегодня они совсем помрачнели. Едва Сейткали и Мейрам ушли, как они в изнеможении опустились на землю.

— Э-э, новенький рабочий — это все равно что в старину пришелец из другого рода, — проговорил наконец один из тачечников.

Это был высокий, черный, словно закоптелый, человек лет сорока пяти. На его лице сильно выдавались

скулы. Десны, что ли, у него зудели или была такая привычка, но он часто жевал челюстями и при этом скрипел зубами. Его маленькие, глубоко запавшие глаза всегда были беспокойны, перебегали с одного предмета на другой. В лицо его почтительно звали «отагасы», а за глаза «Кусеу Кара»¹. Все трое работали в одном забое, но друг друга знали еще мало — недавно приехали на промысел.

— Что зря жаловаться, мы ведь приехали сюда по доброй воле работать, а не чай пить, — сказал один из кайловщиков.

Но Кусеу Кара резко перебил его:

— Согласен хоть на сковородке жариться, только бы не сносить позора! Этот десятник Сейткали своими попреками меня до печенок прогрыз.

Молоденький рабочий, заикавшийся чуть ли не на каждом слове, беспокойно переводил свои карие навыкате глаза с одного товарища на другого. Набравшись смелости, он вмешался в разговор старших:

— С-с-сами виноваты. Только десятника умеем ругать. Вот если бы работали как Ермек, т-тогда и десятник на задних лапках плясал бы перед нами.

Кусеу Кара ошетинился, словно еж:

— Не болтай, заяка! Ишь, смолоду научился языком трепать! Ермек — старый рабочий. Его всегда будут возвышать, а нас — принижать.

Парень вскочил с места. Он густо побагровел, его большие глаза чуть не вылезли из орбит. От гнева он заикался еще сильнее и насилу выговорил:

— Т-т-ты, наверно, к-к-кулак!

— Довольно! — крикнул Хутжан. Громкий голос его эхом прокатился по шахте. — Кулак, кулак!.. За болтовню принялись. Беритесь-ка лучше за инструменты, отваливайте уголь!

Работа шла молча. Смена близилась к концу, но у Хутжана глубина вырубki породы не превышала сорока сантиметров. Этого было слишком мало. Хутжан досадовал: сегодня, как ни старались, бригада дала всего полнормы. Стыд ли его мучил, или в самом

¹ Кусеу кара — черная кочерга.

деле он плохо себя чувствовал, но, закончив подрубку, Хутжан сказал:

— Отваливайте пласт сами. Я пойду. Как-то в борьбе мне повредили бедрную кость. Что-то она у меня сейчас разболелась.

Подрубить забой труднее, чем отвалить пласт. Кусеу Кара легко справился с отвалом. Оба тачечника вперегонки бросились отвозить уголь к бадье. Вероятно, Хутжан еще не успел дойти до дому, когда весь уголь небогатого отвала уже был подан к бадье.

Кусеу Кара заботливо сказал юноше:

— Ты, парень, иди! Я вижу, ты устал. Крепи мы тут вдвоем с Жумабаем поставим. Дождемся десятника, замерим выработку.

Паренек послушался и ушел. Оставшиеся двое принялись ставить крепи. Спустя несколько минут Кусеу Кара сказал своему молчаливому напарнику:

— Эй, Жумабай! Заработком интересуешься?

Пока Жумабай собирался ответить, прошло немало времени. Сначала он развязал шнур, подтянул спадавшие овчинные штаны, завязал шнур потуже. Только проделав все это, он сказал:

— Понятно, каждый приехал, чтобы заработать для семьи.

— Хорош будет заработок от сорока-то сантиметров!

— Ничего не сделаешь. А что до меня — я сил не жалел.

— А ведь денежки лопатой можно загребать.

— Как же это? Научи, дорогой.

— А умеешь держать язык за зубами?

— Если бы не умел, не хранил бы в душе тайну нашего хазрета¹.

— Что за тайна?

— Этого не спрашивай, дорогой. Это у меня глубоко запрятано.

— А если так, то и ты у меня о зареботке не спрашивай.

---

¹ Хазрет — в старом Казахстане видное духовное лицо.

Этими словами Кусеу Кара привел в полное смятение Жумабая. Всегда смирный, как овечка, Жумабай действительно умел держать язык за зубами. «Тайну хазрета», хоть она и была самой обычной проделкой муллы, Жумабай считал важным событием. Раскрыть «тайну» казалось ему делом невозможным, клятвопреступлением. Но выпустить легкий заработок из рук тоже не хотелось. Как быть? Мучась этими противоречивыми мыслями, кроткий Жумабай не знал, на что решиться. От волнения у него даже пот на лбу выступил, он жестоко бранил себя за то, что сболтнул лишнее. Кусеу Кара сразу понял, что творится у того на душе, и сказал:

— Как хочешь. Пеняй на себя.

И здесь Жумабай не выдержал:

— Скажи, дорогой, а ты хозяин своему языку?

— Моя утроба живого верблюда вместит и не извергнет. Не бойся.

— Так и быть, скажу. Да будет угодно землемушке принять мои слова! — начал Жумабай свой рассказ суеверным заклинанием. — Слушай.

В нашем ауле жил один кулак, по имени Амантек. Сейчас его выслали...

На все воля божья, — этот человек, став богачом, взял себе вторую жену. Она была совсем молодая. Звали ее Бибижамал. Эта женщина была воплощением зла. Чуть что не по праву, сейчас же прикидывается больной и знай себе твердит: «Вези меня к хазрету, пусть лечит молитвой». Родом она была из тех мест, где жил хазрет, и, должно быть, не раз лечилась его молитвами.

Однажды Амантек, взяв меня коноводом, повез молодую жену к хазрету, а жил он от нас на расстоянии суток пути. Для хазрета прихватили с собой жирную кобылицу.

Приехали... Жилая юрта хазрета стояла в ауле, а молитвенная юрта — отдельно, в стороне. В нее без омовения никто не входил. Народу собралось много: кто приехал с ночевкой, надеясь, что в течение ночи получит исцеление благодаря близости к хазрету, кто собирался лечиться молитвой, кто приехал за

советом. Когда настала наша очередь, мы тоже вошли к хазрету.

Хазрет был человек средних лет, тучный, носил огромную чалму на голове. Говорил мало, но уж если открывал рот, то слово «аллах» не сходило с его уст. Сидел всегда с опущенной головой. Воля божья, — как только мы зашли и сели, он сразу спросил: «Кто ваш духовный наставник?» Амантек растерялся и сказал второпях: «Приехали просить вас о согласии быть нашим наставником». Хазрет тотчас накинул нам на шею свой пояс, как это полагается в таких случаях, и зачислил нас в свои муриды¹. Амантек отдал хазрету за это свой новый шапан. Бибижамал, сняв с пальца золотое кольцо, положила его перед ним, а я вручил святому складной ножичек — больше у меня ничего не было. После этого хазрет, пощупав пульс Бибижамал, сказал, что лечить ее надо целый месяц.

Амантек, конечно, не мог бросить свое хозяйство на такой долгий срок и остаться с женой. На следующий день он уехал в аул. Я остался обслуживать хазрета и Бибижамал. Хазрет лечил ее в уединенной юрте. Несколько раз в день я подавал им пищу.

Однажды случилась сильная жара. Тунлюк² юрты был закрыт. Я сидел у юрты, думал о своем заброшенном хозяйстве, о семье...

На все воля божья, — вдруг поднялся вихрь, такой сильный, что юрта перевернулась. Все, что делалось внутри, предстало перед моими глазами. Хазрет, не одетый, вскочил на ноги и твердил: «Где моя чалма, где моя чалма?» Бибижамал лежала в постели. Я кинулся хазрету на помощь. Воля божья... ну, чалма хазрета нашлась в постели Бибижамал...

С тех пор прошло много лет. Хазрет выслан как кулак, Бибижамал умерла... Да будет угодно землематушке принять мои слова! Только тебе одному я рассказал об этом.

Происшествие это, казавшееся Жумабаю исключи-

---

¹ Муриды — последователь, послушник «святого».

² Тунлюк — специальный войлок, которым на ночь и в дневную жару закрывают верхнее световое отверстие юрты.

тельным, совсем не удивило Кусеу Кара. Усмехнувшись, он сказал:

— Да ты, как я погляжу, крепок на тайну. Теперь я тебе покажу, что обещал.

Кусеу Кара поднялся с места и, подойдя к одной из крепежных стоек, стер рукавом еле заметную отметку, сделанную на ней карандашом, а на другой стойке провел такую же черточку. Жумабай стоял, разинув рот, ничего не понимая.

— Теперь наша выработка с сорока сантиметров выросла до одного метра, — сказал Кусеу Кара, хихикнув.

Этот жульнический прием не сразу дошел до сознания Жумабая.

В те годы добытый уголь еще не взвешивался: не было для этого ни специального человека, ни весов, ни выверенной вагонетки. В шахте ограничивались простым обмером забоя. Десятник Сейткали, по своей доверчивости и за недостатком времени, частенько поступал так: на стойке, от которой смена начинала проходку, делал пометку карандашом. А в конце смены измерял от этой черты длину проходки. Кусеу Кара подсмотрел этот нехитрый прием. И сейчас перенес пометку на другую стойку, на шестьдесят сантиметров назад.

Наконец Жумабай понял смысл проделки Кусеу Кара. В изумлении он схватился за грудь.

— Ой, как быть, я еще никогда не кривил душой!

— Молчи, глупец! Или ты святее того хазрета?

— Он совершил злодеяние, — взмолился Жумабай. — Ну, а это не будет воровством?

— Какое же тут воровство? — рассмеялся Кусеу Кара. — Ведь уголь — божье добро, а деньги — казенные. Кому принадлежит казна? Таким труженикам, как мы. Разве это воровство, когда сам берешь свое собственное добро?

— А если десятник узнает? Да нас кулаками объявят?

— Ты и в самом деле глупый человек, — с досадой сказал Кусеу Кара. — Я доверился тебе только потому, что мы с тобой живем в одной юрте, едим из одной

чашки. Не хочешь, чудак, приголубить добро, которое само дается тебе в руки! А еще гонишься за хорошим заработком! Какие же мы кулаки? Разве рабочий может быть кулаком?

Не зная, как ему поступить, Жумабай долго чесал затылок. Наконец решился.

— Ну, видно, на все воля божья! Пусть будет по-твоему. Но если что случится, отвечай сам...

Подошел Сейткали. Мельком бросил взгляд на метку, прикинул на глаз проходку.

— Сколько же вы прошли?

— Откуда мне знать? Тебе виднее, — ответил Кусеу Кара.

— Отсюда, что ли, начали?

— Э, кажется, оттуда.

— Должно быть, в нашем силаче Хутжане гордость заговорила, — решил Сейткали. Он измерил проходку. — Вырублено один метр и пять сантиметров. Я давеча не зря пристыдил вас. Видите, что это за сила — гордость!

Глава пятая

Впечатления от забоя Хутжана впервые заставили Мейрама задуматься о производстве. Оказывается, для вырубки забоя нужна не только физическая сила, но и ум, сноровка. Если прославленный силач Хутжан потерпел сегодня неудачу, что можно ждать от рабочих-новичков, которые физически слабее его?

Когда отошли от забоя Хутжана, Мейрам повел такой разговор с Сейткали:

— Ты разбранил людей Хутжана. Возможно, иногда без этого не обойдешься, ну, а помощь? Помощь какую-нибудь ты им оказываешь?

— Какая помощь? Постепенно сами научатся.

— А поскорее нельзя научить?

Сейткали, подумав, сказал:

— Вот Сергей Петрович предложил прикреплять новичков к старым, опытным рабочим, да не соглашаются опытные-то. Ермек принял новеньких в свою бригаду, а другие избегают.

— Почему избегают?

— Новички тормозят работу, уменьшается зарплата старых рабочих.

«Да, причина основательная, — думал Мейрам. — Тут одной агитацией среди квалифицированных рабочих делу не поможешь. С Щербаковым надо посоветоваться обязательно. Он найдет выход. На первых порах и государство должно помочь нам».

Не совсем уверенно он обратился к Сейткали:

— А если не снижать зарплату квалифицированных рабочих, взявших учеников?

Сейткали сразу встал на дыбы.

— А выработка? Что у нас — шахта или школа?

— А тебе не кажется, что шахта не только источник угля, но и школа труда?

Сейткали нахмурил брови, надул губы. Это значило, что рассуждения собеседника ему не по душе и продолжать разговор он не хочет.

Мейрам счел за лучшее промолчать. Что спрашивать с Сейткали? Ни сильными способностями, ни особым умом десятник не отличался. Но он — крепкий характером человек, честный, трудолюбивый. Хоть и вспыльчивый не в меру. «С Щербаковым нужно говорить, больше не с кем...»

Подошли к новому штреку. На этот раз Сейткали шел молча, не давая своему спутнику никаких объяснений. Его губы все еще были надуты, лицо — как заквашенное тесто. Пол в этом штреке был гладкий, как асфальтированный тротуар, под ногами не найдешь ни одного куска угля или породы. Стены гладкие, словно вырублены машиной. Стойки тянутся ровным рядом, как телеграфные столбы. Щели между перекладинами и потолком забиты клиньями. Несмотря на то, что Мейрам попал в шахту впервые, он без объяснений понимал, что штрек пройден опытными, хорошо знающими дело шахтерами.

— Здесь совсем другой порядок, — сказал он.

— Этот штрек разрабатывает Ермек, — отозвался Сейткали.

Они увидели Ермека, стоявшего на коленях. Старый шахтер казался отлитым из стали. Его двухстороннее

стальное кайло, освещенное лампой, при каждом взмахе вспыхивало ярким блеском. Острие инструмента со-размерно било в ту именно точку, куда были устремлены орлиные глаза Ермека. Короткие его пальцы ходили по рукоятке кайла, словно перебирали лады домбры. Тело шахтера покрылось угольной пылью, но было сухо, ни одна капелька пота не блестела на нем. Размах у Ермека особый — не широкий, спокойный. Он размеренно наносил удар за ударом. Молодой кайловщик, работавший рядом с ним, хоть и запыхался от усердия, но сильно отстал. Тачечники и отвальщики тут же отвозили вырубленную породу. Крепильщики быстро подносили заготовленные стойки. Не чувствовалось ни спешки, ни суеты. Работа шла спокойно, ритмично. Сноровистый труд на первый взгляд даже казался медленным, но протекал он уверенно и упорно. Проходка смело вгрызалась в вековую твердыню недр.

Мейрам и Сеткали подошли незаметно и некоторое время молча наблюдали за работой. На лицах обоих можно было прочесть одну мысль: «Если бы везде так работали!» Повернув голову и увидев пришедших, Ермек слегка приподнялся с колен. Рабочие тоже заметили Мейрама и Сейткали, но только обменялись взглядами и продолжали работу.

— Ермек! — воскликнул Сейткали, не удержавшись. — Молодец!

На восклицание Ермек повернулся в их сторону всем корпусом, но не поздоровался — ограничился кивком головы. Он был не охотник до разговоров.

Сейткали остался доволен работой. Он сказал Ермеку:

— Я пройду по забоям. А вы, как только кончится смена, подниметесь вместе с Мейрамом.

И Мейрам остался с Ермеком. Он попытался вызвать шахтера на разговор, запросто расспрашивал его об условиях труда, о шахте.

Ермек отвечал односложно — не так-то легко было расшевелить его. Но мало-помалу он проникся интересом к собеседнику и спросил:

— Кем будете у нас работать? — Это была его

привычка — сначала разведать о человеке, кто он такой, и только потом приступить к беседе с ним.

Мейрам открыто рассказал о своих планах, которыми еще ни с кем не делился, кроме Щербакова.

— Думаю работать в партийной организации.

— Секретарем, что ли?

— Если выберут, и секретарем.

— Может, выберут, — неопределенно ответил Ермак, не высказав своей скрытой мысли: «Почему бы не выбрать? Парень, видать, подходящий».

— Давно работаете в шахте? — спросил Мейрам.

— С десяти лет.

— В каких угольных бассейнах побывали?

— Из Караганды не выезжал.

— Но ведь Караганда последние годы стояла.

— Оставался здесь сторожем.

Но о главном, что так хотелось услышать Мейраму — о методах работы, о добыче угля, — старый шахтер так и не обмолвился ни словом: или скрытничал, или считал, что говорить не к месту.

Вдруг Ермак, усмехнувшись, слегка повел подбородком в сторону забоя и сказал:

— Из сил выбивается, чтобы догнать.

Паренек с широким ртом и какими-то тревожными глазами, часто оглядываясь, орудовал кайлом. Час назад он отставал от Ермака на полметра, а теперь догонял его. Его тревожные взгляды выдавали затаенную мысль: «Если Ермак отвлечется от работы, подольше поговорит, непременно его догоню».

— Кто этот паренек?

— Сами видите — молодой шахтер. Зовут Акым. Думаю, хорошим кайловщиком будет.

— Из новичков?

— Да. Сначала крутил барабан наверху. Щербаков велел мне: «Попробуй дать ему кайло». Я дал. Теперь вижу — в надежные руки попал инструмент.

«Вот что, разговор нужно было начинать с кайла!» — подумал Мейрам.

В это время Ермек подошел к своему напарнику, взял у него кайло, осмотрел, поморщился.

— Разве это инструмент? Уже затупился. Возьми у меня, лучше дело пойдет. А я твоим поработаю.

Акым схватил кайло Ермека, восторженно прищелкнул языком, начал рубать с еще большим усердием.

— Неужели кайло такая уж мудреная вещь? — спросил Мейрам, желая задеть Ермека.

Шахтер покачал головой. И сначала отрывисто, потом словоохотливей стал объяснять. Многое зависит от того, как заострено и закалено кайло, как наносятся им удары — с размаху или коротко. Ермек говорил о штреках, шурфах, лаве... Для Мейрама все это было малопонятно, но он слушал старого шахтера с большим интересом.

— Какое у вас образование? — с удивлением спросил Мейрам.

— Расписаться сумею.

— А знаете, пожалуй, не меньше инженера.

Ермек, слегка поморщившись, отвернулся в сторону, затем пренебрежительно махнул рукой.

— Э, далеко нашему брату до инженера! В школе я никогда не учился.

Он снова опустился на колени и принялся за работу.

С грохотом отвалился пласт угля. Поднялась черная пыль, все заволочло густым туманом. В этом тумане, при тусклом свете ламп, слабо виднелись силуэты людей. Все быстрее стучали топоры крепильщиков, звенели лопаты навалыщиков угля.

Слышно было, как Ермек хвалил Акыма:

— Молодец, мой орленок, молодец!

Паренек отвечал:

— Вы идите, отдохайте, — смена кончилась. Мы тут одни справимся.

Ермек вынырнул из тумана, с довольной улыбкой подошел к Мейраму.

— Этот мой орленок станет отличным кайловщиком! На него можно положиться. Пойдемте.

Когда поднялись на поверхность, Мейрам почувствовал себя так, будто с плеч его свалился тяжелый груз. Он соскучился по светлому, просторному миру! Шел и радостно оглядывался, жадно глотал чистый воздух. Ермек шагал рядом. Должно быть, весенний солнечный день радовал и старого шахтера, — вполголоса Ермек сказал:

— Пожалуй, рановато идти домой.

Они направились в сторону от поселка, поднялись на хребет Ит-Жона. Отсюда простым глазом было видно вокруг на расстоянии дневного пути. Всю зиму на пустынных холмах Ит-Жона, окутанных белым одеялом снега, свирепствовали бураны. Сейчас холмы были выстланы зеленым ковром. Далеко на горизонте хлебробы покрывали узором борозд плодородные поля. Высоко в небе жаворонок неустанно пел свою хвалебную песнь весне. В нагретом воздухе играли призрачные миражи. Временами веял легкий ветерок, подобный колыханию шелковой материи. Земля пестрела ранними цветами.

Мейрам смотрел и не мог оторвать глаз. Кое-где в оврагах и балках еще держались остатки снега. В синеющей мгле маячили горы Семиз-Кыз, Кос-Агаш. Взгляд улавливал и отдаленные вершины Ку-Шоки и Нар-Шоккен. А между хребтами Ит-Жона и Коктал-Жарык простиралась широкая долина. Когда-то в этой долине паслись многотысячные конские табуны волостного старшины — бая Тати. Сейчас там раскинулись колхозные животноводческие фермы. А по склонам долины сбегали колхозные поля. На севере светлой линией протянулась река Нура; берега ее заселены русскими деревнями и казахскими аулами. А в недавнем времени из-за земельных участков возле реки между русскими и казахами происходили стычки. Теперь Нура стала символом содружества народов, горы Жаур и Кожир возвышались над рекой как башни единства.

Мейрам уехал из этих мест в юности, но родина оставила в нем незабываемые впечатления. Сейчас он

как бы вел беседу с каждой сопкой и долиной. Охваченный потоком воспоминаний, он сказал Ермеку:

— До чего хорошо и тепло в родных местах!

— Если бы не было хорошо и тепло, разве я остался бы здесь охранять эту железную трубу! — отозвался Ермек. — Мой отец поселился в Караганде, когда мне было пять лет. С тех пор я не выезжал отсюда. Впервые спустился в шахту десятилетним мальчишкой.

— Вы работали у русских промышленников?

— Хватил горя у русских и у английских. Англичане нанимали рабочих через местных подрядчиков. Те и другие сосали нашу кровь, словно пиявки. Нас освободила только революция, советская власть. Когда англичане сбежали, я остался сторожить промысел.

— Посмотрите, сколько сейчас вокруг промысла аулов! — указал рукой Мейрам. — Каждый день приходят караваны, привозят грузы... К осени Караганда расширится, аулы разрастутся в огромные селения. Зимой трудновато нам придется.

— Да, трудно будет, — согласился Ермек.

В Караганду рекой стекался народ. Все хотели работы. А на промысле не только не было новой техники, но не хватало и старых кайл. Приехавшие недавние кочевники порою не имели над головой кровли. Железная дорога пока дотянулась только до Акмолинска. Удастся ли во-время доставить оттуда на верблюдах и волах материалы, продовольствие, инструменты?..

— Правительство должно помочь нам, — сказал Ермек.

— Это верно, — согласился Мейрам, — только ведь и с нас спросится.

Занятые своими мыслями, они медленно возвращались в поселок.

К столбу, около трубы, был подвешен кусок рельса. Кто-то усердно бил по рельсу увесистой палкой. Резкий звук далеко улетал в раздольный простор степи. Ермек недовольно насупил брови.

— Нашел чем баловаться, чудака!

— Зачем он бьет?

— Да это у нас вместо колокола. Пора шабашить —

пять часов. А этот баловник Байтен и рад стараться.

Мейрам вспомнил: десятник Сейткали уже говорил ему о Байтене.

— Кажется, ваш Байтен любит пошутить?

— В нем всего хватает, — ответил Ермек.

Опрятный барак, стоявший среди покосившихся построек, выделялся недавно покрашенной крышей и побеленными стенами.

— Приехали сюда донбассовцы. Сразу отремонтировали дом и вселились. Я и говорю Байтену: «Большое дело — руки во-время приложить. Надо нам учиться у донбассовцев, они и шахтеры опытные». А наш беспутный Байтен нос воротит: «Белоручки! Им только чистоту наводить в доме...»

Мейрам не мог удержаться от смеха.

— Выходит, кто постарался привести дом в порядок — белоручка, а кто привык жить в плохих бараках — настоящий рабочий?

— У Байтена так получается. А с другой стороны, как над ним смеяться? Ведь он за всю свою жизнь в Караганде не видел, чтобы рабочие жили в хороших домах...

Беседуя, они дошли до барака. Здесь собрались люди, отдыхали после трудового дня.

— Идите умойтесь, — предложил Ермек Мейраму.

— Сначала идите вы, а я подожду здесь.

Ермек отправился на квартиру. Мейрам присел на скамеечке перед бараком. Как новому человеку, ему любопытно было следить за жизнью обитателей поселка.

Подошел немолодой рабочий с взлохмаченными волосами, в сатиновой косоворотке, ворот которой был расстегнут. Остановившись у двери барака, он гордо подбоченился. Стоял и посматривал на рабочих. Это и был Байтен. То ли он был не в духе, то ли привычка была такая, но он сердито дергал усы, ноздри его, и без того широкие, раздувались, глаза беспокойно бегали из стороны в сторону.

— Байтенджан, поругай-ка ты его, — сказала вышедшая из барака старушка, кивнув на подъехавшего

старика водовоза, и сейчас же опять юркнула в дверь.

Худощавый старик, сидя на огромной бочке, запряженной верблюдом, развозил по баракам воду. У каждого барака при его появлении тотчас же возникал шум, начиналась перебранка.

— Эй, старик! — крикнул Байтен. — Сколько тебя ждать? Все ублажаешь конторщиков в белых воротничках?

— В колодце воды не хватает, сынок.

— Раньше хватало, а теперь не хватает?

— А народу-то сколько нахлынуло! Сами пьют, скотину поят.

— Ишь ты, не успели оглядеться, а уже ведут себя хозяевами! Если им нужна вода, пусть сами копают себе колодец. Так и скажи им. А это колодец наш, нам принадлежит, старым жителям поселка.

— Да они ведь тоже приехали работать.

— Знаю, ты всегда за приезжих из аулов стоишь. Сам такой же. Только поглядеть на твоего верблюда, и сразу видно, что ты за птица.

На пронзительный голос Байтена из барака выбежали женщины с ведрами. Возле бочки разгорелся спор.

Вернулся умывшийся Ермек.

— Идите освежитесь.

— Посижу еще немного, посмотрю.

— Эй! — крикнул Байтен водовозу, когда тот тронул своего верблюда. — Если еще раз опоздаешь с водой, в Караганде останется жить только один из нас!

— Вот правильно говорят, что в своем ауле у собаки хвост калачом, — негромко ответил старик, продолжая свой путь.

«Да, маловато здесь порядка, — рассуждал Мейрам. — Повидимому, еще много в поселке от старой Караганды. Вот невежда и грубиян Байтен и пытается верховодить».

Народ у барака все прибывал. Почти каждого Ермек называл Мейраму по имени. Вот этого парня — с потрепанной, о двенадцати ладах, гармошкой в руках — зовут Шайкеном. Тот, что присоединился к

нему — длинноволосый, коренастый парень, — песенник Жолтай.

Шайкен принялся играть. Жолтай затянул песню. Вокруг них скоро собралась молодежь. Вышли из барачных и старые кайловщики: Спан с непокрытой лысеющей головой, чернобородый Аубакир, рябой Байтикен. Старые шахтеры некоторое время помялись возле своих дверей, а потом степенно, поодиночке начали подходить к месту веселья. Лишь Байтен, заложив руки назад, прохаживался в стороне.

Вернулся с работы Сейткали, присел рядом с Мейрамом и Ермеком.

Вечерело, тени стали удлиняться. В безветренном, тихом воздухе весеннего вечера далеко разносились звуки гармошки. Жолтай спел казахскую «Елимай»¹, русские и татарские частушки.

Когда он запел:

Запряг я в плуг пару коней,
Где не берет и четверка... —

Байтен, стоявший в сторонке, не выдержал:

— Эй, ну! Жми!

Кое-кто пустился в пляску. Плясуны хлопали себя ладонями по коленям в такт песне.

— Так, так, жмите! — кричали им. Не удержался даже седовласый Спан.

Это был единственный отдых для души после работы. В поселке еще не было ни клуба, ни радио. Казахскую газету — одну на двоих — выписывали только Сейткали и Жолтай и читали ее по очереди. Газета приходила раз в неделю.

Невеселые мысли бродили в голове Мейрама.

«Здесь, возле барака, люди хоть кое-как веселятся. А неподалеку, на бугре, — старое кладбище. Те несчастные, что лежат там, всю жизнь, не зная ни света, ни отдыха, работали на владельцев промысла». Но стоило ему вызвать в своем воображении картину будущей Караганды, как на душе стало легче.

---

¹ «Елимай» — старинная народная казахская песня.

В небольшом каменном бараке, ненадежные стены которого были подперты бревнами, при англичанах помещался единственный на всю Караганду магазин. Сейчас здесь разместилось управление вновь организованного треста по добыче карагандинского угля.

Сергей Петрович Щербаков сидел за столом и задумался над чем-то, тихо постукивая карандашом. В его черных волосах густо разлита седина. На лице и лбу прорезались морщины, но глаза смотрели молодо. Все движения его говорили о том, что он человек сдержанный. Щербаков взглянул на часы и слегка пожал плечами.

Постучались. Сергей Петрович с неожиданной легкостью поднял со стула свое массивное тело, быстро подошел к двери, открыл. В комнату вошел Мейрам.

— Прошу, очень рад! — сказал Сергей Петрович и, взяв Мейрама под руку, подвел его к столу.

— Извините, опоздал немного, очень поздно лег, — оправдывался Мейрам.

Сергей Петрович обратил его слова в шутку.

— Что ж, молодым людям ночью не до сна.

Мейрам чувствовал себя с ним свободно: Щербаков еще с первой встречи понравился ему спокойной уверенностью человека с богатым жизненным опытом.

— Ну, начнем беседу, — сказал Сергей Петрович. — Времени у нас мало, а работы много. Кто же первый начнет говорить? Волосы у меня хоть и седые, но я, как и вы, очень еще молодой руководитель.

— Кто бы ни начал, одно бесспорно — на «молодость» скидок просить не будем.

— Справедливо сказали, Мейрам Омарович. Если бы нас считали юнцами, к руководству не поставили бы. Что касается возраста, мы с вами вровень идем, хоть я и раньше вас родился.

— Объясните, — попросил Мейрам. — Я что-то не вполне вас понимаю.

Сергей Петрович немногословно рассказал о своей жизни в прошлом. Последние четыре года он учился

в промышленной академии. По окончании курса был направлен в Караганду в порядке выдвижения

— До этого мне не доводилось быть на руководящей работе, но руководителей повидал всяких — хороших и плохих, — добавил он.

— Начинайте разговор вы, — предложил Мейрам. — Вы уже успели осмотреться здесь, да и опыта у вас больше, чем у меня.

Сергей Петрович, неторопливо набивая табаком трубку, заговорил:

— Если до конца пятилетки мы зложим основу «третьей кочегарки» и свяжем ее с Уралом, то можно будет сказать, что мы выполнили порученное нам задание...

Он положил трубку на краешек стола, взял с подоконника кусок угля, встряхнул его на ладони:

— Вот оно — золото! Оправдались наши надежды... Мы получили результаты анализов из Донбасса, с Урала. Это полноценный коксующийся уголек. Разбиты возражения маловеров, а может, и прислужников английских капиталистов. Коксуется!.. Теперь Москва не поспеет на широкую помощь.

После небольшой паузы он продолжал:

— Но для этого в первую очередь нужны кадры, железная дорога и электричество...

— Все это ждет нас в будущем, — вставил Мейрам. — А скажите: что нужнее всего сегодня?

— Потерпите. Я сразу заговорил о будущем потому, что наш сегодняшней день подчинен завтрашнему. Сегодня, пока не подведем воду реки Нуры, необходимо увеличить число колодцев и поднять наверх воду из шахты «Герберт» — для хозяйственных нужд. Подготовка уже идет. Пока не появится электрический ток, будем пользоваться силой пара. Тут тоже положено кое-какое начало. На полуразрушенных Спасском и Екибастусском заводах, в самой Караганде и на заброшенных кулацких мельницах мы нашли несколько штук локомотивов, небольших котлов и камеронов. На первое время залатаем их и используем. Но и до пуска паровых установок нельзя допускать, чтобы бадьи с углем поднимались вручную.

— Да, я видел — уголь достается сейчас поистине героическим трудом рабочих.

— Вот и нужно этот героизм использовать рационально. А бадьи поднимать лошадьми. Я уже дал механику Козлову задание: через неделю, не позже, установить конный барабан, — энергично проговорил Сергей Петрович. — Самое главное теперь — расширить старые шахты и открыть новые. Сейчас дает уголь только одна шахта. Она была пущена самими рабочими еще до нашего приезда. В ближайшие дни откроем три новые шахты. К осени должны пустить не меньше пятнадцати. Значит, к тому времени у нас будет до пятнадцати тысяч рабочих.

— Как же мы обеспечим их жильем и всем необходимым?

— Да, это очень трудный вопрос. Но робостью не поборешь трудности. Поблизости от нас расположены поселки: Ак-Кудук, Кзыл-Кудук, Ашылы-Айрак, Букба. Благо сейчас там колхозы. Я уверен, что колхозники не откажут временно предоставить часть своих жилищ нашим рабочим. Но там может поселиться только небольшая часть рабочих. Остальным мы предложим строить временные земляные бараки и саманные дома и поможем нужными материалами. К будущему году отстроим и большие дома жилкомбината.

— А что сейчас делают наши строители?

— Нам нужны учебные комбинаты для подготовки новых рабочих, для поднятия квалификации старых шахтеров. Нужны школы для детей. Нужны бани, хлебопекарни, магазины и столовые. Наконец, может ли трест нормально работать в этом здании? Силы строителей главным образом будут брошены на постройку общественных зданий. Сразу всего не охватишь. В будущем, — помолчав, продолжал Щербаков, — я думаю, новостройки будут начинаться с возведения жилищно-бытовых объектов. Ну, а нам придется потерпеть, ничего не поделаешь. Рабочие поймут это.

По тому, как Мейрам терпеливо слушал, по коротким его вопросам и репликам Сергей Петрович заключил, что будущий секретарь партийной организации выдержанный, сообразительный человек. А Мейрам

был восхищен умом и деловитостью Щербакова. Подъем воды из шахты «Герберт», о чем Мейрам услышал впервые, сборка старых локомотивов, котлов, камеронов, применение конных барабанов — все эти на первый взгляд мелкие мероприятия имели огромное значение при закладке фундамента большой Советской Караганды. И как хорошо, что Щербаков не пренебрегал мелочами, умело использовал местные средства!

Мейрам сказал:

— На первых порах наша задача, повидимому, в том и заключается, чтобы использовать все местные возможности, проявить самую большую бережливость.

— Правильно подметили, правильно, — одобрил Сергей Петрович, хоть и понимал, что Мейрам не самостоятельно пришел к этим выводам.

А Мейрам продолжал не совсем уверенно:

— Вы говорили об учебных комбинатах. Без них не обойтись. Но когда-то они будут... Я спускался в шахты и видел, как новые рабочие владеют кайлом...

— Плохо владеют?

— Насколько я понял, плохо. Об этом и Сейткали говорит... Нельзя ли как-нибудь поскорее обучить новичков?

Сергей Петрович насторожился.

— И что же, вы думали, как можно их скорее обучить?

— Не знаю, право... Я спросил Сейткали, нельзя ли прикрепить новичков к старым шахтерам.

— Сейткали, конечно, испугался?

— Говорит, что это понизит заработок квалифицированных рабочих.

Сергей Петрович громко рассмеялся, откинувшись грузным телом к спинке стула.

— А вот Ермек не испугался, потому что он настоящий мастер своего дела.

Щербаков, прищурясь, внимательно смотрел на Мейрама: это уже самостоятельные у него мысли, молодой человек смело начинает шагать,

Он сказал серьезно:

— Об этом надо подумать. Сразу не решишь. Надо так поставить дело, чтобы опытный забойщик и молодого научил и сам в зарботке не пострадал. Во всяком случае мысль ваша очень дельная...

Беседу пришлось прервать. Вошел высокий худощавый человек в пенсне. Сдержанно пожав руку Щербакову, он поклонился Мейраму, сел за свой стол и сразу углубился в расчеты.

Сергей Петрович посмотрел на часы, поднялся со стула, предложил Мейраму:

— Пойдемте, продолжим беседу на ходу.

За дверью он сказал:

— Это наш главный инженер, Орлов. Я не хотел при нем говорить с вами: еще не присмотрелся к нему. Он — из бывших вредителей, был осужден. Послан сюда на работу, вроде как на испытание. Трудолюбивый человек, однако надо приглядеться.

Щербакова возле барака ждали дрожки. Усаживаясь, Сергей Петрович весело говорил:

— Вот будет знатно, когда мы пересядем с дрожек на «газик», а из покосившегося барака переселимся в многоэтажное здание! Все придет, Мейрам Омарович, всего добьемся. Только побыстрее налаживайте работу общественных организаций. Соскучился я по ним. Посмотрите на эти аулы: люди ждут не дождутся, когда мы начнем обучать их. Ведь у иных даже старых рабочих, вроде Байтена, еще держится ржавчина в сознании. Трудное у нас положение! Трудно, да и невозможно поднять большое дело без помощи общественных организаций.

— Потерпите, — ответил Мейрам. — Вы сами сказали — все будет.

— Куда вы сейчас?

— Пройду в соседние аулы, посмотрю, как народ живет.

— Хорошая мысль, — одобрил Сергей Петрович, крепко пожав руку Мейраму. — А я погляжу, как идет дело на новых шахтах. Потом встретимся, обменяемся впечатлениями.

Глава восьмая

Всюду разбросаны приземистые лачуги, потемневшие юрты или простые укрытия из рядна, распяленного на поднятых оглоблях. Это вновь возникшие рабочие поселки. Здесь не увидишь ни многочисленных отар овец, ни длинных коновязей для жеребят, не пасутся в степи конские косяки. Правда, эти поселки еще напоминают сельские аулы. Кое-где бродят коровы, овцы с ягнятами, козы с козлятами, в загородках возле некоторых жилищ стоят лошади или волы. Несмотря на малочисленность скота, весь подножный корм поблизости потравлен.

Порядка в поселке не было. Местами жилища тянулись длинным рядом, местами сбивались в кучу. Бесперывно подъезжали все новые и новые подводы. Катились брички, скрипящие рыдваны и арбы, запряженные лошадьми и волами, тянулись навьюченные верблюды, кони и коровы. Люди съезжались работать на шахтах, но, по исконной привычке скотоводов, не доезжая, останавливали подводы, оглядывали местность, допытывались, хорош ли здесь подножный корм. Выяснялось, что корм поблизости выбит, а дальше отъехать — воды нет. Почесав затылки, новоселы начинали разгружаться.

Мейрам спустился с холма и, присматриваясь ко всему, медленно направился к аулам. Перед первым встретившимся шалашом, покрытым закопченным войлоком, он остановился. Попросил разрешения войти.

Внутри сидели трое. Хозяин шалаша — коренастый человек лет сорока, с круглой бородой — расположился на земляном полу и мастерил шарке¹ из сыромятины, собираясь прикрепить к ним деревянные подошвы. Его жене немного больше двадцати; лицо у нее загорелое, щеки полные. Она шила чулки из старого мешка. Мальчик, еще не умеющий ходить, ползал на четвереньках у ног родителей.

Мейрам поздоровался и, как гость, прошел вперед, к почетному месту, где был разостлан небольшой,

---

¹ Шарке — обувь наподобие лаптей, но из кожи.

размером с потник, кусок кошмы. Хозяйка кинулась было смахнуть с нее сор, но Мейрам остановил ее:

— Не беспокойтесь.

Хозяев шалаша смутил этот неожиданно появившийся гость, одетый по-городскому. Чтобы развеять неловкость, Мейрам сказал:

— Пусть будут удачными ваши шарке, агай! Собираетесь носить их с этими чулками?

— Да, с чулками буду носить, — готовлюсь спуститься под землю.

— А раньше работали в шахте?

— Не работал, да вот решился. Здоровьем бог не обидел. Плата здесь хорошая. Пойду прямо в кайловщики.

— Дадут ли вам сразу кайло?

— Пусть только попробуют не дать, — сказал хозяин и, покопавшись в кармане, вынул сверток бумаг, подал его Мейраму. — Мы не какие-нибудь случайно залетевшие люди!

Мейрам просмотрел бумаги, которыми так гордился хозяин. Документы свидетельствовали о том, что хозяин шалаша Бокай Тулеубаев и его предки до седьмого колена были батраками. В прошлом году Бокай вступил в колхоз. Сейчас, по договору с колхозом, он переехал в Караганду из далекого Куского района.

— Говорят, кайловщики зарабатывают здесь по голове скота в месяц, а мы раньше батрачили у бая за одну голову целый год, — сообщил Бокай, заранее радуясь предстоящему заработку.

— Документы у вас хорошие, Боке, — проговорил Мейрам, возвращая бумаги.

Бокай довольно крякнул. Мейрам с огорчением разглядывал убогую внутренность шалаша. Бокай вежливо спросил:

— Как тебя зовут, братец?

— Мейрам.

— Где работаешь?

— Приехал недавно, как и вы.

— Рассказывают, однажды два шутника шли темной ночью по степи. Вдруг сверкнула молния. Путники

и говорят: «Свети не свети, больше никого не увидишь, нас только двое». Вот и я скажу: сколько ни разглядывай наше жилище, а богатство его не умножится. Извини насчет угощения, братец.

— Зачем об этом говорить!

— Мы не говорили бы, если бы из котла валил пар. Но что поделаешь: бедность связывает руки щедрости.

— Чем твердить о нехватках, пошел бы получил по дагауру¹, что нам положено, — сказала жена с досадой.

— Дагауров много, сразу всем не успеешь заплатить. Должно быть, у местных начальников головы закружились от хлопот, пусть маленько в себя придут.

— Из-за своего глупого характера ты тридцать лет пробатрачил. Если бы Калтая не выслали, и до сих пор стоял бы нищим у его порога, — принялась отчитывать жена.

— Кто из нас прав? — повернулся Бокай к Мейраму. — Эта женщина говорит: «Иди и сейчас же требуй, что написано в дагауре». А я отвечаю: «Наверно, на промысле дела еще не налажены, как и в нашем колхозе. Что положено, то не уйдет, — говорю. — Баи годами не платили нам за то, что было заработано. А мы для шахты пока еще ничего не успели сделать. Рано просить, надо сначала поработать».

— Ой, боже, жалею, что я вместо тебя не родилась мужчиной! — воскликнула молодуха. — Не может получить даже того, что обязаны ему дать.

Мейрам с улыбкой слушал эту перебранку людей, так не похожих друг на друга. Ему казалось, что оба по-своему правы. Зачем же поддерживать одну сторону и этим обижать другую? И Мейрам сказал:

— Зачем же выжидать? Идите и получите, что положено. На складе есть и спецодежда, и продовольствие. А чего не хватает — скоро подвезем. Все у нас будет.

Затем не удержался и спросил:

---

¹ Договор (искаж.).

— Не примите за обиду... Мне кажется, в возрасте у вас значительная разница. А судя по всему, вы муж и жена. Вот я и не пойму...

Молодуха, как бы говоря: «Скажи ты!» — взглянула на Бокаю. Хозяин сначала набрал в рот воды, брызнул на шарке и, слегка вздохнув, начал рассказывать:

— У Калтая, о котором сейчас говорилось, я батрачил ровно тридцать лет. Вся награда за мой тридцатилетний труд — вот эта кровля и эта женщина. Она, — кивнул Бокай на молодуху, — была дочерью бедняка. Калтай сосватал ее для меня пятилетней. Когда ей исполнилось пятнадцать, Калтай уплатил за меня выкуп, и мы поженились. Вот плоды моей тридцатилетней работы.

«Тяжелые времена пережили люди, — подумалось Мейраму. — Но жизнь перестраивается. Бокаю, да и другим таким труженикам стало легче, на многое у них открылись глаза».

Он поднялся с места.

— Просто так зашли или какой помощи ищете? — спросил Бокай, тоже поднимаясь.

— Нет, спасибо, просто поговорить захотелось. Встретимся еще. До свидания.

Он медленно шел по аулу. В каждой юрте в очаге вместо вонючего кизяка горел уголь. Почти ни у одного жилища не видно было обязательной принадлежности скотовода — курука; лежали кайла, лопаты, заступы. Игры ребят тоже изменились. Бывало сядут верхом на прутик и воображают, что скачут на лошади. А теперь, воткнув в землю маленькие палочки, тянули между ними бечевку или же бегали с железным кругом, изображавшим тачку.

Проходя мимо одной юрты, Мейрам услышал сердитую брань женщины:

— Разве это топливо? Чтобы пес его взял! Ой, где мой кизяк с его ярким пламенем!

Что можно ответить этой женщине, не умеющей топить углем? Скоро она сама научится. Не задерживаясь, Мейрам прошел дальше. Возле колодца скучился мелкий скот. Доносился шум, перебранка хозяев, спорящих из-за воды.

— Что это за порядки? Вызвали нас сюда, а здесь и воды не хватает!

— Выкопай колодец — с водой будешь, да еще деньги за это заплатят. Приработок кармана не прорвет, — слышался вразумляющий голос.

«Чего только не услышишь, когда потолкаешься в народе, — сами критикуют и сами же подсказывают, как выйти из беды», — думалось Мейраму.

Немного в стороне от аула, на жиденькой траве, сидели двое. Пока Мейрам подошел, там уже собралось человек десять. Люди говорили возбужденно. Мейрам сел поодаль. Молодой паренек с зачесанными назад волосами, с черными блестящими глазами волновался больше других. Ему не сиделось. Он часто переходил с места на место, вмешивался в разговор и при этом размахивал руками, нетерпеливо притопывая босыми ногами. Шумливостью своей он походил на Байтена, но рассуждал разумно и шутки его не были грубы. Вступаясь за одного, споря с другим, он, сам того не замечая, управлял общей беседой.

— Жанабыл! Слушай, Жанабыл! — не поднимая головы, окликнул его лежащий на спине человек с клочковатой бородой. — Сам-то ты где думаешь работать?

— Где же еще? На советской земле!

— Да чтоб ты долго прожил, говори толком!

— Если толком, — буду работать в механической мастерской.

— А где она, эта мастерская?

— Вон около той трубы. Там работает этот грубиян Байтен. Вот я и потягаюсь с ним.

— А ты брось свои задиристые привычки, сынок, — посоветовал лежавший мужчина и приподнял голову. — Не задевай старых рабочих, знай добывай себе хлеб да помалкивай.

— Э, чем больше будешь нагибаться, тем скорей жизнь тебя пригнет, — ответил Жанабыл. — Не теряй бойкости ни в характере, ни в работе. Этот Байтен хвастается, что у него восемнадцатилетний стаж, а сам не знает, как взять рашпиль в руки. Я только два года был батраком. А спроси-ка у меня, как пасти

овец, — скажу. Если два года проработаю в механической мастерской, покажу Байтену, на что я способен.

Молодой горячий Жанабыл ничем не напоминал забитого батрака старых времен. Сразу можно было определить, что он один из тех аульных ребят, которые закалились в борьбе с баями и первыми вступили в колхозы.

Теперь к Жанабылу обратился усатый парень — до сих пор он только улыбался молча да крутил в пальцах соломинку.

— Ты, Жанабыл, в ауле все кричал: «Классовая борьба, классовая борьба!» Правильно кричал, это тебе помогло свалить кулака Куржика. А здесь совсем другое дело. Здесь не борьба с классовым врагом, а состязание с товарищем по работе. По-моему, чтобы одержать верх над Байтеном, тебе надо браться не за рашпиль, а за кайло. Это куда более верный инструмент.

Жанабыл сразу осадил черноусого:

— Вы, товарищ Дюйсен, только и знаете, что давать советы, а сами предпочитаете сидеть в сторонке, поглаживая усы. Вы и в ауле этим делом занимались, когда я боролся с Куржиком. Нет, для кайла я еще молод. Рашпиль — тоже инструмент, товарищ с красивыми усами; он даст мне профессию. Думай, что говоришь. А я вот что скажу: тут ходит одна красавица, на нее кое-кто заглядывается. А как взглянет красавица на пышные усы нашего красавца — еще неизвестно.

Все громко и одобрительно захохотали. Жанабыл, глядевший победителем, прошелся по лужайке и вдруг остановился около Мейрама.

— Вы, товарищ, тоже приехали работать?

— Что же в этом удивительного?

Жанабыл, словно не поверив, покачал головой и отошел.

Когда шум несколько утих, старичок, сидевший возле парня с красивыми усами, глубоко вздохнул и произнес:

— Вот скоро придет зима, занесет над людьми свою саблю.

Эти слова дали пищу новым разговорам. Послышались голоса:

— Столько народу понаехало! Где найти для всех жилье?

— Тех, кто приехал по дагауру, как-нибудь устроят! А что будет с теми, которые без документа пожаловали?

— Людям кровля найдется. А вот как быть со скотом? Откуда взять сено, где двор для скотины?

— Похоже на то, что выдачу аванса и спецовок задержат.

— Заработайте побольше — все появится. А большие деньги кует кайло.

— Не всем доступно кайло.

— Я вот погляжу еще немного. Если не понравится, брошу и уеду восвояси.

Тут громче прежнего заговорил Жанабыл:

— Что задумались? Масло слаще всяких дум, да и то, если много съешь, начнет тошнить. Я вчера говорил с Щербаковым. Он сказал, что партийным секретарем у нас будет молодой казах по имени Мейрам. Вот с ним я и посоветуюсь. Тогда все яснее станет. Надо потерпеть немного, обойдется. Начальники думают о наших нуждах.

— Кто этот твой Щербаков?

— Самый главный.

— Вон что! Расскажи толком, дай насладиться вестью.

— Довольно! — закончил Жанабыл. — Это все, что я смог узнать, по-русски плохо умею, не обо всем спросишь. А Щербаков по-казахски не может. Вот поговорю с этим секретарем, тогда расскажу.

Слова Жанабыла подняли настроение людей.

— Вот что значит по-русски уметь!

— Из этого Жанабыла получится толк.

— Не успел приехать, а уже познакомился с начальством.

— Так и есть, как Жанабыл• говорит: если бы нельзя было всех устроить, разве созвали бы столько народу!..

Мейрам не стал слушать дальше, незаметно под-

нялся. Шел медленно, перебирая в мыслях все, что услышал.

Вдруг он остановился.

Перед ним была юрта. У открытого входа стояла молоденькая девушка. Подняв руку и держась ею за верхний косяк, она изогнулась, как гибкая талинка. На ее свежем белом лице, в черных, смородиновых глазах сменялось выражение печали и радости: то тень ложилась на лицо, то оно озарялось светом. Какие тайные чувства так быстро изменяли ее облик?

Она появилась среди этих сереньких юрт подобно луне, выглянувшей из-за облаков. И тут же нырнула в юрту, словно горноста́й в свою норку.

Мейрам будто во сне ее увидел. Против своей воли он повернул к юрте.

Навстречу ему вышел низенький человек в овчинных штанах, его лицо показалось Мейраму знакомым. Человек поздоровался за руку и, обрадованный, улыбнулся, показав свои крупные зубы. Он пригласил Мейрама:

— Заходите, пожалуйста!

Стараясь припомнить, где и когда он видел этого человека, Мейрам перешагнул порог. Девушка, поразившая его красотой, сидела за столом. Как бы нечаянно, она взглянула на Мейрама и снова склонилась над тетрадами: она занималась с подругой, сидевшей рядом с нею.

На почетном месте расположился бородатый человек. Не поднимая опущенной головы, он тяжело подвинулся, давая место гостю.

В левой стороне юрты, которая по прежнему обычаю считалась женской, кухонной, лежала пожилая женщина. У перегородки, сплетенной из чия¹, стоял черный, как смола, торсук², на кереге³ висели кайло и лопата. Все это успел рассмотреть Мейрам, прежде чем, вежливо поздоровавшись, сесть рядом с бородатым мужчиной.

---

¹ Ч и й — степное камышеобразное растение.

² Т о р с у к — сосуд для кумыса.

³ К е р е г е — нижняя часть остова юрты.

Знакомый человек, встретивший Мейрама перед юртой, остался стоять у входа. То ли у него бедра были узкие, то ли штаны из овчины слабо завязаны, но он их все время поддергивал и беспокойно поглядывал то на лежащую женщину, то на девушек.

— Ардакджан, Майпаджан! Поставьте самовар, — не поднимая головы, сказала женщина, лежавшая на другой половине. — Мне поясница не дает встать.

Девушки поспешно стали собирать свои тетради.

— Если только для меня, не ставьте самовара, — сказал Мейрам, повернувшись к девушкам.

Ему бросилась в глаза лежавшая на столе книга: «Анна Каренина». На душе у него стало радостно при виде того, что в юрте казаха, приехавшего из степи, можно увидеть произведение Толстого. Он уже не сомневался в том, что книгу читает девушка, так поразившая его своей красотой. Но он еще не знал, как ее зовут. Не знал и того, кто эти двое мужчин, кому из них больная женщина приходится женой.

— Воля божья, — сказал в это время мужчина, встретивший Мейрама, — жена у меня что-то заболела.

Девушка, сидевшая рядом с красавицей, большими своими глазами была похожа на больную женщину, а всей своей немного сутулой фигурой — на ее мужа. Бородатый мужчина со впалыми щеками, до сих пор безмолвно сидевший рядом с Мейрамом, теперь заговорил:

— Ардакджан, гость не хочет чаю, подай кумыс.

Теперь Мейрам узнал имя красавицы и кто ее отец.

Ардак поднялась. На ней было довольно поношенное платье из синего репса, городского покроя. Свободный ворот закрывал белую шею, чуть розовую от загара. По городской моде того времени волосы у нее были подстрижены и зачесаны назад. Лоб гладкий, без единой морщинки. Держалась девушка свободно, не смущалась, но когда наклонилась, подавая Мейраму кумыс в китайской пиале, ее алые губы чуть дрогнули, а лицо покрылось легким румянцем. Мейраму показалось, что при этом блеснули ее черные глаза, полные какого-то затаенного тревожного чувства. Хотелось услышать ее голос. Ардак молчала, должно быть

стеснялась заговорить в присутствии старших. Мейрам решил вовлечь ее в общий разговор.

— Кто хозяин этого кайла? — спросил он, кивнув головой на инструмент.

— Я. Вы видели меня в шахте, — отозвался мужчина. — Приехали, по воле божьей, подзаработать, да, оказывается, не такое простое это дело, не сразу научишься владеть кайлом.

Мейрам вспомнил: это был один из рабочих бригады Хутжана.

— Я тогда забыл спросить ваше имя...

— Меня зовут Жумабай.

— Кажется, я и вас видел в шахте? — спросил Мейрам соседа.

— Да, видели, — подтвердил Жумабай. — Он работает на отвале. По воле божьей, мы с ним неожиданно-негаданно встретились и вот живем вместе.

— Издалека он?

Не зная, что ответить, Жумабай взглянул на бородатого. Тот некоторое время не отзывался, потом, ни на кого не глядя, сказал:

— Издалека, из Семипалатинского округа.

Было видно, что он не охотник рассказывать. Мейрам не стал допытываться и спросил девушку:

— Эту книгу вы читаете, сестренка?

Ардак ответила коротко:

-- Да.

— Занимаетесь со своей подружкой?

— Здесь же нет школы, — тихо сказала Ардак. — Вот и помогаю ей обучиться грамоте.

— Хорошее дело. Многие еще неграмотны...

Было похоже, отец девушки не хотел, чтобы между Ардак и Мейрамом завязалась беседа. Он сказал:

— Пожалуй, пора доить кобылицу.

Взяв ведро, девушки вышли из юрты. Мейрам проводил их взглядом. Через открытый вход было видно: в отдалении паслась стреноженная гнедая кобылица, к ее недоузду был привязан жеребенок.

Теперь Мейраму стало скучно в юрте, разговор не клеился. Поблагодарив хозяев за гостеприимство, он вышел.

Еще недавно в небе плыли обрывки облаков, сейчас небосклон очистился. Солнце стояло высоко. Время обеда. Бледносиний дым, медленно поднимаясь в безветрии из тунлюков многочисленных юрт, висел над аулами. С возвышенности, от шахты, донесся звук ударов в рельс. По дороге в обе стороны шли рабочие, тянулись подводы. Скот, с утра бродивший возле аулов и колодцев, теперь пасся в стороне.

Мейрам не мог отвлечься от мыслей о девушке, часто оглядывался. Ардак тоже оглянулась два раза. Только он не мог понять, куда она смотрит — на него или что-нибудь другое заинтересовало ее.

Девушки звонко запели «Аккум».

Мелодичные девичьи голоса, красивая Ардак, цветущая степь кругом!.. Мейрам шел, словно опьяненный. А в голове — неотступная мысль: как бы поближе познакомиться с Ардак? И что за человек ее молчаливый отец?

Пусть Мейрам сам попробует разобраться в своих переживаниях, а мы тем временем начнем рассказ об этой девушке и ее отце.

Глава девятая

Давние годы... Большая белая юрта. Куски войлока, которыми покрыта она снаружи и внутри, вплоть до тунлюка, расшиты полосками красного сукна и скреплены цветными ковровыми тесьмами шириною в полную четверть. Эти сорок две ковровые тесьмы, украшающие юрту, три года ткала красноглазая старушка, которая сидит сейчас под палящим солнцем у земляного очага и варит курт — кислый сыр. На ней совсем ветхий бешмет, который она когда-то получила за свой трехлетний тяжелый труд.

За аулом стояли привязанные к жели¹ жеребят. Возле них толпились кобылицы, число которых было

---

¹ Жели — волосяная веревка, натянутая между двумя кольями, к которой привязываются жеребята.

так велико, что, пока дойщики¹ доходили до другого конца жели, уже наступало время новой дойки. Босые парни в кожаных полуфартуках, засучив шаровары, уносили надоенное молоко в ведрах. За дойщиками присматривал сухощавый старичок с реденькой бородкой. Это был муж старушки, сидевшей у очага. Как-то он попросил у владельца юрты лошадь съездить по делу. Лошадь у него украли. Чтобы отработать долг, старичок два года трудился над богатым, разукрашенным многоцветными красками остовом юрты, но все-таки еще оставался должником хозяина.

Направо от хозяйского жилья стояла невзрачная серая юрта, а налево другая, совсем маленькая, закопченная до черноты. Между ними протянута веревка, к ней привязывали иноходцев и скакунов, на которых ездил только сам мырза². В тени белой юрты поставлена повозка с поднятыми оглоблями, покрытая брезентом. Под повозкой, рядом с чернопегим псом, храпел пастух, укрывшись попоной и подложив под голову седло. Непрерывное гавканье пса и громкие голоса людей в юрте, опьяневших от обильно выпитого кумыса, заставляли пастуха то и дело переворачиваться с боку на бок.

Девочка двух-трех лет, со сверкающими черными глазками и спущенной до бровей челкой, подбежала к повозке, залезла под нее и устроилась между псом и пастухом. Нахмутив брови и надув щечки, она с удивлением смотрела в лицо спящему, из ноздрей которого вырывался неприятный храп, а губы издавали чмокающий звук «боп-боп». Но вскоре осмелела, пододвинулась ближе, дотронулась кончиками пальцев до его черных усов, шевелившихся от дыхания, и тут же отдернула руку. Спящий не шелохнулся. Тогда девочка облокотилась на грудь пастуха и стала играть его усами.

Пастух проснулся, открыл глаза. Обняв девочку, он поцеловал ее в щечки и кивнул на вход белой юрты:

¹ В байском хозяйстве в большинстве случаев кобылиц доили мужчины.

² Мырза — хозяин, господин.

— Иди к папе.

Девочка подбежала к входу, но, заглянув в юрту, остановилась у порога...

Мужчина лет тридцати, с зачесанными назад волосами, в белом костюме из китайской чесучи, заложив руки за спину, ходил взад и вперед по юрте.

На варшавской кровати с металлической гнутой спинкой, облокотившись о подушку и играя аксельбантами, лежал плечистый военный, русский, с пышными усами и глубоко посаженными серыми глазами. На полу, за складным круглым низким столиком, сидел бородатый толмач¹ и скрипел пером.

На почетном месте важно восседали двое. Один из них был человек неимоверно тучный, с толстой мясистой шеей, со свисающими ниже подбородка жировыми складками кожи и с огромным животом. Когда он, подняв указательный палец, говорил, из горла у него вылетал хрип. Рядом с толстяком, не открывая зажмуренных глаз, сидел мулла в длинном шапане, с торчащими усами. Время от времени он громко произносил: «Я-хакк!»² — и при этом трясся, как в приступе лихорадки. Бестолково суетясь, вставали и вновь садились, переменяв место, еще несколько человек, — у каждого на боку болталась войлочная сумка, подвешенная на волосяном шнуре. У порога стояли два рослых стражника, на груди у них — медные жестянки величиной с ладонь. Оба, как услужливые псы, следили за каждым движением бровей важных людей, сидевших на почетном месте.

В таком виде предстали перед девочкой «воротилы и хозяева степи», собравшиеся в белой юрте с разноцветно выкрашенным кереге, покрытым узорными плетенками из чия и расшитыми войлоками. Поведение этих людей и возбуждало любопытство девочки, и пугало, и удивляло. Она не могла оторвать от них глаз...

Вдруг снаружи донесся сотрясающий землю топот. Все вскочили со своих мест и заметались, как перепуганное стадо; одни бросились к двери, другие нырнули

¹ Толмач — переводчик, он же писец.

² Я-х а к к! — О создатель!

под кровать, третьи спрятались за плетенки чия. Хриплые и визжащие голоса наполнили юрту.

На дороге, как перед бурей, взвивались облака пыли. Вскоре к аулу подскакала шумная, разноголосая толпа конников и окружила белую юрту.

— Выведите Алибека! Спустить ему кровь! Привязать урядника к хвосту необъезженного коня! — неслись голоса снаружи.

Один из вбежавших в юрту ударил хозяина ножом, кто-то накинул на шею урядника волосяной аркан и выволок его за дверь, кто-то опрокинул толмача, схватил разложенные на столе бумаги...

Разогнав сборище «воротил», конники отхлынули. В юрте остался лежать окровавленный хозяин. Над ним причитали две женщины — его жены. Плакала перепуганная маленькая девочка.

Хозяин юрты, волостной управитель Алибек, сейчас раненный ножом, издавна угнетал жителей окрестных аулов. Народ дошел до отчаяния. Вспыхнуло восстание.

Девочка, хоть и не поняла смысла разыгравшихся событий, долгое время - после этого в страхе просыпалась по ночам, вскрикивала, начинала плакать при малейшем шуме. Когда она подросла, люди объяснили ей, что произошло в тот день.

Этой девочкой и была Ардак, уже знакомая нам. Молчаливый чернобородый мужчина, которого Мейрам видел в юрте Жумабая, приходился ей отцом. Звали его Алибек.

...Стоял один из погожих летних дней. Солнце поднималось все выше, тени на земле становились короче. Обычно в эти часы хромой старик чабан, сидя верхом на красном воле, пас отару овец далеко от аула. Сегодня он держал стадо возле селения, на этот раз под ним был длинногривый вороной жеребец; попереки седла чабан положил длинный курук. Красный вол вольно пасся среди других волов и, не понимая, почему его не седлают, то и дело оглядывался в сторону пастуха. Раньше, чем всегда, пригнали сегодня к аулу и конский табун.

Около высокой юрты, стоявшей в центре полукру-

гом расположенного аула, собралось много народу. В руках у всех — уздечки, недоуздки, веревки. Из окрестных селений в одиночку и группами прибывали всё новые люди, присоединялись к толпе. Ржание лошадей, блеяние овец, рев коров и верблюдов, голоса собравшегося люда сливались в один беспорядочный гул, висевший над аулом.

У дверей юрты-кухни, раскинутой налево от жилого помещения, дежурила охрана. Внутри находились двое: муж и жена. Глаза у женщины опухли от слез, она тяжело вздыхала. Мужчина, шатаясь, метался по юрте, как волк, попавший в западню. Его лицо с резко выступающими скулами и злобно сверкающие глаза выражали отчаяние. Время от времени он угрюмо выглядывал из юрты через прорехи в войлоке и мрачнел еще больше.

В соседней небольшой юрте находились тоже двое — мать с дочерью. Охраны здесь не было. Но женщины и не собирались выходить. Мать, изможденная от продолжительной болезни, с трудом подняв с подушки голову, печально рассказывала сидевшей возле нее черноглазой девушке:

— Наша семья была ему неровня, но он польстился на мою красоту, о которой ходила молва в народе. Тогда не было у меня на лице этих рябин, оставленных оспой. Но через шесть месяцев после свадьбы, когда я еще носила желек¹, поразила меня оспа. Пока я лежала в постели, он сосватал себе вторую жену. Что было после этого — ты сама видела.

Сейчас тебе идет пятнадцатый год. До сих пор меня терпели здесь только ради тебя, иначе давно прогнали бы. Да и какой толк от того, что не прогнали? Я жила вдовой при живом муже, он превратил меня в рабыню. У него — огромные стада скота, а я не была хозяйкой даже паршивого козленка. Побой и оскорбления обложили льдом мое сердце. Зачахла я от них...

Твой отец стремился к богатству и власти, дочурка

---

¹ Желек — головной убор невестки, который она носят до первого ребенка.

моя. Но «и поток воды встречает преграду», — гласит поговорка. Жизнь дважды наказывала его, но он не извлек для себя урока. В первый раз это случилось, когда ты была еще маленькой. Разгневанный народ взбунтовался, один из восставших пырнул твоего отца ножом. Позже, когда пришли сюда красные войска, отца хотели арестовать. Но выручил приятель, учившийся с ним вместе. Теперь отец несет третье наказание. И уж не сумеет его избежать...

О чем жалеть? У меня не было ни имущества, ни лужа. Да и как я покину родные места, моих близких, среди которых выросла? Оставайся со мной, тебе тоже незачем ехать с отцом... Говорят: в четырнадцать лет девушка — хозяйка юрты новобрачных. Ты уже своей рукой доносишь пищу до рта. Твои глаза открыты — читаешь и по-русски и по-казахски. Дорогая моя Ардак, зрачок моих глаз, у меня теперь единственная мечта — ввести тебя на счастливое место хозяйкой юрты и разливать твой чай. Если холодной земле будет угодно до времени принять меня, запомни мои слова — живи, как велит народная мудрость: ищи свое место только среди равных; не пускайся в путь одна, а только вместе с людьми, но и не надейся на других, умей сама себе шубу скроить. Поняла, дитя мое?

Ардак не подняла опущенной головы, не шевельнулась. Из глаз ее брызнули слезы, она сказала:

— Поняла, мама...

На улице шум все не прекращался. У всех радостные лица. Вот, ведя в поводу длинногривого вороного жеребца и подгоняя десяток овец и коз, вышел из круга хромой старик чабан Шостояк. Батраки Жантак, Асамбай и Балгабек делили конский косяк. Верблюжий пастух Исхак вел в поводу белую верблюдицу. Доярка Ундекей стояла, обхватив шею красной с лысиной коровы холмогорской породы...

Слышались голоса:

— Счастливо владеть добром!

— И вам также! Наш это скот, нашим возвращен трудом!

— Теперь и обездоленный получил свою часть, досыта наестся!

Наконец распределение скота пришло к концу. С большой юрты сняли войлочное покрытие, разобрали остов и погрузили на подводы.

Хозяина и хозяйку усадили на двухколесную арбу, запряженную крикливым желтым верблюдом. Подвода двинулась в дальний путь. Люди провожали ее взглядом. Желтый верблюд, лениво шагая, издавал пронзительные крики. Арба подпрыгивала на кочках, скрипела. Хозяин и хозяйка, отворачиваясь от народа, не поднимали опущенных голов.

Уполномоченный, распределявший скот, поднялся на возвышение и громко провозгласил:

— С сегодняшнего дня кровожадный хищник Алибек Мырзабеков выселяется из нашего округа! А вы, трудовой народ, пользуйтесь пастбищами, что раскинулись по всей долине, растите свой скот.

Вскоре народ стал расходиться. От большой юрты на земле осталось лишь круглое голое пятно.

Это случилось в 1928 году, во время конфискации имущества баев-полуфеодалов.

Прошло еще три года. Была поздняя летняя ночь. В колхозе имени Ворошилова только в редких домах не спали. Но молодежь еще гуляла по улице, слышалась гармошка, русская песня, — население здесь было русское.

Алибек шел по колхозному селению. За спиной у него болталась котомка, в руках — палка. Торопливо он пробирался по окраинным улицам, не обращая внимания на маленькую собачонку, с гавканьем гнавшуюся за ним. Когда Алибек поровнялся с толпой молодежи, гармошка и песня смолкли.

— Ребята, что это за человек идет?

— Кажется, нищий.

Вид у Алибека был подозрительный. На голове старый шлем, ноги в поношенных ботинках, на плечах казахский шапан. На подбородке торчал пучок бороды, похожий на куст степного ковыля. Алибек испу-

гался, как бы парни не повели его в сельсовет, и спросил торопливо:

— Где тут живет казах-табунщик?

— Откуда ты его знаешь?

— Родственник мой.

— Табунщик хороший старик.

Алибеку указали, куда идти, и не спускали с него глаз, пока он не вошел в дом табунщика.

В доме были только двое: старуха, спавшая на печке, и Ардак, читавшая книгу.

Заслышав стук, Ардак взяла в руки лампу, вышла в сени.

— Кто там?

— Открой, дорогая, свой.

— А все-таки?

— Не пугайся, дочурка, это я, твой отец.

— Что? Что вы сказали? — растерялась Ардак.

Выползла в сени полусонная старуха.

— Кто там?

— Это я, шеше¹.

— Ой, боже! Разве мертвые воскресают? — изумленно воскликнула старуха, схватившись за грудь, и попятилась назад.

— Не поднимайте шума. Это я, как видите, жив и вернулся.

— Отец! — Непонятная сила толкнула Ардак вперед. Она бросилась открывать дверь. Лампа погасла.

Алибек вошел в комнату и первое, что сделал, — заложил дверной крючок. Потом стал уговаривать плачущих дочь и старуху.

— Не надо, не надо шума! Пусть ни одна душа не знает. Я не хочу, чтобы меня здесь видели.

Засветили лампу. Ардак и старуха безмолвно разглядывали гостя.

Алибек сказал спокойно:

— Чего так испугалась? Мне совсем не плохо жилось. Только не избежал божьей немилости: скончалась вторая моя жена, делившая со мной изгнание. А я, видите, жив и здоров. Крепко соскучился по тебе,

---

¹ Шеше — матушка, здесь: мать жены.

дочурка! Нет сил жить одиноким. Пришел просить — уедем со мной...

Ардак не успела ответить, когда заговорила старуха:

— Самое главное — ты жив, дорогой. Говорят, попавший в беду теряет голову...

— Это, шеше, раньше так рассуждали.

Ардак сказала со вздохом:

— Все-таки сильно вы изменились, коке¹.

— Это дело поправимое, золото мое, — успокоил Алибек. — Просто я устал с дороги.

И он продолжал рассказывать:

— Духом я не упал. Куда бы меня ни забрасывала судьба, что бы я ни делал — всюду работал не покладая рук. За добросовестный труд меня и освободили досрочно. Вот документ. — Он показал бумагу. — А труд обновил меня, сделал совсем другим человеком. Я понял, доченька, что старого не вернуть...

— Что же вы теперь собираетесь делать? — спросила Ардак.

— Буду привыкать к новой жизни. В здешних местах мне не хотелось бы поселиться: людей совестно. В нескольких днях пути отсюда заложили большое строительство, строят новый город. Там нужны тысячи людей... Найдется и мне местечко. Вот я и приехал звать тебя с собою. К чему тебе сидеть в ауле? Пора на широкую дорогу выходить.

Старуха принялась готовить кушанье. Ардак с пытливым интересом слушала рассказ отца, потом она показала свои тетради: в этом году она окончила местную среднюю школу. Отец, перелистав тетради, остался доволен.

— Видишь, как славно! В теперешнее время неученым не проживешь. А к чему здесь ты приложишь свои знания? Другое дело — в большом городе. Там ты настоящим человеком будешь.

Ардак колебалась. Уговоры отца казались ей заманчивыми: новые места, новые люди... Все это не могло не увлечь девушку.

---

¹ К о к е — здесь: папа.

— Надо бы подождать, когда вернется нагачи¹, посоветоваться, попрощаться, — нерешительно проговорила она.

— Когда еще он возвратится! Сами говорите — на съезд его послали. Раньше недели, пожалуй, и ждать нечего. Напишем ему. Мне хочется уехать поскорее. Собирайся-ка, дочка!

Старуха возилась в передней комнате с самоваром. Ардак вышла к ней, остановилась в дверях, с грустью глядя на свою бабушку.

— А же², — окликнула она тихо.

Старуха словно только и ждала этого, приблизила ухо к ее губам.

— Что мне делать, а же?

— Не знаю, что и сказать, милая моя. Решай сама.

— Не хочет отец ждать возвращения нагачи...

— Ты одна-единственная осталась у меня от покойной дочери Шолпан... Но этот человек — твой отец, что же делать! Как ни тяжело разлучаться с тобой... — Старуха захлебнулась в плаче, из ее потускневших глаз хлынули слезы. — Решай сама. Только бы ты была счастлива! Если решишь ехать, то уж лучше до возвращения нагачи уезжай. Видно, и Алибек так же думает. Ведь сегодня он впервые перешагнул наш порог после женитьбы на моей Шолпан. Он никогда не считал нас равными себе. За это и наш старик в обиде на него...

— Это верно, нагачи не любит моего отца. И мать покойная жаловалась на него. Но он как будто изменился, другим человеком стал. Тогда, в детстве, мы с матерью не поехали с ним. Но теперь, мне кажется, надо помочь ему понять новую жизнь. Скажи, а же: как я должна поступить?

— Далеко ли ехать-то?

— Далеко.

— Что же, тебе настала пора быть хозяйкой юрты. Самовар вскипел. Пока пили чай, все трое хранили

¹ Нагачи — дедушка по матери.

² А же — бабушка.

молчание. Неожиданно старуха выронила свою чашку и жалобно промолвила:

— Что-то рука затряслась.

Ардак подняла чашку, сказала:

— Старенькая вы стали, аже.

Старуха глубоко вздохнула:

— Что поделаешь! Только бы тебе, молодой, хорошо жилось.

Алибек вынул из кармана пачку денег. Сосчитав, положил ее на стол.

— Здесь пятьсот рублей, шеше. Простите мне и моей дочери, что огорчаем вас. Не стал бы я отнимать ее, но ведь и меня надо пожалеть: я совсем одинокий на свете.

— Положи деньги обратно в карман, дорогой. Спасибо. Нам хватает заработка старика, он здесь в почете. Только нет ему никогда покоя. Как только какое-нибудь собрание, съезд — не дают дома посидеть. Говорят, ударник... Привыкла я к внучке, полюбила, как свою Шолпан, да что поделаешь! — Старуха снова смахнула слезы. — Как на грех, и старика дома нет. Не знаю, что и скажу ему. Он ведь у нас горячий.

Алибек, боясь затянуть беседу, сказал старухе несколько утешительных слов и, даже не подождав, пока уберут со стола, стал собираться в путь.

Ардак сидела не шелохнувшись, ждала, что еще скажет бабушка. Старуха подошла к ней, несколько раз поцеловала в щеки, в лоб и сказала:

— Ладно, разрешаю. Будь счастлива, милая моя!

Глава десятая

Вчерашний крупный бай, а сегодняшней рабочий — Алибек поступил на шахту и затерялся среди многочисленных пестрых людей, съехавшихся в Караганду со всех концов бескрайней степи. Зачем ему понадобилось тащить с собой дочь?.. Он и сам вряд ли мог бы на это ответить. Может быть, его и в самом деле угнетало одиночество, мучила разлука с единственным близким ему человеком. Возможно, он рассчитывал на

простую выгоду: дочь — образованная, передовая девушка, под ее защитой легче втереться в доверие людей.

Ардак не подозревала о тайных замыслах отца. Ей попросту жаль было Алибека, хотелось помочь ему найти свое место в новой жизни. Она наивно верила, что отец принял эту новую жизнь, примирился с ней, хочет честным трудом заработать доверие людей. Ей естественно было думать так. Последние годы она прожила среди простых, бесхитростных людей, с открытыми сердцами.

В Караганде Алибек и Ардак нашли приют в юрте гостеприимного Жумабая. Здесь Ардак впервые увидела Мейрама, и с этого дня вся жизнь ее как бы озарилась новым, ярким светом. Только раз заглянул Мейрам в юрту, но образ его запал в сердце девушки. Порою Ардак ловила себя на мысли: ей хотелось, чтобы Мейрам снова вошел в юрту, сел на почетное место, повел беседу, украдкой бросая на нее взгляды, от которых так сильно и тревожно бьется сердце.

Ардак сидит в юрте одна. За последнее время мысли ее завязались в крепкие узелки. И ни один из них она не могла распутать. Пожалуй, самый трудный из них — отец. Не легко его понять. С виду как будто искренний, открытый, но сумеет ли жить по-новому?.. Второй — ее собственная жизнь. Удастся ли учиться дальше? Почему ее так взволновал Мейрам? Что он за человек? Где найдет Ардак свое место в этом сложном, заново открывшемся мире? Столько вокруг и тревог и надежд! Тревоги гнетут, надежды окрыляют. Житейское море то лежит в глубоком покое перед глазами молоденькой, неискушенной девушки, то кипит и волнуется.

Погруженная в свои мысли, Ардак уже давно закрыла книгу, но продолжает держать ее в руках. Из раздумья ее вывела вошедшая Майпа, дочь Жумабая.

— Не пора ли нести родителям обед? — громко спросила бойкая Майпа.

Ардак взглянула на нее с улыбкой, поднялась из-за стола.

— Пойдем.

Девушки взяли узелки с провизией и направились к шахте. Лица их отражали радость. А чему они радовались — подруги и сами не могли бы сказать. К шахте они шли в первый раз; им казалось, что все лучшие люди работают там.

Первое, что увидели девушки вблизи шахты, — человек десять рабочих. Они натянули между козлами длинные, в несколько сотен метров, пучки проволоки, носившие по-местному название «языков», и при помощи толстых железных палок свивали новый трос.

Девушки сели вблизи на бугорке и, с удивлением глядя на невиданную работу, переговаривались:

— Выют совсем так же, как волосяную веревку.

— Пожалуй, и мы сумели бы...

В это время сильно натянутый конец «языка» оторвался от столба, и проволока, дребезжа и пружинисто крутясь, опутала ноги и платья девушек.

Послышался громкий смех Жанабыла.

— Эй, Байтен, держи, держи, попались в силки!

Этот конец «языка» свивал Байтен. Обычно Байтен принимался за работу горячо, как двухлетний ребенок, когда его пускают в пробежку. Но очень скоро начинал сдавать. Вот и сейчас через какой-нибудь час выдохся, стал вяло крутить трос, позевывал. Железная палка вырвалась из его рук и ударила по лицу. Губы у него сразу вспухли. Весь он, как и девушки, был опутан проволокой и топтался на земле, стараясь освободиться.

— Вот тебе и рабочий с восемнадцатилетним стажем! — говорил Жанабыл, помогая ему выпутаться. — На язык-то ты ловок!

— Отстань! — проворчал Байтен. На его лице уже не было прежней самоуверенности, глаза смотрели растерянно. — Придется к врачу пойти.

— Из-за таких-то пустяков? — удивился Жанабыл.

— Все равно рабочий день запишут.

— А дело останется недоделанным?

— У казны шея толстая, не волнуйся.

— Это и все, чему ты научился за восемнадцать лет? — рассердился Жанабыл. — В таких пустяковых

случаях мы даже байский скот не оставляли без надзора. Ты настоящий симулянт! Плохой пример подаешь.

И Жанабыл побежал к девушкам — помочь им освободиться от проволоки.

Отойдя на некоторое расстояние, Байтен передумал и вернулся, ворча:

— Ишь, какой учитель нашелся. Разве казенная работа на один только день? Эх!..

Он с неохотой взялся за дело.

Прежде работу на шахте называли работой на баев. Оно и в самом деле было так. Англичане всеми неправдами урывали у шахтеров их заработок, и без того мизерный. Такие рабочие, как Байтен, при счастливом случае старались тоже урвать у хозяев. Эта многолетняя привычка еще крепко сидела в Байтене. Сейчас он вернулся на рабочее место только из боязни, что его осудят свои же товарищи. Крутил трос попрежнему вяло. На этой работе еще не была установлена норма выработки. Работа сдавалась бригаде аккордно, и выручку делили поровну. Поэтому Байтен и не надрывался на работе.

Как ни старались девушки высвободить подола своих платьев, им не удалось это без помощи Жанабыла. Стальная проволока крепко опутала их, не позволяя шевельнуться.

— Вот как ловят наши силки! — шутил Жанабыл.

Сначала он высвободил Ардак. А когда пришла очередь Майпы, начал с оговорок:

— Попроси как следует, тогда распутаю.

— Прошу, братец.

— Очень просишь?

— Очень.

— Смотри, после не отказывайся. Будьте свидетельницей, — обратился Жанабыл к Ардак. Распутывая Майпу, он не переставал расхваливать трос. — Из чистой стали, годен и для спуска в шахту и для ловли девушек.

Ардак, до сих пор молчавшая, тоже пошутила:

— Вы всегда ловите девушек стальными силками?

— Нет, у нас есть и шелковые, те еще крепче.

— Все они не так прочны, чтобы ловить сердца.

— Посмотрим, какое у вас сердце, — ответил Жанабыл. — Найдутся силки и для него.

— У кого они найдутся?

— Один человек уже плетет.

— Кто ж это? — допытывалась Ардак. От Майпы она знала, что Жанабыл уже успел познакомиться с Мейрамом, встречается с ним. И Ардак подумала сейчас: «Может быть, они вели между собой откровенные разговоры».

Жанабыл продолжал шутить:

— Посмотрите, сколько здесь молодых людей. Вы думаете, они только тросы умеют вить? Нет, они мастера и силки плести для ловли девичьих сердец.

— Хватит тебе! — рассердилась Майпа. — Сказал бы что-нибудь путное. Как у вас тут, на шахте, жизнь идет?

Жанабыл сразу стал серьезным:

— О, замечательно идет! Новостей, девушки, много!

Он рассказал, что неделю назад были проведены выборы бюро партийной организации. Секретарем единогласно избрали Мейрама. После выборов Мейрам сделал доклад на партийно-комсомольском собрании на тему: «Ближайшие производственные задачи коммунистов и комсомольцев». По словам Жанабыла, это был замечательный доклад, ему впервые довелось слышать такое интересное выступление.

Так же восторженно Жанабыл отозвался и о Щербакове.

— Сергей Петрович сам лично ходил со мной в механический цех, чтобы устроить на работу. Он поручил слесарю Лапшину обучить меня всему, что тот знает...

Словоохотливый Жанабыл говорил не умолкая, расхваливал всех и себя не забывал.

— А Лапшина вы знаете? О, это такой человек, каких мало... Коммунист. Приехал из Донбасса. Мастер своего дела. Вот этот старый трос он нашел где-то на задворках шахты и предложил свить из него новый. Для этого он создал бригаду в десять человек,

несколько дней сам помогал нам. А потом поставил меня старшим в бригаде...

В это время подошел и сам Лапшин. На вид ему лет тридцать. Худой, замкнутый, он не сразу располагал к себе. Такое впечатление создавалось, вероятно, потому, что взгляд у Лапшина был холодный, пристальный.

Лапшин поздоровался с девушками, потом повернулся к Жанабылу:

— Трос дозарезу нужен. Когда кончите?

— Как пойдём обедать, будет готов.

Жанабыл слабо знал по-русски, говорил с акцентом, а когда не хватало слов, объяснялся мимикой.

Лапшин осмотрел трос. В одном месте нашел неровность, молча указал на нее Жанабылу. Тот погрозил кулаком Байтену.

— Это ты крутил, ты!

— В этом месте надо распустить и скрутить заново, — распорядился Лапшин. — Если трос плохо скручен, то большой тяжести не выдержит, скорее изнашивается. Так говорят законы механики.

— Какой человек говорит?

Лапшин скупно усмехнулся.

— Наука такая есть. Придет время — узнаешь.

— Наука? — переспросил Жанабыл. — Это запомнить надо. — Достал карандаш, разостлал на колене лист бумаги.

— Не «меканика» пишется, а «механика». Дай исправлю.

— Исправь, пожалуйста.

— Как только закончите, надо немедленно доставить трос к шахте «Герберт». Поторапливайтесь, товарищи!

Лапшин ушел.

Жанабыл посмотрел ему вслед, прищелкнул языком, подмигнул девушкам:

— Видали, какой человек? У нас все настоящие джигиты. Вот только Байтен...

— Что же, в умении крутить трос заключается ваше джигитство? — улыбнулась Ардак.

— Без троса уголь из шахты не поднимешь, а без

угля нет жизни. Это понимать надо. Разве это маленькое дело — свить новый трос из проржавевшей проволоки? Разве просто сделать мастера из недавнего батрака, такого, как я? А Щербаков сказал — нужно сделать. И Мейрам тоже... Нутро у этих людей очень глубокое. Я пока не глубоко проник в него, насколько сумел. Скажете — мало? Попробуйте вы нырнуть, может найдете самое ценное.

— Если бы это была вода, нырнула бы, — ответила Ардак. — А в душу человека не так-то легко проникнуть.

— Легкое каждый может сделать, почетней достигнуть трудного. Это Мейрам так говорит. Как вы на это смотрите?

— Думаю, трудного достигать мучительно. А мучиться не всякому хочется.

— Э, вы не так поняли! — горячо возразил Жанабыл. — Мейрам не хочет, чтобы люди мучились. Нет, он добрый.

— Откуда мне знать? И почему вы так расхваливаете мне этого Мейрама? — вспыхнула Ардак. — Зачем вы так делаете?

— Зачем? По-моему, вы придетесь по сердцу друг другу! — выпалил Жанабыл.

Тут все трое засмеялись. Спыхватившись, что засиделись, девушки встали. Когда отошли подальше, Майпа оживленно стала рассказывать подруге:

— Этот Жанабыл прямо неугомонный какой-то. Когда встретишься с ним, не дает тебе покоя, обязательно косу растреплет. Однажды остановились мы с ним у колодца, так насилу я вырвалась, колечко у меня отнял.

— Ну как можно отнять? Сама, наверно, отдала.

— Право, насильно снял. Чуть пальцы не вывихнул.

— Значит, теперь вы в ссоре?

— Ну стоит ли ссориться из-за этого! Он мне духи подарил.

Ардак тихонько вздохнула. Она постаралась, чтобы Майпа не заметила этого вздоха, но в разговоре невольно выдала себя.

— Ты счастлива с Жанабылом, Майпа?

— А ты?

— А что я? У меня же никого нет!

— А Мейрам?

— Что вы заладили: Мейрам да Мейрам?.. Я еще не знаю его, и он меня не знает.

Ардак задумалась. «Увидеть бы его сейчас. Ведь он должен быть где-то здесь». Но Мейрама не было. Все на шахте было для Ардак новым, никогда не виденным. Один паренек гонял по кругу лошадей, запряженных в барабан. Огромные бадьи попеременно опускались в глубину шахты и поднимались оттуда наполненные углем. Рабочие высыпали уголь в тачки, отвозили и сваливали в кучу.

— Это и есть шахта? — спросила Ардак.

Рабочие рассмеялись.

— Вы что, только сейчас родились на свет?

— А вы разве вместе со светом появились?

Шутники замолкли. Около барабана, прислонясь к столбу, стоял седоусый широкоплечий старик. Повидимому, он был очень общительный. Сразу же он протянул Ардак короткопалую руку.

— Здравствуйте, девушки! Кого вы здесь ищете? Я механик Козлов буду.

— А я Ардак Мырзабекова. Вот принесла отцу обед.

— Впервые вижу такую боевую казахскую девушку. Видать, образованная. Откуда приехала, дочурка?

— Из аула.

— В самом деле из аула, золотая?

— Разве не верите?

— Не-ет, так, уточняю, — сказал Козлов.

Ему очень хотелось поговорить, поделиться своей радостью. И было чем поделиться — на два дня раньше намеченного Щербаковым срока старик закончил установку конного барабана. Подъем бадей вручную отошел в прошлое. Теперь эту работу выполняет один паренек. Бадьи в пять раз больше прежних. Добытый уголь лежит теперь не копной, а стогом. Однако эти нововведения Козлов назвал временной мерой, отсталым способом добычи. В скором

будущем он собирается отменить конный барабан и перейти на паровую установку. Но, по его словам, и пар не может удовлетворить растущее производство. Впоследствии вся работа будет выполняться при помощи электричества. Понадобится и железная дорога. Козлов закончил с увлечением:

— Когда я вижу таких опытных казахских шахтеров, как Ермек, таких сообразительных молодых людей, как Жанабыл, или бойких девушек, вроде вас, я не могу наглядеться, дочурка. С такими людьми все можно сделать.

— Мы всего лишь искры пламени, отец.

— Знаю, знаю! Но искры рассыпает только сильное пламя...

Удары о рельс оповестили, что наступил обеденный перерыв.

Алибек и Жумабай поднялись наверх. Девушки пошли им навстречу. Козлов, пожав руку Алибека, спросил:

— Она, кажется, дочь ваша? Счастливый вы человек!

— Я по-русски не понимаю, — ответил Алибек показавски, почему-то скрыв, что хорошо владеет русским языком.

Ардак испытала неприятное чувство при этой выходке отца, но приняла ее за своевольную причуду. Ведь он же заверял ее: «Я изменил свои старые взгляды. Сама видишь — взялся за лопату и спустился в шахту». О работе он всегда говорил охотно. Ардак верила отцу. И все-таки его непрерывные капризы доставляли ей немало огорчений. Вот и сейчас она испытала чувство грусти.

Козлов между тем продолжал говорить:

— Посмотри-ка, доченька. Под этой трубой лежит большое озеро. Мы собираемся поднять воду на поверхность. Здесь же, у трубы, и механический цех. Кончится перерыв, я тебя свожу туда. Учись. Если ничего не накопишь смолоду, не достигнешь мудрости и в старости.

— Спасибо, отец, посмотрю.

Козлов ушел.

Алибек и Жумабай отошли в сторону, сели на небольшую зеленеющую реденькой травой полянку. Девушки поставили перед родителями еду. Жумабай крошил ножом жирную баранину, приговаривал:

— Берите, берите, кушайте!

— Штреки шахт начинают удлиняться, — заговорил Алибек. — Скоро, пожалуй, не будет хватать времени на то, чтобы подняться на поверхность и пообедать. Ой, где вы, степные просторы!

Последние слова отца больно кольнули сердце Ардак. «Все еще о старом тоскует. Или это от усталости у него?» — подумала она, испытующе взглянув на отца. Но суровое лицо Алибека не выдавало его чувств.

Набив рот бараниной, Жумабай выказал полное безразличие к жалобе Алибека.

— Что же, будем брать еду с собой.

— Под землей желудок плохо переваривает пищу, — возразил Алибек.

— Воля божья, мой желудок везде ее хорошо переваривает! — признался Жумабай. — Сам себе удивляюсь. Еще когда я женихом приезжал в аул к невесте, меня прозвали обжорой.

Ардак рассмеялась. Алибек тоже ухмыльнулся в бороду, согласился:

— Конечно, была бы работа, будет и аппетит. Работа — это главное.

Когда родители пообедали, девушки пошли к трубе. Там их встретил Козлов.

Низкое каменное здание теперь носило громкое название — механический цех. Но это название могло оправдаться только в будущем, а сейчас в здании не было ни одного исправного механизма. По углам громоздились кучи — железные колеса, обломки шестерен, ржавые вагонетки, несколько негодных локомотивов и прочий хлам. Это все, что осталось от англичан.

У дверей, снаружи, стояли три локомотива. Слесарь, дед Иван Потапов, с утра до вечера топтался возле них, постукивал молотком. У него не в обычае было торопиться, равно и уставать. Он был молчалив.

Только когда разговор заходил о локомотиве, он становился словоохотливым и забывал о своем молотке.

Вот к такому-то человеку механик Козлов и подвел двух девушек, сказав деду, что их нужно ознакомить с локомотивом. А сам тут же ушел.

Прежде чем заговорить, дед Иван закурил самокрутку толщиной в большой палец и, без перерыва затягиваясь, держа одну руку у рта, а другую подмышкой, некоторое время смотрел на локомотив. Это у него было подходом к разговору.

Девушки с любопытством следили за каждым движением старика, разглядывали его пожелтевшую от табачного дыма белую бороду.

Дед Иван что-то произнес по-казахски. Казахский язык он знал хорошо, но первые фразы, пока не прислушаешься к его речи, у него выходили неразборчиво — старик был беззуб и сильно шепелявил. Сначала Ардак ничего не могла понять, а переспросить боялась, чтобы не рассердить строгого деда.

— Этот локомотив ранее принадлежал Кривоглазу, — более внятно сообщил старый слесарь.

Кривоглаз был кулаком, владельцем паровой мельницы в селе Букбе, ныне высланный. Дед Иван хорошо знал этого Кривоглаза и полагал, что он должен быть известен всем, потому и счел за лишнее объяснить это девушкам.

— Пятнадцать лет мы служили вместе Кривоглазу, — говорил дед Иван, указывая на локомотив.

После этого он подошел к другому локомотиву.

— А это — бывший рязановский, — сказал он, старательно затапывая окурок; он тоже не посчитал нужным добавить, что Рязанов в прошлом — владелец мельницы. — Эту машину я знаю тридцать лет, — добавил старик. — Пожалуй, и ремонтировал ее не меньше тридцати раз. — Наконец он затоптал окурок и сложил руки на животе.

Третий локомотив стоял весь в заплатках — до самых колес. Подойдя к нему, дед Иван рассмеялся.

— Этот старик ровесник мне! Эх, бессовестный, зажился на свете! Давно тебе пора на свалку, — проговорил он, сплюнув под ноги.

В мастерской девушки познакомились еще с одним старым рабочим, Антоном Левченко. По внешности и по характеру он был прямой противоположностью деду Ивану: в движениях — быстрый, как ястреб, на словах — обходительный. Когда девушки подошли, он копался в грудке железного лома с таким видом, словно потерял какую-то ценную вещь, в левой руке он держал гайки, нанизанные на проволоку.

— Что вы ищете, дяденька? — спросила его Ардак.

Левченко замотал головой, стал копаться еще проворнее.

— Все время уходит на то, чтобы разыскать нужную вещь, дочка! То гайка нужна, то болт. Попробуй тут найди...

В это время Козлов, Лапшин, Жанабыл и другие рабочие сошлись вместе, заглядывая в бездонное отверстие, — это был спуск в шахту «Герберт». При помощи стального троса, сплетенного бригадой Жанабыла, предстояло спуститься в шахту и осмотреть ее. Но никто не решался на спуск — глубина заброшенной шахты достигала девяноста метров.

— Я спущусь, — услышали девушки голос Лапшина.

Девушки подбежали к нему. Лапшин вытер рукавом пот со лба и вошел в деревянную клеть, подвешенную на тросе.

— Кто со мной? — повернулся он к рабочим.

— Я! — отозвался Жанабыл и шагнул вслед за Лапшиным.

Клеть качалась над бездонной пропастью. Майпе казалось, что тонкий трос вот-вот оборвется и клеть вместе с людьми рухнет в эту пропасть.

— Не спускайся, Жанабыл! — невольно крикнула Майпа.

Жанабыл ответил гордо:

— Ты думаешь, у меня девичье сердце?

Лапшин стал подавать команду. Двое рабочих, крепко взявшись за ручку барабана, приготовились.

— Спускать! Стоп! Спускай! — доносился из глубины голос Лапшина.

Постепенно голос его удалялся, потом стал еле слышен и наконец совсем затих.

Козлов начал тревожиться.

— Что они замолчали? Неужели внизу газ?

До сознания Ардак только теперь дошло, что люди отважились на опасное дело. У нее громко застучало сердце.

— Почему их спустили, дяденька, если это так опасно?

— Воля людей сильнее опасности, девушка. Рабочего человека опасность не остановит.

После длительного молчания из глубины донесся слабый голос:

— Тяни-и!

Все, кто стоял около шахты, с облегчением вздохнули, лица их засветились радостью.

Лапшин и Жанабыл вышли из клетки здоровыми и невредимыми. Люди встретили их ожидающими взглядами.

— Воды внизу очень много. Шест не достает до дна, — рассказывал Лапшин. — Но камерон ставить опасно. Местами обшивка ствола прогнила.

Эта весть озадачила рабочих: чтобы выкачивать воду, необходимо над самой ее поверхностью навести пол и на нем установить камерон. Возле камерона должен постоянно находиться рабочий — машинист. В случае обвала обшивки пол может провалиться. Рабочие волновались. Каждый вносил свое предложение, как обезопасить работу. Мнения расходились. Опасность казалась более реальной, чем возможная удача. В эту минуту подошел главный инженер Орлов — высокий, немного сутулый, в пенсне, цепко сидящем на остром носу, с седой бородкой клином; он остановился, ни на кого не глядя, заложив руки в карманы, и безмолвно слушал механика Козлова.

Когда Козлов доложил ему положение дела, Орлов бросил только одну фразу:

— Я не разрешаю пока ничего предпринимать! — и отошел.

Эти его слова рабочие истолковали по-разному.

— Сердитый, не приступишься! — сказал Жанабыл, уже знавший, какую должность занимает Орлов.

— Должно быть, боится. Ведь если случится что, ему в первую голову отвечать.

— Как знать! Может, только ссылается на опасность, а сам задумал оставить производство без воды?

— Пойду доложу Щербакову! — решительно сказал Козлов. Он уже успел продумать все затруднения и нашел выход. — Камерон можно установить без риска. Над водой протянем железные перекладины, введем их концы в стенку ствола, за обшивку. На них и будем настилать пол. Чтобы понадежней обезопасить работу, перехватим камерон железным тросом, другой конец его закрепим здесь, на поверхности. Куда тогда камерон денется? Так, товарищи, только так!

Предложение Козлова всем понравилось. Шумно обсуждая его, рабочие стали расходиться.

Ардак и Майпа тоже пошли домой.

Все, что увидела Ардак сегодня, заставило ее задуматься. Люди такие разные, характеры непохожие, но работа у всех одна, цель общая. Ради этой цели они готовы пойти на любой риск. «А что делаешь ты среди этих людей?» — спросила себя Ардак и не смогла ответить.

Этот вопрос не переставал волновать ее и дома, когда она легла в постель и спрятала лицо в подушку.

Глава одиннадцатая

Председателю районного исполнительного комитета Канабеку перевалило за сорок. Приземистый, плотный, с рябоватым лицом, с пучком реденькой бородки, он обычно говорил с улыбочкой и любил называть собеседника «дорогим». Речь у него живая, вся пересыпана житейскими пословицами, поговорками, шутками.

— Молодость — это пламя! — говорил Канабек Мейраму, зашедшему к нему в райисполком. — Вот, скажем, старуха моя стала сейчас рябая, вроде меня. Только я вершок от земли, а она высокая. Рассердится —

грозит мне кочергой. А ведь было время, когда я из-за нее готов был в огонь и в воду... Я, понятно, шушу, к слову пришлось. А если серьезно говорить, так вот что скажу... Ты, похоже, успел полюбить Караганду, потому и беспокоишься о ней, хоть и недавно приехал. Сегодня ночью на бюро райкома ты во многом правильно упрекал нас. Конечно, дорогой, Караганда имеет значение не только для нашего района, но и для всего Казахстана. Она станет третьей кочегаркой Советской страны, даст Казахстану, технически отставшему лет на сто, социалистическую индустрию. Она сделает из бывших кочевников передовых рабочих. Все это мне понятно. Только, пожалуйста, не забегай вперед. Сразу всего не охватишь. Щербаков — опытный начальник, он понимает это.

— Так мы же просим у района посильной помощи.

— А у нас, дорогой, о чем разговор? Разве не о помощи?

— Когда же вы ее дадите?

— Гляди, как подгоняет! — воскликнул Канабек. — Что вам нужно? В первую очередь вам нужно создать местную власть. Завтра же в Караганду выедет мой заместитель Каримбай. Он организует поселковый совет. Вторым важным вопросом является организация профсоюза. Вместе с Каримбаем поедет председатель райпрофсовета Жуманияз. Он — выдвиженец из рабочих Екибастусских каменноугольных копей. Возможно, оба они и останутся у вас. Доволен?

— На этом спасибо. Но где обещанные рабочие?

— Тут вспомнишь поговорку: «Не пускай безбродого в дом, не сажай на почетное место», — озабоченно проговорил Канабек. — Хорошо. На этой неделе направим к вам пятьсот человек. Из колхозов, по договорам. Но договоры выполняйте точно. Если поступит на вас жалоба, тогда дружба врозь.

— В большинстве своем это люди неграмотные, — напомнил Мейрам, — а у нас нет учителей. Работа на производстве требует обучения.

Канабек задумался. Обучить людей не легче, чем построить новое большое предприятие. В казахских

аулах было еще много неграмотных, а обучение шло не так быстро, как этого хотелось бы.

В поисках выхода Мейрам предложил:

— А если обучать по русскому алфавиту? Тогда не будем испытывать большого недостатка в учителях.

— Спешись, дорогой, торопись! Для этого пришлось бы всю казахскую печать переводить на русский алфавит.

— Тогда дайте учителей.

— Э-э, парень, теперь ты заговорил об учителях. Но учителей и в аулах не хватает, — проговорил Канабек тихим голосом. Потом добавил громче: — Не можем дать учителей. Есть решение краевого комитета партии направить в Караганду большую группу политпросветработников. Подождите их. А пока используйте местных грамотных людей. Помни, Караганда не только очаг каменного угля, но и очаг культуры. В аулы культура пойдет от вас. Дерзайте!

Мейрам хорошо понимал, что маленький Тельмановский район не сможет удовлетворить культурных запросов Караганды, и не стал спорить.

— Серьезную вы нам помощь пообещали. Будем ждать...

— Желаю успеха в работе. Передай привет Щербакову. Слушай его во всем.

Мейрам вышел с довольным видом. Правда, с Канабеком удалось разрешить далеко не все вопросы. Ночью на заседании бюро райкома партии обсуждение шло куда шире — говорили и о продовольственном снабжении бурно растущего населения Караганды. По большому плану строительства, вокруг угольных разработок предполагалось организовать совхозы и подсобные хозяйства. Посевные поля и пастбища Караганды должны раскинуться на многие десятки километров. Соседние колхозы — Долинский, Компанейский и Самарканский — получают новые земельные наделы, а свои прежние участки освободят для крупных совхозов Караганды. В сравнении с этими огромными пространствами Тельмановский район казался островком, словно маленькая звездочка на лбу лошади.

Мейрам отчетливо видел, что за пятилетку

Караганда в своем развитии шагнет далеко вперед. Процветание родных мест, родного народа всегда радостно сердцу. А что было в прошлом? Неодолимо влекло взглянуть на места, знакомые с детства. Выйдя от Канабека, Мейрам сел на коня. Вброд переправился через мелководную речушку Кокозек, разделяющую на две части крупный по здешним местам поселок.

В старое время на западном берегу речушки жили купцы, мелкие лавочники, мясники. Сюда на базар съезжались жители шести волостей. Уцелел дом под зеленой крышей, где была контора крестьянского начальника, управлявшего округой. Начальник давно изгнан, дом заметно обветшал, на его воротах прибита вывеска: «Контора райутильсырье». При виде этой вывески Мейрам невольно улыбнулся.

Центральное место на восточном берегу речушки занимали строения, в свое время принадлежавшие управлению Спасского медеплавильного завода, — им владели англичане. В домах, сложенных из жженого кирпича и дикого камня, жили в те годы пристав, урядники, конторщики, мастера. Дальше были разбросаны лачуги и землянки рабочих. Теперь от этих хибарок остались только бугры да ямы, как на заброшенном кладбище. Мейрам пристально оглядывался кругом, отмечая перемены. Его взгляд задержался на здании бывшей пятилетней русско-казахской школы. Мейрам даже остановил коня. Перед глазами возникло прошлое.

Тогда ему было лет десять—одиннадцать. Стоял морозный осенний день. Покойный отец привез его из аула в этот дом и уехал. Потом навещался раз в неделю, привозил скудные харчи, делился невеселыми аульными новостями: «Плохо живем. Учись, может добьешься лучшей жизни». Но учиться довелось всего две зимы. Началась революция. Англичане сбежали, завод и школы закрылись. Школа!.. В те годы это неприглядное приземистое здание казалось маленькому Мейраму дворцом.

Пришлось Мейраму вернуться в родной аул. В семнадцатом году отец и мать умерли от тифа. Батрачил на бая,—тяжелые годы... Помог комсомол. И опять

учение, только уж в большом городе. Наконец — Москва, институт...

И вот перед глазами снова знакомые с детства места.

Мейрам тронул коня.

Вдали от поселка раскинулся Спасский завод. Сейчас над заводскими воротами не видно прежней вывески с крупными буквами. Мертво, корпуса полуразрушены. Зброшенный завод напоминал опустевший аул, население которого откочевало на летнее пастбище. Ну что же, растет Караганда — она оживит все кругом!

Мейрама встретил сторож-старик.

— Кого разыскиваешь, сынок?

— Хочу завод осмотреть.

— А что на него смотреть? На Карсакпайский завод все ценное забрали, даже трубы. Остальное увезли в Караганду.

Это Мейрам знал. Он за иным сюда приехал: вспомнить свое детство. В школьные годы он частенько бегал на завод.

Мейрам спешил, прошел на территорию завода. Вот «огненный дом», в раскрытые двери которого он заглядывал почти каждый день, а войти боялся. Там в печах всегда бурно кипела медь, словно варящийся в котле сыр. Рабочий-казах, в войлочном фартуке, в деревянных таганах¹, привязанных к обуви, вооруженный ковшом на длинной железной ручке, черпал расплавленную медь и разливал ее по трехгранным чугунным формам. Ковш был тяжелый, с рабочего ручьями струился пот. Казалось, самый сильный человек свалится от такого напряжения. А эту адскую работу приходилось делать в течение десяти часов ежедневно. Слиток меди обходился хозяевам в полторы копейки, включая все издержки завода. Сколько же получал рабочий за свои каторжные мученья, Мейрам и сейчас не мог высчитать.

Вспомнился такой случай. К рабочему, разливав-

---

¹ Таганы — деревянные дощечки, которые привязывались к подошвам обуви для предохранения от ожогов.

шему медь, подбежал чем-то рассерженный мастер Холл. Этот человек был известен своей жестокостью. Если другие мастера из англичан бранились и дрались кулаками, то Холл пускал в ход свои длинные ноги, расправляясь ими не хуже дубинки. Не говоря ни слова, он так пнул рабочего ногой, что тот рухнул на землю. Бедняга попытался подняться, но Холл ударил еще раз и пинками выбросил рабочего за дверь.

На этот раз зверство не прошло Холлу даром. Неожиданно, раньше времени, заревел гудок. Со всех сторон прибежали рабочие, стуча о землю своими таганями. Два дюжих парня подтащили связанного Холла к железной тачке, бросили его на тачку и под одобрительный гул толпы повезли ненавистного мастера к высокому оврагу, где сваливали шлак. Здесь тачку перевернули; Холл, кувыркаясь по откосу, полетел вниз.

Долго Мейрам бродил по заводскому двору. Заржал конь, словно напоминая, что пора ехать. Мейрам вскочил в седло и пустил гнедого вскачь.

Быстрая езда развеяла тяжелые воспоминания. На душе стало легче. Миновав хребты Саранских гор, Мейрам спустился в низину и выехал на степной простор. Неширокая равнина бесконечно тянулась с востока на запад. В горных районах солнце поднимается из-за хребта и прячется за хребет. Здесь, на равнине, казалось, что светило появляется прямо из земли и уходит в землю.

Восточная часть долины, слегка всхолмленная, тянулась километров на семьдесят. В будущем здесь раскинутся поля, а местами появятся угольные шахты. В западной части, несколько меньшей, тянулись в ряд плоские возвышенности. Здесь будут пастбища животноводческих ферм.

Местность безлесная, лишь кое-где встречаются непролазные заросли кустарника — карагана. И повсюду растет высокий, словно камыш, густой ковыль — надежное убежище зайцев.

Сейчас аулы с этих мест перебрались ближе к Караганде. На лугах уже не видно скота; травостой поднялся — волнистый, цветущий. Метелки созревшего

ковыля напоминали пучки перьев филина на головных уборах девушек. Распустившийся сасыр покачивал своими зелеными шелковыми кистями. Красные, розовые, желтые тюльпаны еще ярче расцвели равнину.

Мейрам ехал на резвом коне по этой благоухающей степи, как по раскинутому ковру. Хотелось запеть. Отдавшись песне, он даже не заметил бесчисленных подвод, двигавшихся в стороне от него по большой дороге, разрезавшей надвое широкую степь. Он громко пел:

Целует солнце лебедь белую,
Одиноко плывущую по озеру.
Шумно бьет она крыльями по воде,
Любуется, глядя по сторонам.
Не заслони белоснежную красавицу,
Легкий шелковый туман.

Перед его глазами невольно возник образ Ардак. Мейрам не переставал думать о девушке, оставившей такое сильное впечатление при первой же встрече. Внешность ее обаятельна, но хотелось узнать душу. Много ли радости в блистательной красавице с пустым, холодным сердцем! Подлинная красота человека — в характере, уме, в деятельности. А внешность может жестоко обмануть. Нет, Ардак, конечно, не пустая девушка. По ходу своих мыслей, Мейрам задумался и об отце ее, Алибеке. «Кто он — этот молчаливый, всегда погруженный в себя человек?»

Случайно Мейрам глянул направо, на большой тракт, и течение мыслей его оборвалось. Дорога была заполнена караванами. Ехали не одиночные подводы и всадники, а катился сплошной поток. Передние скрывались далеко за хребтом, а позади, в низине, из чащи карагана и чия появлялись все новые. Одежда людей, повозки, тавро на животных пестрели своим разнообразием. Это были караваны множества казахских родов.

— Да, идет великая перекочевка! — сказал Мейрам вслух.

Он повернул коня на тракт. Хоть он и знал, что

караваны тянутся в Караганду, все-таки останавливался, спрашивал:

— Куда путь держите?

— В Караганду.

— Откуда будете?

— Из колхоза.

— По договорам едете?

— Да.

Все давали одинаковый ответ. Один из караванов расположился на отдых у Каменного колодца. На склоне холма паслись вместе верблюды, лошади, коровы, овцы и козы. Мейрам свернул к колодцу.

Дверное отверстие войлочного шалаша, поставленного немного в стороне от других, было открыто. Внутри, полусогнувшись, сидели на разостланной кошме двое — повидимому, муж и жена. Услышав топот коня, они подняли головы.

Мейрам спешился, подошел к шалашу и поздоровался с хозяевами. Люди они были пожилые, одежда у них запыленная, лица усталые.

— Куда путь держите, отагасы? — спросил Мейрам.

Отагасы протер кулаком покрасневшие глаза, ответил:

— В Караганду, как все.

— Откуда едете?

— Из Каркаралинского уезда.

— Издалека.

— Да, издалека. Вот увидели, люди поднялись в Караганду — и мы решили откочевать. Одна беда: в колхоз вступить еще не успели и едем без дагаура. Пожалуй, трудно придется. Что ж, если дадут какую-нибудь работенку — и то хорошо. Будем жить себе потихоньку, работать на промысле и пасти свой скот.

Мейрам невольно улыбнулся. Этот человек не нашел места пасти скот в широкой степи и подался в Караганду, где нет хороших пастбищ. Велика сила привычки — тянуться вслед за людьми. Отагасы не догадывался, почему улыбается Мейрам, и со спокойным видом продолжал говорить, то и дело пропуская

сквозь пальцы свою редкую бороду. В этом его спокойствии чувствовались и широкая доброта характера и вместе с тем ограниченность стремлений. «Такие люди, — думал Мейрам, — считают хорошей добычей пряжку подпруги, найденную на дороге, но порой не жалеют о потерянном коне или верблюде». Он спросил у человека, как его имя.

— Зовут меня Жайлаубай, — ответил отагасы и задал встречный вопрос: — А как тебя звать, родной?

— Мейрам. Отца моего звали Омар.

Отагасы и его жена переглянулись.

— Из какого рода?

— Я плохо разбираюсь в родах. Мой отец переселился в эти места в юности и жил здесь до самой смерти. После смерти отца и матери я остался подростком и уехал учиться.

— Имя своей матери знаешь, светик? — спросила женщина.

— Знаю. Ее звали Малике.

Женщина порывисто бросилась к Мейраму и, обняв его и плача, начала причитать:

— Мой единственный, оставшийся после моего брата Омара! Довелось мне увидеть тебя в живых. Теперь я могу хоть сейчас умереть, если небо меня возьмет!

Мейрам с недоумением слушал эти причитания. Он никогда не видел родственников ни по отцу, ни по матери, даже не знал, есть ли у него они. Мало-помалу, выяснилось, что женщина — единственная сестра отца Мейрама. После того как родился Мейрам, она только однажды приезжала к его родителям. Позже до нее дошли слухи, что брат и сноха умерли, а мальчик, оставшийся после них, потерялся.

Мейрам рад был встретить родную тетку. Чертами своего лица, особенно глазами — серыми и острыми — женщина была похожа на отца Мейрама.

— Мой потерянный нашелся! Моя погасшая звезда зажглась. Пошевеливайся, старик, иди зарежь овцу, — приговаривала женщина и схватила в руки ведро.

Но Мейрам решительно остановил ее:

— Баранины поедим в Караганде, а сейчас довольно и того, что встретились.

Он дал родственникам совет, где поселиться в Караганде: назвал аул, в котором жила Ардак.

— Сбылась поговорка: «Кто оделся в саван — не вернется, кто оделся в шубу — возвратится», — говорил Жайлаубай. — Спасибо, родной, за помощь, за советы.

Попрощавшись с ними, Мейрам сел на коня. Теперь он ехал по железнодорожной насыпи. Это была заброшенная линия узкоколейной дороги Спасск—Караганда, заросшая травой и местами размытая водой. Мейрам остановил коня у развалившейся будки обходчика. Отсюда были видны все аулы, расположившиеся в низине возле Караганды. Их стало больше, чем прежде.

Мейрам отыскал взглядом аул Ардак и направил к нему коня.

Вот знакомая серая юрта. Ардак стоит у входа. Рядом с ней молодой кудрявый мужчина, одетый по-городскому. Они не заметили выехавшего из-за юрты всадника.

— Здравствуйте! — громко сказал Мейрам, подъехав ближе.

Оба круто повернулись. Ардак слегка наклонила голову, лицо ее порозовело.

Курчавый молодой человек держался надменно. Он принялся ходить взад и вперед, время от времени цедив сквозь зубы: «Да, да». Ему не больше тридцати, но щеки у него мясистые, живот кругленький. Стараясь казаться важным, он раскачивался на ходу.

— Из вас вышла бы отличная продавщица за прилавком, — сказал он Ардак, глядя на нее масляными глазами.

Из этих слов Мейрам заключил, что это торговый работник. Верный своей профессии, он и сейчас как бы приторговывал на службу девушку.

Желая сгладить неловкость, Ардак сказала примиряюще:

— Я думала, что вы знакомы, а теперь вижу — сторонитесь друг друга. Познакомьтесь... Это руководитель кооперативной организации в районе. Приехал

сюда, чтобы открыть при шахте магазин. Если не ошибаюсь, зовут его Махмет. А этот молодой человек, — указала она на Мейрама, — работает здесь. Если не ошибаюсь, имя его Мейрам.

— Спасибо! — поблагодарил Мейрам. — Вы дважды подряд произнесли: «Если не ошибаюсь». Думаю, что в третий раз не ошибетесь.

— Хотите сказать: «Батыр испытывает силу до трех раз»?

— Вы себя имеете в виду?

— Не обязательно быть батыром, чтобы не ошибиться.

— Что же, на ошибках будем учиться. В этом нет большой вины.

— Кажется, этот человек любит всех поучать, — сказал Махмет, усмехнувшись.

Не оставив без внимания его смешок, Мейрам ответил Ардак:

— Если вы в чем-либо и ошиблись — ваш защитник рядом. И с виду не из худеньких.

Махмет начал терять самообладание.

— Ты, товарищ, не забывайся. Возможно, считаешь себя и первым человеком в этом ауле, но в разговоре со мной изволь выбирать слова. Я не постою на том, чтобы защитить девушку, если будет нужда.

Мейрам усмехнулся.

Ардак чувствовала себя неловко. По счастью, она увидела отца, возвращающегося с работы. Уходя в юрту, она бросила на ходу:

— Пока в защитниках не нуждаюсь. Не спорьте понапрасну.

Мейрам тронул коня, чувствуя, что в сердце его зародилось чувство ревности.

Глава двенадцатая

Алибек, увидев Ардак и двух молодых людей, сообразил, что разговор между ними идет не простой. «Повидимому, они готовят сети для моей дочери, — рассуждал Алибек. — Надо выбрать, какая сеть

надежней. Мейрам — опасен, неподатливый человек. Махмет более покладист — пойдет, куда погоню, сделает, что потребую».

Хитрый Алибек умел распознавать людей с первой же встречи. Он разгадал Мейрама, собрал о нем сведения со стороны. А Махмета, прожившего одни сутки в его юрте, изучил до мозга костей. «Хоть он и партийный человек, но его легко прибрать к рукам. Использую его авторитет и казенные денежки».

С такими мыслями он вошел в юрту. Ардак помогла ему снять рабочую одежду, подала теплую воду и вышла подогреть обед.

Возле земляного очага, словно мотылек у огня, суетился Махмет. Он старался показать себя расторопным, но в каждом его движении сказывалась неуклюжесть. Бросился снимать закипевший чайник — обжег кипятком руку. Рука сильно болела, но Махмет не подавал виду и раскатисто хохотал при каждой улыбке Ардак.

Грубоватый смех, наигранная расторопность кругленького влюбленного, мячиком катавшегося вокруг, не вызывали в сердце Ардак ни малейшего чувства. Махмет был жалок в ее глазах. Но обижать парня ей не хотелось, и Ардак внешне держалась спокойно и приветливо. Махмет чувствовал себя на вершине счастья.

Когда Алибек переоделся, оба они вошли в юрту. Кроме них, в юрте никого не было. Жумабай вместе с женой и дочерью Майпой уехали на третью шахту, обещав вернуться только завтра.

Алибек сидел на переднем месте. На его впалом лице резко выступали острые скулы. В черных, как уголь, волосах и в густой круглой бороде белела седина. Глубоко посаженные глаза зорко наблюдали из-под бровей за всем, что происходило вокруг. В этой позе Алибек был похож на коршуна, подстерегающего мышь у норы. Но Махмету он казался мощным беркутом.

Попрежнему суется, он достал из своего чемодана бутылку коньяку с пятью звездочками на наклейке — такого в то время нельзя было найти в этих местах

даже для больного, — положил на достархан коробку шоколадных конфет и пачку печенья. После этого налил в пиалы коньяк.

— Прошу! — сказал он и пододвинул одну пиалу к отцу, другую к девушке. — Гость бывает гостем только в день приезда. В дальнейшем я не позволю себе отягощать вас. Скажу больше, отагасы, — мне больно видеть вас на черной работе!

— Спасибо, дорогой! — сказал Алибек и опорожнил пиалу, но снова наполнить ее не позволил.

Ардак чуть пригубила, поставила пиалу на достархан. Махмету, который настойчиво просил ее выпить еще, она ответила:

— Попробовала — и будет. Разве вы хотите, чтобы я опьянела?

Алибек понял, что дочь относится к Махмету холодно. Ему нравилось, что Ардак скрытна, и в то же время он опасался: не Мейрам ли пришелся ей по душе? Чтобы выяснить это, он сказал дочери:

— Подземная работа почетна, Ардакджан, но я начинаю уставать от нее. Не возьмешься ли ты за какое-нибудь дело?

— Хорошо, — согласилась девушка. — Отдохните, отец, а я поступлю на работу.

— Пока ты не привыкнешь, я еще поработаю. А тебе, пожалуй, лучше будет пойти по торговой части. Дорогой Махмет, вручаю тебе дочь; сначала аллаху, а потом тебе.

— Расчудесно! Я же вчера вам говорил! — подхватил Махмет. — На первое время откроем здесь пять ларьков. Пусть Ардак выберет себе любой. Пока освоится, можно человека к ней приставить. Караганда скоро превратится в большой город. Я уже давно подумываю перебраться сюда. А вы бросьте подземную работу, отагасы. Поверьте, ни в чем ни будете испытывать нужды!

По спине Ардак пробежал холодок. «Почему отец, не спросив меня, так поспешно согласился? Почему Махмет хочет все уладить поскорей? Не хотят ли они опутать меня двойной сетью, чтобы я даже не шелохнулась? Что мне делать?» — думала Ардак.

Пока ужин не пришел к концу, она не произнесла ни слова.

— Ночь коротка, пора стлать постель! — сказал Алибек и остановил свой острый взгляд на дочери.

Он наблюдал, как поведет себя Ардак. Но Ардак умела хранить сокровенные мысли лучше, чем отец. С видом доверчивого, несмышленного верблюжонка, готового бежать на зов хозяина, она встала с места.

Алибек всегда спал на переднем месте. Но сегодня, сославшись на духоту, сказал, что ляжет на воле. Подкатив повозку в тень юрты, он велел постлать себе постель в коробе.

Махмет разлегся на переднем месте. Красивая девушка, уединенная юрта, темная ночь... Как ни закрывал он глаза, возбуждение его не угасало. Сердце стучало...

Постлав отцу и гостю, Ардак долго еще хлопотала в юрте. Потом поставила на стол лампу и раскрыла книгу — «Мать» Горького.

В надежде, что девушка погасит лампу и ляжет спать, Махмет ворочался с боку на бок, не сомкнул глаз до рассвета. Ардак все читала.

Глава тринадцатая

Наступили напряженные дни. Мейрам организовывал поселковый совет, партийную, комсомольскую и профсоюзную организации. Совещания и собрания, острые подчас споры помогали расти молодому человеку, оттачивали его ум.

Мейрам сидит за столом, шевелит бровями, пишет. Ровные, как связки кораллов, строчки четко ложатся на бумагу.

Перебрасываясь шутками, в комнату вошли Щербаков, председатель профкома Жуманияз, Ермек, Жанабыл, механик Козлов. Сейчас они собрались на расширенное заседание бюро партийной организации. Предстояло обсудить один вопрос — состояние производства. Всем было интересно посмотреть, как поведет себя на работе новый секретарь.

Мейрам огласил повестку дня, дал слово Щербакову и попросил присутствующих:

— Постараемся экономить время.

В душе он сильно волновался. Впервые ему предстояло руководить заседанием бюро. Легко сказать: руководить. Возникнут споры, противоречивые мнения... Надо выделить правильные предложения, отвести неверные, не упустить за частностями главного. Он тщательно готовился к этому первому своему экзамену. Даже заранее продумал свои возможные реплики. Но разве все предусмотреть? Он надеялся на помощь Щербакова.

Сергей Петрович выпрямил свое массивное тело, заложил руки за спину и начал говорить. Говорил он без конспекта. Среди собравшихся он был самым старшим по возрасту и больше других искушен в практике. Этот пожилой, седеющий человек охватывал своим пронизательным взором не только сегодняшней день Караганды, но и завтрашний. Рассказывая о производстве, он словно читал по карте. Об успехах говорил мало, больше критиковал недостатки. Но делал это заботливо, по-отечески, и речь его не вызывала обиды.

— Сейчас у нас работает пока только одна шахта. Кое-как ее пустили рабочие еще до нашего приезда. Жить-то им было нечем. Вот и добывали уголь бадейками, а потом меняли на продукты в аулах. Другое дело теперь... Мы заканчиваем подготовку к открытию новых трех шахт. Но вот беда: не хватает материалов, в первую очередь леса. Не хватает воды, не всегда успевают подвозить продовольствие. Нет жилищ для рабочих, которые прибывают непрерывно. Нужды много, товарищи. Все упирается в железную дорогу. Сможем ли мы удовлетворить народ до той поры, как будет проложена дорога? Надо смотреть правде в глаза. Не сможем. Где выход? Необходимо использовать все возможности на местах. И в первую очередь — коммунисты должны собрать свои силы в один кулак и всюду подавать пример другим... — говорил Щербаков.

Мейрам взглянул на Сергея Петровича. «Подавать

пример»... Простые слова, а сколько в них заключено смысла.

Сергей Петрович продолжал:

— Сегодня подадим на поверхность воду из шахты «Герберт». Пустим ее на производственные нужды. А из колодцев будем брать воду только для питья. Но это не решает задачи водоснабжения. Как быть? В двух километрах отсюда находится большой родник Май-Кудук, а в тридцати пяти километрах — река Нура. Во что бы то ни стало надо подвести их воды в Караганду. Мы не можем сказать точно, когда железная дорога доставит нам водопроводные трубы. Но канавы для прокладки труб нужно готовить немедленно. Если эту работу отложить на зиму, копать будет трудно. Где взять людей для рытья канав? Люди заняты на производстве. Коммунистам надо найти выход из положения. Подумаем и о другом... Прошло больше половины лета. Осень и зима не за горами. Девяносто девять из сотни рабочих у нас не обеспечены нормальным жильем. И мы должны позаботиться об этом. Надо организовать рабочих, снабдить их материалами, чтобы каждый смог построить себе временное жилище. Кроме того, мы заключили договоры с пятью колхозами. Они выделяют нам квартиры. Теперь о продовольствии. Дело опять упирается в железную дорогу. Правительство выделило необходимые фонды. Но продукты подвозят медленно. Рассчитываем на подводы местных колхозов. Ведь мы зависим не от кулака...

Докладчик рассказал о планах добычи угля, о передовых и отстающих бригадах в шахте. И закончил:

— Такова, товарищи, картина. Я ничего не скрыл от вас, ничего не прикрасил. Нам предстоит решить большие государственные задачи, решить их пока с малыми силами и в очень трудной обстановке. Но на то мы и коммунисты, чтобы не бояться трудностей.

Наступила тишина. Казалось, ясны и первые достижения производства и недостатки. Докладчик подсказал пути преодоления трудностей. О чем еще говорить? И Меирам тоже так думал: «Что я могу добавить к докладу? Это же Щербаков говорит —

человек с большим производственным и партийным опытом.

— Сергей Петрович, у меня вопрос. Вы сказали, что самые важные работы — протянуть железную дорогу и доставить пружины. Когда можно ожидать первый эшелон?

Щербаков спокойно ответил:

— Строительством дороги мы не занимаемся. Точно указать срок прибытия первого эшелона с грузами трудно. Сейчас дорогу проложили до Аскарówki. К январю должны дойти до Караганды.

Поднялся старый шахтер Ермек.

— Это верно, дорогу не мы делаем. А если поторопить их? Нам до января нельзя терпеть. Пусть к декабрю проведут. Вы телеграмму им не послали? Скажите — шахтеры ждут. И спросите: чем нужно помочь? Поможем. Нам скорее надо.

Сергей Петрович положил на стол нераскуренную трубку, взглянул на Мейрама, потом на Ермека, и в этом взгляде вспыхнул молодой задор.

— Нет, товарищ Ермек, не послал я телеграммы. А нужно бы послать. Обязательно завтра же пошлю. Дорога очень нужна. Первый же эшелон из Донбасса окажет нам огромную помощь.

— Какую помощь? — не удержался Мейрам.

— Привезут парогенератор, два паровых котла, нефтедвигатель, новые тросы, динамомашины. Вот сколько добра! Через два-три года нам это мелочью покажется, а сейчас паровые котлы — великое дело. Страна, правительство заботятся о нас. Перед нашим заседанием я получил телеграмму от товарища Орджоникидзе. Могу сообщить: нам отправлены пять тракторов, первые детища пятилетки. Товарищ Орджоникидзе взял в свои руки непосредственное руководство строительством Караганды...

— Серго Орджоникидзе руководит строительством Караганды! Теперь легче будет! Какие бы трудности ни встретились в создании Большой Караганды — советские люди одолеют их.

— Товарищи, вот что я скажу, — вмешался Жуманияз. — Ленин говорил, что профсоюзы — школа

коммунизма. Начало субботникам положено товарищем Лениным. Я вношу от имени профсоюза предложение: проведем несколько субботников и пророем канавы для прокладки водопроводных труб от Майкудукского родника и реки Нуры.

— Вот это будет действительная помощь! — воскликнул Сергей Петрович. — Предложение Жуманияза надо горячо поддержать. Еще одной трудностью будет у нас меньше.

— Пролетариат трудностей не боится, — ответил Жуманияз. — Рабочие знают, что Караганде нужна вода, нужны жилища. Мы построим их, только помогите нам материалами, деньгами. Все сделаем. Караганда — наше детище.... Но вот о чем еще хочу напомнить: пора, товарищ Щербаков, заключать с рабочими коллективные договоры. А кто нарушит договор — по головке не погладим.

Это был первый случай со дня приезда из Донбасса, когда Сергей Петрович услышал голос профсоюза. Он соскучился по этому голосу, и ему хотелось подзадорить Жуманияза.

— Вот, они всегда начинают с договоров. Застарелая профсоюзная привычка!

— Да, привычка старая! — разгорячился Жуманияз. — И мы не собираемся от нее отказываться. Социализм предусматривает закон и порядок, товарищ Щербаков. Не забывайте, что и мы являемся членами профсоюза.

Совещание оживилось. Теперь каждому хотелось говорить. Беспокойство Мейрама улеглось. Он уже не тревожился, что прения примут не слишком деловой характер. Щербаков умело направил их в нужное русло, оставалось только держаться этого русла.

Встал механик Козлов.

— Я стану говорить о кадрах, — начал он. — О казахском народе раньше я знал только понаслышке, не представлял себе ясно, что это за народ. Сейчас у меня в механическом цехе двадцать пять рабочих-казахов. Из них десять человек — пожилые, а пятнадцать — молодежь. Новички первое время и рашпиль не умели держать в руках. Но за короткий срок такие

ребята, как Жанабыл, уже научились понимать язык механизмов. Я с радостью могу сообщить, товарищи, что наш труд по воспитанию молодых кадров дает всходы, как семена на целине. Только сеять надо побольше. Ни на полмизинца не верю я басням, будто казахи могут только за скотом ходить. Нужно смелее прикреплять новых рабочих к старым. Фундамент новой Караганды закладывает казахский народ с помощью русских рабочих. То, чему мы годами учились в старой России, здешняя молодежь в наше советское время усвоит за несколько месяцев. Мы добьемся победы, товарищи! Терпеливо и кропотливо будем воспитывать новые кадры. А кадры решают все... Разве не видите, какой была Караганда в дни нашего приезда и какой стала сейчас? И с каждым днем будет все расти и расти!

После Козлова слово взял Жанабыл. Недавний батрак, паренек этот горячился сверх меры и в каждой мелкой неполадке на производстве готов был видеть происки классового врага. Всех, кто плохо работал, он немедля зачислял в кулацкие элементы.

— Лодырь и халатный человек ничем не лучше кулака, — убежденно говорил он. — Этим людям тоже надо ликвидировать.

Мейрам заметил:

— Ленивых и халатных нужно перевоспитывать.

— И я то же самое говорю. Мы, комсомольцы, уже взялись за Байтена. Шлифуем двойным рашпилем. С такими будем бороться беспощадно, поблажки не дадим...

Тугой на слова, шахтер Ермек только сдержанно улыбался и покачивал головой, глядя на Жанабыла. Так делал он всегда в минуты радости или огорчения. Сейчас он испытывал и то и другое. Ему нравился бойкий парень, открыто высказывавший свои мысли, но вызывали досаду его крайности. Ермек не соби-рался говорить, но здесь попросил слова.

— Сперва я отвечу Жанабылу. Ты, видать, прямой, горячий парень. Но надо знать тебе, что Байтен — не кулак, не из тех, с которыми ты боролся в ауле. У Байтена конфисковать нечего. Этот человек

восемнадцать лет проработал в старой Караганде. При англичанах-подрядчиках он привык относиться к работе спустя рукава. А теперь ему надо втолковать, что производство принадлежит самому народу. И тогда он станет трудиться по-новому. Я вот еще о чем скажу. Ни один из выступавших здесь товарищей не остановился на подземных работах. Как же так? Караганда — это уголь. А уголь лежит под землей. Если не имеешь подхода к нему — не возьмешь. Единственный путь к массовым залежам угля — это штрек. Пока не будет у нас достаточного количества штреков, лав и проходок, невозможно поднять добычу угля. И если мы не хотим зайти в тупик, нужно расширить подземные подготовительные работы. Без этой подготовки новые машины, которые мы получим, будут простаивать. Товарищ Щербаков знает это не хуже меня.

Сергей Петрович что-то записал в блокнот, отозвался:

— Замечание это очень ко времени.

Выступавшие вносили и крупные и мелкие предложения. Кое-кто высказывался по два раза. Лишь председатель поселкового совета Каримбай хранил упорное молчание. Мейраму это не понравилось. И свое выступление он начал с Каримбая.

— Или товарищу Каримбаю Алибаеву, руководителю местной власти, нечего сказать, или он держит свои мысли при себе. Ни то, ни другое ему не к лицу. Мы так и не услышали сегодня его голоса. Разве вопрос о жилье для рабочих не заботит товарища Алибаева? Разве его не беспокоит снабжение поселка водой?.. Я далек от того, чтобы обвинять товарища Алибаева в равнодушии, только хочу сказать, что во всенародное дело строительства Караганды каждый из нас обязан вкладывать свою долю участия.

Лицо у Каримбая было безбородое, темное, а после упрека Мейрама он еще больше потемнел, тем не менее опять промолчал.

— А мне и вовсе нельзя молчать на нашем заседании, — продолжал Мейрам. — Но признаюсь откровенно, да вы и сами это знаете: приехал я недавно, да-

леко не со всеми участками работ успел познакомиться, производственного и житейского опыта у меня недостаточно... Буду говорить о том, что знаю, что собственными глазами видел. Большая Караганда — один из важных участков строительства социализма. А социализм и невежество, социализм и всякие предрассудки — несовместимы. Вчера я слышал, как поссорились двое рабочих. Один говорит: «Чего меня учишь, ты не здешний». Другой отвечает: «Ты в ауле только баранов знал, шахтера из тебя не получится». Третий товарищ — он присутствует здесь, но имени его пока не назову — стоял тут же, слушал эту перебранку и не объяснил рабочим там же, на месте, что оба они не правы, не помирил их. Разве можно проходить мимо таких недостойных явлений? Ведь это же кулацкие происки, попытки врагов разжечь национальную рознь! Если бы эти рабочие были политически развиты, они не оскорбляли бы друг друга, и если бы третий товарищ, которого я не назвал, был принципиальным, он не оставил бы без внимания этой ссоры. Я видел, как всем известный Байтен вместо маленького напильника орудовал на работе рашпилем. В одном из аулов я слышал как-то слова женщины, которая, не умея топить углем, тосковала о кизяке. Все это, конечно, мелочи. Но о чем они говорят? О том, что нам не хватает культуры труда, культуры в быту. А без культуры и тем более без политического просвещения масс нельзя справиться с тем огромным делом, которое нам поручено. Значит, первейшая наша задача — наладить политическое воспитание рабочих, бороться за внедрение культуры в быту, на производстве. В райкоме и райисполкоме мне дали практический совет: пока не открыты общеобразовательные школы, пока не созданы учебные комбинаты, пока не пришла культурная помощь от государства, использовать все местные возможности. Поселковый совет, комитет профсоюза с завтрашнего же дня должны приступить к учету неграмотных. Надо выяснить, сколько у нас хорошо грамотных людей, которые в силах заняться ликвидацией неграмотности среди населения. Обучающих будем поощрять премиями. Особо необходимо обязать

бюро партийной и комсомольской организации проводить политучебу в плановом порядке.

Что касается самого производства, — говорил Мейрам дальше, — то о нем мне пока что почти нечего сказать. Тут мне полезнее слушать. И я с большим вниманием прослушал доклад Сергея Петровича, учился на этом докладе. Остановлюсь только на двух вопросах — об одном из них я уже говорил с товарищем Щербаковым. У нас много рабочих-новичков и очень мало квалифицированных рабочих-шахтеров. Мы не можем ждать, пока откроются производственные школы. Обязанность опытных рабочих — обучать новичков шахтерскому делу. Вот товарищ Ермек обучал молодого рабочего Акыма...

— Из моего Акыма получился замечательный кайловщик! — отозвался Ермек.

— Вот видите! А другие старые шахтеры избегают брать к себе в бригады новичков, говорят — это снизит их заработок. Значит, старых шахтеров надо заинтересовать. Как вы полагаете, Сергей Петрович?

— Готовлю соответствующий приказ, — сказал Щербаков.

— Мне еще трудно разобраться в предложении товарища Ермека по расширению подземных подготовительных работ. Но чувствую, что это дельная мысль. Как вы считаете?

— Очень дельная! — подтвердил Сергей Петрович. — Главный инженер Орлов уже разрабатывает проект расширения.

— Вот и все, товарищи, — закончил Мейрам. — Жуманияз внес ценное предложение — организовать субботники по рытью канав, развивать индивидуальное рабочее строительство. Но нельзя пустить это дело на самотек. Пусть поселковый совет и профсоюз возглавят инициативу рабочих, и бюро поможет в этом. Примемся за дело, товарищи!

Проект решения бюро, предложенный Мейрамом, утвердили единогласно. Все разошлись.

Щербаков остался у Мейрама, у него было приподнятое настроение.

— Ну вот, видите, — возбужденно говорил он, —

с сегодняшнего вечера наша партийная организация начала свою жизнь!

— Вы думаете, начало хорошее? — спросил Мейрам, все еще сомневаясь в своих силах.

— А чем же плохое? Можно сказать, штаб собрался... Нас тридцать коммунистов. Большая сила. Ермек, Жуманияз, Жанабыл — люди с чистой душой, на них можно положиться.

— А Козлов?

— О, это человек испытанный! Уж если сказал: сделаю — значит так и будет.

— Только Каримбай мне сегодня не понравился, — горячась, заговорил Мейрам. — То ли мнения своего не имеет, или не хочет его высказать. И так и этак плохо выходит. Вчера, когда поссорились двое рабочих, это он стоял возле них. Ни слова не проронил! И это коммунист, да еще председатель поселкового совета! Кулаки мутят народ, а он словно воды в рот набрал. Шляпа, размазня!

Сергей Петрович покачал головой, чуть заметно улыбнулся.

— Зря горячитесь. Присмотритесь сначала. Легче всего осудить за изъян, труднее перевоспитать человека. Учитесь перевоспитывать людей, Мейрам Омарович. Как я понимаю, именно в этом ваша главная задача. Да вы и сами об этом сегодня говорили.

Мейрам молчал. И трудно было понять — из самолюбия он замолчал или обдумывает слова Сергея Петровича. Щербаков, положив ему руку на плечо, вдруг сказал:

— Вот еще об одной важной вещи мы сегодня позабыли. Об учебе много было сказано, а о развлечении людей не подумали. Порою людям и повеселиться не вредно.

— Не знаю, что можно сделать, — с сомнением проговорил Мейрам. — Ни театра, ни кино у нас еще нет.

— А самодеятельность? Только скажите Жанабылу, он сейчас же соберет молодежь.

Мейрам чуть покраснел.

— Верно предложили, а я не догадался. Большое спасибо вам за советы!

— Именно — советы. Поучать я не мастер, а по-советовать могу. Обращайтесь ко мне без стеснения, если понадобится.

Стрелки часов показывали поздний час, когда они вышли из комнаты. Мейрам имел случай убедиться еще раз, что у Сергея Петровича есть чему поучиться.

Глава четырнадцатая

День выпал ветреный. Над Карагандой повисла черная угольная завеса. Издали казалось, что надвинулась темная туча. Изредка, когда порывы ветра разгоняли мглу, появлялась высокая труба, как бы говоря своим видом: «Видите, я попрежнему на своем месте». На карагандинской безлесной возвышенности зимой всегда бушевали снежные бураны, а летом — пыльные ветры.

Сегодня полоса пыли стлалась далеко в сторону реки Нуры. Вдоль дороги, выбитой караванами, бесконечно тянулась канава, а рядом с ней, прикрывая зелень травы, — желтоватый гребень свеженасыпанной земли.

Между Карагандой и рекой Нурой тридцать пять километров расстояния. По большому плану строительства Караганды, Нура должна снабжать производство и население водой и электричеством. На реке предстояло возвести плотину, образовать озеро с запасом воды в несколько миллионов кубометров, построить электростанцию...

В первую очередь карагандинцы принялись за самое неотложное — за рытье канавы для укладки водопроводных труб от Нуры и родника Май-Кудук до шахт. Многочисленные землекопы, вышедшие на субботник, подняли пыль, которая полосой протянулась в сторону реки. По всей линии сверкали кайла, кетмени, лопаты. Люди пробивали новый путь для воды, веками державшейся своего старого русла.

Были тут и русские, и украинцы, и татары. Разнообразная одежда — пиджаки, шапаны, пестрые

рубахи; разнообразные головные уборы — шапки, кепки и треухи. В воздухе колыхались красные знамена, символизируя единую цель, которая объединила тысячи людей многих национальностей. Могучая сила этих людей вспарывала древний покров широкой степи.

Жайлаубай привез сюда свою маленькую юрту и поставил ее подальше от пыли, на склоне зеленой балки. Несколько коров и телят, с десятков овец паслись возле юрты на свежей, сочной траве. Копая канаву, Жайлаубай то и дело оглядывался на свое небольшое стадо. Вот он заметил, что овцы приблизились к канаве.

— Шайт! — крикнул он и, отогнав подальше, вернулся на свое место, снова взялся за кетмень. Каждым взмахом Жайлаубай старался отвалить глыбу побольше, но твердый грунт поддавался туго. Работа у Жайлаубая шла плохо. Он и кетмень держал непривычно — как-то не по-мужски. По всему видно, не было у него навыка к земляной работе. Овцы опять приблизились к канаве. Опять Жайлаубай крикнул: — Шайт! — и отогнал их к балке.

Мейрам и Щербаков ехали вдоль канавы на дрожках. Суетливые движения Жайлаубая привлекли их внимание.

— Наш бедняга Жайлеке¹ разрывается надвое: сам не знает, гоняться ли ему за овцами, или махать кетменем, — иронически заметил Мейрам.

Но на лице добродушного Жайлаубая нельзя было найти никаких признаков смущения. Он встретил Мейрама и Щербакова радушно, с самым непринужденным видом.

— Вот как хорошо! Когда приходят добрые люди — в деле удача. Идемте в юрту.

— Зачем в юрту?

Этот вопрос сильно удивил Жайлаубая.

— Как зачем? Зарежу овцу. Будете желанными гостями. Ведь родственник мой приехал, а с ним — уважаемый человек.

¹ Ж а й л е к е — уменьшительно-ласковое от Жайлаубая.

Мейрам перевел его слова Щербакову, тот не удержался от смеха.

— Такая горячая работа идет, а Жайлаубай собирается принимать гостей.

— Ай-яй, Жайлеке, — укоризненно проговорил Мейрам. — А как же работа?

— Пустяки! Много ли тут работы — вон сколько собралось народу! Нет ничего важнее угощения в жизни.

От баранины Щербаков и Мейрам отказались, но выпить кумыс согласились: целый день они провели на жарком солнце, наглотались пыли.

У входа в юрту их встретила тетка Мейрама Шекер в огромной белой повязке — кундуке — поверх платка, в шароварах, за очкур которых был заткнут подол ее платья. У нее был вид крепкой, закаленной в труде хозяйки. Гости сесть еще не успели, как она, поставив на очаг посреди юрты треножник, повесила на него огромный чугунный котел.

— Не хлопочи. Разве жиен¹ близкая родня? — шутливо сказал Жайлаубай. — Собирается уходить сейчас. Подай кумыс.

— Видно, некогда ему, — сказала Шекер. — И жиен — родня, если имеет скотину, и шейка — вкусна, если жирна, — так говорится в народе.

— У него шея такая жилистая, что нож нужно точить. Откуда взяться жиру? Вокруг стоянки ни травинки, земля как облизанная. Откуда у нашего жиен быть скоту?

— У него все в голове. Да стать мне жертвой твоего светлого лба! — говорила Шекер, простодушно гордясь своим племянником.

Кумыс от единственной кобылицы Жайлаубая оказался крепким, вкусным. Гости пили и похваливали хозяйку.

Мейрам расспрашивал тетку, как им живется. Оказывается, Жайлаубай еще не устроился на новом месте и вот даже на субботник приехал вместе с юртой и скотом.

¹ Жиен — племянник.

— Вы, Жайлеке, приехали сюда раньше всех, а до сих пор не работаете, — сказал Мейрам.

— Да, вот никак не найду подходящую работу. И скот кормить нечем — поблизости все покосы и пастбища выбиты. Мы с теткой твоей наскребли было несколько копен сена, да и те кто-то увез.

— Что же теперь думаете делать? Или вернетесь обратно?

— Э, какой-нибудь выход найдется...

Впереди была зима. У Жайлаубая — ни дома, ни двора, ни корма для скота. Но он не горевал, держался беспечно.

— На что же вы надеетесь? — удивился Мейрам. — Как погляжу, вы даже не тревожитесь нисколько!

Жайлаубай ответил спокойно, по своей привычке расчесывая пальцами бороду:

— А к чему тревожиться? Мы же не одни тут. Вон сколько народу понабралось! Будем жить как все.

— Видите, какой у меня дядя! — повернулся Мейрам к Щербакову. — Что-то уж слишком он беспечный. Будет ли от него толк на производстве?

— Нет, по-моему, он человек трудолюбивый, — возразил Щербаков, — только еще не нашел своего места в новой жизни. Мы должны, Мейрам Омарович, помогать людям находить это место. Думаю, если поручить ему уход за скотом в совхозе или в подсобном хозяйстве, он покажет большие способности. А пока не устроены подсобные хозяйства, пусть поработает у нас на конюшне...

Мейрам перевел свой разговор с Щербаковым и добавил:

— Кажется, нашлось для вас подходящее место.

Отагасы расцвел, обратился к жене:

— Ты права, наш жиен — дельный джигит.

Жайлаубай не стал любопытничать, расспрашивать об условиях работы — был он человеком скромным.

Когда гости в сопровождении хозяев вышли из юрты, Шекер отвела Мейрама в сторону и стала шептать ему:

— Мне очень понравилась наша соседка. Красивая

люди пришли на субботник по своей доброй воле — станут ли они жалеть силы? А раз человек отдает работе все силы, зачем же его позорить, выставлять на черную доску, хотя бы он и отставал от других? Мало того, Жанабыл установил на своем участке и норму выработки.

Девушкам приходилось тяжело. Ударив кетменем еще несколько раз, Ардак почувствовала сильную боль в ладонях, но не подала виду. Майпа тоже не хотела сдаваться, продолжала копать.

Мейрам не стал на людях отчитывать Жанабыла за излишнюю требовательность, считая, что лучше потолковать наедине. Он предложил Ардак:

— Дайте, я помогу!

Девушка безмолвно уступила ему свое место. Щербаков взял кетмень у Майпы. Оба со свежими силами взялись за дело горячо, но с непривычки скоро выдохлись, все медленнее взмахивали кетменями. У Мейрама покраснели ладони.

— Ну-ка, посторонитесь, товарищи начальники! — сказал Жанабыл и прыгнул в канаву. — Нескладные у вас руки, волдыри набиваете быстро. Ханские девицы вы, что ли? Уже все четверо выбились из сил! А на словах бойкие, не переспоришь вас...

Он копал с нарастающей скоростью. В движениях его чувствовался привычный ритм; плавно изгибалось молодое, крепкое тело, играли мускулы, развевались волосы. Он не торопился, не горячился, но земля под его ударами отваливалась легко. Работая, он не переставал подшучивать над девушками:

— С этих лет устаете, а что с вами дальше будет?

— Какой назойливый, — проговорила Ардак. — И в ауле никому не давал покоя, пока не вывел всех на субботник.

— Нет, не всех. Ваш отагасы не пошел. Потяжелее камня оказался, я так и не смог его поднять.

Слова Жанабыла затронули больное место Ардак. Как всегда, при мысли об отце на душе у нее стало беспокойно. С дочерью он хорош: разговорчив, хвалит работу на шахте, а при людях не поднимает головы,

сидит хмурый. Но Ардак все надеялась, что отец переменится. И она не оставила слов Жанабыла без ответа:

— Если отец не явился, то пришла дочь. Считаешь, этого мало, тогда дай мне еще одну норму.

— Вот говорю же я, что на словах вас не переспоришь. Ишь, как хвастает силой, а на свои потерянные ладони не глядит! — сказал Жанабыл.

Мейрам и Щербаков подошли к доскам. Темп работы на этом участке канавы был высокий. Люди сами устанавливали для себя повышенную норму и соревновались друг с другом. Впереди всех шел Жанабыл. Его имя стояло под самым самолетом. Фамилий девушек ни на красной, ни на черной доске не было.

— Хоть и бранит девушек, а все-таки жалеет, в отстающие их не зачислил, — заметил Мейрам.

Щербаков не упустил случая поддеть Мейрама:

— Вы тоже готовы были прослезиться от жалости, когда увидели волдыри на ладонях у Ардак.

— И вы не удержались, Сергей Петрович, — взяли кетмень из рук Майпы.

— Э-э, нет, это вещи разные! У меня — простая отцовская забота... Но, серьезно говоря, Мейрам Омарович, нам нельзя терять Ардак из виду: девушка, по всему видно, передовая.

— Отец у нее какой-то странный, — ответил Мейрам вполголоса.

Щербаков возразил:

— Не повторяйте ошибок Жанабыла. Не придирайтесь к каждой мелочи. Не забудьте, что советская школа, советская общественность дала этой девушке больше, чем семья. Если отец действительно окажется подозрительным человеком, тем энергичнее нужно действовать, чтобы оторвать ее от него. — Подумав, он добавил: — Но капиталистическое окружение существует. И пока оно существует, недобитый внутренний враг не оставит своих подлых намерений. Извне к нам не перестанут засылать бандитов всех мастей. — Щербаков пытливо взглянул на собеседника. — Что вы на это скажете, Мейрам Омарович?

— Скажу, что вы правы, — ответил Мейрам. — Мы не можем ослаблять бдительности...

Он оборвал разговор, подозвал Жанабыла. Тот быстро подошел на зов.

— Знаю уж! Какое-нибудь новое поручение хотите дать? — спросил он, все еще плохо выговаривая русские слова.

— Угадал, — ответил Мейрам. — Работа на твоём участке идет хорошо. А как с самодеятельностью? Во время отдыха не мешает поразвлечь людей.

— Организована молодежная группа из трех человек.

— Кто такие?

— Те же — Ардак, Майпа и я сам.

— Маловато. Надо бы побольше.

— Нельзя привлекать всех без разбору, товарищ секретарь. Это снизит авторитет группы.

Сергей Петрович улыбнулся.

— Ты что же, заставляешь вступающих в группу заполнять анкеты, писать автобиографию, выясняешь их происхождение?

Жанабыл озабоченно почесал затылок, не зная, в шутку или всерьез принимать эти слова.

— Происхождение их мне известно. Я не заставлял их заполнять анкеты, вижу — девушки хорошие. Ардак согласилась обучать неграмотных.

— Вот это успех! — похвалил Сергей Петрович. — Подтягивай их поближе к комсомолу. — Он слегка толкнул Мейрама. — Чувствуете, как надо подходить к людям?

Они пошли вдоль канавы. Чуть правее пролегала большая дорога, как всегда забитая подводами. В том месте, где дорога пересекала трассу канавы, был протянут длинный стяг из красной материи с крупной надписью на нем: «Участвуйте в субботнике!»

Подводы останавливались здесь, каждый проезжающий считал своим долгом прорыть хотя бы один метр канавы.

Приблизилась еще одна подвода; на ней сидели восемь ребятишек и седовласый старец. Подле телеги шли мужчина и женщина. Ребята прочитали надпись

на стяге, соскочили наземь. Старик, пораздумав, медленно спустился с телеги, заковылял вслед за другими. Едва передвигая ноги, он подошел к краю канавы и поднял обе руки.

— О небо! — произнес он. — Осуществи желания тружеников. Пусть эта земля станет счастливым достоянием моих внуков и правнуков!

Сказав это, старик через силу нагнулся, поднял со дна канавы кусок глины и отбросил его в сторону.

Работа шла горячо. Но не хватало лопат, кирок, кайл и кетменей, инструменты ломались, быстро тупились. Механик Козлов вывел на трассу всех кузнецов и слесарей своего цеха. Слышался звон металла, стук молотков. Возле переносного горна, затягиваясь папироской, стоял Козлов. Щербаков подошел к нему.

— О чем задумался, Борис Михайлович?

— Как тут не думать! — ответил механик. — Одна машина могла бы заменить сотню людей...

— Верно говоришь. Но воля людей сильнее техники. Ведь и технику создает человек. — Он выпрямил свою могучую фигуру, окинул взглядом дорогу, заполненную подводами. — Видите, со всех сторон стекаются сюда караваны. Это пока люди из ближних аулов. А когда проведут железную дорогу, к нам устремятся рабочие со всего Казахстана, из других республик. Донбасс обещает прислать еще четыреста квалифицированных шахтеров. Появится у нас и передовая техника. Товарищ Орджоникидзе держит с нами связь по прямому проводу. Он уже знает о нашем сегодняшнем субботнике...

Плечистый кузнец механического цеха Коктаинша стоял возле горна и точил кетмени и кирки.

— Э-ге-е! — вдруг послышался его громкий голос. — Если аксакал Серго знает о субботнике, то он немедленно сообщит об этом товарищу Сталину.

— Конечно, сообщит, — подтвердил Щербаков.

Коктаинша ускорил взмахи, закричал:

— Пошевеливайтесь, ребята, пошевеливайтесь!

Весть, родившаяся около горна, передавалась от одного землекопа к другому, растекаясь по всей канаве.

Жуманияза, проезжавшего верхом, засыпали вопросами:

— Что, Сталин уже знает?

— Это правда, что Орджоникидзе сказал ему?

— Правда! Не может не сказать! — отвечал Жуманияз.

Он соскочил на землю, взял первую попавшуюся лопату.

— Вот как надо копать!

Свесив с дрог свои длинные ноги, ехал Орлов. Он ехал целиной, без дороги.

Щербаков, увидев его, спросил Козлова:

— Как работает?

— С прохладцей. Не скоро у него нутро оттает.

— Может быть, из осторожности с холодком работает, не может забыть свои грехи? Надо отогреть его — нужный нам человек.

Дроги остановились в сторонке. Орлов, сойдя, отряхнул плащ, потом тщательно протер пенсне. Медленно он подошел к ним, вежливо поздоровался и остался стоять молча.

— Как идут дела, Андрей Андреевич? — спросил его Щербаков.

— При взятых темпах закончим за одну неделю.

— Вы, кажется, на две недели рассчитывали?

— Темпы обогнали мой расчет.

— Значит, с водой будет теперь легче. Только бы скорее подвезли водопроводные трубы. Но и этого нам мало. Каргрэс — вот кто обеспечит нас и водой и электроэнергией. По подсчетам геолога Чайкова, река Нура богаче водой, чем мы предполагали: у нее оказалось второе подземное русло. На реке Нуре возникнет огромное озеро.

— Но до этого времени необходимо рационально использовать наличную воду, — нерешительно вставил Орлов.

Щербаков оживился:

— Слушаю, слушаю, продолжайте!

Инженер заговорил смелее:

— Надо использовать воду рудника Май-Кудук для котлов: в ней мало солей, что и нужно котлам.

— Дельное предложение.

— Но в теперешнем своем состоянии Май-Кудук не может обеспечить котлов. Нужно или запрудить родник, или выкопать котлован и создать запас воды.

— Опять же правильный совет! А вы как смотрите на это? — повернулся Щербаков к другим.

Козлов горячо поддержал предложение Орлова. Мейрам ничего не мог сказать: производство он знал еще слабо, а в котлах и совсем не разбирался; он только переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Давайте, проедем к роднику, посмотрим на месте, — предложил Щербаков и пошел к дрожкам.

Солнце стояло в зените. Рабочие втыкали лопаты в землю и шли закусить, отдохнуть. Но Жанабылу было не до отдыха.

— Песню слушать, песню! — кричал он, взмахивая рукой.

Народ собрался быстро. Жанабыл подкатил бричку, помог Ардак взобраться на нее.

— Тише! Сейчас Ардак споет песню.

Девушка, никогда не выступавшая перед народом, волновалась, мелодичный голос ее дрожал.

Щербаков придержал лошадей. Песня разливалась по степи, волнами катилась по траве.

— Музыкальный в степи народ! — сказал Сергей Петрович, заслушавшись. — Хорошо поет девушка!

Раздались рукоплескания, возгласы:

— Живи много лет!

— Еще, еще раз!

Воодушевленная успехом, Ардак запела громче, свободнее, голос ее окреп. Она пела песню о труде сильных, не знающих усталости богатырей. Люди слушали, столпившись около брички.

Глава пятнадцатая

Когда за дело берется народ, он творит чудеса. Канавы от реки Нуры и Май-Кудука до Караганды были прорыты за неделю. Теперь рабочие взялись за другое, не менее важное дело...

Караганда расположена на северном пологом склоне высокого хребта. Отсюда начинаются аулы и тянутся вплоть до далеких поселков — Компанейского и Ак-Кудук. Долина на южной стороне хребта, от Караганды до Май-Кудука, тоже заселена сплошь. Множество юрт рассыпалось и на западе, вокруг белой сопки Мариановки, и на востоке, по склонам холмов. Караганда была окружена со всех сторон многочисленными рабочими аулами.

Сейчас можно было наблюдать интересную картину. Люди всюду копали твердый грунт. Если раньше бросались в глаза вновь заложенные шахты и шурфы, то теперь их трудно разглядеть среди груд свежерытой земли. Изрытая поверхность напоминала сугроб снега, по которому промчались многочисленные конские косяки. В одном месте люди проводили планировку своих будущих жилищ, в другом — копали землю, в третьем — возводили насыпь над крышами. Многие землянки уже были вырыты, но не покрыты — не хватало лесу. Лес должна была доставить железная дорога. И каждый нетерпеливо говорил: «Эх, скорее бы провели дорогу!» Холодные сентябрьские ночи напоминали о приближении зимних морозов. Люди спешили.

Погода сегодня безветренная. Пыль, поднятая землекопами, не тянется кверху, а быстро оседает. День ясный, но солнце греет слабо.

Мейрам шел по окраинам аулов, часто останавливался возле людей, роющих землянки, разговаривал. Теперь его знали здесь многие. Почти каждый в разговоре жаловался на какую-либо нехватку. Вот стоит группа рабочих, среди них — молодуха с белым лицом и блестящими карими глазами.

— Да будет удачен ваш труд, — сказал Мейрам, подойдя.

Молодуха с первых же слов обрушила на него упреки:

— Что это, кайым¹? Неужели для нас даже соли

---

¹ К а й ы м — обращение казашки к мужчине, который мо-
ложе ее мужа.

не могут доставить? Куда девался этот тучный джигит? Он только словами нас покормил и скрылся!

Тучным джигитом она называла Махмета, который, открыв в Караганде несколько ларьков, уехал назад в район. Мейраму пришлось отвечать за Махмета.

— Очень трудно доставлять сюда товары. Тучный джигит, должно быть, налаживает перевозки.

— Нет, ходят другие слухи — будто он занят сватовством! — насмешливо сказала молодуха.

Эти слова заставили вздрогнуть Мейрама. А молодуха продолжала сыпать упреки:

— Все вы ссылаетесь, что нет железной дороги. А дорога уже пришла в Шокай. До Шокая рукой подать. Неужели оттуда так уж трудно доставить товары?

— Доставляем. Но большая нехватка в тягле.

— У половины здешнего населения есть лошади, волы. Если собрать народ, объяснить ему вразумительно, все поедут за небольшую плату. Неужели вы не видите — вон сколько пасется скота!..

Молодуха, как говорится, приперла Мейрама к стенке.

Ее муж оказался человеком другого склада.

— Хватит тебе! Дело новое, не сразу все доставишь, — уговаривал он жену.

Но молодуха и слушать не хотела, прикрикнула:

— Не закрывайте мне рот! Лучше здесь выскажу, что накипело, чем хныкать дома! Я скажу все. Где лес на постройку, который нам обещали? Чем сидеть там, в конторе, и на всякий вопрос отвечать «нет», лучше бы пошарили где-нибудь, поискали! Разве мы не стараемся работать?

— Будет все, все будет, — успокаивал бойкую молодуху Мейрам. — Вот подводы найдем...

— Я сама найду. На своей лошади привезу все, что нужно для постройки жилья. Дайте только бумажку, чтобы лес отпустили.

— Не только бумажку дадим, но и за провоз заплатим.

— Да если так, любой поедет.

Мейрам записал для памяти: «Подводы есть у населения. Поговорить со Щербаковым».

Обеспечить народ жильем на зиму оставалось самой главной заботой руководителей треста. Но не было свободного транспорта. Теперь, после разговора с молодой, Мейраму казалось, что положение не столь уж безвыходное. Он поблагодарил женщину:

— Большое спасибо вам за совет. Можно узнать, как вас зовут?

— Зовут меня Балжан. Это тоже запиши.

Молодуха хоть и была сурова на словах, но глаза ее, обрамленные длинными черными ресницами, улыбались по-доброму. Казалось, взгляд ее говорил: «Ну как, припугнула я тебя?»

— Балжан правильно говорит, — поддержали рабочие. — Хозяева, у которых есть подводы, не только для себя привезут лес, а и безлошадным помогут, если, конечно, трест заплатит за провоз.

— Заплатит, — твердо пообещал Мейрам. — Трест ищет сейчас подводы по колхозам. Какой смысл ему отказываться от здешних подвод? Предложение ваше очень правильное. Скажите тем, у кого есть лошади: пусть собираются. Если телеги неисправны, можно починить в мастерских треста.

Послышались голоса:

— Вот это кстати! У меня на колесах шины ослабли!

Конечно, не все сознательно стремились помочь общему делу. Были люди, которые, пользуясь затруднениями на строительстве, старались из этих затруднений извлечь личную выгоду. Таких в Караганде насмешливо называли «арбакешами»: одну ногу они уже спустили в шахту, а другую все еще не могли вытащить из аула. Таким людям выгодно было жить около неокрепшего производства. Здесь их скот не облагали сельскохозяйственным налогом, молоко они продавали по дорогой цене, лошадей гоняли в извоз. Наряду с другими они носили почетное звание рабочих. По мере того как производство вставало на ноги, и их личный доход начинал уменьшаться, отдельные из этих «рабочих» откочевывали с новостройки.

«В сознании у них много копоты. Что же, постепенно поочистим, перевоспитаем», — думал об этих людях Мейрам на обратном пути. По дороге он зашел на центральную водокачку.

Воду из шахты «Герберт» с помощью камерона уже выкачивали на поверхность. Но эта вода годилась только для скота, для стирки и для технических нужд строительства. Питьевую воду брали из колодцев. Нужда в воде теперь потеряла свою остроту. И все же Мейрам не раз замечал, что у водокачки у трех кранов толпилось много народу, подвод с бочками, скота. Многие лезли без очереди, стоял сильный шум.

Навстречу Мейраму вышел руководитель профсоюзной организации Жуманияз. Он был очень возбужден, кого-то бранил крепкими словами.

— На что так рассердились? — спросил Мейрам.

— Не пойму: рабочие они или скотоводы? Целый день только и гоняют скот в водопою. А нам рабочие нужны.

— А рабочим нужен скот.

— Если им нужен скот, пусть сами для него ищут воду.

— Где они ее найдут?

— Пусть ищут, где хотят.

— Вы не правы, Жумеке, — урезонивал его Мейрам. — Для многих рабочих скот — большое подспорье. Мы далеко не всегда во-время подвозим продовольствие. И благодаря скоту рабочие не испытывают большой нужды в питании. Скот нужно беречь. Было бы хорошо, если б позаботиться и о том, чтобы скот у них не отощал... Придется увеличить число кранов у водокачки, тогда и очередей у водопою не будет.

Жуманияз был старым рабочим Екибастусских каменноугольных копей, по профессии крепильщик. В хозяйственных делах он отличался сноровкой и бережливостью. Когда шли мимо бараков, где жили инженеры и техники, Жуманияз опять закипятился.

— Вот смотрите-ка! Говорят, лесоматериалов не хватает. Могли бы построить уборную из кирпича, а затраченного на нее леса хватило бы на крышу

маленького дома. Орлов, Орлов это сделал! Разве у него болит душа за народ?

— Возможно, уборная построена по разрешению Щербакова, — сказал Мейрам, не желая поднимать шумный разговор из-за мелочей.

Но Жуманияз еще больше разгорячился:

— Не щербаковское это добро, а государственное! Почему он так распоряжается? Вот и спецовки рабочим задерживает. Если Щербаков и дальше так будет действовать, то придется ему напомнить, что у рабочих есть профсоюз, существуют законы о труде. Мы не можем терпеть таких нарушений.

Впрочем, и на этот раз Жуманияз горячился недолго, вскоре затих и ушел в шахту.

Мейрам пошел в трест. Здесь сидели Щербаков и председатель райисполкома Канабек.

— Кстати пришли, Мейрам Омарович, — встретил его Щербаков, — мы вас уже искали. Вот районная власть: редко у нас бывает, зато привозит богатые подарки.

— Так и должно быть — у старшего и размах широкий.

— Нет, нет, вы меня не возвеличивайте, хитрецы! — ответил Канабек и по своей привычке громко захохотал. — Это верно, мы редко к вам показываемся, но и на стороне не забываем о ваших нуждах. Еду из Акмолинска, был и в Алма-Ате. Сейчас и в округе и в крае любой разговор начинается с Караганды. Округ уже направил к вам семь врачей и пять учителей. Это сверх пятисот работников разных профессий, которых выделяет край... Приняты экстренные меры к ускорению строительства железной дороги. Чего еще надо?

— Продолжайте в том же духе!

— Добавьте еще!

— Ишь, как широко раскрыли рты! — воскликнул Канабек. — Приступайте к организации подсобных хозяйств. Пока вам выделяют триста голов скота и пятьсот гектаров пахотной земли. Хватит на первое время?

— Если к этому прибавят земли еще для парочки

совхозов, то пока хватит, — сказал Щербаков, подмигнув Мейраму.

Канабек сокрушенно покачал головой.

— В таких случаях говорят: «Кетмень, врученный мне родным отцом, с каждым взмахом поднимается все выше». В недалеком будущем Караганда станет самостоятельным городом. Боюсь, как бы вы не сказали тогда о Тельмановском районе: «Родительский дом — только до замужества мой дом».

Они беседовали долго: наметили места под будущие совхозы и подсобные хозяйства, обсудили ряд вопросов, связанных с их организацией... Когда Мейрам рассказал, что многие рабочие согласны выделить тягло для перевозки строительных материалов. Щербаков обрадовался, как ребенок, быстро вскочил с места.

— Как с неба упал новый подарок! Надо поторопиться, поторопиться! Вы только посмотрите на нашего Мейрама Омаровича. Принес такую важную новость и столько времени сидел молча, а?

Сергей Петрович был человеком живым, увлекающимся. Чувства свои выражал непосредственно и шумно; душа у него была словно чистое, прозрачное озеро с песчаным дном — все видно в глубине. Не желая терять времени, он немедленно же собрался отправлять подводы за лесом.

— Не лучше ли сначала закрепить это дело? — осторожно предложил Канабек. — Среди подводчиков найдутся и любители государственной копейки. Поселковому совету нужно, по-моему, принять специальное постановление, чтобы участие в перевозках было обязательным для всех, у кого есть тягловая сила. Кроме того, трест должен утвердить расценки за перевозки...

— Совершенно правильно! — согласился Сергей Петрович.

Мейрам высказал еще одно пожелание:

— Надо помочь рабочим содержать скот зимой. У треста пока нет такой возможности. Много ли в районе запасено кормов? Нельзя ли поделиться с нами?

Канабек серьезно задумался. Караганда росла с каждым днем и все больше и больше предъявляла району требований, зачастую неожиданных и неотлагательных. Не выполнить их нельзя, дело общее, государственное. Но не всегда эти требования оказывались под силу одному району.

— Мы смотрим на вас, а вы смотрите в землю. Так, что ли? — спросил Мейрам.

Канабек еще некоторое время подумал, затем ответил:

— Разве я не правду сказал, что подвели вы меня к крутой горе и говорите: «Ну-ка, вытягивай!» Ладно, попробуем вытянуть... Мне думается, есть два выхода: рабочие, имеющие тягловую силу, перевезут для себя сено из колхозов, а безлошадные пусть на всю зиму поставят свой скот на откорм — опять-таки в колхозы. Конечно, в обоих случаях — за плату. Колхозы не откажут, запас кормов у них есть. Одну зиму выдержим.

На этом и порешили. Однако разговор не закончился: одно слово рождало другое, за решенным делом возникало новое. Чем дальше тянулась беседа, тем яснее становилось всем троим, как неудержимо будет расти и расширяться Караганда.

Глава шестнадцатая

Вернувшись с работы, Андрей Андреевич Орлов бросил толстый портфель на стол и принялся ходить взад и вперед по комнате. Его длинная, худая, немногочисленная фигура была еще крепка. Волосы поредели, но лысины еще не было видно. Прохаживаясь, Орлов то снимал и протирал пенсне, то теребил свою остроконечную бородку. Каждое движение главного инженера говорило о его большой тревоге; он часто и глубоко вздыхал, словно ему не хватало воздуха.

Волнение было вызвано сегодняшним очень неприятным событием. Случился обвал, один рабочий был ранен, шахтеры-новички переполошились, работа в забое на некоторое время приостановилась.

— Пропади эта шахта пропадом, уйдем на поверхность! — слышались взволнованные голоса.

Пострадавшего окружили одноаульцы, доносились возгласы: «О мой родной!»

Орлова удручила не только эта тяжелая картина, он запомнил подозрительный взгляд, который бросил на него Жуманияз, запомнил его слова:

— Чья вина? Будем судить безо всякой жалости!

Причины к беспокойству у инженера были серьезные. Он не так давно был осужден и находился как бы на испытании. По-своему честно Орлов старался загладить прошлую вину, и все-таки порою сослуживцы и рабочие косились на него. Сейчас он был близок к отчаянию: «Все равно мне не верят!»

Неожиданно в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Орлов, вздрогнув. У него часто забилося сердце, лицо побледнело.

Вошел Алибек и сказал как доброму знакомому:

— Здравствуйте, Андрей Андреевич! — и протянул руку. — Я Алибек Мырзабеков.

Не дожидаясь приглашения, он сел на стул, обвел глазами комнату.

— Бедно живете, не по должности. Могли бы лучше жить.

И, не дав Орлову опомниться, продолжал почти властно:

— Времени у нас мало. Давайте говорить без предисловий. Наверно, недоумеваете, кто это так бесцеремонно вломился к вам? Я тоже человек с незажившей раной, как и у вас. Есть ли средство, чтобы вылечить эту рану?.. Когда-то я стоял, как вековечное дерево в степи. Грянула буря — и переломила. Могу я подняться?.. — Он помолчал. — Хитрить я не мастер. Будем откровенны. Только не подумайте, что я пришел искать утешения.

Орлов озадаченно и со страхом глядел на Алибека, с первых слов пустившегося на такие откровенности. Его удивила его уверенность, чистое русское произношение, обороты речи, выдававшие в нем образованного человека. Это тем более настораживало. Орлов страдал болезненной подозрительностью. С опаской

поглядывал он даже на старых инженеров, приехавших сюда вместе с ним. На каждом шагу ему чудился подвох, ловушка. «Шахтинское крушение» сломило его, разрушило весь строй взглядов и верований, заставило заново пересмотреть свое прошлое. Он боялся сближаться со старыми специалистами, жил одиноко, замкнуто.

— Откуда вы меня знаете? — наконец после длительного молчания спросил Орлов.

— Знаю, что вы причастны к шахтинскому делу. А здесь много раз видел вас под землей. Вы человек приметный, — чуть усмехнулся Алибек.

— Вы что же, в шахте работаете?

— Да. Сейчас все решает кайло. Вот я тоже взялся за этот инструмент.

Андрей Андреевич еще раз пристально взгляделся в гостя. Суровый, властный вид Алибека заставил его вздрогнуть. «Если эти когда-то холеные руки взялись за кайло, то, значит, человек на все способен; его язык сегодня медоточив, а завтра может излить яд. Очень опасный человек!» — думал Орлов.

— Вы знаете мое прошлое, но не знаете настоящего, — сказал он, стараясь овладеть собой, и достал из кармана пачку папирос.

Алибек отказался от предложенной папиросы. Инженер затянулся несколько раз и заговорил снова:

— Сейчас я иду вместе со строителями новой жизни. Иного пути нет. Бывшие разорители сами разорены. Не знаю, что вы можете сделать одним своим кайлом против тысяч кайл? Под этой землей лежат миллиарды тонн угля. И десятки тысяч человек задались целью извлечь этот уголь из глубоких недр на общую пользу. В том, что они добьются своего, у меня нет никаких сомнений. Люди работали на субботниках добровольно, без всякой оплаты, без технических средств — и показали чудеса. Им угрожала наступающая зима. А сейчас они общими усилиями начинают устранять и эту угрозу. Что сможет противостоять этим людям, когда они получают машины, научатся управлять ими?

— Мне нравится ваша осторожность, — проговорил Алибек, раскрыв в улыбке свой большой рот и

обнажив крупные зубы. Теперь он казался Орлову волком с разинутой пастью. — Я понимаю вас. Меня тоже лишили всего, что я имел, только единственная дочь осталась мне от старой жизни. Но я и дочери остерегаюсь. Нельзя не остерегаться. Народ отвернулся от нас. Вы правильно сказали, что тысячи кайл сильнее одного. Однако не забывайте: то, что сделали тысячи кайл, можно разрушить одним кайлом. Например, сегодняшней обвал на шахте. Чтобы доказать вам свою искренность, скажу больше: мне известно, кто устроил обвал. Теперь доверяете?..

Андрей Андреевич быстро, сбивчиво заговорил:

— Не шахта обвалилась, нет... это вы рухнули... Да... и пытаетесь придавить других... Это же безумство!.. Деревянной пулей вы хотите пробить стальную броню...

— Подождите! — хладнокровно остановил его Алибек. — Или вы все еще не верите мне, или сильно напуганы. Что бы ни было, я не собираюсь отступать. Тот, кто уже разделся, не боится воды... Не суетитесь и не кричите так громко.

— Правду я сказал, правду!

— Нет. Правда — это ваше прошлое. Дважды не рождаются и не умирают. Наша правда только одна. Я вам открылся и не хочу, чтобы вы меня обманывали. Вы сказали, что я безумствую. Это не совсем так. Волчица, лишившаяся волчонка, дерзко бросается на отару в самом центре аула. А связанному вору приходится есть лежа. Если они сами себя не спасут, ни волку, ни вору не будет пощады. Мы тоже такие. Но — как бы нас ни теснили — мир широк. В нем уживаются и трусливый заяц и ядовитый скорпион. Если бы последняя надежда была потеряна, я бы ужалил сам себя, как скорпион. Но надежда еще есть. Не будем отчаиваться. Не смотрите на поведение моих земляков. Я их знаю лучше, чем вы. Смотрите глубже. Жители аулов, собравшиеся здесь со своими закопченными войлочными юртами, не только слушают лозунги о единстве, но помнят и родовые пережитки, они полны невежества и суеверия. К этому добавьте межнациональную рознь, сплошные неполадки

из производстве. Эта масса представляет собою сброд. Неужели вы этого не видите? Тут бы и высекать огонь, если у вас остался хоть кусочек кремня! Конечно, от этого не распрямится наш сломанный хребет. Наш главный лекарь за рубежом. Его зоркие глаза следят за нами. Терпите, он придет. Чем сдаваться при первой ране, лучше сделайте последнее усилие. Если сумеем поколебать начатое здесь дело — это уже победа.

Андрей Андреевич продолжал молчать. Он чувствовал себя как с похмелья: голова туманилась, мысли путались. Теперь он был убежден, что Алибек готов излить яд на всех, кто строит новую жизнь. Орлов в свое время был тоже заодно с такими же людьми. А чем кончилось?.. В его душе прошла трудная борьба, перевес оказался на стороне здравого смысла.

— Я в агитации не нуждаюсь, — хмуро сказал он, отвернувшись. — Средства зарубежных лекарей, в которые вы верите, мне известны. Это не врачи, а знахари. Вместе с тем люди, которых вы называете «сбродом», — большая сила. Им помогает вся страна. Донбасс прислал сюда своих лучших рабочих и будет присылать дальше. Стремясь вернуть то, что вы потеряли, я уже чуть не погубил себя. Теперь я твердо решил — хоть и прихрамывая, но идти вместе с народом. Попытаюсь покрепче забинтовать свой поврежденный хребет. Это мое твердое решение. Поэтому не рассчитывайте на меня.

Алибек уже начинал понимать, что ничего не добьется от Орлова. Его глубоко посаженные маленькие глаза неподвижно уставились на инженера, лицо приняло темнобагровый оттенок. И слова его были горче желчи:

— Конечно, если гончую заставляют бежать насильно, лисы она не затравит. Как хотите!.. Только не надейтесь, что вам удастся выслужиться. Если кто-то другой устроил обвал, то подбили его на это вы. Это можно будет доказать. Поняли? — Алибек встал, скрипнув табуретом. — А теперь попробуйте на меня донести!

Он вышел, сильно хлопнув дверью.

Внутри у него бушевал гнев. Он действительно походил на бешеного волка. Ведь совсем недавно перед ним покорно склонялись тысячи людей, батрачивших на него. Эти люди свергли его, отняли власть, землю и взялись за непонятное, ненавистное для Алибека дело, которое они называют строительством социализма. Каждое слово этих людей пронзает Алибеку сердце, каждая пылинка, поднятая их работой, жжет, словно искра. Но все-таки он не терял уверенности в своей «правде»; когда шел к Орлову, он заранее взвесил все и, уходя от него, не допускал, что совершил ошибку. Он был уверен: «Инженер не посмеет пикнуть».

Алибек направился к водокачке. Уже сгустились сумерки, но движение около водокачки еще не прекратилось, доносились голоса:

— Кого это ранило сегодня?

— Знаешь смирного мужа той бойкой молодухи? Так вот его, бедняжку.

— Что за бойкая молодуха?

— Помнишь, она приперла к стенке секретаря парткома? Как же ее зовут? Да, Балжан!

— Хоть в шахте заработок и хороший, но работать там опасно. Пожалуй, попрошусь на поверхность.

— Да, многие теперь призадумались...

Алибек прислушивался к этим разговорам, стараясь выяснить, какое впечатление произвел на рабочих обвал. И в то же время раздумывал, нельзя ли «попробовать» что-нибудь и на «Герберте», откуда шло снабжение водой. Но спуск в эту шахту находился внутри каменного здания, а двери в здание слесарь Лапшин всегда надежно запирает.

— Эй, дорогу дайте! — вдруг послышался хмельной голос.

Шел грубиян и задира Бондаренко, летун, переезжавший с одной стройки на другую. Сейчас он куражился, выискивал, как бодливый бык, кого бы поднять на рога, и выкрикивал обидные для людей слова.

От водокачки, ведя в поводу свою гнедую кобылу, шел Жумабай. Алибек узнал его, окликнул:

— Что это ты так поздно сегодня поил кобылицу?

— Задержался. Как только вы ушли из забоя, десятник Сейткали собрал нас всех и повел исправлять повреждение после обвала.

— Ну как, исправили?

— Воля божья, в таких случаях человек обретает ссобую силу. Быстро справились, хоть и трудная была работа! Руководил нами Жуманияз, сразу видать, что из рабочих. Одинаково хорошо владеет и кайлом и топором.

— Небось ругался, как всегда?

— Немного поругал этого белоголового инженера: ничего, мол, сам не видит и других не учит. Жуманияз показал нам, как нужно ставить крепи и как определять, прочно ли держится потолок. Оказывается, это не так уж трудно. И как мы раньше этого не знали? Теперь уж не допустим...

— Что с нас требовать? Мы новые рабочие. Можем и ошибиться.

Бондаренко, видимо, не добился скандала у водокачки и теперь пошел прямо на Алибека и Жумабая. С первого раза видно было, что затрагивать его нельзя, лучше обойти стороной. Но Алибек сказал по-русски, нарочно громко, чтобы услышал Бондаренко:

— Нализался!

Бондаренко только того и надо было, он выкрикнул в ответ ругательство.

— Жаль, возраст у меня почтенный, — сказал Алибек, — перед людьми совестно, а то бы я его... Что ж, надо терпеть...

Всегда тихий, как овечка, на этот раз Жумабай подскочил к Бондаренко:

— Эй, зачем оскорбляешь? Что это за слова такие?..

Бондаренко наотмашь ударил Жумабая и убежал.

Алибек стоял возле своего спутника и упрекал:

— Зачем ты подошел к нему? Зачем полез на скандал?

— Я и сам не знаю, зачем подошел, — растерянно ответил Жумабай.

Жумабай так и не понял, что на столкновение с Бондаренко его подтолкнул Алибек. Да и Бондаренко не мог предвидеть, какие для него последствия вызовет этот скандал. На следующий же день происшествие облетело всю округу. Жанабыл, узнав о случившемся от Жумабая, в тот же вечер рассказал Мейраму. Тот вызвал Жуманияза.

Рабочий день в механическом цехе закончился, но никто не расходился: вскоре должен был начаться товарищеский суд.

Цех помещался в бывшем машинном отделении шахты. Сейчас вдоль стен стояли длинные слесарные столы из толстых досок. К их краям были прикреплены тиски. Посреди помещения в беспорядке лежали старые камероны, динамо, сверлильные станки, различные части механизмов. Рабочие сидели на этих машинах и на столах. Все были в спецовках, никто не успел умыться. При слабом свете керосиновой лампы на лицах, покрытых копотью, поблескивали белки глаз.

За столом, покрытым красной материей, сидели трое: посредине — слесарь Лапшин, председатель товарищеского суда, справа от него Жанабыл, слева старик Антон Левченко — члены суда.

Бондаренко, без шапки, стоял перед столом. Разбирательство вели подробное. Обвиняемый время от времени вытирал рукавом выступавший на лбу пот.

— Товарищ Бондаренко, — обратился к нему Лапшин, — вчера вы ударили товарища Жумабая. Объясните суду причину!

— Он сам хотел меня ударить, — буркнул Бондаренко.

— Сохрани бог! — воскликнул Жумабай, вскочив с места. — Это чистая ложь. Никогда в жизни я не поднимал руки на человека. Даже свою жену и ту ни разу не попугал кнутом.

В зале раздался смех. В этих словах сказался весь Жумабай. Единственный свидетель Алибек, сославшись на болезнь, не явился на суд, но собравшиеся

чувствовали, что правда на стороне Жумабая. Стоило заговорить Бондаренко, как из всех углов цеха начинали сыпаться вопросы.

Жумабай не ждал, что такой пустяковый, по его мнению, случай станет предметом широкого и серьезного обсуждения, да и пришел-то он неохотно, уступив лишь долгим уговорам Жанабыла. А теперь понял: вопрос не шуточный, люди на его стороне, — и он сразу проникся гордостью. На драчуна Бондаренко обстановка суда подействовала удручающе. Особенно упорно напирал на него председатель суда Лапшин.

— Товарищ Бондаренко, какой у вас рабочий стаж?

— Семь лет.

— А у меня — семнадцать, но я ни разу не ударил товарища по работе. На каких вы производствах работали?

— Был в семи-восьми городах.

— А я все время работал на одном месте, в Донбассе. Вы многовато пьете — сколько же вы зарабатываете?

— Выгоняю до шести-семи сот.

— А я зарабатываю больше тысячи рублей, но никогда не напивался до потери разума и ни с кем не дрался. Как вы понимаете пролетарское поведение?

Бондаренко не нашелся, что ответить, куда девалась его прежняя развязность! Лапшин говорил мягко, но каждое его слово било, как молот.

С мест слышались голоса:

— Лодырь этот Бондаренко! Летун!

— Пьяница!

Эти голоса, шедшие из полутемного помещения, все крепчали и напоминали теперь бушевание весенней реки в ветреную ночь. Лапшин высоко поднял свою увесистую руку, чтобы успокоить людей.

Кто-то сидевший в дальнем углу по-своему понял Лапшина.

— В самом деле, чего загудели? Не глаз же он ему выбил!

— Кого это так задело за живое? — жестко спросил Лапшин, встав с места и вглядываясь в угол. —

Если хочешь говорить, выходи к столу, посмотрим на тебя.

Защитник Бондаренко так и не осмелился выйти. Все недружелюбно обернулись назад, разыскивая глазами этого человека.

Встал слесарь — дед Иван Потапов, седой, морщинистый, с пожелтевшей от табачного дыма бородой. Старик редко посещал собрания, не любил выступать. Сейчас он медленно приблизился к столу.

Уставившись старческими глазами на Бондаренко, он поднял указательный палец.

— Ты, парень, смотри!.. Зачем тронул Жумабая? Я всю свою жизнь провел здесь, в Караганде, среди казахов. Мне мизинцем никто не погрозил... Я работал у Немкова, у Рязанова, у англичан, жил впроголодь. Когда приходилось слишком туго, отправлялся в аул и там отъедался вдоволь. Здесь отзывчивый, щедрый живет народ. Калжан — мой покойный тамыр, что значит по-нашему друг навечно, — когда у него родился сын, пригласил меня к себе и подарил телку. Давно это было, а до сих пор не могу забыть. Потомки этой телки у меня и посейчас не перевелись. Сено я тоже всегда брал у казахов... И в работе они ничуть не хуже тебя, братец. Разве кайловщики Каримжан, Смаил, Жармагамбет, Ермек, Спан не равны лучшим донбассовским шахтерам? У них кулак сильнее, чем твой. Они избивали в свое время англичанина Холла и урядника Кудрина. Не касайся чести народа. Наша общая дружба — это народная честь. Не плюй на хлеб-соль народа, будешь проклят. Старую темноту надо проклясть. Здесь, в Караганде, много случалось драк. Англичане, подрядчики, торговцы, кулаки бывало напоят молодчиков вроде тебя, натравят друг на друга, смотрят, потешаются. Время это безвозвратно кануло... Кто тебя натравил, Бондаренко? Скажешь правду — может, Жумабай и простит тебя. Тогда и мы простим.

Дед Иван взмахнул напоследок рукой и сел на свое место.

— Кто еще будет говорить? — спросил председатель.

На этом суде не было ни прокурора, ни защитника. Это был товарищеский суд, рабочий суд. Дело решали сообща. Суд опирался на классовое сознание рабочих, на традиции коллектива. На Бондаренко это произвело большое впечатление, как если бы его судили в народном суде. Вначале он с надеждой поднимал взгляд на выступавших. Но никто не заступился за него. Все только порицали. Последнюю надежду он возлагал на члена суда, слесаря Антона Левченко, своего соседа по жилью. Вот и Антон взял слово. Бондаренко приободрился.

— Только теперь я по-настоящему узнал своего соседа, — начал Антон и, по привычке зажмурив глаза, повел шеей. — Тошно мне стало глядеть на него! И откуда взялись у него эти оскорбительные слова? Думаю, кулаки его подучили. Это они стараются разжечь национальную вражду. А парень подыграл им. Слушай, Бондаренко! С этой минуты решай — будешь с нами, со своими, или с кулачем пойдешь? Нет, не смотри так на меня. Работаем мы вместе, вроде товарищ ты мне, но это твое хулиганство — конец нашей дружбе...

Каждое слово Антона вбивалось в Бондаренко, как иголка. Он стоял, склонив голову и опустив плечи. Но все-таки он был еще далек от того, чтобы сказать: «Ошибся, простите». А ведь рабочие именно этого ждали от него.

Выступил механик Козлов. Умный старик до поры сидел молча, зорко наблюдал за ходом дела. Теперь он неторопливо разъяснял обвиняемому да и суду подлинный смысл происшествия.

— Это собрание — суд совести и дело самих рабочих. Никто другой не может вмешиваться. Я тоже из рабочих, но сейчас хочу высказать свое мнение как один из руководителей производства. Товарищеский суд хоть и не по Кодексу законов судит, а с его мнением приходится считаться — это мнение рабочего коллектива. Решение нашего суда будут уважать не только руководители производства, но и народный суд. Что скажет товарищеский суд? Снизит ли Бондаренко в должности, объявит ли ему строгий выговор или же

уволит с работы и передаст дело прокурору, — я со всем соглашусь. Если же Бондаренко чистосердечно признает свою вину и суд, учтя его семейное положение, найдет возможным ограничиться данным разбором, — я и с этим буду согласен.

— Обвиняемый все еще на своем стоит. Пожалуй, придется поступить с ним строже, — сказал Лапшин.

Он повернулся к Бондаренко:

— Скажите, может быть, вас действительно кто-нибудь подучил?

Бондаренко озирался по сторонам, словно отыскивая, на кого указать. Но так и не назвал никого. И вдруг заплакал.

— Чего еще от меня требуют? Неужели этого позора мало? Если еще раз случится со мной такое, еще жестче меня накажите. У меня трое маленьких детей. Пожалейте! Прости, Жумабай. На, ударь! — Он подошел к Жумабаю и опустил голову.

Жумабай вскочил, из глаз у него тоже брызнули слезы. Он торопливо заговорил:

— Ладно уж, прощаю. Доволен судом. Ну, чего он плачет? Ох, воля божья, до самых костей проняло! Простите его!

Но Лапшин, не подавая виду, что растроган, гнул свою линию:

— Чрезмерная мягкость не принесет пользы. Всем ясно, что Жумабай по своему почину не связался бы с Бондаренко. Да и сам Бондаренко вряд ли ударил бы, хоть и любит пошуметь во хмелю. Лучше скажите правду — вас кулак какой-нибудь подбил?

— Сроду я не связывался с баями и кулаками! — заволновался Жумабай. — Не говори так, дорогой, не говори! — Он все еще не подозревал того, что главный виновник всему Алибек.

Лапшин посоветовался с членами суда, встал и объявил приговор:

— Суд не может оставить без внимания позорный поступок Бондаренко. А мнение суда — мнение всего коллектива. Мы собрались в Караганду не ради драк, а для большого общего дела. Суд учел просьбу потерпевшего и раскаяние подсудимого, но все же

решил просить руководство вынести Бондаренко строгий выговор и снизить по должности на срок, пока он на деле не докажет искренность своих обещаний. Этот приговор вступает в силу с завтрашнего дня.

Люди стали расходиться, промко разговаривая между собою. Все одобряли решение товарищеского суда.

Глава восемнадцатая

Груды желтой глины, ямы, выкопанные для землянок, были видны повсюду. Земляных барачков и серых юрт стало больше, аулы росли. Теперь уже не увидишь, как прежде, свободно пасущихся лошадей, верблюдов и волов: вся тягловая сила была поставлена на работу. Подводы, возившие из Шокая строительный материал, текли по дороге нескончаемым потоком.

За последние дни Караганда приняла праздничный вид. Повсюду бросались в глаза красочные плакаты с лозунгами. На юртах, на низких стенах землянок, на каменных домах надписи: «Долой неграмотность!», «Социализм и бескультурье несовместимы». Часто встречались группы молодежи, мужчин и женщин с учебниками подмышкой. Рабочий люд крепко взялся за учебу. Все свободное от работы время отдавали занятиям. Шахтеры, даже спускаясь под землю, читали свои записи. Водовоз, сидя на передке бочки, запряженной верблюдом, тоже держал на коленях раскрытую тетрадь. Великая тяга к знанию открылась у людей.

Групповые занятия с неграмотными проходили на «Белой шахте». При англичанах она была затоплена. Чтобы засыпать эту шахту, рабочие провели два субботника. Весь накопившийся мусор был сброшен вниз. Но шахту не удалось забить им доверху. Спуск застлали досками, а надшахтное помещение отвели под школу. Утром здесь учились дети, а после работы — взрослые.

...Сегодня в школе очередное занятие. Посмотришь на учеников — диву даешься: старшим — за пятьдесят,

средним — за тридцать, а младшие, юноши, совсем наперечет. И эти люди взялись за грамоту! Их огрубевшие пальцы, привыкшие к кайлу, неловко и опасно держали тонкий карандаш, с трудом передвигали его по бумаге. Выводя изгиб какой-нибудь буквы, они делали такое усилие, будто гнули железо.

У доски стояла Ардак. Она писала мелом буквы, показывая их начертание. Вопросы пожилых людей, которым так трудно давалась наука, порою заставляли ее улыбаться.

— Скажи-ка, дорогая, что это такое — торчит, как козий хвост?

— Я опять забыл эту — с головкой вроде молотка!

— Как называется та, что похожа на кайло?

Так спрашивали они ее о буквах, сравнивая их с привычными для них предметами. Учеба давалась трудно, но ученики и учительница занимались весело.

Ардак была довольна, что не послушалась отца — не пошла за прилавок, а поступила учительницей в школу и благодаря этому попала в среду рабочих. Обучая их, она сама училась. Ее группа сейчас шла впереди других.

Только Байтен продолжал относиться к занятиям прохладно, хоть и посещал уроки исправно. За десять вечеров он так и не выучил ни одной буквы. Ученики наперебой засыпали учительницу вопросами, а Байтен с видом всезнайки горделиво восседал позади всех, помалкивал или клевал носом.

Вот и сегодня тоже. Проверяя тетради учеников, Ардак подошла к Байтену и растерянно остановилась перед ним: он сладко спал, тетрадь и карандаш валялись на полу. Что делать?.. Она дотронулась до его плеча.

— Байтеке, Байтеке!

— А! — Байтен проснулся и, выпучив глаза, поднял свое лицо с торчащими усами.

— Так учиться нельзя. Если хотите спать, идите домой.

— Школа построена не такими белоручками, как ты, а нами, рабочими. Не имеешь права меня удалять, товарищ. Если я тебе не нравлюсь, уходи сама!

Эти слова ошеломили Ардак, словно удар по лицу. Не сказав ни слова, она выбежала из школы. Но на улице уже не могла сдержаться себя: слезы брызнули из ее глаз. Сердце больно сжалось.

«Белоручка!.. Нет, лучше пойти на самую черную работу, чем слушать такие упреки!» Когда вот так, в комок, сжимается сердце, весь широкий мир кажется таким маленьким и тесным, что может уместиться на ладони... Куда теперь деваться? Ардак чувствовала себя лишней на свете, самой несчастной из людей.

А в классе в это время разыгралась бурная сцена. Рабочие окружили Байтена.

Старый кузнец Коктаинша кричал:

— Уходи сам отсюда, проклятый! Зачем обидел девочку? Она мне глаза открыла в старости!

— Что ж, и уйду, — поднялся Байтен. — Школ теперь много. Не в эту, так в другую примут.

— Выгоним тебя и из другой. Иди проси у нашей учительницы прощенья!

— Просить прощенья? У девчонки? — Байтен повернулся и с оскорбленным видом направился к двери.

Подавленная и угнетенная, еле передвигая ноги, Ардак вошла во двор механического цеха: она надеялась встретить здесь Жанабыла.

Жанабыл был занят. Когда его смена, закончив работу, разошлась, он остался во дворе цеха. Вырыл две ямы, человеку по пояс глубиной, поставил два столба. Укрепил на них перекладину, через перекладину перекинул толстую веревку, привязал к ее концу болванку в два пуда. Потом подтащил к этому сооружению железную пластину в палец толщиной.

Жанабыл весь обливался потом, но усталости не чувствовал. Он увидел Ардак, только когда она подошла вплотную.

— Удача в деле! — сказала Ардак. Голос у нее был вялый, лицо совсем больное.

Но Жанабыл ничего не заметил.

— Да будет так, — ответил он. — Вот посмотри на мое изобретение. Хочу облегчить труд молотобойцев.

В последнее время молотобойцы выполняли очень трудную работу: гиули из толстых железных пластин

детали для ремонтируемых локомотивов. С утра и до вечера били они пудовыми молотами, наполняя цех непрерывным грохотом. Вот Жанабыл и решил смастерить для них станок. Механик Козлов и слесарь Лапшин в таких случаях всегда проявляли много находчивости. И Жанабыл хотел подражать им в этом.

Положив под перекладину пластину, он собирался опробовать свое изобретение. Ардак сразу увидела, что приспособление это — пустая, бесполезная затея.

— Ничего у тебя не выйдет, — сказала она. — Ты хочешь наносить удары при помощи рычага? Но хоть твоя болванка и тяжелее молота, удар получится слабее.

— Почему так думаешь?

— Так говорит закон физики. Ты будешь бить с близкого расстояния, почти без размаха. У такого удара нет большой силы.

Жанабыл не послушался. Подтянул на веревку болванку и опустил ее. Железная пластина не только не погнулась, но на ней и следа от удара не осталось.

Жанабыл уныло опустил на землю.

— Лапшин прошлый раз говорил о механике, теперь ты — о физике. Научи меня этой твоей физике. Вижу, она большой мастер. Теперь после работы буду ходить учиться у тебя.

— Я больше преподавать не стану. Хочу поступить в цех чернорабочей, — мрачно проговорила Ардак.

Жанабыл с удивлением посмотрел на девушку. Только теперь он заметил, что она расстроена и печальна.

— Что это с тобой, почему нос повесила? Заболела или обидел кто-нибудь?

— Я здорова.

— Ай-яй-яй! Нехорошая у тебя привычка — тянуть за душу. Почему не объяснить прямо?

— Байтен сказал, чтобы я ушла из школы. И я ушла.

— Ушла потому, что сказал Байтен! — возмущенно воскликнул Жанабыл. — Ну как можно слушать эту болотную птицу? Другие-то рабочие как к тебе относятся?

— Хорошо относятся. Но он при всех сказал: «Белоручка, уходи!» — как тут не уйти! Лучше встану на черную работу. Если испачкается лицо, грязь можно водой смыть, а если замарана честь, чем смоешь?

— Пошли! — решительно сказал Жанабыл. — Этому Байтену горячим железом так прижгут его болтливый язык, что замолчит наконец. Пошли! Скоро он почувствует, будто заново на свет родился.

— Куда пошли?

— В партком, в шахтком, к твоим же ученикам.

— Нет, не зови, не пойду! — наотрез отказалась Ардак. — Я не хочу больше разговаривать с Байтеном. Ты лучше помоги мне найти подходящую работу в цехе. Станем работать вместе, научимся понимать язык машин. Будем заниматься вместе. Кто знает, может, станем изобретателями, конструкторами...

Жанабылу было приятно, что девушка хочет работать в цехе. Но все-таки он сказал с осуждением:

— Понапрасну горячишься. Учительницей ты больше пользы принесешь... Эх, вступила бы в комсомол, тогда все двери пред тобой еще шире откроются.

— Чтобы вступить в комсомол, сначала нужно показать себя на работе.

— Чего же лучше — учи людей!

Вышли наружу. Послышался сильный грохот. Озадаченно они посмотрели в небо. Но небосклон был ясен. Вдали показалась толпа. Мимо промчались ребяташки с засученными штанами. Гул все усиливался, приближался. Жанабыл и Ардак кинулись навстречу к людям.

Всполошив своим грохотом население Караганды, тяжело двигались пять тракторов. Они поднимались на бугор, в сторону механического цеха. Шли цепочкой, один за другим. Каждый трактор тянул за собой прицеп. Иные прицепы были так велики, что оставляли колесный след шириною до полуметра, и такой длины, что между колесами свободно мог пройти целый караван. На одном из прицепов тяжело покоился красный котел, опрокинутый, похожий на холм. Люди восклицали возбужденно:

— Пах-пах! Гремит, как гром!

— Чуешь, земля дрожит?

— Какой огромный!

— Скажи — настоящий великан. Один тащит целую гору.

— Чем называть трактором, лучше бы назвали горовозом!

Караганда впервые слышала гул тракторных моторов. Невиданные машины, огромный котел, длинные прицепы — все это производило на людей сильное впечатление. Теснясь и толкаясь, каждый хотел пробраться ближе, рассмотреть получше, пощупать собственными руками.

Жанабыл запоздал, но энергично протолкался вперед. Ноздри его короткого носа раздувались, глаза возбужденно горели. Размахивая руками, он не подпускал людей близко к прицепам.

— Сторонись! Не загораживай дорогу! Куда лезешь?

— Кто этот курносый?

— Что он думает, съедим мы эти машины?

— Курносый знает, что говорит! — кричал Жанабыл. — Отойдите дальше! Умереть, что ли, под колесами хотите? Тяни, тяни, товарищ кучер!

Вместе с другими шли Мейрам, Жуманияз и Щербаков, внимательно наблюдая за поведением людей. Взгляд Мейрама упал на Ардак. Девушка стояла в стороне, держа папку подмышкой, и смотрела как-то жалостно. Она ни разу не улыбнулась, ее глаза были грустны. Но вот она увидела Мейрама и Щербакова, пошла им навстречу.

— Ну как, дочурка, нравится тебе наше новое хозяйство? — спросил Щербаков

— Нравится, Сергей Петрович. Такую чудесную силу мы еще не видели.

— Чудо — впереди. Это только начало чуда, — сказал Щербаков. — По-настоящему дело развернется, когда подтянем сюда железную дорогу. Каждые сорок минут будут прибывать и отправляться поезда. По одному этому можете представить себе будущую Караганду.

— Когда же придет первый поезд?

— Дорога уже прошла через Шокай. Пожалуй, к первому снегу придет к нам. Правительство уделяет нашей дороге особое внимание.

— А откуда эти машины?

— Их прислал нам в подарок товарищ Орджоникидзе. Очень нужны нам эти машины. Видишь паровой котел? После электричества пар — самая мощная сила.

— Пар, электричество, мотор — эти вещи требуют знаний, Сергей Петрович, — сказала Ардак. — Как будет управлять ими простой рабочий? Ведь он не знает ни химии, ни физики, ни математики. Я стояла здесь в сторонке и все думала об этом.

— Славно ты думаешь, дочка, славно! — обрадовался Сергей Петрович. — Чтобы вооружить людей знаниями, мы обучаем сейчас не только детей, но и взрослых. Помогай им, дочка, поскорее ликвидировать неграмотность!

— Да разве она еще не рассказала вам? Байтен прогнал ее из школы, — раздался голос Жанабыла.

Парень обливался потом и задыхался. Продвигаясь в ряду с рабочими, он пытливыми глазами смотрел на машины. Одно стремление владело им: все увидеть, все узнать, самому участвовать во всем. Не утерпев, он вмешался в разговор Сергея Петровича и Ардак.

Мейрам при словах Жанабыла нахмурил брови.

— Что ты сказал?

— Да разве она сама еще не рассказала вам? Байтен прогнал ее, обозвал белоручкой. Ардак собирается поступить в наш цех чернорабочей.

— Это правда? — повернулся Мейрам к девушке.

— Правда, — ответила Ардак, опустив глаза.

Невольно Мейрам загляделся на опечаленную девушку. Казалось, если она поднимет голову и посмотрит, то из глаз ее брызнут слезы. Мейраму хотелось тихонько взять ее за подбородок и сказать: «Не надо грустить, не вешай головы». Но он постеснялся: по казахским обычаям, неправильно было бы показывать перед людьми свое чувство. В то же время в нем жила ревность. Он не мог забыть, как Ардак, присло-

нившись к телеге, стояла почти рядом с Махметом, беседовала с ним. «Зачем она встречается с этим пустым парнем? Почему терпит его в своем доме?» Но ревность вспыхнула на минуту и погасла, заглушенная жалостью к Ардак. Если даже она и виновата в чем, Мейрам готов был все простить и забыть.

И он проговорил с досадой, злясь на Байтена:

— Враг вредит скрыто, а неумный друг открыто! Ведь этот Байтен — член профсоюза! Вам нужно принять строгие меры, товарищ Жуманияз.

— Он же, шайтан, из старых рабочих, — пробормотал Жуманияз.

Мейрам начал горячиться:

— Мы опираемся не на всех старых рабочих, а на передовых, на тех, которые способны повести за собой тысячи новичков. Разве все черное — уголь? Надо уметь отличать породу от угля. А вас, Ардак, мы очень просим: возвращайтесь в школу. Дать зрение тысячам важнее, чем выполнять работу одного человека в цехе. Я понимаю: Байтен обидел вас, крепко обидел. Только вы сильно ошибаетесь, если думаете, что слова Байтена — это слова рабочих. Настоящие рабочие совсем другими словами говорят о своих учителях.

— Я скажу то же самое, доченька, — добавил Щербаков. — Рабочих у нас все больше становится, а в учителях нужда огромная.

У Ардак посветлело в душе. Значит, людям нужен ее труд. Еле переводя дыхание — так сильно застучало сердце, — она произнесла чуть слышно:

— Хорошо. Спасибо вам. Я и сама теперь понимаю, что погорячилась. Жанабыл то же самое мне говорил.

Вместе с этими людьми, ставшими ей по-родному близкими, Ардак возвращалась в поселок. Солнце уже садилось. Розовела вечерняя заря. В ее свете колонна тракторов приближалась к механическому цеху.

К осени изменили свой облик не только окрестности Караганды, густо заселенные аулами, но и центр промысла постепенно менялся. Рыли котлованы под общественные здания, подвозили и складывали огромными штабелями строительные материалы. Не дожидаясь, когда железная дорога подойдет к Караганде, строители возили оборудование и кирпич со станции Шокай. Возили на подводах сезонники, возили на тракторах. Это обходилось дорого, но оставшиеся до наступления зимы погожие дни были еще дороже.

Больше всего Щербаков торопил с постройкой котельной. Паровой котел должен был вдохнуть в промысел новую жизнь. С помощью пара продуктивней заработают многочисленные камеры. Самое же главное — можно будет уголь подавать наверх не бадьями, подвешенными к конному барабану, а вагонетками. Могучие механизмы заставят вагонетки бегать взад и вперед по рельсам, проложенным по наклонному спуску в шахту.

Просторное кирпичное здание котельной было решено возводить рядом с маленькой надшахтной постройкой «Герберт». Фундамент был уже заложен, но стены еще не подведены под крышу — задерживали строительные материалы, доставка которых шла медленно.

Слесари механического цеха, не дожидаясь окончания постройки, уже втащили в помещение огромный красный котел, привезенный тракторами. Котел установили на прочном каменном фундаменте.

Во главе с Константином Лапшиным, бригада работала дружно, слаженно.

Тут же суетился и Бокай, никому не дававший покоя своими бесконечными расспросами. Вот он подбежал к Лапшину, — тот, прислонившись к котлу, сосредоточенно рассматривал чертеж.

— А здесь что? — допытывался Бокай. Он сунул голову в топку котла.

— Здесь будет огонь. Видишь эти длинные трубы?

По ним побежит огонь. Трубы пройдут сквозь воду. Вода напреется, закипит...

— Стало быть, как в самоваре?

— Примерно, как в самоваре.

— Для чего нужно кипятить воду? Неужели рабочие так много выпьют чаю?

Вопрос рассмешил Лапшина, в улыбке сверкнули его белые ровные зубы.

— Нам нужен не кипяток, а пар. Пар приведет в движение машины.

— Как это приведет? Куда приведет?

— Э, брат, да тебе надо все объяснить. Хочешь, обучу тебя на кочегара? Тогда все поймешь и машины будут тебя слушаться.

Бокай от радости засуетился еще больше.

— Как не хотеть! Всею душой благодарю тебя... Приходи сегодня ко мне. Самым дорогим гостем и другом будешь. — От волнения Бокай позабыл, что землянка у него еще не готова и негде принять гостя.

— Нет, — сказал Лапшин, — сегодня я не приду. Приду, когда сделаю из тебя кочегара. Вот тогда и поблагодаришь.

— Э, до этого еще далеко...

— Не так уж далеко. Желание у тебя, видать, большое — выучишься месяца за два, за три.

Вошли Козлов и Щербаков. Управляющий шел неторопливо, заложив руки за спину, и внимательно осматривал здание. Пальцами он пощелкал по стенке котла.

— Сейчас успех всего дела зависит вот от этого самовара. Когда вы закончите его установку?

— Расскажи, Костя, как идет работа, — попросил Козлов.

Лапшин пожаловался:

— Срок больно короткий. Да и людей ты, Борис Михайлович, дал в обрез. Большинство из них не знает производства...

— Учить надо поусердней, — слегка нахмурился Щербаков.

— Учим, только дело медленно продвигается: казахского языка не знаем.

— Пора бы овладевать помаленьку. Я вот уже около ста казахских слов знаю. Могу объясняться кое-как. А ведь вам легче научиться: вы каждый день с казахами плечо в плечо работаете.

— Трудно, Сергей Петрович, они сами норовят все больше по-русски говорить.

— Ну и что ж? Тем скорей научитесь понимать друг друга.

Около котла были свалены трубы, кран, разные детали. Бокай с любопытством рассматривал их, ощупывая каждый предмет, удивленно покачивая головой. Он принимал участие в перевозках со станции и теперь хотел понять назначение вещей.

— Посмотрите, как заинтересовался, — сказал Сергей Петрович, — забыл обо всем на свете! При такой любознательности люди быстро научатся.

— Все-таки потребуется немалое время, — отозвался Лапшин. — А пока суд да дело — дайте мне хоть одного слесаря.

Козлов удивленно поднял на него глаза.

— О чем ты говоришь, Костя? Будто сам не знаешь. Где я его тебе возьму? Антон Левченко поехал за частями парогенератора. Как только вернется, станет на сборку генератора. Иван Потапов — на монтаже камеронов. Если снять с кузнечного дела Коктаиншу, работа там остановится. Бондаренко ремонтирует вагонетки... Все люди при деле. Если все эти работы не закончим к пуску котла, то и котел без надобности будет простаивать.

Караганда все больше ощущала нужду в квалифицированных рабочих. Прибывало механическое оборудование, и дозарезу нужны были специалисты, способные управлять этой техникой.

В Караганде уже было открыто несколько вечерних школ фабрично-заводского ученичества, ускоренных курсов. Рабочие, особенно молодежь, без отрыва от производства учились охотно. И это уже сказывалось на деле: люди, недавно пришедшие из аулов, смелее начинали обращаться с техникой. И все же подготовка кадров шла медленно. Надвигалась угроза

простоя непрерывно прибывавших механизмов. Дорог был каждый день.

Посасывая трубку, Сергей Петрович размышлял вслух:

— Антона, как только приедет, поставим в бригаду Лапшина. В первую очередь пустим паровой котел, а потом уже возьмемся за сборку парогенератора. Нельзя разбрасываться, иначе застопорим все дело. Машины будем вводить в строй по очереди.

Он прошел в угол помещения, где работал дед Иван Потапов со своими помощниками. Зажав в тиски болтик, он оттачивал его напильником и настолько увлекся работой, что ничего не замечал. Около него стоял новый камерон, почти уже собранный. Тут же возились над частями машин Жанабыл, Байтен и бойкая молодуха Балжан.

— Здравствуйте, дядя Иван.

Потапов поднял голову, посмотрел поверх очков, пробормотал что-то неразборчивое.

— Ну как, скоро будет готов камерон? — спросил Щербаков.

— Да вот за одним болтиком вся задержка! Будь токарный станок — минутная работа.

— Пустим паровой котел, заработает и токарный станок.

— А зачем задерживать станок из-за котла? Почему не использовать нефтяной движок?

— Ну-ка, посмотрим движок, — сказал Сергей Петрович.

У движка хлопотал Жанабыл. Он тщательно протер тряпкой, смоченной в керосине, тонкую медную трубку, продул ее и стал рассматривать на свету, любясь ее блеском.

— Как дела, молодой инженер? — спросил Сергей Петрович.

— Не плохи дела, — отозвался Жанабыл и сунул трубку в складки своего пиджака, лежавшего подле.

— Зачем прячешь?

— Не от вас прячу, а от пыли.

На язык он был так же ловок, как и на работу. Ласково, словно жеребенка, погладил ладонью низкий,

небольшой, блестящий черным лаком движок. Потом, покраснев от натуги, приподнял чугунную головку машины.

— Черт возьми ее, из свинца, что ли!

— Что, тяжело? — спросил Козлов.

— Да, потяжелее дяденьки Ивана, а каждое его слово весит пуд.

— Ухаживать за машиной ты любишь, — заметил Щербаков. — А управлять ею умеешь?

— Управлять еще не умею, — только устройство понял.

— Ну, объясни!

Дед Иван забеспокоился. Неотрывно глядя на своего ученика, весь превратившись в слух, он шевелил губами, пытаясь помочь ему.

Жанабыл, поглядывая на движок, говорил без запинки:

— ...Чугунную головку мы закрепляем вот здесь и снизу подогреваем примусом. В нагретую головку из медных трубочек гоним нефть. Тут образуется газ, газ будет давить на поршень, и он сдвинется...

— А в обратную сторону поршень пойдет?

— Конечно, пойдет! Он ведь с коленчатым валом соединен. На конец вала надевается то большое колесо. Оно и двинет поршень в обратную сторону. Понимаете? Поршень двигается туда-сюда — вот машина и заработала.

— Молодец! Настоящий ударник! — воскликнул дед Иван. Свернув толстую цыгарку из самосада, он протянул кисет Жанабылу: — На, закуривай!

Козлов пошутил:

— Они, видно, сдружились, вот у них дело и пошло.

— Посмотрим теперь на других, — сказал Сергей Петрович.

Жанабыл рассказывал:

— Это Байтен и Балжан, они чистят части паровой машины. Еще трое из нашей бригады работают в механическом цехе, готовят место для этого движка. Нас у дяденьки Ивана шесть казахов.

— У вас — шесть, у Лапшина — семь, у Левченко —

пять, вон сколько набралось! — весело подсчитывал Щербаков. — Если эти восемнадцать освоят механизмы так же хорошо, как ты, кадры у нас быстро начнут расти.

— Еще быстрее бы росли, да вот Борис Михайлович, как пошабашим, сейчас же говорит: «Отдыхать идите!»

— А что мне делать с Жуманиязом? — оправдывался Козлов. — Это другое кричит: нельзя, дескать, злоупотреблять сверхурочными работами! Кого тут слушать?

— Профсоюз тоже считает, что надо торопиться с подготовкой рабочих. Зачем же нас сдерживать? — спросил Жанабыл.

Сергей Петрович примирил их:

— Горячую лошадку нужно сдерживать, иначе выдохнется на середине пути. Правильно говорит Жуманияз: сверхурочные работы — только для особо спешных случаев.

В сопровождении Жанабыла подошли к Байтену и Балжан. Верный себе Байтен не утруждал себя: набросив на плечи шапан и поджав ноги, он рассеянно протирал тряпочкой подшипник, временами позевывая. Энергичная Балжан работала расторопно. Платье у нее заправлено в шаровары, на голове — легкая косынка. Молодуха поддразнивала напарника:

— Вы слишком тепло оделись, вам трудно двигаться, потому и дремлете.

— Что ты! Или не знаешь — через толстую одежду жара меньше проникает.

— Эх, некому взять вас за бока! Должно быть, жена у вас смиренная.

— А строптивая что может сделать?

— Покрепче прибрала бы к рукам ленивого муженька!

— Эй, келиншек¹, о каком ленивом муже ты говоришь?

— Ладно уж, пошевеливайтесь! Видите, идут к нам...

---

¹ К е л и н ш е к — молодуха.

Байтен вынул пузырек с насваем, встряхнул его, стукнув о ладонь, положил в рот щепоть. Затем старательно вытер подшипник и принял горделивую позу. Но пришедшие остановились возле Балжан.

— Вот, Сергей Петрович, познакомьтесь, — говорил Жанабыл, — это наша шумливая молодуха Балжан.

— Где ты слышал, что я шумела? — накинулась на него Балжан.

— Оставь, я тебе не секретарь парткома. С меня спрос небольшой.

— Кто же ты такой, чтобы так говорить обо мне?

— Будто не знаешь! Будущий первый машинист в Караганде — Жанабыл.

— Смотри, как далеко пошел! Лучше подойди-ка сюда поближе, — сказала Балжан и указала на деталь машины. — Вот я спрашиваю Байтена: «Как называется эта часть?» А он отвечает: «Часть очень нужная». — «А эта?» — говорю. «Эта — тоже нужная». И больше ничего не может сказать. А ну, ответь-ка мне, если ты машинист!

Жанабыл, освоив нефтяной движок, еще не знал устройства паровой машины, но самолюбие не позволило ему признаться в этом. Он ответил:

— Байтеке правильно говорит: все части нужны.

Балжан шутливо ударила его по щеке.

— А еще называет себя машинистом! Известно, что все части нужны, а ты скажи, для чего они нужны!

Жанабыл подставил ей другую щеку:

— Ударь еще раз! Теперь уже за Байтеке.

— Ладно, хватит с тебя.

Сергею Петровичу понравилась эта худощавая бойкая женщина с живыми темными глазами, затененными длинными ресницами. Он пришел на помощь Жанабылу:

— По-русски это называется золотник — сердце паровой машины.

— Вон как, и у машины бьется сердце?

— В каждом механизме есть свое сердце. Тот, кто

изучит законы, по которым оно бьется, станет настоящим мастером.

Сергей Петрович повернулся к Козлову:

— Если Жанабыл будет первым машинистом и мужчин казахов, то Балжан должна стать первой среди казашек.

— Постараемся, — пообещал Борис Михайлович. — Стало быть, так: с установкой парогенератора несколько повременим, сначала наладим паровой котел. Я думаю, дед Иван прав. Не пустить ли нам движок, пока котел не готов?

— Предложение разумное, — отозвался Щербаков. — Движок пустит в ход не только станки — он зажжет лампочки Ильича. Наши люди в большинстве еще не видели электрического света. Вот так и будем налаживать одно дело за другим. Полагаю, пришло время для строительства литейного цеха. Не возить же нам без конца мелкие запасные части из Донбасса, Ленинграда и Москвы...

Послышался гул трактора и звонкий голос Левченко:

— Поворачивай сюда! Осторожней!

— Наш Антон приехал! — всколыхнулся Козлов.

Все выбежали во двор. Прицепы трех тракторов и несколько подвод доверху были нагружены станками, динамомашинами, частями парогенератора. Антона засыпали вопросами:

— Сурика для обмазки муфт не забыл?

— А асбестовую прокладку привез?

— Привез, привез! И не спрашивайте — вся станция забита оборудованием! — говорил Антон, прикрывая глаза и качая головой. — Не иначе — вся страна болеет о нас. База треста прямо ломится. Только успевай перевозить...

Сергей Петрович посмотрел, как разгружают механизмы и пошел к шахте номер один.

На вершине холма, неподалеку от шахты, неподвижно стоял инженер Орлов. Как и всегда, он поднялся до восхода солнца и с утра ни на минуту не присел: объехал дальние шахты, обошел пешком весь промысел. Производство росло на его глазах, оно

увлекло его, и он все меньше тяготился своим одиночеством.

Сергей Петрович опустился рядом с Орловым на густую траву.

— Садитесь, Андрей Андреевич, отдохнем немного. — Расстегнув ворот рубашки, он подставил грудь ветерку, достал из кармана трубку. — Много у нас забот, Андрей Андреевич... Вот я теперь раздумываю: поставили мы Осипова заведовать первой шахтой. Правда, в Донбассе он десятником работал. Но особой распорядительностью и смекалкой как будто не отличался. Медлителен, слишком уж спокоен, хотя дело знает. Получится ли из него хороший начальник шахты?

— И я об этом беспокоюсь, — раздумчиво проговорил Орлов.

— А с другой стороны, и такие работники, как Осипов, у нас наперечет. Придется рискнуть. Будем, конечно, держать его на глазу, помогать ему. Как вы считаете, не пора ли начинать проходку наклонного спуска в шахту? Монтаж подъемной машины идет к концу, вагонетки, рельсы есть... Не поручить ли Ермаку проходку уклона?

— Да больше, пожалуй, и некому... Только вы, Сергей Петрович, предупредите его: иногда он не слушает указаний инженера.

— У него в голове еще сидят старые представления об инженере. Я поговорю с ним.

С холма он оглядел окрестность, с наслаждением вдохнул остывший после дневной жары прохладный воздух.

— Уголька здесь много...

— И хороший уголь, — добавил Орлов. — Мало содержит серы и фосфора. А чем меньше в угле этих примесей, тем лучше идет выплавка чугуна, тем дешевле она обходится.

— Но в некоторых пластах здешнего угля довольно много золы.

— Да, зола есть. Но этот недостаток легко устранить. Карагандинский уголь хорошо поддается обогащению. Есть у него еще одно качество: выдерживает

длительное хранение... Не могу бранить здешний уголь. И чем глубже залегают пласты, тем он лучше. Наша задача: как можно скорей добраться до этих пластов.

— Поставим на это дело лучших рабочих, — закончил Щербаков. — Я думаю, бригаду Ермека следует сделать ударной, на ее примере учить других.

— Как это сделать ударной? — Орлов имел довольно смутное представление об организации ударного труда.

— Отберем в бригаду самых опытных людей. Нечего греха таить, порою мы кайловщиков переводим на работу с лопатой. Это недопустимо. Тут часть и вашей вины.

— Признаю, — покорно согласился Орлов.

Разговор затянулся. Щербаков взглянул на часы: время близилось к шести. Он поднялся с травы.

Орлов посмотрел в сторону шахты, прикоснулся к плечу Сергея Петровича.

— Видите? Что это?

Возле шахты густо толпился народ. На полянке устанавливали большой стол. Женщина накрывала его красной материей.

— Разве вы не слышали? — удивился Щербаков. — Эх, Андрей Андреевич, слабовато вы вникаете в общественную жизнь производства. Рабочие решили собраться на митинг, обсудить товарищеское письмо донбассовцам... моим родным донбассовцам! — с силой повторил он. — Пойдем послушаем...

Вокруг стола собралась вся Караганда: пришли жители окрестных аулов, шахтеры, рабочие механического цеха. Многие из них совсем недавно сбросили с себя чекмень и тымак¹, которые носили у себя в ауле, и облачились в спецовку. Немало было и женщин в жаулаках². Многолюдное собрание открывал Жуманияз. Улыбаясь узкими веселыми глазами и пригладившая щегольские черные усики, он ждал, когда стихнет шум. Но говор толпы не умолкал. Голос у Жума-

¹ Тымак — меховая шапка.

² Жаулак — женский головной убор из белой материи.

нияза был негромкий; когда Жуманияз попросил тишины, мало кто его услышал. Он несколько раз ударил ладонью по столу.

— Внимание, товарищи! Открываем наш митинг... Перед тем как изберем президиум, я вот о чем хотел сказать. Первое время нас здесь было мало, а дело мы начали огромное, дело государственное: взялись создать третью всесоюзную кочегарку. Не справились бы мы с этим делом, если бы не братская помощь великого русского народа и прежде всего донбассовцев. И впредь нам не обойтись без этой помощи. И вот наши старые шахтеры — товарищи Ермек Барантаев и Исхак Кемелов подали мысль написать письмо пролетариям Донбасса. В этом письме мы благодарим за поддержку и просим помогать и в дальнейшем...

Когда президиум был избран, Жуманияз предоставил слово Исхаку. Старый шахтер вышел к столу. Он приподнялся на носках и, вытянув шею, искал кого-то в толпе.

— Где учительница, где Ардак? — обеспокоенно спросил он.

И когда Ардак откликнулась, шахтер позвал ее к столу.

— Становись здесь, рядом со мной... Вот, товарищи, мы с Ермеком обдумали все, что нужно нам сказать донбассовским шахтерам, и попросили учительницу записать эти слова. Говорить я не мастер. Прочти, дорогая, что записала. Пусть народ послушает.

Волнуясь, Ардак начала читать:

— «Пролетариату нашего родного старшего брата Донбасса. Дорогие друзья, товарищи! Благодаря заботам Коммунистической партии и правительства казахский народ, еще недавно кочевавший по степи, стал оседлым. Он приступил к созданию индустрии, к воспитанию национальных кадров промышленных рабочих. Он строит третью всесоюзную кочегарку. Но мы еще неопытны. Нам очень нужна ваша помощь. Спасибо вам за то, что вы сделали для нас, и просим помогать и дальше. Мы приглашаем ваших мастеров, шахтеров-ударников приехать к нам, передать опыт Донбасса, научить нас командовать новой техникой».

Как только Ардак кончила читать, со всех сторон раздались голоса:

— Яснее скажи: в первую очередь нам нужны забойщики, инженеры, техники!

— А разве машинисты, монтеры, токари не нужны?

— Говорят, что в Донбассе есть машина, которая рубит уголь. Нельзя ли прислать нам такую машину и научить работать на ней?

— И пусть еще один большой котел пришлют! — крикнул Бокай из задних рядов.

Исхак не переставал твердить:

— Пиши, учительница, пиши.

Карандаш Ардак так и летал по бумаге.

К столу протискался Акым и попросил:

— Ардакджан, напиши, пожалуйста, чтобы мне прислали эту машину, которая сама рубит уголь. Я на ней, как на коне, сумею ездить. Хватит кайлом махать.

Если бы записать все пожелания и просьбы, конца не было бы письму. Мейрам поднялся со своего места и внес предложение:

— Товарищи, всего не напишешь! Бумаги не хватит. Надо указать самое главное. А дополнить и переписать наше письмо поручим президиуму.

— Правильно сказано! — поддержал Исхак. — Так скорее закончим. Со своей стороны вот что предложу: пусть там президиум дополняет, а мы сейчас подпишем письмо.

Народ стал тесниться к столу.

Каких только подписей не ставили! Многие недавно научились грамоте и еще неумело держали перо. Старательно выводя свои каракули, они посматривали друг на друга, смущенно улыбались. Подошел Жумабай, подтягивая, по всегдашней привычке, овчинные штаны. Следом за ним шел бригадир, великан Хутжан. Расписываясь, Хутжан замарал бумагу угольной пылью.

— Ой! — испугалась Ардак. — Придется заново переписывать.

— Не трогай, пусть так и останется, — сказал Исхак. — Шахтеры не боятся угольной пыли.

Глава двадцатая

Всю ночь сыпал густой снег. Утром серые тучи разошлись, небо прояснилось, засияло неяркое зимнее солнце. Сколько перемен кругом! Аулов уже не видно. Люди вселились в землянки. Вырытые канавы, бугры над землянками — все укрыто белым одеялом снега. Солнечные лучи играли в снежных крупинках. И только дым, струившийся из печных труб и медленно тающий в спокойном воздухе, говорил о том, что здесь живут люди.

День разгорался. Донесся тонкий свисток маленького локомотива. Это кончилась смена. Появились группы рабочих; одни возвращались из шахт, другие спешили туда. Арбакеши развозили по баракам воду, хозяева гнали скот на водопой. Движение в поселках все усиливалось.

Далеко на горизонте, в районе бывшего поселка Компанейского, медленно двигалась темная лента — первый поезд, которого так долго ждали в Караганде. Клубы дыма тянулись от паровоза вдоль вагонов. Вместе с первым эшелоном должна была прибыть в помощь Караганде еще одна партия рабочих из Донбасса.

Из землянок высыпали группы людей, исподволь они соединялись в длинные колонны, над ними поднялись красные знамена. Колонны двинулись к центру промысла.

В это время Мейрам и Жанабыл сидели у Ермека за утренним чаем. Старый шахтер достал свою ученическую тетрадку, стал показывать ее Мейраму. Жанабыл, глядя на него, вытащил из голенища сапога свою тетрадь.

— Подожди, не лезь, — сказал Ермек.

— Почему не лезь? Вы хотите скакать в одиночку и получить приз, — ответил Жанабыл.

Оба они учились русскому языку. Русскую грамоту знали плохо, но рвения проявляли много. Были уверены: только бы научиться читать и писать, а там дело пойдет быстрее.

— Как, уже самостоятельно начали писать?—

удивлялся Мейрам. — Складно у вас получается, очень складно.

Жанабыл, взглядевшись в тетрадь Ермека, расхохотался.

— «Кайла едет»! Кайло разве телега? Надо писать — везут!

— Смотри, как хвалится! Конечно, живет по соседству с учительницей, вот и хвалится, — укорял Ермек.

— А вы с учителем в одном доме живете, — не остался в долгу Жанабыл.

— Ну, Мейраму некогда заниматься со мной. А вот тебе Ардак отдельные уроки дает, я уверен.

— Что-то не похоже, — усмехнулся Мейрам. — Если бы так, Жанабыл не написал бы «шай кушайт».

Теперь хохотал Ермек. Хохотал так безудержно, что у него из рук выпала чашка. Он смеялся редко, но всегда раскатисто, от души.

Передохнув, он сказал:

— Щенок ты этакий, где это видано, чтобы человек ел чай?

— Вы делаете ошибки потому, что недавно взяли за русский язык, — успокоил друзей Мейрам. — Слышали, Ереке, Жанабыл хочет меня зачислить в учителя к вам? Хорошо, я согласен. Если Ардак будет помогать Жанабылу, я согласен помочь вам. Ты, Жанабыл, передай мой вызов Ардак.

— Ей и не надо передавать, она и так со мной отдельно от группы занимается. Дело теперь за вами.

Жанабыл заглядывал в этот дом часто. Несмотря на свою молодость, он позволял себе шутки с Ермеком, трунил над ним. Характером старый шахтер был тяжеленек, но стоило появиться Жанабылу, как лицо Ермека расплывалось в улыбке и он сам начинал искать повода для шуток. Мейрам часто принимал участие в их беседах. Еще одно обстоятельство роднило их. Жанабыл как-то невольно содействовал сближению Мейрама с Ардак. Между ними еще не произошло никаких объяснений, встречались они редко, а Жанабыл словно помогал им разговаривать на расстоянии: стоит Ардак сказать что-нибудь, на другой же день об этом узнает Мейрам.

Ания, жена Ермека, разливала чай. Говорила за- просто:

— Послушайте меня, детки! Здесь посторонних нет, скажу прямо. О чем вы думаете? Или всю жизнь хотите прожить холостяками? Нам со стариком отрадно бы увидеть вас женатыми. И были бы вы, семейные, возле нас — как возле большой юрты. Правильно я говорю?

Ей не успели ответить — вошли Щербаков и Козлов.

— Мейрам Омарович, — сказал Щербаков, поздоровавшись с хозяевами, — народ уже собирается, идемте встречать гостей.

— Я мигом.

Мейрам прошел в свою комнатку — переодеться. Щербаков с интересом приглядывался к обстановке в доме — он впервые был здесь. У стенки — изрядно обшарпанный черный сундук, на нем две подушки. На почетном месте разостлана подержанная узорчатая кошма. Посредине комнаты — низкий стол. И это все. Передняя комната разделена дощатой перегородкой. Одна половина служила кухней, в другой жил Мейрам. Сергей Петрович поискал глазами табуретку, не нашел. Сидеть по-казахски, на полу, он не умел. Признаться, не ждал он, что известный всей Караганде старый шахтер и секретарь партийной организации живут в такой обстановке.

— Как это можно? — сказал он Ермеку. — Почему вы ничего не скажете? Склад у нас не богат, но все-таки можно найти кое-что.

— Никогда я не занимался такими делами, — ответил Ермек и стал одеваться.

Жанабыл не удержался:

— Вот Мейрам не решается сказать решительное слово любимой девушке, а Ермек всегда ждет, что скажет жена. Эти люди думают, что все должно прийти само собой.

Впятером вышли на улицу. Колонны со знаменами собрались около треста. Люди шумели и волновались. Среди рабочих были и ветхие старики, и старухи, опирающиеся на палки, и маленькие дети, не

отрывающие рук от подолов матерей. У всех на устах одни и те же слова:

— Железная дорога, поезд...

Было тут немало людей, которые никогда не видели города, даже не выезжали из своего аула. Росли и жили в бескрайной степи, вдалеке от торных дорог жизни, и только понаслышке знали об «от арбе»¹. Теперь они увидят ее своими глазами. Эти несколько часов последнего ожидания казались им длиннее прожитых лет.

— Ближе, что ли?

— Подходит!

— Отчего задерживаемся? — слышались голоса.

Наконец колонны двинулись.

Еще четыре-пять километров отделяли их от поезда. Шел он медленно, очень медленно. Народ нестройно, шумливо двинулся вперед. Казалось, пушистый снег, покрывший широкую степь, начал кипеть. Самые проворные ребята уже приближались к поезду. Теперь железнодорожники ясно могли разглядеть массу пестро одетых людей, врассыпную спускающихся с холма.

Строители дороги начали поторапливать друг друга:

— Идут встречать! Пошевеливайтесь!

Длинный состав тянули два паровоза. На передних открытых платформах лежали турбины величиной с шанрак², толстые коленчатые валы и трубы такой величины, что в них свободно мог поместиться человек.

Строители дороги торопились. Одни подносили и укладывали на полотно шпалы. Другие подтаскивали рельсы. Четыре дюжих парня, разделившись на две пары, прикрепляли рельсы, забивая костыли в шпалы. А позади них медленно полз тяжелый поезд.

Громко выкрикивая приветствия и пожелания успеха, подошли первые группы карагандинских рабочих. Тотчас же они бросились помогать железнодорожникам. Работа пошла живей и веселей. Все

¹ О т а р б а — огненная телега.

² Ш а н р а к — верхняя часть остова юрты.

быстрее ложились рельсы на шпалы, ускорял свой ход и поезд.

Позже других подошли старики, старухи, дети. Народ столпился у насыпи. Воздух оглашали возбужденные голоса.

— Пах-пах! Этот великан будет побольше трактора!

— Голос-то какой, оглушить может!

— А пар-то, как буран!

— Пышет, словно айдахар¹.

— На нем сразу может откочевать целое племя.

Среди этих изумленных, восхищенных людей топтался и старый карагандинский кайловщик Спан. Взмахивая руками, он вспоминал недавнее прошлое Караганды:

— В старое время англичане строили железную дорогу между Спасским медеплавильным заводом и Карагандой. Расстояние не больше сорока километров, а возились три года. Рельсы были тоненькие, как шило, а ширина пути не больше языка. Однажды я из аула Папана вез сено. Гляжу, от Спасска показался поезд. Дорога шла на подъем. Паровоз пыхтит, кряхтит, никак не может взять подъем. Вылезли из вагонов люди — давай толкать вагоны, насыпать рельсы песком... Еле вытащили...

Теперь от узкоколейной железной дороги между Спасским заводом и Карагандой остались только следы былой насыпи. Молодежь не могла помнить этой дороги, а те, кто в свое время видел ее, сейчас поражались гигантским ростом новой техники.

— Что и говорить! Тот паровозик — жеребенок против этого вороного скакуна!

— Он и с рельсов сходил часто.

— А вагоны были чуть побольше наших вагоночек.

В самой гуще народа стоял гул: одни начинали говорить, другие подхватывали. Был здесь и Алибек. Возле него — Жумабай. Ардак и Майпа, пришедшие вместе с ними, давно отошли, замешались в толпе.

---

¹ Айдахар — сказочный дракон.

Алибек глядел угрюмей, чем всегда. Щеки глубоко запали, маленькие глаза совсем ушли в глазницы, язык как бы присох к гортани. Казалось, искры радости и ликования, пробежавшие по толпе, обжигали его. Он стоял сгорбясь и нелюдимо смотрел себе под ноги, еле сдерживая клокотавшую внутри злобу.

Простодушный Жумабай не мог проникнуть в тайные мысли своего собеседника и продолжал восторгаться:

— Воля божья, с виду эти машины прямо-таки богатыри! Наверно, и сила у них опромная.

— Говорят, не всякий великан силен, — отрывисто ответил Алибек.

— Что вы! — горячился Жумабай. — Да разве в таком теле может быть мало силы? Никак не поверю!

Алибек не стал спорить, отошел в сторону.

Длинный железнодорожный состав, который тянули два паровоза, остановился как раз против трибуны.

— Где? В каких вагонах наши гости?! — раздавались голоса в толпе народа, обступившей поезд.

— Должно быть, здесь! — крикнул Ермек. — Сюда, товарищи!

К концу состава было прицеплено несколько пассажирских вагонов. Люди хлынули к хвосту эшелона.

Первым показался на площадке вагона плечистый, широкогрудый человек среднего роста, с коротко подстриженными рыжеватыми усами.

— Коля! Овчаренко! — в один голос воскликнули Ермек и Сейткали, бросившись навстречу гостю.

Овчаренко легко спрыгнул с подножки вагона. Все трое принялись целоваться, засыпая друг друга вопросами: «Как доехали?» — «А как вы живете здесь?»

Николай Овчаренко — старый карагандинский шахтер. В тяжелые для Караганды годы он уехал в Донбасс и вот теперь возвратился. Ермек знакомил его с Щербаковым, Жуманиязом, Мейрамом.

— Что, беглец, не утерпел?! Вернулся? — шутил Ермек.

— Разве от старых друзей убежишь! — так же шутливо отвечал Овчаренко. — Спасибо, что не

забываете. Такое письмо прислали донбассовцам, что многим захотелось в Караганду. Уезжал я один, а вернулся вместе с двумястами шахтеров. Золотой народ! А каких машин вам привезли!.. Вот знакомьтесь с новыми товарищами...

И Овчаренко одного за другим стал называть приехавших. Яша Воронов, из Горловки, худощавый, синеглазый комсомолец, известный мастер отбойного молотка. Техник Осин, из Гришино, молодой, подвижной, светловолосый. Токарь Федор Ковалюк, из Сталино, высоченный, чуть сутуловатый, смуглолицый. И многих других называл Овчаренко. И верно, с ним приехали золотые люди: техники, забойщики, слесари, токари, монтеры... Ох, как нужны они были Караганде! Щербаков смотрел на них и улыбался.

Овчаренко возбужденно говорил, поминутно трогая рыжеватые усы.

— Это только один из отрядов в помощь Караганде. Теперь сюда со всей страны народ устремится: из Москвы, из Ленинграда... Вот откроем вагоны, увидите, сколько вам добра привезли. Знаете, как в дороге относились к нам? На станциях, на разъездах железнодорожники писали мелом на наших вагонах: «Не задерживать. Эшелон для Караганды».

— Спасибо, друзья! Теперь зашумим! — громко говорил Щербаков, направляясь с гостями к трибуне.

По пути Меїрам сказал ему:

— Смотрите, вся Караганда собралась на митинг. Выступайте, люди ждут.

— Нет, — ответил Сергей Петрович, — гости приехали в ваш край, к вашим соотечественникам. Вам и выступать.

И когда Жуманияз открыл митинг, Меїрам вместе со Щербаковым, с представителями от гостей, с делегатами от области и республики поднялся на трибуну. Это был первый случай, когда Меїраму приходилось выступать перед столь многолюдным собранием. Вначале он несколько волновался, но потом голос его окреп.

— Товарищи! — громко говорил он. — Если в Октябре над этой веками спавшей степью занялась заря,

то сейчас взошло солнце! Как назвать эту дорогу, протянувшуюся через всю казахскую степь? Только так: дорога социализма. Зычный гудок паровоза, разнесшийся по широким просторам, призывает нас к великому труду, к освоению богатств Караганды. Будем дружно трудиться — оседлаем могучих тулпаров¹ социалистической индустрии!..

Мейрам говорил о значении железной дороги в строительстве Большой Караганды, о значении Караганды для всей Советской страны. Он говорил о помощи, которую оказывает братский русский народ Казахстану.

Сергей Петрович подошел к Ардак, сказал ей шепотом, не скрывая своей радости:

— Слышишь, дочка, как говорит? Настоящий человек! Вот каких людей воспитывает советское государство!

— Да, хорошо говорит, — горячо согласилась Ардак.

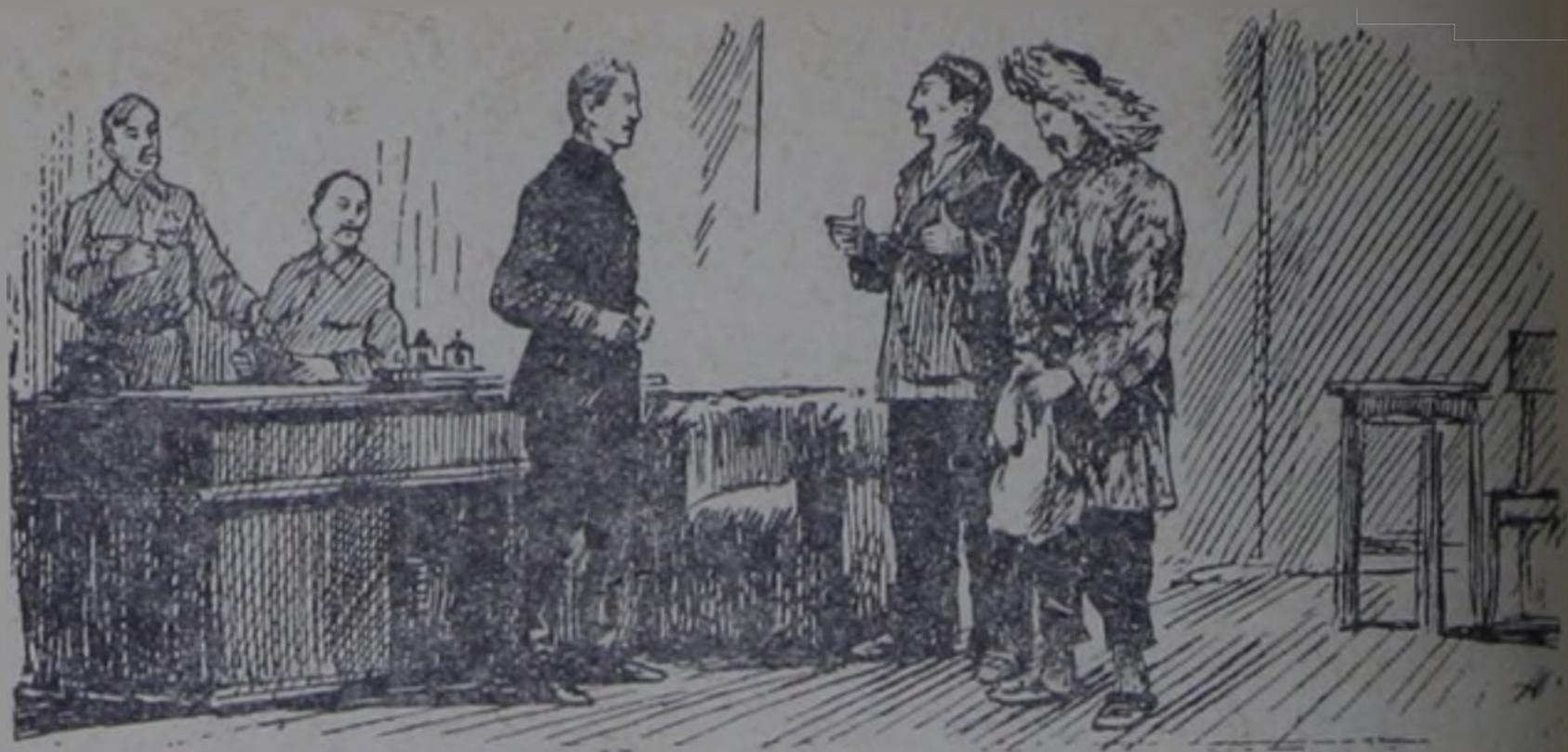
Ей хотелось сказать и больше и сильнее, но, боясь выдать свое чувство, она только вздохнула.

Мейрам заканчивал свою речь:

— ...Остатки недобитых классовых врагов, которые еще прячутся кое-где по углам, пережитки капитализма в нашем сознании, недостаток культуры, неряшливость, расхлябанность в труде мешают нам двигаться вперед. Но эти препятствия не остановят нашего движения. Началось общее социалистическое наступление. Победоносная партия большевиков руководит этим наступлением. Лозунг нашего народа, нашей партии — высокая политическая сознательность и высокий производительный труд. Вот что поможет победить нам в борьбе. Кто проводит этот лозунг на деле, тот идет вслед за поездом социализма. Кто стоит в стороне — тот противник общенародного дела. Вперед, товарищи, к новой жизни, к счастью нашей свободной, цветущей родины!

---

¹ Тулпар — сказочный крылатый конь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Долгие годы безжизненно глядела в небо красная железная труба. А сегодня из нее струится дым. В новом здании котельной установлен котел, пылает топка. Зычный гудок каждый день оглашает степь, созывая шахтеров на работу.

Многое изменилось в Караганде. В центре промысла выросли новые дома. Воды родника Май-Кудука и реки Нуры, пройдя по трубам, наполнили огромные резервуары подле котельной. Водопроводные трубы, толщиной с добрую бочку, уложены в канавах, вырытых на субботниках. Промысел не испытывает теперь нужды в воде.

Ежедневно поезда доставляют в Караганду новое оборудование, строительные материалы, продовольствие, рабочих со всех концов страны.

Изменились и окрестности. Редкая сопка не разворочена. Время от времени воздух сотрясали взрывы

динамита: столбом вздымалась земля, пыль, обломки скал. Копры шахт вытянулись ввысь и глядели величаво. В низине начали строить здание электростанции. Энергии скоро понадобится много: количество шахт непрерывно росло, они объединились в рудники. Все яснее вырисовывались контуры большого промышленного города.

Менялись и люди. Давно ли Бокай, только что приехавший из аула, с любопытством маловидевшего человека рассматривал паровой котел и расспрашивал, что к чему и для чего предназначено. А сейчас он управляет этим самым котлом.

Беспокойно поглядывает он на стрелку манометра. Эта стрелка показывает степень скрытой в котле силы пара, неумолчно шипящего, грозного, как сильная буря. Вот стрелка пошла на снижение. Бокай опустил на глаза синие очки, быстро подошел к котлу, открыл топку. Не обращая внимания на жар и гудение пламени, принялся кидать в топку уголь. Топка словно задохнулась, наполнилась желтовато-темным дымом. Бокай просунул в горловину кочергу и принялся переворачивать уголь, открывая доступ воздуху. Обильный пот покрыл тело кочегара, но он не чувствовал усталости. Только когда стрелка начала подниматься, он дал себе отдых. Сел, тяжело дыша, довольный собою.

— Получила, беспокойная? Прыгаешь, словно коза в летнюю жару!

Постепенно поднимаясь вверх, стрелка миновала цифру двенадцать.

— Ишь ты! — воскликнул Бокай.

На этот раз он действовал энергичней. Подбежал к котлу, потянул за рычаг. Кочегарка сразу наполнилась паром. Бокай не отрывал глаз от стрелки. Если стрелка опустится слишком низко, значит давление пара упало — тогда остановятся машины; поднимется выше нормы — может взорваться котел.

— Жайбасар, эй, Жайбасар! ¹ — слышался голос его жены.

---

¹ Ж а й б а с а р — буквально: медлительный. Прозвище, которым жена когда-то наделила Бокаю.

Вместе с женой в котельную вошел мужчина. Бокай вынырнул из густых волн пара, присмотрелся и радостно кинулся к мужчине.

— Уж не Жамантык ли это? Все ли в ауле живы-здоровы? Откуда ты?

— Напрямик из аула. Вот уж третий день разыскиваю тебя.

— Да, здесь не легко найти человека. Много нас.

— Да будет счастливо твое место! Очень завидная у тебя должность. Видать, все производство держишь в руках?

— Ничего, не плохая должность. На производстве тем хорошо, что не замечаешь, как бежит время. Бывало ходишь за скотом, ждешь не дождешься, когда солнце сядет.

— А мне вот тяжеленько, — пожаловался Жамантык и начал свой рассказ.

Лицо у него унылое, плечи опущены. По всему видно — немало испытал человек.

— Шесть дней добирался до Караганды... Встретил здесь одного сородича. И вот уже три дня как живем у него. Верблюд мой не может пролезть во двор — калитка узка, — вот и стоит под открытым небом, на мерзлом снегу. Хорошо, что жена и дети в землянке. Без карточки не дают хлеба. В кармане пусто. На работу не принимают. Вот и пришел к тебе.

— А какую работу ты просил?

— Хотел бы кочегаром.

— Да, да, — вспомнил Бокай, — ты ведь три года на паровой мельнице у Андреева работал.

— Три года и два месяца, — поправил Жамандык.

— Так почему тебя к нам кочегаром не принимают?

— Был у вашего начальника кадров. Требуется, чтобы я принес справку о том, что работал кочегаром. А где я ее возьму? У кулака Андреева, что ли, просить? Так ведь его раскулачили и выслали. Вот ваш начальник и посылает меня чернорабочим. А я в механический цех прошусь. Как тут быть? Не поможешь ли, друг?

Бокай молчал, опустив голову.

Его задорная молодая жена не утерпела, быстро заговорила:

— Чего губы распустил? Уж не такое случилось несчастье, чтобы небо показалось в ладонь, а земля — не больше потника. Сходи к Щербакову. Пусть поставит на работу. В Караганде всем хватит места.

— Нарыв не вскроешь, если нет ножа, — ответил Бокай, не поднимая опущенной головы. — Что тут сделаешь, если нет справки?

— Будь справка, он и без тебя устроился бы. Наш Жамантык — не бай, не лодырь. Мы же знаем его. Поручись за него. Ты ударник, тебе поверят.

— Уж не знаю, к кому и пойти, — все еще колебался Бокай. — Щербаков в отъезде. Прочее начальство очень занято, не хотелось бы их утруждать.

— Ой, стыд какой! Неужели стесняешься пойти в горком? Что нам каждый день говорят? Нам говорят: не стесняйтесь, приходите за любой нуждой.

— Ладно, схожу, попробую, — наконец согласился Бокай и поднял голову.

С большим трудом пересиливал он себя, изменяя давнишнему своему правилу: не навязываться с просьбами к начальству. И теперь посчитал необходимым предупредить:

— Выходит, Жамантык, я как бы поручаюсь за тебя. Правда, до сих пор ничего плохого за тобой не водилось. Но здесь людей ценят по труду. Ты уж не осрами меня! Честно трудись, не жалея силы. Если потом мне скажут: «Этот твой друг оказался неподходящим человеком», — что мне тогда делать? Ты без ножа зарежешь меня. Больше я тебе ничего не скажу. Ударник слов на ветер не бросает.

Жамантык клялся и благодарил.

— Не хуже других стану работать. Только помоги. Вовек не забуду твою доброту.

Из соседнего помещения, где работал нефтяной движок, вышел Жанабыл, вытирая паклей руки, залитые мазутом: он был машинистом при движке. Его, как и Бокаю, обучил новому делу Константин Лапшин.

— Э, Боке, — весело балагурил Жанабыл, — моя

машина казалась мне интересной, пока я не знал ее. А сейчас она что-то мне наскучила.

Бокай неодобрительно покачал головой.

— Зря так говоришь. Если взялся за дело, то держись его крепко. А начнешь бросаться от одного к другому, ничего путного из тебя не выйдет.

— А что путного в том, чтобы весь век крутиться вокруг одной и той же крохотной машины?

— Ты что, сразу хочешь на десяти машинах работать? Смотри, не зазнавайся, дружок. Обучили тебя, доверили машину. Как же это — взять да уйти? Разве это дело?

— Нет, Боке, верблюжьим шагом далеко не уйдешь! — засмеялся Жанабыл, обнажив свои красивые, мелкие, как у ягненка, зубы. — Так не годится, Боке! Вон Байтен восемнадцать лет работал, а настоящей специальности не получил. Я за один месяц обучу Майпу, поставлю ее на свое место, а сам буду учиться токарному делу. Замечательное дело! Токарь железо в узел завязывает!

— А какая у них оплата?

— Ученикам платят немного. А у токарей оплата сдельная. Если постараться, получишь не меньше инженера. Да разве только в заработке дело?

— Это правильно, — согласился Бокай. — Я тоже не слишком гонюсь за деньгами. Продукты и промтовары получаю наравне с подземными рабочими. Зарплаты на семью хватает. Нужно меру знать...

Разговаривая, Бокай не отрывал глаз от стрелки.

Часы показывали пять. Как ножом отрезав последнее слово, Бокай дернул за рычаг. Заревел оглушительный гудок, будто земля под ногами задрожала. Жамантык присел на корточки, зажал ладонями уши. А женщина, стоя подле него, хохотала.

Вошел парень высокого роста, сменщик Бокая.

— Митрий! — крикнул Бокай, спускаясь по лестнице. — Принимай, все в порядке.

— А как насос?

— Исправно работает. Лапшин сам наладил.

Сдав дежурство, Бокай, как был в спецодежде, отправился в горком партии. Жамантык пошел с ним.

Горком партии помещался в верхнем этаже недавно построенного двухэтажного стандартного дома. В нижнем этаже — трест. По мере роста нового города, по мере притока населения увеличивался и объем работы общественных и партийных организаций. Вместо прежнего парткома в Караганде недавно был организован горком. Перед двухэтажным зданием всегда стояли подводы, толпились люди. Одни входили в этот дом с озабоченным видом, а выходили повеселевшие; другие, наоборот, войдя уверенно, выходили, нахмутив брови. Раньше чаще всего здесь можно было встретить людей из аулов — в треухах, шапанах, теперь преобладали рабочие в ушанках и спецовках, служащие.

В приемной секретаря горкома людно. Двери кабинета закрыты. Изредка звонил колокольчик. Высокая женщина средних лет входила по звонку в кабинет и вскоре возвращалась с бумагами в руках.

Бокай был здесь впервые. Эта большая комната, где так строго соблюдался порядок, навела его на грустные размышления. Выходит, Мейрам доступен для разговора только на производстве, а здесь к нему не так-то легко пробраться. «Сплоховал я», — подумал Бокай.

— Голубушка моя, — неуверенно обратился он к женщине, — скажи, пожалуйста, Мейраму, что пришел я, Бокай.

— Придется подождать. Товарищ Мейрам проводит совещание с секретарями первичных партийных организаций.

— И долго ждать?

— Трудно сказать, — ответила женщина и снова ушла в кабинет.

Постепенно люди начали расходиться — должно быть, они тоже явились сюда без вызова и устали ждать. Но Бокай и Жамантык остались. Дверь в кабинет была неплотно прикрыта, и Бокай заглянул в щель. В кабинете собралось много народу: стулья, расставленные рядами, все заняты. Мейрам сидел за столом.

Стоя возле него, Ермек говорил:

— Новая группа донбассовских товарищей показы-

вает пример в работе. Шахтер Воронов на шахте номер один систематически выполняет норму выработки на сто пятьдесят — двести процентов. Токарь механического цеха Ковалюк, тоже коммунист, показывает исключительные образцы мастерства. Первичная партийная организация нашей шахты борется за внедрение в производство опыта передовиков-донбассовцев. И уже налицо результаты, товарищи. Мой ученик, молодой шахтер Акым, решил вступить в социалистическое соревнование с Вороновым...

Бокай боялся пропустить хоть слово. Сам того не замечая, он все больше просовывал голову в дверь. Теперь в кабинете каждый мог увидеть его горящие любознательностью глаза, его остроконечную бородку. Но люди были заняты и не оглядывались на дверь. Когда встал и заговорил Лапшин, Бокай вдруг спохватился, осторожно подался назад: он все еще робел перед своим учителем, посвятившим его в тайны парового котла.

— Партийные организации, в том числе и у нас, в механической мастерской, — говорил Лапшин, — считают обучение молодых рабочих своим кровным делом. Это не менее важная задача, чем выполнение текущих производственных заданий. У нас управлять механизмами научились не только молодые рабочие, вроде Жанабыла и Балжан, окончивших производственные курсы, но успешно овладевают квалификацией и пожилые люди, к примеру возьмем Бокаю..

Тут Бокай поплотнее прикрыл дверь и тихонько отошел в сторону. На его покрасневшемся лице расплылась улыбка.

— О чем они там говорят? — спросил Жамантык.

— О производстве говорят, о рабочих... — Бокаю не хотелось рассказывать о том, что он слышал, и все-таки он не мог сдержать охватившей его радости. — Обо мне говорят... дескать, я кочегаром стал, ударником. На каждом собрании обо мне поминают. Вот как! Это меня донбассовские рабочие обучили...

— Эх, Бокай, вот ты и попросил бы их принять меня! Согласятся?

— А чего же не согласиться! Они никому не отказывают. Такое уж у нас правило. Сам Сергей Петрович заботится о нас. Как отец родной! А с Козловым и Костей Лапшиным мы друзья, словно родные стали. Они и против царя боролись и против Колчака. В семнадцатом году они Ленина видели, Сталина. Вот какие это люди!

— Промысел в ход пустили тоже они?

— Конечно! Сначала приехал Щербаков, с ним еще двадцать человек. А потом народ начал прибывать. Вот недавно из Донбасса еще двести мастеров приехали. А с ними — Ковалюк. Он в механическом работает. Редкостный токарь! Работа так и горит у него в руках. Вот у этого Ковалюка Жанабыл и хочет учиться токарному делу...

Дверь кабинета внезапно открылась. Быстрыми шагами стали выходить люди.

Лапшин заметил Бокая.

— Ты зачем здесь?

— Вот пришел повидать Мейрама. Привел с собой товарища. Никак не может устроиться на работу.

— К Рымбеку надо идти, в отдел кадров.

— Не принял его Рымбек на работу.

— Почему не принял? Надо сказать об этом Щербакову.

— Говорят, в отъезде Щербаков. А Жамантыку уж невмоготу ждать. Вот мы и пришли в горком.

— И правильно сделали, что пришли, — одобрил Лапшин.

Бокай шагнул в кабинет, потянув за собою Жамантыка. «С чего начать?» От растерянности он остановился у двери.

Мейрам сам помог им выйти из трудного положения:

— Входите, входите смелее! Садитесь.

— Дорогой товарищ Мейрам! — торопливо начал Бокай. — Это мой одноаулец Жамантык Бедняк. Сын бедняка. А его прадеда известный бай Калтай привез в наш аул как раба, в приданое за женой. Приехал он с Калтаем, сидя на шанраке юрты, а юрта была навьючена на верблюда...

— Вы слишком длинно рассказываете, Боке, — остановил Мейрам. — Что нужно этому человеку?

— Он приехал сюда работать. Хочет поступить в механический цех. И вот не принимают его. Говорят, справку давай, что работал у кулака Андреева на мельнице. А где он такую справку возьмет? Бедствует Жамантык. Вот уже три дня с женой и детьми мыкается по добрым людям. Помоги ему пристроиться. Ради этого дела мы и пришли к тебе.

Мейрам внимательно посмотрел на Жамантыка: видать, человек скромный, исполнительный.

— Разве аульный совет не мог вам выдать справку, что работали на мельнице?

Жамантык в замешательстве почесал затылок.

— Об этом я, признаться, не подумал.

Тут опять вмешался Бокай.

— Он машину знает... Ручаюсь за него. Прадед Жамантыка был...

— Верю, — остановил Мейрам поток его слов, видя, что Бокай опять повел речь о родословной своего земляка. — Если уж вы ручаетесь за него, то и возьмите под свое наблюдение: помогите, если что не сумеет сделать. Это ваша обязанность, вы ударник.

— Я от Жамантыка не спрячу того, чему меня самого здесь научили, — горячо уверял Бокай.

— Значит, договорились. Утром отведите Жамантыка к Козлову. Механик должен оформить его на работу, мое дело — посоветовать... Ну, как здоровье вашей жены и малютки? Никак не удастся зайти к вам, некогда.

— Хорошо, дорогой, хорошо. Здоровы, сыты, одеты...

После этого разговора Бокай словно до небес вырос. Из кабинета он вышел, не чувствуя ног под собой, и все расхваливал Жамантыку порядки на производстве.

А Мейрама разговор заставил задуматься. Спустя несколько минут он вызвал к себе по телефону начальника отдела кадров треста Рымбека.

Вошел подтянутый, плотный, среднего роста мужчина. В его веселых черных глазах мелькало что-то

беспокойное. При каждой встрече он вызывал у Мейрама безотчетно неприятное чувство. Мейрам и сам не мог бы объяснить причину своей неприязни к этому человеку.

Перед тем как попасть в трест, Рымбек перебивал на многих ответственных должностях, работая преимущественно в больших городах, но нигде подолгу не засиживался. И вот перебрался в Караганду. В документе, хранящемся в его личном деле, значилось, что он потомственный рабочий и перед революцией работал на Спасском медеплавильном заводе.

Сохраняя обычный непринужденный вид, Рымбек, едва переступив порог, заговорил:

— Когда вызывают партийные руководители, у меня сильнее начинает стучать сердце. Ну, приказывайте, товарищ начальник, слушаю.

— Я хотел бы знать, — проговорил Мейрам, не глядя Рымбеку в лицо, — откуда у нас появились безработные, в то время как в городе не хватает рабочих? Вчера на улице встретил троих, сегодня ко мне приходил еще один. В чем дело?

— Бывает, люди приезжают без надлежаще оформленных документов. А принимать без документов, сами знаете, нельзя.

— Слушайте, — проговорил Мейрам, испытующе глядя на Рымбека, — вот сегодня у вас был товарищ Жамантык, он знает машину, у него есть поручители. А вы посылаете его чернорабочим. Как это понять?

— Чернорабочих тоже не хватает.

— Это верно, людей у нас всюду недостаточно. Тем более каждого человека надо использовать по его профессии. Бывает, что люди просят в шахту, вы направляете их на конный двор. В чем, говорю, дело?

— Очень просто. Многие любят жаловаться из-за пустяков.

— Если людей не обидишь, и жалоб не будет.

— А как быть? Принимать всех без разбору? — спросил Рымбек.

— Вы не искажайте мои слова, — строго заметил Мейрам. Его пристальный взгляд заставил Рымбека

насторожиться. — Само собой разумеется, нужно принимать с разбором, но и бюрократизм разводить нельзя. Найти неполадки в документе легко, труднее проверить документ, исправить его недочеты через местные органы власти. Я подозреваю, что отдел кадров совсем не занимается этим делом.

— Если бы мы взялись за проверку документов, нам пришлось бы только этим и заниматься.

— Но не все же приезжают без точных документов. Теперь порядка стало больше. Если же встречаются отдельные случаи, надо помочь людям, не заставляя их скитаться без крова и работы. Наиболее надежный документ — это сам человек. Мы должны научиться распознавать людей. А то иногда чистенькими документами прикрываются и грязные люди...

У Рымбека забегали глаза, задрожали ноздри. Как ни старался он владеть собою, он чувствовал, что выдает свое беспокойство, — слова Мейрама вонзались в него, словно стрелы. Отбивать удары и открыто отвечать на них рискованно, можно напороться на более опасные острия. Обходный маневр казался выгодней открытой борьбы, и Рымбек, взяв себя в руки, принялся высказывать обиду:

— Хорошо ли, плохо ли, но я ряд лет старательно и добросовестно выполнял партийные поручения. Ни сил, ни труда не жалел. Конечно, и у меня есть недостатки. Вы, дорогой, выискиваете эти недостатки и хотите сказать, что я ничего не знаю, или хуже: что мне нельзя доверять. В таком случае, зачем мне поручили эту должность? Если вы поставили передо мной чашу с едой, а сами следите, чтобы я не ел, разве я осмеюсь взять ложку?

— И хорошее и плохое в прошлом измеряется меркой нынешнего дня, — сказал Мейрам, чуть нахмурив брови. — Сейчас я говорю о вашей теперешней работе. Если казах, никогда не выезжавший из аула, приехал к нам в город и растерялся, мы обязаны указать ему дорогу. А вы, как мне кажется, смотрите на таких людей с усмешкой или безучастно... Перейдем к делу. Я посоветовал приехавшему на работу Жамантыку зайти завтра к Козлову. Будет хорошо, если вы

продолжите, чтобы его оформили. Партия учит нас внимательно относиться к людям.

Мейрам говорил строго, в его лице не было сейчас обычной приветливости. Рымбек понял, что обострять разговор опасно. Он вяло улыбнулся, сказал:

— Хорошо, будет сделано. У меня правило: не топтаться на месте, а теперь вы меня еще пуще расшевелили.

Рымбек всегда ходил быстро, на этот раз он бегом спустился по лестнице в нижний этаж и влетел в кабинет Жаппара Султанова.

Заложив руки за спину, Жаппар задумчиво ходил по комнате. Это был человек среднего роста, лет сорока на вид, лицо скуластое, губы толстые, под самыми ноздрями чернеют узкие усики. Характером он отличался замкнутым, в разговоры вступал неохотно и тем более избегал откровенных бесед. В прошлом Жаппар занимал в Алма-Ате крупный пост. Он был снят за прокулацкие извращения при проведении коллективизации. Сейчас Жаппар работал заместителем управляющего трестом по снабжению. С Рымбеком они были старые приятели. Султанов сразу увидел тревожное состояние своего друга и, окинув его взглядом, спокойно спросил:

— Что случилось?

— Кажется, подошли еще более трудные времена, — пожаловался Рымбек. — Похоже на то, что этот парень, развалившийся в горкомовском кресле, считает слишком высоким для нас даже то скромное положение, которое мы сейчас занимаем. Сейчас вызывал меня. Ругал. За то, что некий Жамантык не устроился на работу. Если чуть промахнешься, этот парень не пощадит. Как нам держаться?

— Да-а, — многозначительно протянул Жаппар.

Прищурив глаза, он уставился в окно. Поразмыслив, начал, как всегда, медленно, издали:

— Достояние казахов исстари заключалось в земле, в скоте. А сейчас настало такое время, когда и скот и землю забирают в свои руки колхозы. Что остается на долю тех, кто раньше управлял всей степью? Только пустыни и каменистые горы... В нашей степи возник-

кают совхозы, города, заводы. Все прежнее рушится. Что остается от бывшего национального обихода? Даже шапку-треух перестают носить! Мы предчувствовали наступление этих перемен и принимали меры, чтобы противодействовать им. Но масса отшатнулась от нас, изгнала из аулов почтенных людей, на которых все держалось. Пусть же эти пастухи и батраки испытают теперь, к чему их приведет теперешняя жизнь... Как нам держаться, спрашиваешь ты? Перегибай! Если скажут: сними волосы — сними и голову. Загони этот сброд в пустыню! Не давай ему ни капли воды, а когда увидишь, что он умирает, пройди мимо и скажи: «Это тебе заслуженная кара». Пусть глаза его облепят мухи...

Так, злобствуя, говорил Жаппар. Ярость его была яростью озлобленного кулака.

Что касается Рымбека, таких людей называют в народе курицей того хозяина, у которого поспело просо. В прошлом он угодничал перед владельцами Спасского медеплавильного завода. В первые годы советской власти Рымбек умело скрыл свое прошлое и поступил на работу, но больше занимался хищениями, чем работал. За открывшиеся злоупотребления его снизили в должности. Он примкнул к людям, подобным Жаппару. Сближала их общая ненависть к советской власти и страх. Больше всего на свете Рымбек боялся, как бы не открылось его прошлое.

Выслушав Жаппара, Рымбек спросил:

— Значит, мы должны поставить ставку на перегибы?

— Да, на перегибы! — подтвердил Жаппар. — Когда мы открыто пошли направо, нас разоблачили. Теперь надо прикрываться левыми лозунгами: только вперед! А на самом деле пусть все летит к черту! Если с тебя потребуют тысячу рабочих — скажи, что будут две тысячи, потребуют тысячу тонн угля — обещай две тысячи тонн. Но это не все. Перегрузить спину и сломать хребет — один метод. А вот второй — тормозить там, где это возможно... Саботаж, разрушение — все, вплоть до террора! Мы старались доказать, что карагандинские угли плохие, не коксующиеся, добывать их

нет расчета. Но Чайкову и его дружкам удалось доказать обратное. Значит, надо срывать добычу, разваливать производство... Пятилетка приковала внимание всего мира. Ее нужно сорвать. Настало время для мобилизации всех наших сил. Если сейчас не добьемся своего, вряд ли впереди еще раз представится такая возможность.

— Кто же наш организатор? Кто нами руководит? — нетерпеливо спросил Рымбек.

Ответ последовал не сразу. Жаппар молчал. По его лицу было видно, что он колеблется. Он распустил свои толстые губы, морщины на лбу прорезались глубже. Наконец, шумно вздохнув, Жаппар заговорил:

— Всего сказать я не могу, да это и не нужно. Помни: надо держаться очень осторожно не только на собраниях, но и в уединенной комнате. Народ относится к нам враждебно. Время, когда мы пытались собрать вокруг себя массы, кануло в вечность. Это нам не удалось. Канули и те времена, когда без опаски можно было говорить друг другу, сколько у нас людей, кто эти люди... Теперь — не так... Ты знай только меня, а тебя должен знать тоже один только человек. Я могу знать самое большее двух-трех.

— Понятно, — сказал Рымбек. — Выходит, каждому из нас необходимо найти по одному надежному человеку... Я нашел такого. Он уже действует.

— Кто это?

— Некто Алибек. Из крупных баев. Неоднократно получал награды от царя.

— Разве он здесь?

— Здесь. Работает на шахте. Между прочим, у него красивая дочка. Говорят, Мейрам чуть ли не собирается жениться на ней.

Жаппар несколько раз затянулся папироской и только после этого ответил:

— Да, знаю Алибека. Ему не за что любить советскую власть. Используй его. Постарайся оторвать его дочь от Мейрама. Способов для этого много. Например, распускать сплетни, вызвать между ними чувство ревности...

— А не подойдет ли нам Орлов? — перебил Рымбек.

Жаппар отрицательно покачал головой.

— С ним подожди. Он уже обжегся один раз.

Рымбек сразу изменился в лице.

— Ты что? — насторожился Жаппар.

— Алибек был у Орлова, говорил с ним... Пока не получилось ничего путного. Если Орлов выдаст...

Их прервал телефонный звонок. Жаппар взял трубку.

— Сейчас, — сказал он и поднялся с места. — Приехал Щербаков. Вызывает нас обоих.

— Что ты думаешь о нем?

— О, это опасный человек. К тому же у него с Мейрамом дружба завязалась.

Глава вторая

Сергей Петрович, навалившись на стол грудью, пристальным взглядом смотрел прямо перед собой. На стене висели две карты. Одна из них изображала наземную Караганду, другая — подземную, залежи угля, шахты. Над картами висела диаграмма выполнения плана добычи угля. Зигзагообразная красная линия, бравшая начало в нижнем углу большого листа бумаги, поднималась по диагонали кверху.

— Растем, вверх поднимаемся, а трудности тянут книзу! — сказал Щербаков вслух и шумно втянул ноздрями воздух. В этом вздохе было все — и удовлетворение успехами и озабоченность. Он достал трубку, задумчиво постучал ею о край стола.

В этом состоянии и застали его Жаппар и Рымбек. Сергей Петрович указал им рукой на карты и диаграмму:

— Видали? Тут есть на что посмотреть...

Пока те рассматривали карты, Щербаков, засунув руки в карманы широких брюк, ходил взад и вперед по комнате и делился своими мыслями:

— Нужду в жилище, в воде мы преодолеваем. Людей прибывает достаточно. Караганда связана со страной железной дорогой. Шахты начали давать уголь промышленности. Но это лишь первые шаги. Только

первые... На пути к созданию Большой Караганды нас ждут огромные трудности. Мы должны получать в год столько угля, сколько добыли здесь в течение пятидесяти—шестидесяти лет капиталисты. Представляете объем наших работ?

— Как бы велик ни казался вам план добычи угля, я наперед скажу — он недостаточен, — сейчас же подхватил Жаппар. — Я не говорю о старом Донбассе — там дело понятное. Но почему мы планируем добычу ниже Кузбасса?

Сергей Петрович возразил:

— Не забегайте вперед. Конечно, как бы ни был велик наш план, он ниже потребностей страны. Потребности у нас такие, что мы и через пятнадцать и через двадцать лет будем говорить «мало». Но нужно считаться и с реальными возможностями. Кузбасс молод, но все-таки он старший брат Караганды. Он — вторая кочегарка. Кузбасс не только гигант угля, но и богатырь черной металлургии на востоке страны, тесно связанный с Уралом...

В разговор, стараясь поддержать Жаппара, вмешался Рымбек:

— У нас здесь тоже не только уголь. А соседние с нами Балхаш и Джекказган? И разве мы тоже не связаны с Уралом?

— Знаю, хорошо знаю, — перебил его Сергей Петрович. — Все это учтено... Говорю вам — не забегайте вперед. Большевики — люди реальных планов. Оставим этот спор. Я вас вызвал по другому вопросу.

Жаппар и Рымбек ждали, что скажет управляющий. Он начал неторопливо:

— Речь идет о том, какими путями мы будем выполнять утвержденные планы. Это верно, рабочие прибывают к нам без перебоев. Но одно дело — принять людей на производство, другое — обучить их, дать им квалификацию. Вопрос этот для нас не новый и все же до сих пор до конца не решенный. Здесь мы тоже должны иметь всесторонне разработанный план, рассчитанный не на один день, — план систематической подготовки кадров. То, что мы делаем сейчас, это лишь наметки плана, а нужно разработать вопрос

детально. С сегодняшнего же дня вы, Рымбек Кедырбаевич, приступите к составлению этого плана.

— Через пять дней будет готов, — сказал Рымбек.

— Мы готовим кадры в учебных комбинатах, при помощи фабрично-заводского ученичества, путем прикрепления новичков к старым рабочим. Все это хорошие, испытанные методы. Но пользовались мы ими как-то вяловато. Считаю, что отдел кадров должен по-настоящему развернуть это дело. Следить за обучением, проверять.

— Хорошо, — с готовностью соглашался Рымбек и записывал в блокноте. Записывая, он часто вскидывал глаза на Щербакова, ловил каждое его слово. Поистине, этот человек был артистом своего дела. Выслушав Щербакова, он с озабоченным видом предложил:

— А если мы сделаем обучение на вечерних курсах обязательным для всех? У рабочих, пользующихся сокращенным рабочим днем, много свободного времени, его хватит на учебу. Государство ведь не жалеет средств на это дело.

— Нет, нет, это уж через край, — решительно возразил Сергей Петрович. — Нельзя проводить обучение по принуждению. Надо действовать убеждением, в расчете на сознательность рабочих. Нужны терпение, выдержка...

Жаппар и Рымбек переглянулись, как бы говоря друг другу: «Не поддается, старый хрыч».

А Щербаков, прохаживаясь по комнате, говорил уже о другом:

— Жаппар Султанович, вам, как моему заместителю по снабжению, предстоит новая трудная работа. Я имею в виду обеспечение наших угольщиков продовольствием. Помните последнее решение бюро городского комитета партии? Требуется тщательный учет продовольствия и исключительная бережливость. Наши колхозы еще не создали богатого запаса продуктов. У них тоже период организационного укрепления, как и у нас. Надо нам добиться, чтобы ни одна карточка не была израсходована не по назначению. С такой же энергией нужно бороться и за то, чтобы по каждой

карточке своевременно и сполна выдавалась положенная норма продуктов. Учтите, через два-три месяца сойдет снег, наступит распутица, транспортная связь ухудшится. Какой запас продовольствия у нас есть, какое количество людей мы должны обеспечить, сколько народу прибывает ежедневно — все это нужно тщательно учесть. Если мы искусственно увеличим число рабочих и получим на них излишний запас продуктов, нас будут судить. Дадим заниженную цифру — заставим рабочих нуждаться в продовольствии, тоже будем отвечать по всей строгости. По-моему, сейчас самое трудное для нас — это снабжение. Предупреждаю, Жаппар Султанович, мы оба ответственны перед партией за этот участок работы.

Жаппар тонко улыбнулся. На его лице появилось выражение скорее лукавства, чем серьезности. Он прикрылся шуткой.

— И так и этак придется отвечать, Сергей Петрович. Выходит, одна продовольственная карточка дороже, чем мы с вами.

— Карточка дорога тем, что она предназначена для человека. И мы должны заботиться прежде всего о человеке.

Вошла секретарша — девушка с веснушками на лице. Взглянув на маленький листок бумаги, который держала в руке, она сказала Рымбеку:

— Вас давно уже ждет один товарищ — зовут его Махмет Торсыкбаев.

— Сейчас, сейчас, — отозвался Рымбек. И тут же обратился к Щербакову: — Думаю, что это подходящий сотрудник для отдела рабочего снабжения. Тем более, как вы говорите, в отделе предстоит большая работа. Не хотите поговорить с ним?

— Дельные работники отделу нужны. Но ведь на такую должность требуется путевка горкома.

— Он не решается пойти в горком, пока вы сами не запросите. У них с Мейрамом, кажется, натянутые отношения. — И добавил шепотом: — Болтают, что на почве ревности...

— При чем тут ревность? — сказал Щербаков,

рассмеявшись. — Ох, эта молодость! Пусть зайдет, посмотрим на парня.

Вошел тучный, кудрявый, с иголки одетый Махмет. Держался он подчеркнуто скромно. Войдя, почтительно поздоровался и за все время разговора вел себя смиренно, как сытый ягненок.

— Где вы работали раньше? — спросил его Сергей Петрович.

— Здесь, в Тельмановском районе. Был председателем райпотребсоюза.

— Почему же ушли?

— Уезжал в Алма-Ату на курсы торговых работников. Сейчас, окончив курсы, вернулся.

— Мы не можем переманивать работников района. Да и самому вам разве удобно покинуть организацию, которая позаботилась о повышении вашей квалификации, затратила на это средства?

Махмет не сразу нашелся с ответом. Вмешался Рымбек.

— Округ направил его в Караганду. Почему же нам не принять его?

— А вы как смотрите? — обратился Щербаков к Жаппару.

— Я знаю этого человека через Рымбека. У него среднее образование да и практика не маленькая. А вот теперь прошел курсы. Такие люди встречаются не часто.

— Что же, — согласился Щербаков, — попробуем запросить горком. Только вы, молодой человек, учтите всю ответственность предстоящей работы. снабжение рабочих не менее важное дело, чем добыча угля. Вот мы сейчас сидим и ломаем голову, как лучше его наладить.

Махмет слушал, часто кивал головой, а еще чаще произносил: «Конечно». Если бы Щербаков в эту минуту сказал: «Пузырь ты надутый», — он и тогда бы произнес: «Конечно». Рымбек не случайно остановился на нем. Сейчас он старался поднять авторитет Махмета в глазах Щербакова:

— Это же новый специалист — молодой, растущий. Справится.

Махмет в ответ и на это кивнул головой. А потом вышел, оставив в памяти у Щербакова эти свои кивки и неизменное словечко «конечно».

Глава третья

Ардак никогда еще не испытывала такой радости. Быстрыми шагами она шла домой, спеша поделиться с отцом новостью. Шаги ее не поспевали за полетом мыслей. Казалось, дом, до которого оставалось не больше сотни шагов, не приближается, а отдаляется от нее. Тогда она пускалась бежать. При этом волосы ее развевались, а черные, как смородины, глаза горели.

— Коке! — воскликнула она, задыхаясь, едва перешагнув через порог.

Отец медленно повернул к ней голову. Он сидел боком к двери, обняв руками колени.

Ардак слышала, как он сказал, не глядя в лицо, сидевшему рядом с ним Рымбеку:

— Я понял. Хватит слов, нужно действовать.

Должно быть, они уже кончили разговор.

Рымбек сейчас же вышел, на ходу поздоровавшись с Ардак.

Девушка не могла понять, почему так неожиданно оказался у них этот крупный работник треста, никогда ранее не заходивший. Но на расспросы у нее не было времени. Она быстро положила на стол томики сочинений Ленина, а сверху — часики, которые сняла с руки.

— Это первые успехи вашей дочери, коке! Когда меня стали хвалить перед всем собранием, я не могла слушать от волнения, ушла!..

Сидевший неподвижно, как статуя, Алибек взглянул краешком глаз на книги, неохотно протянул руку и взял со стола часы. Прочитав выгравированную сбоку надпись — «Ардак Мырзабековой за ударный труд на культурном фронте», спросил:

— Кто сделал эту надпись?

— Слесарь Лапшин.

рассмеявшись. — Ох, эта молодость! Пусть зайдет, посмотрим на парня.

Вошел тучный, кудрявый, с иголки одетый Махмет. Держался он подчеркнуто скромно. Войдя, почтительно поздоровался и за все время разговора вел себя смиренно, как сытый ягненок.

— Где вы работали раньше? — спросил его Сергей Петрович.

— Здесь, в Тельмановском районе. Был председателем райпотребсоюза.

— Почему же ушли?

— Уезжал в Алма-Ату на курсы торговых работников. Сейчас, окончив курсы, вернулся.

— Мы не можем переманивать работников района. Да и самому вам разве удобно покинуть организацию, которая позаботилась о повышении вашей квалификации, затратила на это средства?

Махмет не сразу нашелся с ответом. Вмешался Рымбек.

— Округ направил его в Караганду. Почему же нам не принять его?

— А вы как смотрите? — обратился Щербаков к Жаппару.

— Я знаю этого человека через Рымбека. У него среднее образование да и практика не маленькая. А вот теперь прошел курсы. Такие люди встречаются не часто.

— Что же, — согласился Щербаков, — попробуем запросить горком. Только вы, молодой человек, учтите всю ответственность предстоящей работы. Снабжение рабочих не менее важное дело, чем добыча угля. Вот мы сейчас сидим и ломаем голову, как лучше его наладить.

Махмет слушал, часто кивал головой, а еще чаще произносил: «Конечно». Если бы Щербаков в эту минуту сказал: «Пузырь ты надутый», — он и тогда бы произнес: «Конечно». Рымбек не случайно остановился на нем. Сейчас он старался поднять авторитет Махмета в глазах Щербакова:

— Это же новый специалист — молодой, растущий. Справится.

Махмет в ответ и на это кивнул головой. А потом вышел, оставив в памяти у Щербакова эти свои кивки и неизменное словечко «конечно».

Глава третья

Ардак никогда еще не испытывала такой радости. Быстрыми шагами она шла домой, спеша поделиться с отцом новостью. Шаги ее не поспевали за полетом мыслей. Казалось, дом, до которого оставалось не больше сотни шагов, не приближается, а отдаляется от нее. Тогда она пускалась бежать. При этом волосы ее развевались, а черные, как смородины, глаза горели.

— Коке! — воскликнула она, задыхаясь, едва перешагнув через порог.

Отец медленно повернул к ней голову. Он сидел боком к двери, обняв руками колени.

Ардак слышала, как он сказал, не глядя в лицо, сидевшему рядом с ним Рымбеку:

— Я понял. Хватит слов, нужно действовать.

Должно быть, они уже кончили разговор.

Рымбек сейчас же вышел, на ходу поздоровавшись с Ардак.

Девушка не могла понять, почему так неожиданно оказался у них этот крупный работник треста, никогда ранее не заходивший. Но на расспросы у нее не было времени. Она быстро положила на стол томики сочинений Ленина, а сверху — часики, которые сняла с руки.

— Это первые успехи вашей дочери, коке! Когда меня стали хвалить перед всем собранием, я не могла слушать от волнения, ушла!..

Сидевший неподвижно, как статуя, Алибек взглянул краешком глаз на книги, неохотно протянул руку и взял со стола часы. Прочитав выгравированную сбоку надпись — «Ардак Мырзабековой за ударный труд на культурном фронте», спросил:

— Кто сделал эту надпись?

— Слесарь Лапшин.

Алибек положил часы на стол, снова обнял свои колени и, не изменяя сурового выражения лица, сказал:

— Ты это получила за обман или продала свою совесть?

По телу Ардак пробежала дрожь, словно ее облили холодной водой. С лица девушки медленно сходила краска. Ноздри у нее вздрагивали, дыхание стало прерывистым. Не зная, что ответить, она села позади отца.

Она видела старый шрам на шее Алибека — след от удара ножом. Это навело Ардак на воспоминания о далеком ауле, о том забытом страшном дне... Справившись с собой, Ардак ответила:

— Я не умею ни продавать, ни обманывать. Получила подарок за честную работу. Вы, коке, хорошо взвесили свои слова? Они для меня тяжелее камня!

Не в силах говорить дальше, она заплакала. Никогда Алибек не говорил с ней так грубо, злобно. Она верила ему, жалела его. И вот отец сам обрубаем ее доверчивое чувство.

— У меня и слез не осталось, чтобы заплакать, как ты, — сказал Алибек, повернув лицо к дочери. — Давай взвесим, кому тяжелее. Я упал с коня, раненный в жестоком бою. А ты, вместо того чтобы подать мне повод, уходишь к чужим. Это для меня тяжелее, чем рана, нанесенная врагом.

— Кто вам враг?

Алибек промолчал. Лицо его было темносерое, только при слабом свете керосиновой лампы сверкали маленькие глаза.

Не в силах смотреть в эти глаза, Ардак опустила голову. Каменный уголь, горевший в плите, нагрел землянку до духоты. Ардак задыхалась.

— Вы что же, передумали? — спросила она с тревогой спустя некоторое время. — Вы тогда мне говорили, что решили честным трудом заработать доверие народа, что со старым покончено навсегда.

Алибек молчал.

— Я не могу понять, — продолжала Ардак, — или вы мне говорили неправду?

Не отвечая на ее прямой вопрос, Алибек горестно заговорил о другом:

— Учил, воспитывал... Даже в эти дни, когда над моей головой повисли черные тучи, я, как медведь, таскаю на своем горбе отцовские заботы.

— Вы все это делали только для себя, ради своего утешения. Так выходит. Теперь, когда собственная ваша жизнь увяла, словно прошлогодняя трава, вы готовы выдернуть зеленые побеги новой жизни.

— О какой жизни ты говоришь? Это не жизнь — это мучение!

Ардак горячо возразила ему:

— Народ, который я вижу вокруг себя, книги, которые читаю, учат, что жизнь — это труд. За свой короткий век я находила настоящую радость только в труде. Это так! Иначе люди не трудились бы в шахтах с таким воодушевлением!

Алибек отрицательно повел рукою.

— Все пустяки, дочь! Если человеку осталось жить только до обеда, если человек лишился всех своих богатств, говорить о том, что труд одушевляет, — это опьянение! Опьянение, которое опаснее всех увлечений молодости! Очнись, иначе отравишься!

— Я не опьянена и не увлечена молодостью! — воскликнула Ардак. — И не хочу горевать о вашем прошлом. Дороже всякого богатства, дороже всего на свете для меня эти три книги, эти часы и эти три строчки, которые выгравированы на них. Я услышала от народа теплые слова, почувствовала заботу о себе. По правде говоря, ничем этим вы меня не баловали, коке. И все-таки я не покидала вас!.. — Она помолчала и закончила с твердостью: — А теперь не пришло ли нам время попроситься?

Алибек тяжело встал с места.

— Значит, только и осталось, что попроситься?

Не сказав больше ни слова, он натянул на плечи свою рабочую одежду и, взяв лопату, вышел.

Высокие сугробы снега. Безлунная, темная ночь. Всюду запорошенные снегом землянки. По узкой тропе, похожей на заячий след, шагал Алибек к шахте, слушая, как скрипит снег под ногами.

Теперь он знал: дочь около себя не удержать, она становится чужой. Он не ждал, что Ардак проявит такую твердость. Еще недавно Алибек боялся только одного: как бы она не привязалась к Мейраму. Теперь выходило, что опасность более серьезна. А тут еще и Орлов ненадежен. Рымбек прав: если инженер не поддается на уговоры, то может выдать.

С этими мрачными мыслями Алибек дошел до шахты. Теперь было светло здесь, на столбах висели электрические лампочки. От эстакады доносился грохот вагонеток. К нему присоединялось шипение парового котла в механическом цехе, расположенном справа от шахты, и гудение подъемной машины. Все эти разнообразные звуки сливались в общий сплошной гул, не прекращавшийся круглые сутки и особенно усиливающийся ночью.

Спуск в шахту теперь был другой. Вертикальный ствол, похожий на колодец, служил только для подачи воздуха. На южном склоне хребта был вырыт новый спуск, уходящий в глубину. Рабочие называли его просто «уклоном». Этот уклон, ведущий в недра земли и похожий на огромную сурочью нору, с каждым днем уходил все глубже и глубже. По нему уже проложили узкоколейную железную дорогу. Рядом пробивали второй такой же спуск специально для прохода людей в шахту. Но этот спуск еще не был закончен, и рабочие пока пользовались уклоном.

На производстве еще не навели должного порядка, люди допускались в шахты без пропуска. Алибек, никем не остановленный, вошел в уклон. Росту он был высокого, но шел не сгибаясь — потолок уклона позволял это. Потолок был укреплен уложенными в ряд бревнами, опиравшимися на густые ряды стоек по обеим сторонам прохода.

Между рельсами узкоколейки лежал стальной трос, который временами натягивался и начинал двигаться. Верхний конец его прикреплен к подъемной машине, а нижний — к вагонеткам. Сейчас вагонетки стояли где-то в самой глубине; там, вдали, мерцали огоньки ламп.

Вот трос натянулся и, резко стукнув о шпалы,

быстро заскользил вверх. Раздался грохот, похожий на гром.

Алибек одним рывком прижался к стене. При этом он ухватился за горячую паровую трубу и тотчас же отдернул обожженную руку. Мимо него с грохотом и визгом промчались четыре вагонетки, нагруженные углем.

Алибек пошел дальше, поглаживая обожженную руку, но думал не о боли в руке, а о совершившихся переменах. Дышал прерывисто, горячо, в душе его было темно, как в этом уклоне. Позабывшись, он ударился лбом о низкий выступ потолка и долго стоял, охватив голову руками.

В конце уклона работала бригада Ермека. От капающей сверху воды образовалась лужа; под ногами расползлась грязь. Но люди не боялись сырости. На них непромокаемые комбинезоны, резиновые сапоги с голенищами выше колен, на головах — медные каски. Камерон жадно сосал скопляющуюся воду, поднимал ее по трубе наверх и сливал на землю.

В этом забое сейчас решался вопрос: выполнит ли шахта план. Поэтому Ермек сам попросился сюда. Самолично он отбирал людей в свою ударную бригаду. К нему в бригаду попросился и Алибек. Ермек знал, что Алибек отец Ардак, и принял его.

В конце уклона работали двое забойщиков, одним из них был Ермек. Он теперь уже не рубал кайлом, как прежде, а орудовал отбойным молотком, направив острие его в пласт угля. Молоток грохотал и сотрясался, вздрагивала и могучая фигура Ермека, но он крепко держал инструмент, все глубже погружая стальной наконечник в глыбу угля.

Около него стоял Акым. Горящими глазами он следил за каждым движением старого шахтера и все повторял:

— Теперь давайте я попробую!

Но Ермек будто не слышал, громко говорил:

— Замечательный инструмент! Им можно нарубать в день угля столько же, сколько десять кайловщиков.

— Говорят, что врубовая машина работает еще быстрее? — спросил Акым.

— Это верно, парень. Она заменяет тридцать—сорок кайловщиков.

— А что, Воронов умеет на ней работать?

— Нет. Таких машин еще и в самом Донбассе мало.

— Вот бы мне такую машину! — воскликнул Акым. Ермек покосился на него.

— Ишь, чего захотел! Ему уж и отбойного молотка мало. Я вот десятки лет кайлом махал.

— Ну, дайте же мне молоток попробовать, — просил Акым. — Не хуже вас сумею. Вот увидите, не меньше нарубаю.

Ермек уступил, передал парню инструмент. Акым азартно и сноровисто взялся за работу, приговаривая:

— Больше вас нарубаю! Не будь я Акымом — наступлю вам на пятки.

— Не болтай за работой! — отрезал Ермек. — Быстрее устанешь.

Разгоряченный Акым продолжал рубать.

— Должно быть, вы сами устали. Стареть начинаете.

— Гляди, как он бахвалится своей молодостью!

— Еще бы! Если я и устану, мне довольно шести часов, чтобы отдохнуть, а вам и шести дней мало.

Ермек добродушно усмехнулся, подошел к крепильщикам.

Уклон служил не только для подачи угля на-гора, по нему спускали под землю и весь нужный для работы материал. Для правильной проходки этого ответственного уклона, для установки в нем крепей требовалось много мастерства. Все должно быть налажено.

Ермек проверял работу крепильщиков, постукивая кайлом по каждой стойке. Стукнет два-три раза — и уже определяет состояние не только крепей, но и всего потолка.

Во время этого осмотра к нему подошли инженер Орлов с одной стороны и с другой — Алибек.

— Зря я вас потревожил, можете идти домой, — сказал шахтер Алибеку. — Я вчера велел вам выйти потому, что Жолтай чувствовал себя нездоровым. А сегодня он сам явился.

Но Алибек не торопился уходить. Орлов вместе с Ермеком проверил крепление; инженер остался доволен осмотром.

— Крепи у вас поставлены правильно. Пусть крепильщики и дальше продолжают так... Камерон тоже действует хорошо...

Вдруг он пригляделся к одной из стоек, сказал Ермеку:

— Ну-ка, испытайте эту.

Ермек, не промолвив ни слова, взял у рабочего тяжелый молот и одним ударом выбил стойку.

Орлов усмехнулся.

— Зря я похвалил вас прежде времени.

Сконфуженный Ермек взял топор, затесал концы стойки, заново установил ее. Отдал молот крепильщику, сказал:

— На, попробуй-ка теперь выбить?

Крепильщик, напрягая всю силу, нанес несколько ударов, но стойка не поддавалась.

— Работаете вы хорошо, но иногда допускаете промахи, — сердито заметил Ермек. — Это ведь не перекрытие скотного двора... Если умело затесать конец стойки и поставить ее правильно, против залегания пласта, ничем ее не выбьешь. Отдельные негодные стойки — как гнилые зубы среди здоровых, они расшатывают хорошие стойки. Крепление в штреках, особенно в уклонах, рассчитано на долгий срок и должно быть прочным.

— Правильно, со знанием дела говорите, — одобрил Орлов. — По-моему, вы можете быть начальником участка. Это вам вполне по плечу. Мы собираемся разбить шахты на участки.

— Нужен грамотный человек.

— А вы грамотны. На вчерашнем экзамене я искренне порадовался, глядя на вас, на Акыма, на Жанабыла. За шесть месяцев вы не только грамоту — дробь прошли.

— За это наших учителей благодарить надо. Как же грамоте не засесть в памяти, если ее без устали, словно кайлом, вбивают в голову?

За эти полгода Ермек всей душой осознал, как

нужны ему знания; с учебниками не расставался и ночью — хранил их под подушкой. Даже сейчас в нагрудном кармане его спецовки лежала толстая общая тетрадь в черной обложке. Эта тетрадь была для него вроде энциклопедии. Он записывал в нее все, что хотел прочно запомнить. Страсть к учению помогала ему в занятиях. Но от похвал у него никогда не кружилась голова: долю своей шахтерской славы он перекладывал на товарищей, а свои успехи в учении ставил в заслугу учителям.

— Среди ученых людей бывают и молодые, а поговоришь с ними — покажутся старцами. Много знают — и о сегодняшнем дне и о глубокой старине. Хоть я и провел всю свою жизнь в Караганде, а вот не знал, сколько тут лежит угля. Взять вас, товарищ Орлов... Вы в Донбассе работали, а о здешних богатствах знали. Человек без науки до самой смерти останется ребенком. Вот что я понял и хорошо усвоил за шесть месяцев своего учения.

Орлов тщательно протер пенсне и пристально посмотрел на Ермека.

— Золотая у вас голова! — Затем повернулся к Алибеку: — Если вы не спешите, выйдем из шахты вместе.

— Хорошо, — согласился Алибек.

Они заправили свои лампы. Это были уже не прежние чадившие коптилки, а бездымные фонари со стеклом и сеткой.

— Скоро у нас будут электрические — эти бросим, — весело сказал Орлов.

Перед уходом он дал Ермеку указание:

— Уклон дальше не будем углублять. С завтрашнего дня ваша бригада перейдет на другое место.

— Куда?

— Есть богатый пласт. Его еще англичане исследовали, но не сумели разработать.

— Знаю! Это вторая лава. А с газом там как?

— Не очень много. Удалим. Этот пласт поможет нам выполнить план. Ваша бригада ударная. Без всяких скидок. Ей и доверим самые важные и экстренные работы.

Сказав это, Орлов пошел вверх, дав знак Алибеку.

По пути он завернул к одной из плит. Плита служила как бы передаточной станцией. Уголь, добытый в лавах и печах, поступал через штреки на плиты и отсюда по уклону подавался на-гора.

Сейчас на плите кипела горячая работа. Взад и вперед двигались вагонетки, подвозившие уголь из дальних лав и печей на лошадях, а из ближних — вручную, подталкивая вагонетку. Тачек теперь не видно. Но для вагонеток еще нужна была живая сила.

— Скоро повсюду заставим работать электрический ток, — говорил Орлов. — Тогда дело у нас пойдет веселей.

Алибек промолчал, словно прислушивался к голосам людей, работавших у плиты.

— Давай порожняк!

— Пропускай нас, чего стоим!

— Сколько вагонов подали на-гора?

— Поднимай!

— Ауп!

— Вы обратили внимание? — снова повернулся Орлов к Алибеку. — Все эти люди недавно из аула. И вот уже помаленьку начинают распоряжаться на шахте. Хозяевами себя чувствуют. Конечно, еще много неполадок. Но новые шахтеры не остановятся на полпути. Их трудовой энтузиазм — ключ к овладению жизнью. Я теперь верю в это.

Казалось, Орлов заговорил так не случайно. Как бы проверяя впечатление от своих слов, он часто бросал на Алибека испытующий взгляд. Но Алибек и на этот раз не ответил. И по его замкнутому лицу трудно было определить, как он относится к словам инженера.

Орлов подошел к плите, чтобы выяснить причину шума. Оказалось: на повороте свалилась набок вагонетка, образовался затор. Вагонетчик бранил укладчиков рельсов:

— Чтоб не пошел им впрок их заработок! Попадись они сейчас на глаза, дал бы я им жару за такую укладку!

Орлов осмотрел дорогу и вагонетку, достал блокнот, записал: «Дорога поворачивается слишком круто. Рельсы соединены неплотно. Вагонетка оказалась не смазанной. Нужно немедленно прислать людей для исправления пути».

Зазвонил звонок, извещая, что вышел состав. У плиты сгрудились рабочие. Орлов, подбежав, начал расталкивать их по сторонам.

— Не толпитесь на пути, опасно!

И подумал — надо записать: «Рабочие плохо знают правила техники безопасности. Обучить в обязательном порядке».

За последнее время Орлов, обходя шахту, чаще, чем прежде, записывал для памяти все неполадки какие подмечал. Но то ли по необщительности характера, то ли стыдясь своего прошлого, с рабочими говорил мало. Подмечал, записывал, а необходимые распоряжения проводил через Щербакова.

Поезд подошел к остановке быстрее, чем положено. Орлов и это взял на заметку. Рабочему, стоявшему у плиты, задал лишь один вопрос:

— Сколько отправили?

— Восемьдесят три вагона.

— Хорошо, — коротко сказал инженер и пошел дальше.

Он отправился к старым забоям, думая еще раз осмотреть пласт, о котором говорил Ермеку. Когда отошли на значительное расстояние, Орлов возобновил тот резкий разговор, который они вели в памятный вечер на квартире инженера.

— Я хотел поговорить с вами вот о чем... Мысли, которые душат вас, душили и меня в свое время. Советский мир казался мне тесным. Разное мерещилось... Но в конце концов все мои надежды, все замыслы оказались миражем. И мне казалось тогда, что все рухнуло, что жизнь погрузилась в беспросветную тьму. Но и тут я ошибся. И когда, словно проспавшийся пьяница, я отрезвел, тогда я пожалел о зря пропавших годах. Мне снова жадно захотелось жить, работать. И я впервые понял, как широка и прекрасна новая жизнь, сколько счастья впереди. Я понял, что

пятилетний план — единственный путь к этой жизни... Уверяю вас, вы тоже заблудились. Вступите на мой путь, и все вокруг вас озарится светом. Пора же понять: по этому пути идет весь многомиллионный народ!..

В ожидании ответа Орлов замолчал. Алибек ехидно ухмыльнулся.

— Вы уже стали заправским агитатором. Продолжайте.

— В прошлый раз вы агитировали меня на свой лад, теперь послушайте мою агитацию, — ответил Орлов. — Вы тогда сказали, что знаете, кто вызвал обвал шахты. Что же, позор принял я, а убыток, не говоря уже о раненом рабочем, понесла шахта. Работа не остановилась, и этот случай постепенно забывается. Но не все сойдет вам так легко с рук. Бросьте это дело. У вас дочь — хорошая девушка. Подумайте о ней. Да и сами вы еще сможете оправдать себя на честной работе.

— Птица счастья упорхнула с моего плеча, — произнес Алибек с горечью и злобой.

Орлова охватил гнев:

— Не толкайте меня на крайность! Что же, вы думаете, я так и буду молчать о вашем преступлении?

Разговор оборвался. Наступила тишина. Шум работы не достигал сюда. Алибек и Орлов шли по штрекам и лавам, уголь из которых уже давно был выбран. Они приближались к месту стыка под землей с соседней шахтой «Герберт». Опасаясь газа, Орлов часто поглядывал на фонарь.

Алибек вдруг захохотал. Потом проговорил возбужденно:

— Ладно! Что отпущено — то прожили, что положено — скушали. Осталось жить не больше, чем старой овце. А мечтаем о невозможном. Если вы бросили — и я бросил!..

Орлов остановился, схватил руку Алибека и крепко пожал ее. Он долго не выпускал ее из своей. На сухом, бескровном лице его появился румянец. Когда он заговорил, его голос прерывался.

— Теперь скажу правду! Много раз я думал вас

выдать. Но пересиливал себя, надеялся, что вы образумитесь. Я рад! Рад, Алибек Тайманович! Хоть вы и правы — жизни у нас осталось не больше, чем у старой овцы, но давайте попробуем влиться в общий, всенародный поток. Меня волнуют свежие мысли. Вот хочу при помощи взрыва вскрыть угольный пласт, о котором я говорил. Это резко увеличит добычу.

Орлов помолодел на глазах. Гибким, звучным голосом говорил он о будущем: о подземных машинах — об электровозе, конвейере и углереже, — об электрическом освещении, о неисчерпаемых, еще не открытых запасах карагандинского угля, о его качестве, о методах увеличения угледобычи... И Алибек мог убедиться, какой Орлов крупный специалист и как преданно любит он свое дело.

Дошли до заброшенных английских забоев. Вот лава, где проходка когда-то была приостановлена. В толстой стене, отделяющей первую шахту от «Герберта», зияет углубление. У входа — груда угля, обвалившегося сверху.

— Уголь обвалился сам, будто знал, что мы все равно придем его обваливать, — шутливо заметил Орлов. Он постучал пальцем о стену. — Вот мы теперь начнем рушить ее при помощи взрывов и подавать уголь на-гора.

— А как обойдетесь с газом, с озером в шахте «Герберт»? И газ и вода хлынут сюда, как только будет вскрыта стена.

— Озеро лежит значительно ниже этого пласта, а газ не сильный. Пустим мощный поток воздуха и выгоним его.

Осмотрев пласт, Орлов сел на глыбу угля, достал блокнот, положил его на колено и, склонившись, стал писать. Он так погрузился в свои записи, что ничего не видел вокруг.

Алибек поднял массивный кусок угля с таким видом, словно собирался перенести его поближе к Орлову и сесть рядом, подошел к Орлову и с бешеной силой ударил его по склоненной голове.

Орлов не вскрикнул, свалился ничком, раскрытый блокнот выпал из его рук.

Алибек постоял некоторое время, прислонившись к стене, потом нагнулся над Орловым, ощупал его; убедившись, что сердце не бьется, он сказал сам себе: «Ну, кажется, дышать стало легче». Потом оттащил тело инженера чуть в сторону, присыпал углем и после этого направился к выходу.

Глава четвертая

Окна двухкомнатной землянки прорезаны в верхней части стены, почти под самым потолком. За окнами — мороз, а в землянке — жара от непрерывно горящего в чугунной плите каменного угля. Стекла покрыты испариной.

Ардак сидела в землянке в легком платье. Дверь открыта. Но ей было душно. Сердце ее горело жарче, чем уголь в плите. После ухода отца она похоронила все свои надежды. Все ясно. Старое глубоко въелось в душу отца, — черную душу, как и черную кожу, сколько ни мой, не отмоешь. Осталось одно — уйти! Но это не просто. Куда уйти, к кому? Надо посоветоваться. С кем? Надо обо всем рассказать Мейраму. Он поможет. Но как увидеть его?..

Она сидела у низкого стола, возле керосиновой лампы, сжавшись в комок, подперев рукой правую щеку. По осунувшемуся бледному лицу скатились две горячие слезы. Казалось, это счастье и горе обгоняют друг друга.

Без стука вошел Жанабыл. Ардак подняла голову. Еще не отдышавшись после быстрой ходьбы, Жанабыл сразу же принялся изливать свою радость.

— Поздравляю с премией, Ардакджан! Будь всегда впереди! У тебя — награда, у меня — поздравления. Устроим той. И пусть этот твой той соединится с другим тоем, а твое сердце соединится с другим сердцем!

— Пусть будет так. Ты во-время пришел, Жанабыл: поспел и к радости и к горю.

— Какое горе? Где отагасы, здоров?

— Здоров, на работе.

— Тогда в чем же горе?

— Не спрашивай, пока не скажу... У меня просьба: устрой мне сегодня встречу с Мейрамом.

Жанабыл от удивления расширил глаза и даже рот раскрыл. Какая-то новая перед ним, непонятная Ардак. Еще вчера была весела и задорна, словно резвящийся на лужайке козленок. А сегодня козленок вымок под дождем: съежился, сжался, шерсть взлохматилась.

— Что случилось?

— Я же сказала — не спрашивай. Иди, иди!..

Жанабыл дважды бросался к двери, и Ардак каждый раз останавливала его. Но так ничего и не сказала. На ее гладком лбу залегла страдальческая морщинка. Наконец она пошевелила кончиком пальца, указала им на дверь и еле слышно, шепотом, повторила:

— Иди, иди!

Выбравшись из землянки, Жанабыл побежал к Мейраму.

Был довольно поздний час. В своей маленькой комнатке, устроенной в передней квартиры Ермека, Мейрам только что напился чаю и собирался отдохнуть. Тут и вошел Жанабыл. Вид у него был встревоженный.

— Меня послали сказать...

— В чем дело, кто послал? — торопил Мейрам.

— Ардак послала. Ты сейчас же должен повидаться с ней.

— Что случилось?

— Об этом она сама скажет. Я ничего не знаю.

— Не понимаю, — проговорил Мейрам, приподняв плечи. — Я не могу с ней встретиться сегодня.

— Нет, так не пойдет! — решительно ответил Жанабыл. — Какая у вас тайна — не мне знать. Но я немедленно должен привести тебя к Ардак. Обижать девушку не имеешь права, товарищ.

Мейрам колебался. Еще недавно ему казалось, что они с Ардак созданы друг для друга. Но тут — эта ее встреча с толстеньким Махметом. Нашлись любители подлить масла в огонь. Пошли пересуды, сплетни, —

неизвестно, кто распускал их. Мейрам тяжело переживал размолвку, но старался не подать виду. Теперь он решил открыться перед Жанабылом, которому доверял.

— Слушай, старинная казахская поговорка гласит: «Слова, прошедшие через тридцать зубов, распространятся среди тридцати родов». Поэтому даже со своим лучшим другом иногда приходится говорить осторожно. Ты мне верный друг. То, что сейчас скажу, береги в душе, как я сам берегу. В свою очередь и ты открой мне все, что знаешь. Ничего не утаивай, не думай, что вызовешь разлад между нами. Больше всего в жизни я дорожу правдой...

— Не точи, не предостерегай сверх меры! — воскликнул Жанабыл, и у него засверкали глаза. — Я не только друг вам обоим, но считаю вас старшими сестрой и братом. Если я и захочу скрыть от тебя какую тайну, разве она не прорвется наружу помимо моей воли?

— А у меня уже прорвалась, — признался Мейрам и начал выкладывать все, что было у него на душе: — Когда я впервые встретил Ардак там, среди серых юрт, мне показалось, что я увидел луну, блеснувшую среди черных туч. Но вот что случилось дальше. В юрте Ардак остановился один пронырливый молодой человек. По ночам ее отец уходил спать под открытым небом, оставляя их наедине. Люди говорили даже, что этот молодой человек стал зятем Алибеку. Но я не верил. Не переставал ее любить. Тем не менее я еще ни разу не слышал от Ардак теплого слова. Что же произошло дальше?.. Буду до конца откровенен... Оказывается, «зять» бегаёт за другой. Может быть, обманутая Ардак в отчаянии. И вот теперь я должен идти утешать ее...

— Ну и сказал! — рассмеялся Жанабыл. — Если тайну долго хранить, то, выходит, она прокисает или покрывается ржавчиной... Ардак даже не улыбнулась ни разу этому Махмету. Эх, не мастер ты разбираться в девушках!

— А мне кажется, что ты, Жанабыл, очень уж прост и доверчив. Ты заступаешься за молодого

человека и девушку, которые всю ночь оставались в юрте наедине!

— И буду заступаться. Она — чище молока. Если я знаю ее по работе, то Майпа знает ее душу. Да, отец однажды оставил ее в юрте наедине с этим Махметом, да, Махмет собирался жениться на ней — все это правда. Он даже уговаривал ее отца. Но Ардак провела их обоих. Знаешь, почему? Она любит только тебя!

— Она сама сказала тебе об этом?

— Нет, сама не говорила, но я и без этого знаю. Разве о том человеке, которого не любят, говорят так много, вспоминают так часто? А она — и говорит, и вспоминает. Вот сейчас за тобой меня прислала... Если ты еще не слышал от нее слово «люблю», то сегодня услышишь. Да еще поцелуй получишь.

— Может, и так, — сказал Мейрам. — Только будет ли она искренна? — Он вынул из кармана листок бумаги, подал Жанабылу. — Ты теперь грамотный, читай сам.

Жанабыл взял письмо. В нем стояло:

«Мейрам! Люди говорят, что ты собираешься жениться на Ардак. Нам, твоим друзьям, тяжело видеть тебя женатым на женщине, брошенной Махметом».

— Это подметное письмо написал кулак! — воскликнул Жанабыл и разорвал бумагу на клочки. — Неужели я для тебя меньше значу, чем эта писулька? Если на то пошло, бывший батрак Жанабыл скажет открыто: не имеешь права позорить незапятнанную, скромную девушку! Если я хорошо знаю Майпу, так Майпа еще лучше знает Ардак!..

Теперь уж Мейраму пришла очередь успокаивать разгорячившегося Жанабыла. Каждое слово, обеляющее Ардак, было для Мейрама крупинкой золота. Сейчас он излил обиду на девушку, а в душе больше всего хотел, чтобы Жанабыл опроверг его слова.

— Ты не горячись. Ведь и мне хочется, чтобы все эти сплетни не подтвердились. Да если бы даже это было правдой, я не могу ее осуждать только потому, что она для меня недоступна. Где бы и как бы ни жила Ардак, я желаю ей только счастья. Нет для меня

существа более дорогого, чем эта девушка. Эх, Жанабыл, если бы ты знал... — Мейрам не договорил и махнул рукой. — Закончим этот разговор. И пусть он останется между нами... Иди скорее и передай: через полчаса я буду ждать ее на площади.

Жанабыл, не задерживаясь ни на минуту, вышел из дому. Его проводила гавканьем лежавшая у двери пегая собака.

За это время Алибек возвратился домой. Ардак наливала ему чай. Алибек и всегда-то был неразговорчив, угрюм, а теперь сидел туча тучей, то сжимал, то разжимал свои длинные пальцы и тихонько поскрипывал крупными, еще крепкими зубами. Глаза он уставил в одну точку.

Он казался Ардак мрачнее скалы в темную ночь. Если бы она знала, что совершил ее отец, она опрометью кинулась бы из дому. Сидела к нему вполоборота, боясь взглянуть. Тоскливо, тяжело было за достарханом. Алибек выпил пиалу чаю и тут же отставил ее. Глянул на дочь. Вдруг раскрыл руки для объятия, позвал:

— Подойди, золото мое! Твой беспокойный старик отец вгорячах сам не знал, что говорил. Будь счастлива на избранном тобой пути. Живи по своей воле. Возлагаю всю надежду на тебя!

Не дожидаясь, пока Ардак подойдет к нему, встал, прикоснулся губами ко лбу дочери, погладил ее плечо. Она стояла молча, опустив голову. Алибек пошел к постели и, не раздеваясь, лег, отвернулся к стене.

Ардак растерялась. Верить или нет? Быть может, отец потерял всякую меру притворства? А если искренен и только погорячился в том разговоре? Говорить ли об этом Мейраму? Нет, как бы то ни было, надо обо всем рассказать.

В эту минуту вошел Жанабыл. Заметив Алибека, лежавшего на постели, он задержал готовые вырваться слова и сказал совсем другое:

— Мы с Майпой собрались в кино, пойдем с нами.

При этом он сделал Ардак знак глазами.

— Хорошо, — согласилась девушка.

Жанабыл помог ей надеть пальто, и они вышли.

— Он будет ждать тебя вон на той площади, — торопливо говорил Жанабыл. — Пусть ваши сердца будут так же открыты, как эта площадь... Не пойму, почему это вы по виду холодны, как лед, когда внутри у вас горит пламя?.. Э-эх, беспомощные вы, не умеете положить в рот пищу, которая поставлена перед вами. Только что родившийся ягненок и тот начинает тыкаться мордочкой в вымя своей матери, а вы... Иди, не заставляй его ждать!

Ардак слабо улыбнулась ему в ответ, пошла медленным шагом. Трудная предстояла встреча. Что тяжелее: резко говорить с отцом или раскрыть свою душу перед Мейрамом? С чего начать? Пожаловаться, что отец дурной? Пожалуй, этим выкажешь свою собственную слабость. Скрыть все, промолчать? Нет, нельзя скрывать зло. Признаться в своей любви? Но какая же девушка первая скажет об этом?

Вечер выдался тихий, морозный. Ардак, придавленная тяжестью мыслей, медленно шла по широкой площади, покрытой белым снегом.

Мейрам увидел ее издали. Он ждал разговора о любви, только о любви. Сильно бившееся сердце толкало его вперед, навстречу девушке. Каждый вздох говорил о переполнявшем его счастье, и каждый шаг приближал к этому счастью. В темноте сердце его как будто сверкало от радости, телу было жарко на морозе. Выйдя из дому, он подготовил себя: как держаться, что говорить. Но все это забылось, как только он увидел Ардак, и Мейрам сказал первое, что пришло ему на ум.

— Я так рад, Ардак, видеть вас! — начал он, когда подошел к девушке и взял ее руку в свою. — На собрании я не успел поздравить вас с премией. Почему так быстро ушли?

— Да, я скоро ушла. И не успела поблагодарить товарищей. Лицо пылает, когда все смотрят на тебя. Не могла выдержать..

— Не похоже, чтобы и сейчас вам было холодно. Рука так и жжет.

— Сейчас мне от другого жарко, — сказала Ардак, осторожно высвободив руку и сдержанно вздохнув.

В голосе ее послышалось легкое дрожание. — Я вот о чем хочу просить... Будьте мне старшим братом. Я за советом к вам пришла. Мне сегодня не до радости. Эта темная ночь давит меня...

Мейрам вздрогнул. Неужели он был прав?

— Если я гожусь в старшие братья и советчики, спасибо за доверие. Говорите, — стараясь казаться спокойным, сказал он.

— Вы много знаете о жизни, но меня еще не успели узнать, — продолжала Ардак. — А не зная человека, трудно понять его. У меня словно два лица. Одно — чистое, а на другом пятна от самого рождения. До сих пор я старалась скрыть это. Но ведь природные пятна рано или поздно обнаружатся. Что я тогда буду делать? Вот я и хочу открыться вам. Ну, а смелости, слов у меня не хватает...

— Вы хотите сказать о вашем отце? — помог ей Мейрам. Он облегченно вздохнул. — Если так, не стесняйтесь. Немного я знаю о нем.

— Возможно, вы знаете кое-что о прошлом отца. А я хочу сказать о том, что сегодня...

— Говорите смелей. Мне вы можете довериться.

Ардак рассказала о том, как отец, вместо того чтобы порадоваться вместе с нею награде, высказал непонятную обиду, даже раздражение. Не скрыла ни одной мелочи из того, что произошло сегодня дома. Говорила, что боится за Алибека. Раньше думала — старик исправится. А сейчас теряет эту веру.

— Перед тем как мне пойти сюда, он вдруг подобрел, вздумал приласкать меня, а это с ним случалось редко. Ума не приложу, почему он так быстро смягчился. Боюсь, притворяется. Все время притворяется. И я до того дошла, что готова уйти от него. Разные у нас дороги...

Мейрам слушал внимательно. Что посоветовать? Девушка готовится к серьезному шагу. Такие поступки многое решают в жизни. Но бушевавшая в груди радость мешала ему трезво думать. С трудом перебив себя, он ответил:

— Уйти надо, если твердо это решите. Но прежде хорошенько присмотритесь к отцу, изучите его поведение,

Может быть, причиной всему ваша мнительность. Ваш отец много повидал в жизни. Он отживает свой век. Частенько приходится слышать о разных причудах, о нелепых выходках таких вот стариков. Иногда они крепко жалеют о прошлом. Только надо различать — одно ли сожаление в них говорит, или они делают попытку активно сопротивляться всему новому. Старик мог обидеться на что-нибудь. У него вся сила теперь в языке. Дома он может поднять бурю, а выйдет на волю, подставит спину лучам солнца и размягчится, отойдет. Говорят, ваш отец молчалив, чурается людей, но работу выполняет добросовестно. Когда наедине с вами не сдержится, закипит у него нутро, успокойте его — и наблюдайте. Внимательно наблюдайте, чтобы не ошибиться. А там видно будет. И время за нас, и сила в наших руках. Хороший отец — еще не слава для детей, а плохой — не позор. У нас есть нечто большее, чем кровная родня: наша великая родина. Интересы родины, счастье народа — выше всего. Это и есть главное в нашей жизни.

— Я понимаю это, — сказала Ардак. — За последнее время больше стала читать. На занятиях говорю с рабочими не только об учении. Книжки, люди помогают разбираться в жизни. Читаю труды Ленина и Сталина. И вот стала замечать, чего раньше не видела. Люди не просто живут и работают. Они еще и борются за свои интересы. За классовые интересы... Кстати, я забыла рассказать еще один случай. Когда я получила премию и, не помня себя от радости, прибежала домой, я увидела: рядом с отцом сидит Рымбек. Раньше он никогда не бывал у нас. И я не могла понять, зачем он пришел. Что ему от нас надо? Тот кудрявый Махмет, которого вы видели, тоже почему-то свел знакомство с отцом.

— Тот Махмет, кажется, не избегал и вас, — не удержался Мейрам.

— Зато я избегаю его! По-моему нечестный он человек! Могу поручиться: за калым¹ готов отдать всю свою кооперацию. Не знаю, в чем тут дело, но отец

---

¹ К а л ы м — в старину выкуп за невесту.

намекнул мне, что этот парень ему по душе... Вот я и хочу сказать: ведь Махмет и Рымбек — оба в партии, а в поведении их что-то сомнительное...

В душе Мейрама шевельнулось серьезное подозрение: «Махмет понятен — зарится на Ардак. Ну, а Рымбек?.. Что ему делать в доме Алибека?.. Надо продумать, разобратся». Девушка сообщила нечто важное. И если раньше она привлекала Мейрама не только красотой, но и острым умом, начитанностью, то сейчас, судя по всему, она созревает и политически. В ней чувствовалась пытливость, желание глубже узнать жизнь, людей. Можно ли думать о лучшей подруге жизни для себя! И как он только мог связать ее имя с Махметом! Да где этому толстяку до нее! Все-таки о Махмете и Рымбеке он ответил уклончиво:

— Вы справедливо сказали. Члены партии в жизни должны быть морально устойчивыми. Если вы считаете, что Махмет бесчестен, а в Рымбеке сомневаетесь, то это говорит о вашей требовательности к людям. Не снижайте этой требовательности, критикуйте смелее. Ведь и среди коммунистов встречаются разные люди. Поэтому партия чутко прислушивается к смелой, добросовестной критике. Оказывается, я и в самом деле плохо вас знал. Этот разговор сблизил нас. Для меня приоткрылись заповедные уголки вашей души. Открывайте их шире — я смотрю и не могу насмотреться.

— А ваше сердце так и останется для меня закрытым? — Ардак впервые за весь разговор рассмеялась; в темноте ее смех показался особенно звонким.

— Неужели меня можно назвать замкнутым?

— И не только замкнутым, а даже холодным. А может быть, робким? Не знаю!

— Выходит, Жанабыл прав, наблюдательный он парень, — проговорил Мейрам и тоже рассмеялся. — Он всегда призывает к смелости.

С этими словами он привлек Ардак, наклонил к ней лицо.

Но девушка отстранилась.

— Не смешивайте смелость с несдержанностью. Будьте терпеливы. Вы сказали — мало знаете меня. Ну, и я вас — не больше.

— Да есть ли предел узнавания друг друга?

— И есть и нет.

— Чего же тогда держаться?

— Держитесь того, что нравится... Я встречала людей, которые загораются быстро, но так же скоро гаснут. А я ищу чувства, которое не гаснет до самой смерти. Если вы сейчас скажете мне, что не погаснете, — не поверю. Только тогда поверю, когда своими глазами увижу, что вы верны чувству. А это требует времени, терпения.

— Терпение легко превратить в муку!

— Этого не случится, если вы не спутаете любовь с простым увлечением.

Это был первый случай, когда они свободно говорили наедине. И Мейрам говорил уже без утайки:

— Сегодняшнюю ночь я никогда не забуду. Это одна из счастливых ночей моей жизни! Я давно и долго мечтал о такой избраннице, как вы. Моя мечта сбылась. Раньше я замечал только красоту вашу, теперь увидел и полюбил ваше сердце. Если хотите, испытайте меня. А я больше не могу ни испытывать вас, ни ждать! — Он быстро наклонился и поцеловал Ардак в щеку.

Девушка шла, опустив глаза, — она не успела ни отшатнуться, ни принять этот поцелуй. Она не испугалась и не рассердилась, — трепет прошел по всему ее телу.

Вдруг у нее вырвалось:

— Нет, нельзя так, не надо!

Так же неожиданно она выскользнула из объятий Мейрама и побежала домой, чтобы не выдать свои слезы — в них и радость была и тревога.

Глава пятая

С нарастающей силой дул буран, окутывая снежной пылью возвышенность, на которой раскинулась Караганда. Вьюга мела с такой яростью, что ничего нельзя было разглядеть под ногами. Снегом завалило двери и окна земляных бараков, шурфы и каменные

карьеры. Между шахтами нарушилась связь, порвались телефонные провода.

Буран разыгрался в полночь и к утру достиг высшей силы — свистел, завывал, валил прохожих с ног. Шахты часто подавали гудки, чтобы помочь заблудившимся найти дорогу. Звук не разливался, как всегда, по окрестностям, его сносило ветром в одну сторону. В городе, куда ни глянь, выросли снежные холмы. Свирепая метель держала в своих удушающих объятиях новый, только что возникший город.

Замело снегом и землянку на склоне холма, в которой жил Жанабыл вместе с Майпой и ее родителями. Маленькие окна землянки засыпало; нельзя было понять, рассвело или нет.

Жумабай, как всегда, проснулся раньше других, пошел было наружу, но сейчас же вернулся.

— Жена, вставай, зажги лампу, на дворе сильный буран. Двери завалены снегом.

— Рассвело?

— Кажется, светает. Слышишь, мычит наша черная корова?

Жанабыл, еще лежавший в постели, рассмеялся.

— Что, или сообщает о наступлении утра?

— Просит корма. Рогатый скот ночью никогда корма не просит.

Зажгли лампу. Жумабай принялся крутить и мять свои овчинные штаны.

— Вы, отец, каждый день мнете эти штаны. В чем они провинились перед вами? — не унимался Жанабыл.

— Кожаные вещи любят, чтобы их мяли, сынок.

— Штаны, наверно, уже по горло сыты такой любовью. Выбросьте их, я куплю вам новые, ватные.

— Ни за что не брошу: «Шкура овцы лучше всякого шелка», — гласит поговорка.

Жумабай заправил полы пиджака в штаны и вышел в коридор землянки, одновременно служивший и коровником. Черная корова стояла, что-то жуя. Рот ее кривился то в одну, то в другую сторону. Жумабай испугался, решив, что чернушка чем-то подавилась. Быстро поставил лампу на землю, подбежал к корове,

засунул руку ей в рот, извлек кусочек кости. Рассматривая его, Жумабай покачивал головой и говорил сам с собою:

— Воля божья, зачем она жует эту кость?.. — Потом снова отдал кость корове. — На, пожуй, скотинка моя, пожуй. Видно, зачем-то это тебе нужно. Сейчас подброшу сена. Поешь вместе со снегом.

В углублении, вырытом в углу коридора, хранился небольшой запас сена. Опасаясь любителей чужого добра, Жумабай хранил сено, как в сундуке. Достав из хранилища небольшую охапку, он положил ее перед коровой, пошел было в землянку, но оглянулся. Заметив на земле несколько стеблей и листочков, он не поленился подобрать их. Опять подошел к корове и, поглаживая, щупая вымя, возобновил прерванную беседу:

— Не жестко было лежать? Когда же ты дашь молоко, мое животное?

Жанабылу всегда доставляло удовольствие наблюдать за поведением тестя. Вот и сейчас: осторожно открыв дверь, он исподтишка подслушивал его бормотание. А Жумабай, меняя подстилку под коровой, не унимался:

— И навоз у тебя чистое золото...

Тут Жанабыл не выдержал:

— А зачем он вам? Неужели собираетесь топить кизяком? Ведь кругом уголь!

— Лишнее добро не в тягость, сынок. Кизяк может пригодиться на разжиг угля.

— Если бы вы относились к производству, как к своему хозяйству, большая польза вышла бы, — заметил Жанабыл и открыл наружную дверь.

Выход из землянки был наглухо завален снегом. Он стал сгребать его в коридор и с большим трудом пробил ход. Вышел, но тут же вернулся.

— Ой-ой! Буран дует с такой силой, что на ногах не устоишь... Все-таки на работу нужно идти!

— Смотри, сынок, буран — враг опасный.

Не обращая внимания на предупреждение тестя, Жанабыл оделся потеплей, завернул в узелок обед и отправился в цех. Надо было пройти около двух кило-

метров по открытой изменчивой площади. Он шел против ветра, по глубокому снегу. Глаз не разлепить, угадывал путь по направлению ветра. В гуще бурана ничего не видно даже за два шага. Колючий снег хлестал в лицо, упругий ветер толкал в грудь, стараясь сбить путника с ног, засыпать с головой, задушить. От гула и свиста ветра заложило уши. Мороз обжигал лицо. Казалось, что ветер, кружа в воздухе снежную пыль, гудит: «Смерть, бедствие!»

Но смелый, сильный юноша и не подумал вернуться. Наклонив голову, он упрямо продолжал идти вперед, против ветра. «Скорей бы дойти, увидеть своими глазами, не причинил ли буран какой беды производству, не остановилась ли работа. Наверно, не все рабочие пришли — кто заблудился, кто обморозился. Да и можно ли в такое время беречь себя и лежать дома в тепле? Может быть, понадобится организовать ударную бригаду и бросить ее на борьбу с бураном...» — думал он, упорно шагая вперед. Но шел осторожно, опасаясь угодить в какую-нибудь яму, — их было нарыто здесь во множестве. Временами останавливался, прислушивался, стараясь определить, где находится. Но слух не улавливал ничего, кроме воя ветра, и глаза ничего не могли разглядеть в густой снежной пыли.

Внезапно он почувствовал запах дыма, но этот запах тут же исчез. Полагая, что где-то поблизости землянка, Жанабыл прошел несколько шагов назад. Нет, дымом не пахло. «Почему не слышно гудка? Неужели я так далеко ушел от цеха?» — подумал Жанабыл и остановился.

Его шарф, закрывавший рот и нос, рукавицы — все обледенело. Тело начал сковывать холод. Но Жанабылу и в голову не приходило, что он может замерзнуть. С детства он батрачил, всякую непогоду видал, слышал бесчисленные рассказы о путниках, застигнутых в степи метелью, и знал, что на крайний случай можно зарыться в снег. Сейчас он на все лады стыдил себя за то, что потерял направление, заблудился где-то между землянками.

Вдруг мороз укусил его за правую щеку.

— Ах, ты! — в сердцах воскликнул он, схватился

рукой за щеку и принялся ее растирать. Щека ничего не чувствовала. Он тер старательно, но даже в эту минуту не мог без улыбки вспомнить о своем тесте: «Когда Жумаке трет и мнет овчину, она делается мягче... Что же ты, щека моя? Оживай, оживай скорее!»

Наконец он почувствовал боль в щеке. Закрыв лицо до самых глаз шарфом, Жанабыл подался вправо, подставляя ветру бок. Хоть и далеко идти, но в этом направлении должна быть железная дорога. «В крайнем случае выйду на линию, тогда не собоюсь», — подумал он.

Внезапно перед ним обозначился локомотив, заваленный снегом, рядом стояли вагонетки.

«Это же наше добро! — обрадовался Жанабыл. — Прямо к цеху вышел».

В механическом цехе был объявлен срочный сбор. Пришли сведения, что четвертая шахта остановилась, а на первой испортился камерон, — возникла опасность затопления. При шахтах еще не было своих хорошо оборудованных механических цехов. Работали отдельные слесари и машинисты. Механизмы всех шахт находились в ведении центрального мехцеха. Сейчас шла организация двух ударных бригад для помощи обеим пострадавшим шахтам. В таких случаях минута ценится дороже часа. Промедлишь — опасность усилится.

Механик Козлов был встревожен. Он получил от Щербакова приказание, чтобы бригады прибыли на место точно через час. Как они доберутся? Буран и не думал стихать. В Донбассе Козлов за всю свою жизнь не видел такой метели. Можно ли посылать людей если не на верную, то вполне вероятную гибель? Но если не отправить бригад, то шахты остановятся на несколько дней. Козлов не мог допустить остановки их даже на час. Он начал с бригады слесарей. Некоторые из слесарей жили далеко от цеха и сегодня не явились на работу. На то, чтобы вызвать их, потребуется много времени. Да и сумеет ли добраться до них посыльный? Если снять всех пришедших людей, остановится работа в цехе. Он медлил, не зная, какое принять решение.

Открылась створка двери, и кто-то закутанный,

непомерно толстый попытался пролезть в нее, но не смог. Открыли вторую створку. По голосу узнали Байтена. Можно было подумать, что он не оставил дома ни одной теплой вещи — ни шарфа, ни женского платка, все намотал на голову. Снимая все это, он произнес:

— У-ух! Не будь я старым рабочим, нипочем не добрался бы!

— А как же другие добрались?

— Скажи еще! Они же раньше пришли. А сейчас буран так разыгрался, что носа своего не увидишь. Дышать нельзя!

Барак, где жил Байтен, был расположен всего в ста метрах от цеха. Поэтому «храбрость» Байтена никого не удивила, но все были довольны, что он явился.

Пока Байтен хвастал, вошел Жанабыл. Он сразу же принялся шутить и поднял у всех настроение. Начал он с того, что пересчитал все тряпки, которыми была обмотана голова Байтена.

— Тут одной только вещицы не хватает. Надо полагать, дома без нее никак нельзя обойтись, иначе Байтен и ее бы прихватил, — сказал он серьезным тоном, вызвав общий смех.

С приходом Жанабыла и Байтена двумя рабочими стало больше. Козлов почувствовал облегчение. Подойдя к Жанабылу, он пощупал обмороженные его щеки и проговорил:

— Я знал, что ты не останешься дома греть свои кости. Вот только щеки обморозил...

— Это пустяки. Заживет. Что станем делать? Распожайтесь.

— Назначаю тебя старшим. Надо помочь четвертой шахте. Сможешь довести туда бригаду?

— Доведу, — ответил Жанабыл. — Только дайте мне метров сто проволоки.

— Зачем?

— Сейчас скажу... До самой шахты тянутся телеграфные столбы. Вот мы и пойдем от столба к столбу, а проволока не даст нам заблудиться между столбами.

— Это умно! — похвалил Козлов. — Ну, собирайтесь. Проволока найдется.

Пока люди готовились в дорогу, Жанабыл заглянул в кочегарку, поздоровался с Бокаем. Оттуда прошел в машинное отделение — теперь там работала Майпа.

Она не заметила прихода Жанабыла: стояла спиной к двери и следила за вольтметром. Одета она была в синий комбинезон, голова повязана красным платком. Управлению машиной обучил ее, как и обещал, Жанабыл. Майпа была дочерью бедного человека и никогда не отличалась ни сметкой, ни бойкостью. Но теперь, особенно после замужества, характер Майпы резко изменился. Ее ожившие серые глаза постоянно улыбались. И дома и на работе она носила чистую, непомятую одежду. Посвежела, похорошела. Ей был к лицу рабочий комбинезон.

Жанабыл осторожно подкрался сзади, ладонями закрыл ей глаза.

— Узнала! — крикнула Майпа. — Мозоль на ладони выдает тебя.

Жанабыл запрокинул ее голову, поцеловал в губы.

— Я только сейчас понял — многое ты теряла, не решаясь выходить замуж. Теперь ты куда интереснее!

— А разве тогда я не была интересной?

— То совсем другое...

— Как добрался? Буран затихает?

— Если б бушевал не то что снежный, но даже огненный буран, и тогда бы я пришел к тебе. Буран еще ревет. Мы идем на четвертую шахту... Как твоя машина, слушается?

— Исправно работает. Но токари требуют увеличить обороты. А если увеличиваю, то свечи перегорают.

Жанабыл прислушался к работе машины. Нигде не постукивало, ход был ритмичный. Проверил клапаны и медные маслопроводные трубки. Все в порядке. Его взгляд упал на ремень, приводящий в движение трансмиссию.

— Э-э, вот оно что: у тебя ремень ослаб. Из-за этого и трансмиссия и токарные станки работают медленно.

— Что же теперь делать?

— В обеденный перерыв смени или немного сократи ремень.

Сказав это, он передал Майпе половину взятой из дому еды и пошел к двери.

— Подожди-ка! — окликнула Майпа. Ее веселые глаза смотрели сейчас тускло. — Уж очень разошелся буран — может быть, не пойдешь на шахту?

— А у тебя есть мешок?

— Зачем?

— Положи меня в мешок, завяжи и держи при себе.

Майпа засмеялась. Жанабыл вышел.

Приготовления все были сделаны. На четвертую шахту собирались двенадцать человек, среди них и старый слесарь дед Иван и нерасторопный Байтен. Возглавлял бригаду Жанабыл.

Люди оделись в стеганые телогрейки, в такие же брюки, в полушубки, поверх полушубка каждый надел брезентовый плащ с башлыком. Инструменты несли за плечами в вещевых мешках.

Как только вышли за дверь, сразу налетел мощный порыв ветра, взмыл густой снежный вихрь. У людей захватило дыхание. Они сбились в кучу. Потоптавшись на месте, двинулись дальше.

Идя впереди, Жанабыл держал в руке конец проволоки. Рабочие следовали за бригадиром, взявшись руками за проволоку. До четвертой шахты — около четырех километров. Шли от одного телеграфного столба до другого, не боясь заблудиться: если передний между двумя столбами сбивался в сторону, задние, еще не оторвавшиеся от столба, криками направляли его на верный путь.

— Байтена не потеряли? — время от времени шутиво кричал Жанабыл.

— Не болтай! — беззлобно отзывался Байтен.

Ветер дул сбоку. Это значительно облегчало передвижение. Шутки и смех тоже помогали людям в их тяжелом пути. Чувство товарищества, общая решимость довести дело до конца понудили идти и старого Ивана и упрямого Байтена. Это чувство солидарности оказалось сильнее свирепого урагана.

Даже неповоротливый, неуклюжий чудак Байтен шагал упрямо, стараясь не отставать. Несколько раз он падал в сугроб. Видя, что товарищ теряет силы, задыхается, соседи взяли его под руки. Вскоре правая щека Байтена побелела, но он не заметил этого. Он уже представлял, как все будут восхищаться их подвигом и говорить: «Ударная бригада спасла шахту!» И шел, не замечая, как мороз пробирает его до костей.

Пришли на четвертую шахту. Подъемная машина, стоявшая снаружи, не работала. Подступ к уклону был забит снегом, его расчищала группа рабочих.

Снег беспрестанно заваливал вход в уклон, подобный громадной волчьей норе. Его с тем же упорством разбрасывали лопатами. Вагонетки, еще вчера бегавшие по узкоколейке в глубину шахты, сегодня сгрудились на эстакаде. Все механизмы бездействовали. Несмотря на это, шла горячая работа. Попарно и по нескольку человек сразу рабочие, борясь с неистовым ветром, носили толстые бревна и железные трубы.

Войдя в уклон, они сгружали свою ношу на тележки и быстро катили их в глубину шахты. За очередной партией рабочих пошла и бригада Жанабыла. Всюду — в печах, штреках, лавах — вода и грязь. Набухшая, залитая водой почва местами поднялась, узкоколейка покривилась.

Самая трудная работа предстояла на дне шахты, у камерона. Вода, стекавшая с потолка, переполнила котлован и теперь заливала шахту. Оттого, что лопнули паровые трубы, камерон остановился.

Дед Иван и Жанабыл, не теряя ни минуты, начали осмотр повреждений. Старый слесарь, с жадностью затягиваясь своей толстой самокруткой, не спеша говорил о создавшемся тяжелом положении:

— Не обмотали трубы потолще, вот карагандинский мороз их и прихватил. И котлован для стока воды вырыт неправильно: узкий, неглубокий. Вода и пошла через край... Все это можно наладить. Только одного опасаясь: если лопнули зарытые в землю наружные трубы, то исправить их, пока буран не стихнет, невозможно...

Жанабыл прикидывал в уме, как лучше начать

работу. Все-таки опыт у него был невелик, и он во многом сомневался. Сказать «не знаю» — совестно, да и не позволяло молодое самолюбие. Он пошел в контору доложить своим учителям — Козлову и Лапшину — о положении на шахте и попросить совета. Но телефонная линия была порвана.

Вернувшись к бригаде, Жанабыл сказал деду Ивану:

— Аксакал¹! Давайте приступать к делу. Лопнули или не лопнули наружные трубы — будет видно. Пока начнем исправлять то, что на виду. Пусть один человек идет к подъемной машине, двое — к паровому котлу, а остальные спускаются в шахту. В первую очередь надо исправить трубы, чтобы пустить камерон. Иначе вода затопит всю шахту.

— Правильно, — буркнул дед Иван.

Жанабыл разъяснил каждому предстоящую работу и добавил:

— Учтите, будем соревноваться! Кто станет жалеть силы, пусть потом пеняет на себя. Всем нам выпало большое испытание. Пока не закончим, перерыва не будет. Станет мучить голод, закусывайте, не отрываясь от работы.

Бригада в первую очередь взялась за исправление паровых труб. Действуя специальным ключом, Жанабыл удалил лопнувшую трубу.

— Байтен, ты жив? Давай новую трубу. Где сурик? Поживей!..

Второпях Байтен споткнулся и вместе с трубой упал в лужу. Послышались всплески воды.

— На, держи!

— Да скорее же!

— К черту! Тут скользко!

— Шевелись быстрее!

Жанабыл помог Байтену выбраться из лужи, вместе они начали укладывать новую трубу. Байтен только выполнял команду Жанабыла: «подержи», «подай», «принеси». Но и это он делал медлительно, неуклюже.

---

¹ Аксакал — в данном случае: почтительное обращение к уважаемому человеку.

Если поторопится, тут же наткнется на что-нибудь. Смазывая нарезы труб и соединения фланцев суриком, он вымазал и себя с ног до головы. Даже концы его черных усов и те стали красными.

Жанабыл проворно и ловко соединил концы труб и принялся закреплять муфту и фланцы. Мельком взглянув на Байтена, не удержался и крикнул:

— Дед Иван! Посмотрите, на кого сейчас похож наш Байтен!

Старик возился около камерона, проверяя золотник.

— Да-а, сказать, что похож на мясника, как-то неловко, а другого сравнения не придумаю.

Байтен и сам подсмеивался над собой. Дед Иван, не охочий до лишних разговоров, и тот шутил над ним. Но делалось это беззлобно, скорее с сочувствием. Байтен сильно устал, едва передвигал ноги. Одна рука в крови — обо что-то поранил. Но и в этом своем плачевном состоянии был падок на похвалу.

— Все-таки наш Байтен бравый джигит. Чего стоят одни его усы и брови! — подбадривал Жанабыл.

Байтен, приняв шутку за чистую монету, стал хвастаться:

— Я весь в мать. В молодости она красивой была, еще красивей моего отца.

Он зажег паяльную лампу, нагнулся к трубе, растапливая намерзший лед. Радовался силе огня, словно собственной удали.

— Не умеют люди как следует разжечь паяльную лампу. Вот как надо орудовать ею!..

Поглаживая кулаком усы, дед Иван медленно поднялся с места. Непроизвольным движением достал из кармана кисет с табаком, — взгляд его был прикован к камерону. Оторвал клочок газеты, начал мять его в пальцах.

Байтен крикнул:

— В шахте курить нельзя!

— Если можно зажечь паяльную лампу, значит можно и закурить. Здесь газа нет, — ответил старик.

— У меня готово! — громко возвестил Жанабыл. — Пойду узнаю, как идут дела у других. А у вас как, дед Иван?

— Готово и у меня. Золотник исправный. Проверил и клапаны и сальник. Все в порядке. Камерон можно пускать.

— Тогда помогите людям у котла. Нужно пустить камерон как можно быстрее. А то вода натворит бед. Ты, Байтен, оставайся здесь. Промерзшие трубы я отметил мелом, оттаивай их.

— Что ж, я один останусь?

— Волк, что ли, тебя съест?

— Говорят, в иных шахтах водятся домовые.

Снова он насмешил всех. И все-таки остался, не желая признаться в своем малодушии.

Глава шестая

Целые сутки свирепствовал буран, к утру стал затихать. Густые серые тучи, расплываясь, как весенний лед на реке, уходили на восток. Небо прояснилось. Но по земле еще стлалась метелица. Ветер, правда, ослаб, зато жгучий мороз все крепчал. Сугробы возле домов и в низине затвердели. Известковые и каменные карьеры, шурфы и вновь закладываемые шахты занесло снегом. Караганда казалась погребенной под его тяжелым покровом. А тут нагрянул мороз, такой трескучий, что захватывало дух.

Как только погода прояснилась, руководители бассейна собрались в кабинете Щербакова обсудить, в каком положении оказалось хозяйство. С шахт поступали неутешительные вести. Шла напряженная работа по устранению бедствий, причиненных непогодой. А тут новая беда: погиб Орлов. Сначала предполагали, что он пропал в первый день бурана. Но позже его труп нашли в шахте. Никому не пришло на ум, что смерть инженера — дело рук Алибека. Считали, что обвалившаяся глыба угля нанесла инженеру смертельную рану в голову.

— Знающий был человек, — говорил Щербаков с искренней грустью в голосе. — Последнее время работал с большим увлечением. Трудно будет без него.

В огромном, заново создаваемом хозяйстве Караганды специалистов было еще мало.

В этих условиях ущерб, нанесенный бураном, и потеря опытного главного инженера Орлова явились тяжелым испытанием для всей Караганды.

Щербаков, Мейрам, Жуманияз и другие коммунисты поняли всю бедственность создавшегося положения, но не растерялись. На совещание каждый пришел со своими соображениями. Все препятствия, вставшие на пути, нужно было преодолеть возможно скорей. Задачи стояли трудные и спешные: привести в порядок технику, восстановить нормальный подвоз оборудования. Не падать духом ни на миг, сплачивать силы, работать, работать...

Жаппар и Рымбек тем временем обдумывали свой план действий. Они решили использовать напряженную обстановку в своих гнусных целях.

Ударяя себя в грудь, Жаппар говорил на совещании:

— Положение — хуже некуда. Могут спасти только героические меры, только самоотверженный подвиг! Что надо сделать? Пусть горком, горсовет и профсоюз пойдут на самые энергичные меры. Необходимо мобилизовать всех трудоспособных людей, установить авральный режим работы — не считаться ни со временем, ни с отдыхом. Только этими сверхисключительными мерами мы сможем быстро ликвидировать весь ущерб, нанесенный бураном.

Предложение Жаппара со всей пылкостью поддержал Рымбек.

— Отдел кадров треста, — сказал он, — с помощью горсовета обеспечит мобилизацию населения.

— Обеспечим, — тут же пообещал председатель горсовета Каримбай, не привыкший думать самостоятельно.

Честный и горячий Жуманияз тоже поддался на удочку Жаппара.

— Рабочий класс пойдет на любые жертвы. В гражданскую войну мы воевали голодные, разутые, раздетые — и победили. Так неужели теперь отступим перед природными трудностями?

Щербаков терпеливо выслушал эти речи и посмотрел на Мейрама — парторг сидел с непроницаемым лицом, и нельзя было понять, как он относится к выступлениям Жаппара и Рымбека.

— Ваше мнение, Мейрам Омарович? — спросил Щербаков.

Мейрам встал. Голос его звучал не громко, но твердо:

— Я внимательно выслушал все, что предлагали товарищи. По совести скажу: не могу поддержать их предложений. Одни нервничают, другие поддаются их настроению... Сами подумайте — впереди нас ждет не один еще буран. Если при каждом буране будем впадать в истерику, подымать население по мобилизации, то наша работа превратится в сплошную штурмовщину. Нет, это не партийный метод работы.

— В таком случае объявим субботник! — перебил Жуманияз.

Мейрам ответил попрежнему спокойно:

— Дело не в названии, товарищ Жуманияз, а в существе самого вопроса. Скажу вам прямо — должно быть, дешево вы цените энтузиазм рабочих. А энтузиазм рабочего класса — самое ценное наше богатство, и мы обязаны бережно и с пользой направлять его по нужному руслу. Рабочие всегда откликнутся на зов партии. Но частыми штурмами энергию рабочих нетрудно и притупить. Плохие будем мы руководители, если не сумеем предвидеть будущего, не научимся заранее устранять причины возможных аварий и бедствий. Вот, в частности, установлен ли у нас должный порядок на производстве? Налажена ли организация труда? Изучаем ли мы технологию производства? Знаем ли особенности местной природы, климата?.. Нет, всем этим мы плохо занимаемся. Иначе буран не застал бы нас врасплох, не причинил бы нам таких бедствий. Не мобилизацией надо заниматься, не штурмовщиной, а правильной организацией всего дела. Так я думаю.

Наступило молчание. Выступление Мейрама как бы открыло людям глаза на то, что предложение Жаппара не поднимет производства, а в конечном

В огромном, заново создаваемом хозяйстве Караганды специалистов было еще мало.

В этих условиях ущерб, нанесенный бураном, и потеря опытного главного инженера Орлова явились тяжелым испытанием для всей Караганды.

Щербаков, Мейрам, Жуманияз и другие коммунисты поняли всю бедственность создавшегося положения, но не растерялись. На совещание каждый пришел со своими соображениями. Все препятствия, вставшие на пути, нужно было преодолеть возможно скорей. Задачи стояли трудные и спешные: привести в порядок технику, восстановить нормальный подвоз оборудования. Не падать духом ни на миг, сплачивать силы, работать, работать...

Жаппар и Рымбек тем временем обдумывали свой план действий. Они решили использовать напряженную обстановку в своих гнусных целях.

Ударяя себя в грудь, Жаппар говорил на совещании:

— Положение — хуже некуда. Могут спасти только героические меры, только самоотверженный подвиг! Что надо сделать? Пусть горком, горсовет и профсоюз пойдут на самые энергичные меры. Необходимо мобилизовать всех трудоспособных людей, установить авральный режим работы — не считаться ни со временем, ни с отдыхом. Только этими сверхисключительными мерами мы сможем быстро ликвидировать весь ущерб, нанесенный бураном.

Предложение Жаппара со всей пылкостью поддержал Рымбек.

— Отдел кадров треста, — сказал он, — с помощью горсовета обеспечит мобилизацию населения.

— Обеспечим, — тут же пообещал председатель горсовета Каримбай, не привыкший думать самостоятельно.

Честный и горячий Жуманияз тоже поддался на удочку Жаппара.

— Рабочий класс пойдет на любые жертвы. В гражданскую войну мы воевали голодные, разутые, раздетые — и победили. Так неужели теперь отступим перед природными трудностями?

Щербаков терпеливо выслушал эти речи и посмотрел на Мейрама — парторг сидел с непроницаемым лицом, и нельзя было понять, как он относится к выступлениям Жаппара и Рымбека.

— Ваше мнение, Мейрам Омарович? — спросил Щербаков.

Мейрам встал. Голос его звучал не громко, но твердо:

— Я внимательно выслушал все, что предлагали товарищи. По совести скажу: не могу поддержать их предложений. Одни нервничают, другие поддаются их настроению... Сами подумайте — впереди нас ждет не один еще буран. Если при каждом буране будем впадать в истерику, подымать население по мобилизации, то наша работа превратится в сплошную штурмовщину. Нет, это не партийный метод работы.

— В таком случае объявим субботник! — перебил Жуманияз.

Мейрам ответил попрежнему спокойно:

— Дело не в названии, товарищ Жуманияз, а в существовании самого вопроса. Скажу вам прямо — должно быть, дешево вы цените энтузиазм рабочих. А энтузиазм рабочего класса — самое ценное наше богатство, и мы обязаны бережно и с пользой направлять его по нужному руслу. Рабочие всегда откликнутся на зов партии. Но частыми штурмами энергию рабочих нетрудно и притупить. Плохие будем мы руководители, если не сумеем предвидеть будущего, не научимся заранее устранять причины возможных аварий и бедствий. Вот, в частности, установлен ли у нас должный порядок на производстве? Налажена ли организация труда? Изучаем ли мы технологию производства? Знаем ли особенности местной природы, климата?.. Нет, всем этим мы плохо занимаемся. Иначе буран не застал бы нас врасплох, не причинил бы нам таких бедствий. Не мобилизацией надо заниматься, не штурмовщиной, а правильной организацией всего дела. Так я думаю.

Наступило молчание. Выступление Мейрама как бы открыло людям глаза на то, что предложение Жаппара не поднимет производства, а в конечном

счете может подорвать доверие рабочих к руководителям.

Жаппар, приподнявшись, торопливо проговорил:

— Правильно поправил меня Мейрам Омарович. Снимаю свое предложение.

Щербаков быстро взглянул на него, чуть нахмурил брови и при этом едва заметно усмехнулся.

— Что же, — начал Сергей Петрович, — видно, мне придется напоследок сказать и свое слово. Невеселые мы времена переживаем. И не помогут тут предложения, которые вносятся с легкостью необычайной и с такой же легкостью снимаются... Прав Мейрам Омарович! В самом деле, какое право мы имеем взваливать на рабочих тяжесть большую, чем на самих себя? Чуть что — взываем к массам: помогите! Рабочие, конечно, помогут. Надо было проложить водопровод — рабочие выручили нас. Случилась задержка в жилищном строительстве — рабочие нам опять не отказали. До каких же пор мы будем взваливать все трудности на рабочих?.. Где распорядительность хозяйственников, моя в частности? Где забота партийных и профсоюзных работников?.. Если при каждом затруднении будем объявлять штурмы, партия, народ справедливо скажут нам: «Идите прочь, жалкие крикуны!»

Сергей Петрович помолчал, шумно вздохнул, не легко давались ему эти слова; достал было трубку, но передумал — сунул ее в карман.

— Вот что я скажу, товарищи. Всем нам надо по-настоящему, по-большевистски взяться за дело. Предлагаю: сейчас же, не теряя времени, разъехаться по участкам производства. Изучим положение на месте. Вернемся с конкретными предложениями. Потом соберемся все и еще раз обсудим, какие решительные меры надо принять. Вот так!

Щербаков говорил в тоне приказа, и все понимали, что в данном случае это единственно правильный тон.

— А вас попрошу, — повернулся он к Мейраму, — возьмите с собой инженера товарища Аширбека. Побывайте всюду. Посмотрите на создавшееся положение партийным пристальным взглядом. А в производ-

ственных вопросах вам Аширбек поможет разобраться. Действуйте, товарищи!

Мейрам оделся потеплей и в сопровождении Аширбека отправился в объезд промысла.

Аширбек Калкаманов — новый работник треста — недавно работал в изыскательской партии помощником геолога Чайкова. Мейрам познакомился с ним в степи, когда ехал на карагандинский промысел. Ему хорошо запомнился худощавый, молчаливый, исполнительный помощник Чайкова. Аширбек сам попросился на шахты: он стремился практически участвовать в добыче угля, огромные залежи которого разведывал в недрах карагандинской земли. На новом месте молодой инженер не изменил своей прежней привычке: на работе был также немногословен и пунктуален.

До самой эстакады недавно открытой второй шахты Мейрам и Аширбек гнали лошадей рысью, не чувствуя холодного и резкого ветра, бившего в лицо.

— Не так-то уж и морозно, а говорили — сорок два градуса, — сказал Мейрам, слезая с коня.

От эстакады доносились лязг вагонеток и голоса людей. Здесь уже выросла довольно большая гряда породы. На жгучем морозе она тлела без пламени. На самом верху ее стоял рабочий — сваливал породу в вагонетки.

Из шахты вразвалку вышел начальник Николай Овчаренко — человек плечистый, с широкой грудью. Заметив застрявшую на пути тяжелую железную тележку, он одной рукой оттянул ее в сторону. Потом двинулся дальше, хозяйственно высматривая непорядки.

— Интересный человек и отличный работник, — сказал Мейрам Аширбеку. — Слово свое держит твердо, не любит прикрас...

Овчаренко только теперь заметил их. Еще издали, прежде чем поздороваться, заговорил громко:

— Наши почтенные руководители начинают проявлять свою заботу о шахтах только после того, как буря утихла.

— На кого пеняешь? Ведь и ты один из руководи-

телей. — отозвался Мейрам. — Смотри, кетмень тебя не ударит, если наступишь на нижний конец?

— Меня не ударит! — ответил Овчаренко, полагая руку гостям. — Я хоть и украинец, но частенько держал в руках казахский кетмень. Здешние места мне знакомы. Я так думаю: когда практика Донбасса и Караганды объединится, не только снег, но и огонь будет не страшен.

Говорил он, перемешивая русскую речь с украинской, порой проскакивали и казахские слова. Был он старым рабочим Караганды, в годы ее бездействия уезжал в Донбасс, а теперь снова вернулся. Он лучше других подготовил свою шахту к зиме. От уклона до эстакады построил дощатый коридор, укрыв подход к шахте от дождя и метелей.

— Жилища рабочих расположены у нас близко, под землей тепло, — что нам может сделать буря? — говорил Овчаренко. — В непогоду мы ограничивались тем, что часто сменяли людей, работающих на эстакаде. Все, что может потребоваться в таких случаях, у нас припасено заранее.

Беседуя, они спустились вниз. На большой красной доске перед конторой было обозначено выполнение нормы каждой бригадой. За стеклом витрины — портреты передовых рабочих.

Мейрам остановился возле доски.

— А вель и в самом деле, товариш Овчаренко, буря не помешал вам: выработка не снизилась. — Он двинулся к подъемной машине. — Как работает Балжан?

— Деловая женщина! И работает крепко. У нее за все время ни одного простоя.

— Да, боевая молодуха...

В теплом помещении, легко одетая, работала ясноглазая Балжан. Одна рука ее лежала на рычаге управления подъемной машины, еле заметным движением Балжан заставляла вертеться, как веретено, огромный маховик. Толстый стальной трос то наматывался на вал, то сматывался, глаз не мог уследить за быстротой его скольжения. Балжан управляла вагонетками, которые катились и по узкоколейке, в глу-

бине шахты, и по высокой эстакаде, где сваливали породу. Еще недавно эта молодуха умела ходить только за скотом и боялась близко подойти к машине, а теперь взнуздала ее и управляла ею не хуже любого машиниста. Постоянно сообщаясь с шахтой по телефону, она то убыстряла, то замедляла ход механизма и в то же время напевала.

— Как понять: вы работаете или поете? — спросил Мейрам.

— И то и другое, — непринужденно ответила Балжан. — Или полагается только одно дело знать, как вы?

— Почему же? Если вы станете мастерицей на все руки — чего же лучше. А вот я никак не могу этого достигнуть.

— Ах, не можете достигнуть! Пока вы «не можете», смотрите, как бы кто-нибудь другой не достиг.

Оба засмеялись. Балжан запомнилась Мейраму с того самого дня, когда перед группой рабочих она ругала его за неполадки при постройке землянок. Тихий муж Балжан остался инвалидом после обвала в шахте. Теперь молодуха сама работала на производстве.

В ее шутке Мейрам услышал намек на то, что в доме Ардак часто бывает Махмет. Балжан знала, что Мейрам интересуется Ардак, и сочувствовала этому, но при каждой встрече не упускала случая подзадорить его.

Всякий раз, когда разговор касался Ардак, у Мейрама начинало биться сердце. Сейчас шутка Балжан вызвала в нем чувство тревоги.

— Вы попрежнему дразните меня или всерьез предупреждаете?

— А что на свете серьезно? — со смехом ответила Балжан.

Трудно было состязаться в шутках с молодухой, острой на язык. И Мейраму только и оставалось молча признать свое поражение. Уже по-деловому он обратился к Овчаренко:

— Как у вас с паровым хозяйством?

— В порядке. Подъемные трубы зарыты на боль-

телей. — отозвался Мейрам. — Смотри, кетмень тебя не ударит, если наступишь на нижний конец?

— Меня не ударит! — ответил Овчаренко, полавав руку гостям. — Я хоть и украинец, но частенько держал в руках казахский кетмень. Здешные места мне знакомы. Я так думаю: когда практика Донбасса и Караганды объединится, не только снег, но и огонь будет не страшен.

Говорил он, перемешивая русскую речь с украинской, порой проскакивали и казахские слова. Был он старым рабочим Караганды, в годы ее бездействия уезжал в Донбасс, а теперь снова вернулся. Он лучше других подготовил свою шахту к зиме. От уклона до эстакады построил дощатый коридор, укрыв подход к шахте от дождя и метелей.

— Жилища рабочих расположены у нас близко, под землей тепло, — что нам может сделать буря? — говорил Овчаренко. — В непогоду мы ограничивались тем, что часто сменяли люлей, работающих на эстакаде. Все, что может потребоваться в таких случаях, у нас припасено заранее.

Беседуя, они спустились вниз. На большой красной доске перед конторой было обозначено выполнение нормы каждой бригадой. За стеклом витрины — портреты передовых рабочих.

Мейрам остановился возле доски.

— А ведь и в самом деле, товариш Овчаренко, буря не помешала вам: выработка не снизилась. — Он двинулся к подъемной машине. — Как работает Балжан?

— Деловая женщина! И работает крепко. У нее за все время ни одного простоя.

— Да, боевая молодуха...

В теплом помещении, легко одетая, работала ясноглазая Балжан. Одна рука ее лежала на рычаге управления подъемной машины, еле заметным движением Балжан заставляла вертеться, как веретено, огромный маховик. Толстый стальной трос то наматывался на вал, то сматывался, глаз не мог уследить за быстротой его скольжения. Балжан управляла вагонетками, которые катились и по узкоколейке, в глу-

бине шахты, и по высокой эстакаде, где сваливали породу. Еще недавно эта молодуха умела ходить только за скотом и боялась близко подойти к машине, а теперь взнуздала ее и управляла ею не хуже любого машиниста. Постоянно сообщаясь с шахтой по телефону, она то убыстряла, то замедляла ход механизма и в то же время напевала.

— Как понять: вы работаете или поете? — спросил Мейрам.

— И то и другое, — непринужденно ответила Балжан. — Или полагается только одно дело знать, как вы?

— Почему же? Если вы станете мастерицей на все руки — чего же лучше. А вот я никак не могу этого достигнуть.

— Ах, не можете достигнуть! Пока вы «не можете», смотрите, как бы кто-нибудь другой не достиг.

Оба засмеялись. Балжан запомнилась Мейраму с того самого дня, когда перед группой рабочих она ругала его за неполадки при постройке землянок. Тихий муж Балжан остался инвалидом после обвала в шахте. Теперь молодуха сама работала на производстве.

В ее шутке Мейрам услышал намек на то, что в доме Ардак часто бывает Махмет. Балжан знала, что Мейрам интересуется Ардак, и сочувствовала этому, но при каждой встрече не упускала случая подзадорить его.

Всякий раз, когда разговор касался Ардак, у Мейрама начинало биться сердце. Сейчас шутка Балжан вызвала в нем чувство тревоги.

— Вы попрежнему дразните меня или всерьез предупреждаете?

— А что на свете серьезно? — со смехом ответила Балжан.

Трудно было состязаться в шутках с молодухой, острой на язык. И Мейраму только и оставалось молча признать свое поражение. Уже по-деловому он обратился к Овчаренко:

— Как у вас с паровым хозяйством?

— В порядке. Подъемные трубы зарыты на боль-

шой глубине, а те, что проложены на поверхности, хорошо обернуты и мороза не боятся. Помещение паровых механизмов отеплено. Я ведь хорошо знаю карагандинскую зиму...

Они осмотрели кочегарку, кузницу, воздуходувку. Всюду был образцовый порядок. Потом зашли в маленькую механическую мастерскую. Здесь стояли токарный станок, верстак и небольшой двигатель. Помещение низенькое, окна завалены снегом. Работали при электрическом свете. За каждым станком — двое рабочих: русский и молодой казах.

Мейрам остановился возле токарного станка. Совсем еще молоденький, круглоносый паренек обтачивал кусок железа. Стружка вилась и весело сверкала при свете электрической лампы. Так же сверкали и улыбались глаза паренька. Пожилой русский рабочий-токарь, передав управление станком пареньку, держался настороже и при первой же необходимости был готов схватить рычаг. То и дело он подсказывал своему ученику:

— Теперь останови. Ну-ка, смерть.

— Чуть побольше двенадцати с половиной миллиметров.

— Лишнее сними напильником.

— Каким напильником?

— Мелким, крупный испортит. Локти приподыми, а то, если осталась зазубрина, руки обрежешь.

Занятые своим делом, они и не заметили вошедших. Мейрам не мог нарадоваться успехам этого паренька. Подготовка кадров все еще оставалась в Караганде труднейшей задачей. Казахи, дружно стекавшиеся на шахты из аулов, были еще непривычны к производству. Обучение этих людей, подготовка из них квалифицированных рабочих — дело хлопотливое, требующее много терпения и такта. И все-таки дело двигалось вперед. Врожденная любознательность аульных жителей, стремление приобрести специальность преодолевали все. Осваивая производство, люди росли культурно и политически. Вот этот юноша, стоящий у токарного станка, молодуха Балжан, управляющая сложным механизмом подъемной машины, шахтеры,

подрубающие пласты угля в шахтах, — все они уже стали в ряды строителей социализма. А в фабрично-заводских школах и на производстве возле квалифицированных рабочих обучались еще сотни молодых казахов.

Шахта произвела на Мейрама хорошее впечатление. Видно было, что у нее заботливый, знающий свое дело хозяин. Мейрам записал свои наблюдения для доклада Щербакову. Напоследок он остановился у динамомшины. Сказал Овчаренко:

— По всему видно, силу пара ты взнуздал. А как используешь эту машину? Не за нею ли наше будущее?

— По части электричества я слаб, — признался Овчаренко.

— С помощью одного только пара социализм не построить, — продолжал Мейрам. — Вспомни-ка слова Ленина об электрификации.

— Не забыл я эти слова. Но я не специалист по электричеству, — повторил Овчаренко.

— Как же ты предполагаешь управлять своим будущим электрическим хозяйством? А ведь тебе не только самому предстоит обучиться этому делу, но и других учить. Кто же должен подавать пример?

— Выходит, я и должен, — признался Овчаренко. — Кому другому, а мне от жизни отставать не положено. Эх, — вздохнул он, — всю жизнь учусь, и конца этому учению не видно.

— И не увидим конца, — вставил молчаливый Аширбек. — Там, где конец учению, там и человеку конец.

Вместе с Аширбеком Мейрам вышел из мастерской. Ветер все еще не утихал, гуляла поземка. Всюду навалены сугробы. Поезд, которого ждали вчера, прибыл только сейчас. Группа рабочих грузила уголь.

Навалка угля лопатами в длинный состав — дело тяжелое и, затажное. Но рук было много, и погрузка спорилась.

— При помощи электричества рабочие выполнят ту же работу гораздо быстрее, — отрывисто сказал

Аширбек; видно, ему глубоко запала в голову мысль об электрификации шахтных работ.

Мейрам согласился:

— Неоспоримо. Надо заблаговременно заинтересовать людей электричеством. Организуйте вечерние курсы, все к вам придут.

Они сели на коней. Ехали по открытому снежному полю. Кони шли не быстро: снег, подмерзший лишь сверху, проваливался под копытами.

На их пути лежали железнодорожные станции — Новая Караганда и Сортировочная. Административно эти станции не входили в систему треста, но партийной работой руководил горком. Мейрам решил навестить железнодорожников.

По склону, начинавшемуся от Новой Караганды, протянулось полотно железной дороги. Оно пересекало юго-западную часть угольной Караганды и тянулось дальше, через плоскогорья и пустыни, к неисчерпаемым богатствам Балхаша и Джезказгана. Длина всей линии — от Петропавловска до Балхаша — составляла полторы тысячи километров.

Мейрам попытался представить себе это огромное расстояние, преодолев которое резвый конь способен потерять ноги, перелетная птица — крылья.

«Да, эта дорога связала Казахстан со всей страной», — подумал он.

На линии не видно людей. Да и откуда им быть в такую стужу? Только на подъездном пути, ведущем от станции ко второй шахте, работали двое железнодорожников. Один из них поднимал упавшие щиты, другой — рослый, плечистый казах с редкой бородкой, в заячьем треухе — очищал рельсы от снега: с силой толкал перед собой тяжелую доску, поставленную на ребро и прикрепленную к длинной ручке.

— Это же настоящий богатырь! — шепнул Мейрам Аширбеку. — Ассалам-алейкум, отагасы!

— Аликсалем, — ответил тот, прервав работу и опираясь на ручку своего нехитрого приспособления.

Уши его заячьего малахая только наполовину прикрывали широкие щеки. Шея открыта. Он словно не чувствовал обжигающего мороза. Лицо его пылало;

казалось, весь он полон внутренним жаром. Казах смахнул льдинки с бороды и усов, сказал:

— Счастливого пути!

— Пусть будет так. Вы бы укутали шею, холодно, — сказал Мейрам.

Рабочий рассмеялся, обнажив крупные белые зубы.

— Если теленок растет в доме, из него никогда не получится рабочий степной вол. У вас, я вижу, уже губы посинели, а я привычен к стуже. Вырос в степи, и ночевать приходилось на снегу и бороться с буранами.

— Коней пасли?

— И коней пас, и подводчиком случалось ездить. Бывало за кусок хлеба возили сюда лес из Каркаралы. За двести пятьдесят верст! Часто доводилось ночевать в степи и в метели и в трескучие морозы. Теперь все это забыто. Теперь раскидай снег с кусочка пути величиной в ладонь, и хлеб сам бежит к тебе домой.

— Должно быть, поезд запоздал на сутки из-за такого вот кусочка в ладонь?

— Что вы! Да разве я допущу, чтобы из-за снега поезд запоздал! Да разве это мороз, разве это сугробы? Нашей станции чихать на этот буран. Не мы, а Батпак поезда задерживает. Там такие бураны бывают, что глаз не разлепишь.

Разговор затянулся. Чувствительный к морозу, Аширбек нетерпеливо ерзал в седле. Губы у него посинели.

— Этак нам и дня не хватит на объезд, — промычал он, едва ворочая коснеющим языком.

Да и Мейрам почувствовал, что правая его рука, державшая повод, начала мерзнуть, несмотря на меховую рукавицу. А отагасы стоял перед ним, не надевая варежек.

— Можно узнать ваше имя? — спросил Мейрам.

— Зовут меня Жетписбай¹. Я родился, когда отцу моему было семьдесят лет!

«Ну и богатырь!» — невольно подумал Мейрам и тронул лошадь.

---

¹ Ж е т п и с — семьдесят.

Теперь, пустив коней вскачь, они мчались против ветра по широкому полю, раскинувшемуся на север от города. Небо прояснилось, но все еще курилась поземка, поднятая морозным ветром. Аширбек не знал, как уберечь лицо от стужи: держал голову прямо — ветер иголками колот щеки, отворачивался — обжигал шею. У Мейрама тоже заоченели руки. Повод он надел на рукав. Повернувшись, крикнул Аширбеку:

— Пожалуй, не меньше пятидесяти градусов!

Аширбек скакал, низко опустив голову, выпустив повод.

— Ше-есть-десят! — ответил он страдальческим голосом.

По пути на четвертую шахту заехали на строящуюся электростанцию.

Еще издали бросалась в глаза незаконченная кладкой краснокирпичная дымовая труба, окруженная лесами. Дальше виднелась тоже незаконченная и тоже в лесах широкая бетонная водонапорная башня. Суровая карагандинская зима приостановила большинство строительных работ. Но здание машинного отделения станции успели закончить до морозов. Мейрам и Аширбек вошли в здание. Ни живой души, незыблемая тишина. Огромный маховик, толстые, в полный обхват, трубы, подготовленные к монтажу части машины — все обросло густым инеем. В холодном помещении мороз прохватывал сильнее, чем на открытом воздухе. Мейрам сказал с ехидной усмешкой:

— Начальник строительства Гительман, пожалуй, найдет оправдание и этому безобразию. А если бы помещение заранее утеплили, то сейчас продолжались бы внутренние работы.

— Может быть, послать за Гительманом?

— К чему? Что он сейчас может сделать? Поедем дальше.

Отсюда до четвертой шахты недалеко. Мейрам забыл и о том, что промерз, и о том, что проголодался.

Мысли его сосредоточились на Гительмане. С виду человек солидный, но болтун: обещаний дает целую гору — и ничего не выполняет. Мейрам любил прямых, правдивых людей и тепло относился к ним, если им и

случалось ошибаться. Но лжецам он не прощал. Но как воздействовать на Гительмана, если он подчиняется непосредственно центру? Мейрам почувствовал, что терпение его истощилось. «Поговорю с Гительманом, и поговорю серьезно».

Четвертой шахтой, больше других пострадавшей от бурана, ведал Сейткали. Он был выдвинут из десятников. Смелое выдвижение старых рабочих на руководящие должности уже стало в Караганде традицией. Десятников Сейткали подобрал из рядовых старых шахтеров.

На четвертую шахту трест пока не мог прислать ни одного инженера, ни одного техника. Все управление шахтой было в руках опытных практиков.

В конторе — безлюдно: все находилось под землей. Мейрам и Аширбек, надев рабочую одежду, пошли в шахту.

Двухдневный буран завалил вход в уклон горою снега. Рабочие пробились сквозь занос — образовался длинный снежный коридор. В глубине этого коридора зиял, как черная пасть, вход в уклон.

— Этот снег еще наделает неприятностей, когда начнет таять. Вода потечет внутрь уклона, — насупив брови, сказал Аширбек.

Он отогрелся, стал более разговорчивым. В шахте он чувствовал себя как-то привычней и свободней, чем на земле.

— Вместо того чтобы пробивать коридор в сугробе, лучше бы заранее укрыть подход к шахте, как это сделал Овчаренко! — резко критиковал он Сейткали.

Мейрам промолчал. Аширбек не стеснялся в выражениях, порицая недостатки в шахте. Он не подозревал, что Мейрам в свое время настоял на выдвижении Сейткали и теперь ему неприятно видеть промахи и недоглядки своего выдвиженца.

Когда подошли к камерону, Аширбек всерьез рассердился.

— Есть ли голова у этого начальника? Не надо быть инженером, чтобы догадаться поглубже выкопать котлован для стока воды! Сколько раз я ему говорил об этом...

Мейрам, слушая эти гневные речи, все больше хмурился. Неужели Сейткали так и не оправдает доверия? Трудно разочаровываться в человеке. «Но, может быть, еще не все потеряно? Сейткали — коммунист. Придется с ним обстоятельно и серьезно поговорить. Сергей Петрович, само собой, тоже поговорит с ним».

Аширбек продолжал на все лады ругать Сейткали. И было чем возмутиться. Котлован был вырыт мелко. А будь он поглубже, вода при поломке камерона не разлилась бы так широко.

Мейрам понимал это. Но, не теряя своей веры в Сейткали, попытался смягчить суждения Аширбека.

— Все-таки они удачно вышли из положения. За один день исправили повреждения.

— Этого я не оспариваю. Но взвесьте, какой убыток понесла шахта из-за непростительной халатности.

Справа от них слышался громкий смех. Они повернули на голоса. В темной выемке светились лампы шахтеров, людей не было видно. Мейрам и Аширбек различили их, только подойдя вплотную.

— Чему радуетесь? — спросил Мейрам.

— Байтену попало диковинное яйцо: скорлупа целая, а внутри ничего нет, — весело откликнулся Жанабыл.

Люди лежали на земле, опершись на нее локтями. Увидев подошедших, они подняли головы, продолжая есть. При свете ламп можно было разглядеть, что лица у шахтеров усталые, они с трудом боролись со сном. Байтен даже не шевельнулся. Вяло прожевывая пищу, он сказал:

— Немало яиц съел я на своем веку, и никогда не случалось такой оказии! Было совершенно целое, не побитое, а внутри пусто!

— Ты же говорил, что в шахте водится домово́й. Это он и подменил тебе яйцо, — заметил Жанабыл.

Байтен посмотрел на него подозрительно, ему и в голову не приходило, что это Жанабыл подшутил над ним. Но так оно и было: Жанабыл проколол скорлупу иголкой, высосал белок и желток.

Мейрам присел возле Байтена. Казалось, ничего не осталось от прежнего удалого вида Байтена. Не только

одежда, но и лицо его было вымазано суриком. Он устал больше других, целые сутки проработав в ударной бригаде без сна и отдыха. Но и тут Байтен не упустил случая похвастаться.

— Работу мы брали за шиворот! — сказал он, разумея всю бригаду, но не преминул выделить и себя: — Откуда только силы взялись? Прямо сам себе дивился!

— Товарищ Мейрам, задание выполнено с честью, — отрапортовал Жанабыл.

Он подробно рассказал о том, как трудно пришлось бригаде. Вид у него был бодрый, руки играли ключом.

— Исправлены и камерон, и подъемная машина, и лопнувшие трубы. Это верно, Байтен не присел ни разу за целые сутки. Но все же лучше бы нам тратить силы на постройку нового, чем на исправление испорченного. Вы скажите об этом товарищу Сейткали, — обратился он к Аширбеку.

Эти слова задели Байтена, он даже приподнялся с земли. Жанабыл только вчера приехал из аула, а теперь охаивает Сейткали, старого рабочего! Как можно терпеть? И он накинулся на Жанабыла:

— Испокон веков в шахтах не обходятся без аварий! Что тут мог сделать Сейткали? Тебя всегда начинает трясти, когда речь заходит о старых рабочих.

Жанабыл не ответил, только махнул рукой. Мейрам тоже промолчал и вопросительно посмотрел на Аширбека.

— С Сейткали мы поговорим особо, — сказал инженер, вставая. — Поднимайтесь, ребята, на поверхность, отдохните. А вы, Байтен, как смотрите на то, чтобы перейти на более легкую работу?

— Если там зарплата не меньше, то пошел бы.

— Будете хорошо работать, зарплата не уменьшится.

...Вода, разлившаяся в значительной части коренного штрека, еще не успела впитаться в почву. Под ногами было грязно. Деревянные стойки глубже ушли в размякшую почву. Потолок местами осел. Узкоколейка

В том месте, где прунт вздулся, поднялась горбом, в других местах прогнулась. Если главный штрек выйдет из строя, то будет отрезан путь для угля, который поступал из разветвляющихся во все стороны подземных ходов. Тогда шахта не выполнит производственного плана.

Шахтеры понимали это. Всюду шла горячая работа. Рабочие во главе с Сейткали действовали быстро и слаженно. Одни укладывали на верхние концы стоек толстые балки, подводили их под потолок, складывали из таких же балок настил под стойками, принимая все меры к тому, чтобы не допустить обвала кровли. Другие разравнивали грунт на полотне дороги и снова настилали рельсы.

— Желаю удачи! — сказал Мейрам, подойдя к ним.

Рабочие повернулись к Мейраму, ответили на приветствие.

— Не отвлекаться! — крикнул Сейткали. Весь он был выпачкан грязью и, с трудом переводя дыхание, вытирал пот с лица. — Вот что наделал буран!

— Буран, видно, знал, на кого напасть, — хмуро ответил Мейрам. — К Овчаренко он не посмел подступить.

— Э, Овчаренко хитрец, всегда хвалится.

— Нет, мы своими глазами видели. А ты, как вижу, только после бурана спохватился. Не к лицу это коммунисту.

Сейткали промолчал, стараясь сохранить достоинство. Казалось, он хотел сказать: «Я ведь не жалею сил для устранения аварии, сами видите».

Мейрам не стал больше делать ему замечаний, чтобы при рабочих не уронить авторитета Сейткали. Он спросил Аширбека:

— Что скажете, инженер?

— По-моему, принятые меры правильны, — ответил Аширбек. — Но, конечно, лучше предупреждать аварии. Теперь все силы нужно бросить на выборку угля. Жизнь этого штрека недолговечна.

— Мы тоже так думаем... — начал было Сейткали, но Аширбек перебил его:

— В первую очередь старайтесь выбрать уголь из дальних забоев.

— Разве не все равно?

— Нет, не все равно. Пока вы станете выбирать ближний уголь, путь может окончательно испортиться, и уголь дальних забоев останется в шахте. На строгую очередность выборки товарищ Щербаков всегда обращает особое внимание.

Взяв с собой Сейткали, Мейрам и Аширбек обошли шахту. Аширбек говорил:

— Некоторые руководители шахт интересуются только тем, чтобы сегодня, обязательно сегодня идти впереди, а о подготовке будущей работы не заботятся, забывают, что шахта заложена на годы. Гонясь за легкой добычей, теряют столько времени и угля попусту! И мы, в тресте, еще не думали об этом, то ли по мягкотелости, то ли от недомыслия — не могу понять.

— Есть и то и другое, — сказал Мейрам. — Мешает порою и свойский, приятельский подход к делу, — жестко добавил он, имея в виду себя самого, свое отношение к Сейткали.

Он мельком взглянул на начальника шахты. Лицо его показалось Мейраму почти самодовольным. Повидимому, он был удовлетворен тем, что повреждения в шахте устранены, а о будущем не думал. «Пожалуй, все-таки придется его снять, — решил Мейрам. — Поговорю со Щербаковым».

Аширбеку он сказал:

— Смелее нужно говорить о наших недостатках, резче, вот как вы это делаете. Тогда и неполадки изживутся скорее.

Аширбек нравился ему все больше. По всему видно, что к труду рабочих, добывающих уголь, он относится бережливо. Правда, Аширбек Калкаманов еще не успел в полную меру проявить своих знаний на практике. Но его забота о будущем говорила многое. «Дельный работник, — думал Мейрам. — Не ошибемся, если выдвинем его на более ответственную работу. Правда, он еще молодой инженер, но подрастет быстро, я верю в это. Щербаков ему поможет».

Когда вышли из шахты, ветер уже затих, тучи рассеялись, низкое солнце заливало ярким светом снежные холмы.

— Кажется, погода окончательно установилась, — с облегчением сказал Мейрам, садясь на лошадь. — Вот и не заметили, как время подошло к вечеру.

После темной шахты мир казался особенно светлым и просторным. Всадники ехали на полной рыси, чувствуя, что после прямых, откровенных разговоров на душе у них стало светлее, чем в этой широкой степи, покрытой белым снегом, который сверкал и искрился на закатном солнце.

Глава седьмая

Поздний вечер. Горком партии. Мейрам работает в своей комнате, выпрямившись на жестком стуле. Перед ним в раскрытой синей папке лежат сводки с участков. Бумаги по формату разные, и сведения они содержат различные. Одни он читал бегло, на других подолгу задерживал взгляд.

Читая бумаги, он испытывал такое чувство, будто разговаривал со множеством людей, — то улыбался, то мрачнел, то впадал в раздумье. Смена настроений отражалась на его обветренном лице, в серых глубоких глазах. Иногда он взглядывал на часы. Время распределено до последней минуты. В блокноте, который он положил справа от себя, запись красным карандашом: «В одиннадцать — Щербаков, в двенадцать — Гительман, в час — Канабек».

Когда до одиннадцати осталось пятнадцать минут, он закрыл папку и стал ходить по комнате, чтобы размяться и освежить мысли. Потом включил радио, послушал негромкую музыку.

Вошел Сергей Петрович, весь покрытый инеем. Пока он снимал пальто, переводил дух и, похрустывая суставами пальцев, растирал озябшие руки, Мейрам не садился. Потом медленными шагами, с озабоченным лицом подошел к столу.

Сергей Петрович поднял брови.

— Что это у вас вид такой насупленный? Случилось что-нибудь?

— Этот буран и на мне сказался.

— Да, буран нащупал наши уязвимые места, — согласился Щербаков.

— Вот я и хотел бы, Сергей Петрович, с глазу на глаз, по душам поговорить о наших слабых местах. Упущений у нас много, кое в ком наметилась самоуспокоенность, потеря чувства ответственности...

Мейрам говорил торопливо, спеша выложить все, что накипело в душе.

Щербаков пригладил на висках свои густые седеющие волосы.

— Это верно вы надумали. Лучше поговорить своевременно, не загоняя болезни внутрь. Критиковать свои ошибки, исправлять их — благое дело. Только, знаете ли, не следует при этом бить себя в грудь и царапать лицо.

Спокойные слова Сергея Петровича несколько охладили горячего и нетерпеливого Мейрама.

Он заговорил спокойнее:

— Кое-что я уже рассказывал вам о своих впечатлениях. Овчаренко буран не накрыл врасплох. А вот четвертая шахта простояла целых два дня.

— Знаю. Могла простоять и две недели, если бы не героизм рабочих и не энергия Сейткали.

Мейрам слегка нахмурился.

— Вы сами говорили недавно, что героизм людей надо рационально направлять на созидание нового. А у нас?.. Не предусмотрели капризов карагандинской погоды, заранее не утеплили трубопроводы. По этой причине и захромала четвертая шахта.

— Что верно, то верно, — подтвердил Щербаков. — Покойный Орлов и мы вместе с ним не предусмотрели капризов здешней зимы. Это нам урок на будущее.

— А Сейткали где был? — снова заволновался Мейрам. — Он ведь здешний житель. Должен бы знать. Давайте признаемся: неудачно мы выбрали начальника четвертой шахты. Сейткали — мой давнишний товарищ, но я прямо скажу: преждевременно мы

его выдвинули. Теперь придется понижать в должности. Как вы на это смотрите?

Сергей Петрович энергично взмахнул рукой.

— Думаю, это мера слишком поспешная. Мы его выдвинули, а помочь не помогли. В частности, и моя тут вина. Нет, не согласен я так разбрасываться людьми. Давайте еще испытаем его, присмотримся. Нельзя же из-за одной ошибки отмахиваться от человека. Кадры у нас необстрелянные, надо воспитывать, беречь людей.

— За последние три месяца у Сейткали несколько аварий. По-моему, нельзя больше этого терпеть, — не уступал Меїрам.

Сергей Петрович опять сделал отрицательный жест. Лицо у него порозовело — казалось, он тоже начинал терять выдержку. Но сделал усилие над собой, улыбнулся, и улыбка его говорила: «Молод, тороплив, рубит с плеча».

— Дорогой Меїрам Омарович, я не привык оценивать людей по трем месяцам их плохой или хорошей работы. вспомните, какой путь прошли наши люди... Когда мы с вами приехали сюда, здесь была только одна шахтенка, а сейчас... тридцать одна! Да еще какие шахты! Уголь поднимали на-гора ведрами, а теперь — вагонетками. А помните старые жалкие бараки? Сейчас на их месте поднимается новый большой город. Разве временные неудачи могут свести на нет все наши успехи? Ведь мы достигли этих успехов благодаря труду таких людей, как Сейткали. Как же не верить в этих людей?

— А вы не допускаете, что Сейткали уже исчерпал свои способности, выдохся, что ему остается только оглядываться на пройденный путь? Будущее за теми, кто стремится вперед, — пусть такой человек еще мало успел сделать, но он полон возможностей. Вот таких людей нам и надо выдвигать. А былыми заслугами не проживешь. То, что мы сделали, — не больше пылинки в сравнении с тем, что предстоит сделать.

Сергей Петрович откинулся к спинке вместительного кресла, сплел пальцы могучих рук и веско ответил:

— В ваших словах есть здоровое зерно. Но я вот что посоветовал бы людям, которые стремятся вперед: дерзайте, однако не теряйте чувства реальной перспективы и не разбрасывайтесь накопленным опытом. Дорога новому открыта, но и прошлого зачеркивать нельзя.

Мейрам понимал, что дал Сергею Петровичу повод к такому упреку, но не сдался.

— Нужно смелее давать дорогу новому. Что делает отдел кадров треста? Почему до сих пор не организовал курсы электротехников? Сейчас у нас в ФЗУ обучаются около четырехсот человек молодежи, двести — в горном техникуме... В московском, ленинградском, днепропетровском институтах учатся десятки наших молодых специалистов. Вот наша опора, наши новые кадры. А мы здесь доверили ответственное дело таким людям, как Жаппар и Рымбек, а к продовольствию поставили Махмета. Я не уверен в политической благонадежности первых двух и не верю в деловые качества третьего.

Это было серьезное замечание, и Сергей Петрович насторожился. Сейчас перед ним был не прежний Мейрам, в котором он видел способного, но еще неопытного молодого человека и к которому относился снисходительно, как к сыну. Перед ним был секретарь горкома. Многих работников из местного населения он успел узнать лучше, чем Сергей Петрович, в этом нельзя было отказать Мейраму.

— Какие основания у вас сомневаться в Жаппаре и Рымбеке?

— Вы не знаете их биографии. Они в прошлом националисты... Кроме того, чутье подсказывает.

— Да, чутье не обманывает порой, — раздумывая, согласился Сергей Петрович. — У нас такая нужда в местных опытных работниках, что я, признаться, не слишком внимательно присматривался к этим людям... Что же, спасибо за напоминание. — Он сказал это искренне, без всякой обиды.

У Мейрама стало легче на душе. Тень, пробежавшая между ними, исчезла. С прежней искренностью он сказал Сергею Петровичу:

— Я заезжал на электростанцию. Плохо там. Обманывает нас Гительман. Я вызвал его к себе. Решил крепко поговорить. Как смотрите?

Щербаков принялся набивать табаком трубку.

— Очень хорошо смотрю. Этот деляга не подчинен мне, все кивает на центр. В самый раз, если поговорите с ним в горкоме. — Он взглянул на часы. — Поздновато. Не довольно ли на сегодня?

— Довольно, — согласился Мейрам.

Он подошел к вешалке, снял пальто и подал Сергею Петровичу.

— Спасибо. Хорошо мы поговорили.

В приемной навстречу Сергею Петровичу встала из-за стола женщина лет сорока, стройная, с молодым лицом, с голубыми глазами, в которых светился теплый огонек. Это была Антонина Федоровна, жена Щербакова. Приехав из Москвы в Караганду, она поступила инструктором в горком партии.

— Ты что такой веселый? — спросила она мужа.

— А чего мне печалиться? — Он кивнул на дверь комнаты Мейрама: — Растет наш молодой человек. Настоящим секретарем становится.

Вскоре Мейрам позвал секретаршу:

— Пожалуйста, попросите ко мне Гительмана.

Вошел коренастый мужчина средних лет с веснушками на лице, горбоносый. Движения у него были суетливые, речь торопливая.

— Садитесь, товарищ Гительман, — пригласил Мейрам.

Гительман за то время, пока усаживался, успел дважды вставить между словами «Мейрам Омарович». Несомненно, он догадывался о том, что не зря его в полночь и в такой мороз вызвали в горком. Не без тревоги ждал он начала разговора — это было видно по беспокойным взглядам, которые он бросал по сторонам. Мейрам не торопился. Открыв ящик стола, он вынул папку с бумагами, блокнот и карандаш. Положив их перед собой, сказал:

— Я с вами хочу поговорить о строительстве. В этой папке хранятся написанные вами в разное время доклады, записки и письма в горком партии. Дельно

написаны. Сейчас я хочу узнать, как это все осуществляется в жизни.

— Если взять в общем и целом, то не плохо, Мейрам Омарович, — с живостью ответил Гительман.

Казалось, он заранее затвердил свой ответ наизусть, говорил без запинки. Руки его тоже не знали покоя: он то взмахивал ими, то поднимал указательный палец. Будучи человеком тертым, выдавшим виды, Гительман при случае, словно бы ненароком, любил намекнуть на свой твердый авторитет и вставить словцо о прошлых своих заслугах.

— Строители успешно создают из Караганды-поселка Караганду-город, — частил Гительман. — Не считая других объектов, на производстве количество труб дошло до двенадцати, шахтных копров — до семнадцати. Хлебный завод, школа...

Мейрам перебил:

— Обо всем этом вы говорили три месяца назад. Что сделано вами после этого?

— Зима связала нам руки. Каменные и известковые карьеры стали. Шахты номер двадцать и номер тридцать один готовы лишь на двадцать пять процентов. Мы перебросили было всю основную рабочую силу на центральную электростанцию, но и там зима приостановила наружные работы.

— А как с внутренним оборудованием станции?

— Это идет, — ответил Гительман, не зная того, что Мейрам сегодня был на электростанции. Общие слова так и посыпались из его рта.

Мейрам остановил его:

— Скажите откровенно: продолжается работа по внутреннему оборудованию или все застыло на месте?

— Продолжается. Только во время последних морозов несколько замедлился темп.

— При чем же мороз, когда речь идет о работе внутри помещения, которое можно отеплить?

Настойчивые вопросы Мейрама заставили Гительмана насторожиться. Но он быстро нашелся и ответил:

— Помещение не такое уж теплое, Мейрам

Омарович. Основные силы мы сейчас снова перебро-
сили на шахтное строительство.

— А горком куда рекомендовал направить основ-
ные силы?

Гительман помолчал, развел руками.

— Ведь я же только подрядчик, Мейрам Омаро-
вич, выполняю то, что требуют хозяева. Горком реко-
мендовал одно, а заместители Щербакова дают дру-
гое распоряжение.

— Вы не подрядчик, а один из хозяев и создате-
лей Караганды. Кто вам дал другое распоряжение?

— Жаппар Султанович. Ни днем, ни ночью не
оставлял в покое.

Последние слова Гительмана Мейрам записал в
блокнот и, не вдаваясь в дальнейшие расспросы, за-
думался. Электрическая энергия поднимет производи-
тельность шахт, облегчит труд тысяч рабочих, улуч-
шит их быт. Электростанция необходима Караганде.
А Жаппар отдал распоряжение, идущее вразрез с ин-
тересами производства.

Молчание Мейрама Гительман принял за добрый
для себя знак.

— О чем еще прикажете доложить? — перебил он
размышления секретаря.

— Теперь поговорю я, — ответил Мейрам, — а вы
послушайте. В вашем подчинении находится около трех
тысяч рабочих-строителей. Из них казахов менее трех-
сот. А число квалифицированных рабочих-казахов —
каменщиков, маляров, столяров — не достигает и три-
дцати. Неужели вы забыли о национальной политике
партии, о необходимости готовить национальные
кадры?

Гительман даже подскочил на стуле.

— Не закрепляются, уходят! А квалифицирован-
ных рабочих среди них и с огнем не сыщешь. Что я
могу сделать? Извечного скотовода трудно превратить
в квалифицированного рабочего. Об этом я и в центр
писал...

— Подождите, — перебил Мейрам. — Писать лег-
ко. Труднее закрепить на строительных работах быв-
ших кочевников. Для этого необходимо систематиче-

ское обучение и смелое выдвижение всех, кто проявляет способности. Вы квалифицированных рабочих из школ ждете. А в школах обучаются главным образом подростки. Пока они обучатся, пройдет немалое время. Сейчас основная часть работы у вас выполняется необученными взрослыми рабочими. Они, естественно, заинтересованы в зарработке, а размер зарработка зависит от квалификации. Значит, надо обучать людей на производстве. А вы этим не занимаетесь. Вы предпочитаете заниматься очковтирательством.

— Что вы говорите, на что вы меня толкаете, Мейрам Омарович?! — воскликнул Гительман, снова подскочив. Подвижной, горячий, он не мог усидеть в широком кресле.

— Сами вы себя толкаете, но не в ту сторону.

Мейрам раскрыл папку.

— У большевиков слово не может расходиться с делом. А у вас?.. Вот ваши слова... Здесь вы писали: «Согласно постановлению бюро горкома, приняты все меры к тому, чтобы строительство электростанции не остановилось в зимнее время... Опасность застоя ликвидирована...» А на деле что? Работы на станции фактически остановлены. Вот что, товарищ Гительман: если в течение недели вы не выполните свое обещание, не отоплите помещение электростанции, не примете конкретных мер по подготовке национальных строительных рабочих, будем обсуждать это дело на бюро. Щербаков тоже так думает. На этом покончим с первым вопросом.

Второй вопрос: о вашей личной жизни. На некоторых шахтах нет бани для рабочих. Многие инженеры и техники живут в нетерпимых условиях, а есть такие, что ночуют в общежитиях, даже в конторах. Руководитель треста Щербаков ютится в двух маленьких комнатах. А вы построили себе шестикомнатную квартиру. Вас в семье двое. Разве только вы имеете право на удобную жизнь? Я бы по-товарищески посоветовал вам передать четыре комнаты семьям двух наших ведущих инженеров. Подумайте над этим советом.

— Это голое администрирование! Я буду жало-

ваться вплоть до краевых, до центральных организаций! — крикнул Гительман, выйдя из себя и вскакивая с места.

— Можете жаловаться. Я напомнил вам о решении горкома, а от себя добавил лишь то, что диктуется условиями времени, — спокойно ответил Мейрам и позвонил.

Секретарша, войдя, с удивлением поглядывала то на Мейрама, то на Гительмана. Когда Гительман ушел, она спросила:

— Чем вы его так разволновали?

— Должно быть, задел больное место. Канабек явился?

— Он здесь.

— Пригласите, пожалуйста.

Низкорослый Канабек, бывший председатель райисполкома, как всегда весел, говорлив. Мейрам поднялся из-за стола, здороваясь. Разговор начался с взаимных шуток.

— Караганда была как пришелец в нашем районе, а теперь район состоит при Караганде. Зачем вызвал, начальник? Ругаться будешь? Говорят, рука у тебя крепкая стала. Гительман красный выскочил из кабинета. Боюсь я ругани.

— Чтобы бояться, нужны причины.

— Причины всегда найдутся... Вот моя старуха, если смеюсь, ругается: «Чему радуешься?» Если загрущу, опять недовольна: «Чего опустил нос?» Ты, дорогой, не бери пример с моей старухи.

С Канабеком трудно не развеселиться. Говорил он красочно, пересыпал речь пословицами, изображая повадки своей «старухи». Едва Канабек пошевелит толстыми губами, как слушатели уже начинают улыбаться. При всем этом он был честен и откровенен, но своенравен: уж если заупрямится, трудно его уговорить. Даже если убедишь — все равно не уймет свой беспокойный язык.

Сейчас Канабек переходил на работу из Тельмановского района в Караганду, председателем городского совета.

Пошутили и посмеялись. Мейрам приступил к серьезному разговору:

— Вы, Канеке, знаете, конечно, что вас перевели сюда после долгих наших ходатайств. До вас — сначала в поселковом совете, потом в горсовете — работал Каримбай. Он ушел, и не за что помянуть его добрым словом. Люди еще не считают горсовет авторитетным учреждением. Чуть что, идут в горком, в трест, в профсоюз. Вы должны приучить их обращаться и в горсовет. Как этого добиться — вы знаете лучше меня. Потребности населения возрастают, а сделали мы еще мало. Как раздумаешься обо всем — сон не берет. Новая жизнь в городе еще не налажена. Пора ее наладить!

— Правильно говоришь, дорогой, правильно! — соглашался Канабек. — Есть у вас в тресте такие работники — не понимают новых требований жизни. Но заранее предупреждаю — я всю жизнь свою не умел ладить с этими вашими Жаппаром и Рымбеком. Не лежит у меня сердце к ним. Ненадежные люди. Чувствую, опять мне придется столкнуться с ними, помяни мое слово...

— В частности, о Жаппаре и Рымбеке я и хотел поговорить, посоветоваться с вами, — сказал Мейрам. — Вы их давно знаете... Садитесь поудобнее. Торопиться нам некуда, поговорим...

Глава восьмая

Ночь была студеной. Луна, словно испугавшись трескучего мороза, взошла только перед рассветом. Небо ясное, далеко видно кругом. Движение в городе не прекращалось всю ночь: с работы и на работу проходили группы людей, тянулись подводы, скрипел затвердевший снег. Не смолкавший на эстакадах грохот и лязг вагонеток далеко разносился в морозном воздухе. Кое-где вспыхивали слабые огоньки горевших пород, мерцали электрические фонари на столбах, шахтерские лампы в руках рабочих. Издали казалось,

что огни плавают в туманной синеве, словно звезды в небе.

За короткий срок безлюдная степь оживилась и расцвела огнями. Но на душе таких людей, как Жаппар и Рымбек — темных и обозленных, — от этого стало только еще темней. Вот Жаппар вышел на ночную прогулку. Идет, нахмутив брови, оглядываясь по сторонам. Допоздна он просидел над сводками и цифрами. Как ни взгляни на эти цифры, они говорят о росте города, производства. А здесь, на улице, голова трещит от грохота, рябит в глазах от мелькающего света. Тоска давит грудь Жаппару, душит его. Он не может забыть былую «просторную и тихую степь», кочевые аулы, в которых жили покорные баям пастухи и скотоводы.

Он медленно поднялся на возвышенность и снова осмотрелся. В низине видна железнодорожная станция. Гудки паровозов и сияние электрических ламп были как бы продолжением городского шума и света, усиливая величие Караганды. Днем город казался еще невзрачным, а ночью сверканье его было величаво.

Жаппар бродил по занесенной снегом возвышенности. Еще недавно здесь, на старом заброшенном кладбище, можно было «отдохнуть душой». А теперь и в этом уголке не найдешь покоя. Новая Караганда стремительно расширялась. На месте бывшего кладбища решили разбить парк. Осенью земля была вспахана тракторами и подготовлена к весенней посадке деревьев.

В надежде на то, что население подымет голос протеста, Жаппар попробовал заронить искру в среду верующих. Но огонь не разгорелся: подымил немного и потух. Рабочие устроили субботник, разрыхлили пашню, обвели холм канавой: на месте пустыря должен был возникнуть цветущий парк.

Жаппар еще раз убедился в том, что народ стал другим, не хочет он возвращаться к старой жизни, строит новую. Вся надежда на вмешательство внешних сил. Жаппар рассуждал так: «Если с запада двинется Германия, с востока — Япония, а мы поддержим их наступление изнутри, то камня на камне не оста-

вется от советской власти». Сейчас, напрягая все свое воображение, он старался вычислить, когда придет этот день, когда ударит буря.

Занятый этими мыслями, Жаппар не заметил, как сзади бесшумно подошел Рымбек.

— Холодно здесь, да и говорить не совсем удобно. Пойдем потолкуем в комнате, — предложил Рымбек. Вид у него был веселый, добродушный.

В комнате Жаппара, настороженный, пронырливый, как гончая сука, Рымбек опустил шторы на окнах, заложил дверь на крючок. Только выполнив это, он присел и повел разговор:

— Читал в газете, что творится в Германии? Тучи сгущаются. Как бы этой весной не грянула война. В современной войне решающая сила — мотор и горючее. Интересно, готовы ли большевики к такой войне?

— Кажется, неважно они приготoвились, — коротко ответил Жаппар.

Он все еще не освободился от своих мрачных мыслей. Медленно опустился на стул, помолчал. Наконец продолжал:

— Вооруженность старой России общеизвестна. В японскую войну вышли против пушек с иконами, в германскую против пулеметов — с винтовками. За пятилетку отсталая техника России может значительно вырасти. Но эта техника будет опрокинута одним гулом немецких моторов. Нужно действовать быстрее, пока страна не окрепла. А они там все медлят. Однако, как бы большевики ни хорохорились, им не догнать за одну пятилетку западные страны: они ушли вперед на пятьдесят лет...

— Если за границей будут топтаться, как сейчас, то, пожалуй, большевики и догонят. Запад торгует с Советами, посылает своих специалистов... Что они, из ума выжили? — раздраженно сказал Рымбек.

Жаппар уже успел справиться со своим мрачным настроением, усмехнулся:

— Как знать! Дело тут не только в разногласиях между капиталистами и в торговом азарте. Им нужно изучить наше внутреннее положение. А кроме того,

готовясь разрушать, полезно поговаривать: «Мы не против строительства». Разве мы с тобой не так же действуем?

Так темной ночью в уединенной комнате враги народа подбадривали друг друга.

— Только на них и надежда, иначе уничтожил бы себя собственным жалом, как скорпион, — отозвался Рымбек.

Укрепляя надежду на зарубежную агрессию, Жаппар выкладывал перед другом свои соображения.

— Нам здесь спать тоже не следует. В работе нового производства встречается много трудностей. А каждая трудность — ширма для нас. Будем действовать и в то же время засыпать руководящие организации жалобами, анонимками. Мейрам и Щербаков начнут все выяснять, расследовать и поневоле ослабят руководство строительством. Тогда-то и легко будет свалить на них все.

Рымбек внимательно слушал. Он умел разжигать всякую склоку. Теперь представилась к этому новая неожиданная возможность. И он опять вернулся к давно волновавшему его вопросу.

— Можно ли поссорить Мейрама и Щербакова?

— Надо помочь им в этом.

— Надо бы еще поставить капкан на Канабека.

— Этот старый пес в свое время немало причинил нам зла, — хмуро заметил Жаппар.

При упоминании о Канабеке у обоих заныли старые раны. Во время коллективизации Канабек, разоблачив отца Жаппара и брата Рымбека как заядлых кулаков и антисоветски настроенных людей, добился высылки их из республики. Жаппару и Рымбеку он казался опасней змеи. Жаппар предостерег:

— Это хитрая лиса. Но старые материалы нам не страшны, теперь нужно постараться, чтобы в его руки не попали новые.

— И будем ловить его самого на каждой ошибке.

Оба они не решались выступить против народа открыто; с тем большей энергией они мстили и вредили скрытно. В первое время они были осторожны, как сороки. Позже, когда смерть Орлова сошла безнака-

занно, вредители обнаглели. Их подмывало действовать смелее.

— Внутренние затруднения и искусственные преграды, конечно, полностью не сорвут пятилетки, — признавался Жаппар. — Они полезны нам тем, что до вооруженного нападения извне тормозят, замедляют рост страны. Сейчас самое уязвимое в стране — дело снабжения продовольствием. Неокрепшие колхозы еще долго не смогут насытить продуктами промышленные города. Уничтожение одной продовольственной карточки равносильно сейчас убийству человека... Ты слабо используешь своего Махмета.

— Он не Алибек и на крупные дела не способен, — оправдывался Рымбек.

Но Жаппар не соглашался.

— Заставь! Смелее нужно прабить пайки рабочих, разбазаривать продукты. Пусть одних обделяет, других задабривает... Поднимется ропот в массах.

— Пойдет ли на это Махмет?

— Заставь! — уверенно повторил Жаппар. — Не забывай: для нас глупые люди полезней, чем умные... Сейчас в Караганде сосредоточены запасы продовольствия на три месяца. Сто тысяч карточек. Пусть Махмет вносит путаницу в систему выдачи и отоваривания карточек. Если это обнаружат, то политическим делом не сочтут, а посмотрят как на обычное должностное преступление. Защитники найдутся, выручат.

— Да ведь, если обнаружат, все равно будут судить, — сказал Рымбек.

Жаппар рассмеялся мелким смехом.

— Пусть и судят Махмета, не велика потеря.

Об Алибеке он держался другого мнения.

— Этот человек способен на все. В крайности сам себя уничтожит.

— Это верно, — кивнул головой Рымбек. — Он предлагает провести еще одну аварию.

— Какую?

— Хочет обвалить дальний участок уклона. Это дело покрупнее прежних.

Жаппар достал из портфеля подземную карту. Поразмыслив над ней, покачал головой.

— Чего мы этим достигнем? На короткое время будет выведен из строя один только камерон. Шахту от этого водой не зальет. Быстро исправят. Кроме того, останутся другие пути из шахты. Подача угля на гора не прекратится. Вот если бы вызвать обвал в верхней или в центральной части уклона — это было бы равносильно тому, чтобы перерезать вену.

— Там труднее. Охрана сильна...

В окна уже пробивался рассвет, когда они закончили обсуждать свои преступные планы.

Глава девятая

Караганда росла с каждым днем. Появлялись все новые шахты, шурфы, разведывательные вышки, каменные и известковые карьеры, кирпичные заводы. Вслед за ними рос и расширялся город. Теперь он раскинулся на нескольких окрестных холмах. К окраинам предстояло прокладывать водопроводные и паровые трубы, тянуть электрические и телефонные линии.

Техническое обслуживание новых производств по-прежнему было возложено на единственный хорошо оборудованный механический цех.

Рабочие, по старой привычке, называли его «мех-цехом». В действительности цех вырос до размеров большого механического завода. На нем действовали кузнечный, токарный, котельный, слесарный и литейные цехи, машинное отделение и кочегарка. Старое, покосившееся здание сейчас обросло новыми строениями.

Но механик Козлов остался верен старым своим привычкам. Его рабочий кабинет помещался в старом здании, где он обосновался с первого дня своего приезда в Караганду. Он сидел все на том же табурете, все за тем же грубо сколоченным столом. Глаза вооружены очками, в зубах — деревянный мундштук с неизменно дымящей цыгаркой из газетной бумаги. У Козлова не хватало указательного пальца на правой руке; он писал, зажав карандаш между средним и безымянным пальцами.

Быстро заполнив половину листа, Козлов вдруг задумался, почесывая карандашом свою заметно отросшую седеющую бороду. Стол его был завален листками бумаги со следами масла и копоти, оставленными пальцами рабочих. Это были заказы, поступившие с шахт. Бумажки заполнены цифрами, исчерчены линиями, подчеркивающими важность заказа — нужную деталь механизма. Подобно опытному чабану, узнающему своих овец среди сотен других, Козлов с одного взгляда на бумагу определял, какая часть механизма нужна. Время от времени Козлов брал трубку звонившего телефона, отвечал на вопросы, сам спрашивал, спорил и при этом не переставал перебирать лежавшую перед ним стопку бумаг.

Вошел слесарь Лапшин.

— Кстати пришел, Костя, — проговорил Козлов, отложив карандаш и сняв очки. — Слышал? Соревнование между бригадами монтажников деда Ивана Петровича и Антона Левченко разгорелось не на шутку. Людей за сердце взяло. Недавно дед Иван приходил и забрал сто фланцев. Теперь Антон не дает покоя, требует столько же. Надо обеим бригадам изготовить еще по двести фланцев. Поторопить бы кузнечный и токарный цехи. Они тоже соревнуются.

— Ребята дружно взялись. Я только что из цехов. Думаю, что обязательства выполнят.

— Если обе бригады монтажников к двадцатому числу закончат сборку подъемной машины — это будет победа. Ты знаешь, Костя, что это означает? Заработают две новые шахты. Дополнительно тысячи тонн угля! — возбужденно говорил Козлов. Он встал с места, начал ходить из угла в угол. — На отдельных шахтах из-за нехватки болтов камерон простаивает по несколько часов. По-моему, все мелкие неполадки должны устранять на шахтах своими силами, а нам шире надо жить, нам надо браться за крупные работы. Как ты на это смотришь?

— Придется в каждой шахте открывать собственный, хорошо оборудованный механический цех.

— А как же? Нам это теперь под силу.

— А где люди? Умелые рабочие все еще на вес

золота. Вчера Сергей Петрович ругал нас именно за то, что мы не растим кадры.

— Все-таки напрасно ругал. Кто стоит у подъемной машины во второй шахте? Балжан. Кто камеронщик в первой шахте? Жолтай. Майпа — машинист. Жанабыл — токарь, Бокай — кочегар. Жамантык тоже скоро будет кочегаром, Шайкен — слесарь... Кто же их обучил, как не мы? Неужто Сергей Петрович только на нас решил взвалить обучение кадров для всех шахт? Ведь мы же не школа ФЗО! Пусть он покрепче нажимает на свой отдел кадров!

Вчера на механический завод приезжал Щербаков, провел собрание рабочих-донбассовцев. Корил за медленную подготовку квалифицированных рабочих из местного населения, критиковал слесарей, включая и самого Козлова. Козлов тоже не остался в долгу: выступил с критикой работы отдела кадров треста.

И сейчас он свернул было на ту же дорожку. Но, заметив, что Лапшин слушает неодобрительно, спросил:

— Что, не верно?

— Верно. Но достижения наши и с закрытыми глазами видны. Нужно говорить о наших недостатках.

Лапшина недавно избрали секретарем парторганизации завода. И не зря избрали. Человек он характера твердого, политически подготовлен и развит. Говорил он густым басом, пристально глядя в лицо собеседнику своими глубоко посаженными глазами. Люди, впервые его издавшие, оставались в глубоком убеждении, что он сердитый человек. А сердился и выходил из себя Лапшин очень редко.

— По-моему, Щербаков справедливо отметил наши недостатки. Разве это не правда-истина, что у нас мало местных квалифицированных рабочих? Скромничать не будем — старались мы много, а людей подготовили маловато. С отдела кадров свой спрос, а с нас — свой.

— Но мы же, Костя, никого от станков не гоним.

— А я о чем говорю? От станков мы не гоним. Но ведь к станку надо уметь привлечь людей, заинтересовать. Надо непрерывно обучать людей и одновре-

менно облегчать их тяжелый труд. Вот мы механизировали горн кузнечного цеха. Одно это дало огромный эффект. Теперь пора облегчить труд молотобойцев. Я думаю, пришло время устанавливать электрический молот.

Козлов задумался, подперев рукой подбородок.

— Да, это можно, — наконец сказал он. — Спасибо, что напомнил. Посоветуюсь с инженером. Впрочем, и без инженера ясно, понадобится для этого только один дополнительный движок.

— Можно использовать горизонтальный движок — тот, что стоит во дворе.

— И то верно. Только поршневые кольца в нем нужно заменить.

Вошел Ермек — в комбинезоне, с аккумуляторной лампой на лбу. Не успев поздороваться, он набросился на Лапшина:

— Секретарь, болит ли у тебя сердце за производство?

— Пожалуй, что побаливает.

— Тогда почему не следишь за выполнением заказов?

— Только вчера отремонтировали тебе пять вагонеток.

— Овчаренко тоже исправили пять вагонеток. А разве шахты наши одинаковые? Что это у вас за уравниловка?

— Если не одинаковые, зачем ты соревнуешься с Овчаренко?

— Чудак ты, — усмехнулся Ермек. — Неужели Караганда с Кузбассом или Кузбасс с Донбассом соревнуются потому, что они равны друг другу? У каждого есть свое обязательство по плану. Вот и соревнуются за лучшее выполнение собственных обязательств. У меня шахта больше — мне и снабжения давайте больше.

— Попало тебе, Костя? — рассмеялся Козлов. — Ладно, Ермек Барантаевич, к завтрашнему вечеру дадим тебе еще пять вагонеток. Овчаренко — хитрец, должен был меньше получить, да отвоевал себе столько же.

— Спасибо, Борис Михайлович. Вы помогли мне побороть вашего несговорчивого секретаря. Теперь прошу проверить подъемную машину в шахте, а то шалит, задерживает работу.

— Костя, отправляйся с ним, — распорядился Козлов. — У них соревнование в самом разгаре. Стыдно будет, если механизм шахты, которая у нас под боксом, остановится хотя бы на одну минуту. Нехорошо будет.

Ермек взял Лапшина под руку, и они вышли. Один был секретарем парторганизации шахты, другой — механического завода. И по возрасту они были однолетки и сложением похожи. На ходу они тискали, мяли друг друга, соревнуясь в силе. Козлов, вышедший за ними во двор, усмехнулся.

— Вот медведи. И шутят-то по-медвежьи.

Двор завода за последнее время был расширен. Отовсюду слышался стук молотков, лязг железа, сверкали искры передвижных горнов и электросварочных аппаратов. Оживление росло с каждым днем. Шахты соревновались между собою, требовали срочного выполнения своих заказов. А это подтягивало и соревнующиеся цехи завода.

Рабочему оживлению способствовала и недавно введенная сдельная оплата. Тот, кто раньше работал с прохладцей, прячась за спину передовиков, теперь не хотел отстать и получить зарплату меньше других.

Покачивая на ходу своим легким телом, Козлов подошел к движку, о котором только что говорил с Лапшиным, и принялся тщательно осматривать его. Окраска уже вылиняла, облупилась на солнце, и машина начала ржаветь. Немного дальше, опустившись на колени, стучал молотком Бондаренко, ремонтируя вагонетки.

— Иди-ка сюда! — позвал его Козлов.

Бондаренко торопливо подбежал. Общественный суд и все, что было связано с ним, не прошли для него даром: он обуздал свой задиристый характер, в работе стал расторопнее. Но Козлов поблажки ему не давал: попрежнему обращался строго и холодно. И сейчас, хмуро взглянув на Бондаренко, спросил:

— Ну, когда закончишь вагонетки?

— Послезавтра.

— А нужно завтра. Послезавтра возьмешься за этот вот движок. Отремонтируешь его и установишь. Срок — неделя. Если выполнишь, разряд тебе установим прежний.

— Борис Михайлович, да разве возможно управиться? Сами же видите...

— Можно. Только мастерство требуется проявить, а главное — желание.

Бондаренко молча стал рассматривать движок, заходя то с одной стороны, то с другой. В то же время он бросал взгляды на вагонетки. Выполнить оба задания в недельный срок трудно, а не выполнить нельзя. Он был слесарем среднего разряда, после суда его перевели в низший. Скандал с Жумабаем не только на работе повредил Бондаренко, он оттолкнул от него людей. Последнее было всего тягостней. И Бондаренко принял решение, на которое не осмелился бы раньше:

— Берусь, сделаю.

— Если так, то и я сдержу свое обещание. Поддержу тебя в профкоме, — сказал Козлов и пошел дальше.

Механик вошел в токарный цех. Здесь на десяти станках готовились фланцы для труб. Возле каждого рабочего, как и в других цехах, стоял ученик — молоденький казах. В цехе все еще мало было токарей-казахов, больше русские и украинцы.

Окинув привычным взглядом станки, Козлов остановился у одного из них. Рядом с токарем стоял старательный паренек. Не отрывая глаз от резца, он, словно ребенок, радовался его быстрому ходу. И до того увлекся этим зрелищем, что невзначай столкнулся головой с токарем.

— Ковалюк, — сказал Козлов, — ты не только показом учи. Ты заставляй и самого его работать.

Ковалюк остановил станок, повернулся к Козлову. Рубаха на его широкой груди была распахнута. По привычке улыбаясь всем своим круглым лицом, он начал обосновывать метод своего обучения:

— Обработка одного фланца на станке стоит пятьдесят копеек, за работу кузнецам тоже отдай полтинник, материал стоит столько же. Выходит...

— Да, выходит, что цена фланцу самое большее полтора рубля. Но знающий ученик для нас дороже денег. Иной раз ты уж через край бережлив.

— Прежде всего надо обучить ученика бережливости — чтобы не портил материал. Если не будем считать малые потери, они вырастут в большие, — рассудительно ответил Ковалюк.

Этот токарь был учителем Жанабыла, Шайкена и других казахов. Искусный мастер, знаток своего дела, гордость всего цеха, он успевал обучать учеников и выполнять по две нормы. Никогда его не видели ни суетливым, ни раздраженным. Работал он без спешки, но сноровисто и не допускал ни малейшей порчи деталей.

На этот раз Козлов не посчитался с этой чертой его характера. Подойдя к станку, он передал пареньку ручку суппорта и сказал:

— Ну-ка, попробуй сам.

Парень растерялся. Он неуверенно подвел конец резца к фланцу и, не проверив точность, пустил станок в ход. Резец отсек нить фланца. У будущего токаря пот выступил на лбу.

— Эх, испортил!

— А понимаешь, почему испортил?

— Понимаю.

— Если понял, значит не повторишь эту ошибку, — сказал Козлов, похлопав паренька по плечу. Затем он повернулся к Ковалюку: — Убытка на полтора рубля, а пользы на полторы тысячи. Вот на таких дешевых работах нам и нужно обучать их практике. А практика — дороже всего.

Ковалюк молча поднял испорченный фланец, повертел его в руках, покачал головой, потом отбросил в сторону.

От соседнего станка Жанабыл крикнул:

— Если дать им волю, брак сожрет все наши старания!

Козлов подошел к Жанабылу. У молодого токаря

на кончике вздернутого носа поблескивали капельки пота.

— Бачишь, Борис Михайлович? — спросил он.

Козлов засмеялся.

— Ты что, по-украински научился говорить?

— Соседство с дядей Ковалюком сказывается.

— Дельно. Скорее поймете друг друга. Ну, что ты хотел показать?

— А вот.

Жанабыл остановил станок. Он показал фланец — один край у него был толще другого: брак кузнечного цеха.

Осмотрев фланец, Козлов подтвердил:

— Да, брак!

— Брак-то брак, а кто виноват?

— Кузнецы.

— А конкретно?

— Найдем.

— Трудно найти. Пожалуй, не только вы, но и сами они не знают, кто сделал брак.

Козлов озабоченно почесал подбородок. Он не мог не видеть, что растущее производство требует новых порядков. Раньше он знал на память, какая деталь и кем сделана. Теперь и число рабочих и выпуск продукции резко возросли. Можно ли все упомнить? Нужен был точный учет.

Козлов нанизал на проволоку два фланца, забракованные Жанабылом, и спросил:

— А что предлагают твои комсомольцы?

— Если каждый токарь, кузнец и слесарь поставят, скажем, на фланце свою метку, то всегда можно будет узнать, кто его сделал.

— А сколько же тогда получится меток на одной детали?

— Да, многовато. А что же еще можно придумать?

— Нет, этот способ не годится. По-моему, нужно одного квалифицированного рабочего выделить на прием мелких изделий, а крупные работы пусть принимает комиссия.

— Вы лучше меня придумали, Борис Михайло-

вич, — сказал Жанабыл, повеселев. — Люди стараются сделать побольше, чтобы побольше заработать. Пусть себе зарабатывают, только никто не давал им права снижать качество продукции. Мы, комсомольцы, хотим проследить за этим делом.

Жанабыл недавно был избран секретарем комсомольской организации завода. Он славился среди молодежи своими страстными, горячими выступлениями на собраниях и производственных совещаниях. Отстающие по работе побаивались его острого язычка, но передовые любили его, знали: Жанабыл поблажки не даст. Он и вне завода был на виду — ко всему восприимчивый, инициативный, веселый. Городской комитет комсомола собирался взять его на комсомольскую работу, а Козлов противился, доказывая, что из Жанабыла выработается хороший командир-производитель.

Сейчас Козлов опять спросил:

— Ты, парень, сам скажи: к чему сердце лежит? Не заставляй нас из-за тебя спорить!

— Где больше можно получить знаний, туда и пойду, — ответил Жанабыл.

В дверях показалась группа рабочих: собирались устанавливать в цехе новый огромный станок. Его поставили на дощатый помост, который катили по настланному на полу бревнам и трубам. Токари, слесари и машинисты — все, кто находился в цехе, — подняли головы, рассматривая этот станок-гигант, сделанный на отечественном заводе. Бригада, устанавливавшая станок, была многочисленна: тут находились и русские, и украинцы, и татары, и армяне, не говоря уже о казахах. Слышался разноязычный говор. Но все понимали друг друга. Главное же — каждый знал, что ему делать.

— Еще раз, взяли!

— Пошла!

Козлов, во все глаза наблюдавший за происходящим, сказал Жанабылу:

— В недалеком будущем, когда наш мехцех превратится в большой завод, мощный кран будет хватать такой станок, как беркут добычу, и ставить на

место! Подумай-ка, ведь не плохо быть командиром на таком заводе? Впрочем, решай как знаешь.

— Партия лучше меня знает, Борис Михайлович, кого и куда поставить, — проговорил Жанабыл серьезно.

— Партия посчитается и с твоим желанием, — ответил Козлов и вышел, унося с собой забракованные фланцы.

Он пошел в кузнечный и литейный цехи — показать рабочим образцы брака и разобратся, на ком лежит вина.

Двери цехов были широко открыты. Оттуда несся звонкий перестук молотков и шипение огня, рассыпающего искры во все стороны.

Глава десятая

По выходным дням Сергей Петрович Щербаков позволял себе просыпаться несколько позже обычного. Вот и сегодня — половина девятого, а он еще в постели. Но жена его, Антонина Федоровна, и по воскресеньям привыкла подниматься рано. А здесь, в Караганде, забот у нее прибавилось. Едва приехав сюда, она поступила работать инструктором в горком партии. Дела у нее хватало: надо было привыкнуть к новой обстановке, к новым людям, да и в квартире навести порядок, ведь Сергей Петрович до ее приезда мало заботился о себе.

В спальне было холодновато и еще не совсем светло. Антонина Федоровна подобрала и положила на тумбочку книгу, которую Сергей Петрович читал на ночь и, засыпая, уронил на пол, поправила на муже сбившееся одеяло, потом вышла в соседнюю комнату. Здесь она, по давнишней своей привычке, проделала утреннюю гимнастику.

Антонина Федоровна хорошо сохранилась — ей уже исполнилось сорок, но на вид не больше тридцати. Фигура у нее стройная, высокая, лицо не потеряло свежести, а в голубых глазах нет и тени усталости.

На кухне готовила завтрак мать Антонины Федоровны — хлопотливая, опрятная старушка в белом переднике. Антонина Федоровна ласково поцеловала ее в щеку.

— Доброе утро, мама!

— Здравствуй, моя радость! Здравствуй, моя единственная! — отозвалась старушка.

— Я-то у тебя хоть единственная, а вот у меня, мама, и единственной нет.

Старушка молча вздохнула, — если у дочери и было какое горе, так это бездетность.

— Кажется, ни на что не могу пожаловаться, но все-таки без детей жизнь не полная, — продолжала Антонина Федоровна.

— Ну, рано еще об этом говорить. У меня двоюродная сестра родила в пятьдесят лет. Не обойдет и тебя счастье.

— Спасибо на добром слове... Давай помогу тебе готовить.

— И одна управлюсь. Иди-ка лучше на воздух, утро замечательное. Кстати разбросай снег во дворе, если уж хочешь поработать.

Всю ночь шел тихий пушистый снег. Все вокруг ослепительно побелело. Зимой в Караганде редко выдаются такие дни, когда небо чистое и снег не крутит поземка. На воздухе Антонина Федоровна повеселела, забыла свои грустные думы.

Она вернулась в дом оживленная, румяная, разбудила Сергея Петровича.

— Вставай, лежебока! День чудесный, ни облачка, ни ветерка. Отправимся на лыжах за город, в гости к Жайлаубаю, давно старик звал.

— Очень хорошо придумала, — согласился Сергей Петрович. — Бурана ночью не было?

— Говорю же — не шелохнется кругом.

— Значит, следы зайчишек не замело. Захватчу ружье... Ну, покажи мне, что делается на улице.

Быстро одевшись, Сергей Петрович вышел вслед за женой во двор.

На улице было так чисто и бело, что даже ступить было боязно. Воздух неподвижен, ветви молоденьких

деревцов, собственноручно посаженных Сергеем Петровичем вокруг дома, опущены снегом.

— А вот и заяц пробежал! — указала Антонина Федоровна на тонкую цепочку следов.

Сергей Петрович засмеялся:

— Вернее всего — кошка.

— А как ты узнаешь следы зайца?

— Ну, это трудно тебе объяснить...

Они полной грудью дышали чистым, прохладным воздухом, с любопытством оглядывались кругом, словно место для них было новым.

— Вот уж не думала я, что здесь может быть так хорошо, — заметила Антонина Федоровна.

— А почему бы и не быть? Со временем люди изменят природу Караганды. В голой степи будут посажены леса, созданы широкие озера... А сейчас не пора ли завтракать? Уж если идти на лыжах, так пораньше.

За столом беседа была веселой, полушутливой. Щербаков указал Антонине Федоровне на полную миску жареных пирожков.

— Балует тебя мать, все думает, что маленькая. А ведь ты, по-моему, давно уже взрослая.

— Наверно, дитя для матери всегда остается ребенком, — ответила Антонина Федоровна.

У старушки, разливавшей чай, мелко задрожали руки и навернулись слезы на глаза.

— И не говори, Тоня. Мне уж шестьдесят, а твоей бабушке, моей матери, — восемьдесят пять. А она меня дитяткой зовет. Скучает, в Донбасс зовет. Ох, как хочется взглянуть на нее, по ночам снится.

— За чем же дело стало? — улыбнулся Сергей Петрович. — Вот поеду в Москву, в командировку, и захвачу вас с собой. А там не так далеко и до Донбасса, отправлю с каким-нибудь попутчиком. А на обратном пути сам могу заехать.

— А как же дом? Как Антонина одна останется? — испугалась старушка. — Нет уж, я никуда от нее.

— Мамочка! — обняла ее Антонина Федоровна. — Весной вместе поедem. Я тоже по бабушке соскучилась.

Сергей Петрович осмотрел лыжи и двустволку. Все было в порядке. Антонина Федоровна достала из шкафа два лыжных костюма.

Спорт для Щербакова и жены был любимым развлечением. В молодости они познакомились на катке и с тех пор не потеряли интереса ни к лыжам, ни к конькам. Сегодняшняя прогулка в совхоз, расположенный в двадцати километрах от Караганды, обещала хороший отдых. К тому же в совхозе заведующим животноводческой фермой работал Жайлаубай, которого Щербаков давно собирался навестить.

— Пойдем не по дороге, а целиной, через холмы,— предложил Сергей Петрович. — Там скорее наскочит зайчишка.

Холмы начинались вскоре же за железной дорогой. На одной из вершин лыжники остановились, Сергей Петрович закурил трубку. Перед ним на белой пелене снега раскинулась Караганда.

— С каждым днем растет! — говорил Щербаков, помахивая трубкой. — Вдоль железной дороги на Балхаш, к югу и западу от города, насадим леса. Под защитой лесов хорошо будет в городе. Наш новый председатель горсовета Канабек — энергичный, дельный человек. Строительство у него хорошо идет. Настоящий хозяин города!

— У него все спорится, — согласилась Антонина Федоровна. — Сколько времени возились с клубом, а он пришел — и закончили. Видел, какой красивый получается кинотеатр? Говорят, что уже стадион заложили.

— К весне и стадион откроем...

Бесконечно расстилались снега, поблескивая, переливаясь на солнце. Лыжи скользили легко, оставляя ровный, прямой след. Тихо и безлюдно вокруг. Ни зверька, ни птицы, — надежды Щербакова на охоту не оправдывались.

В ложбине между двумя холмами они увидели человека, только что соскочившего с лошади. Он нагнулся и вынул из капкана рыжую лису. Первой к нему подкатила Антонина Федоровна.

— Здравствуй, отец!

Это был седобородый казах в заячьем тымаке, повязанный пуховым шарфом. Старик довольно хорошо говорил по-русски. Он всмотрелся в Щербакова узкими зоркими глазами.

— Если зрение не обманывает меня, ты начальник всего промысла?

— Он самый, — признался Сергей Петрович.

— А кто эта женщина?

— Моя жена.

Старик постоял в раздумье, опустив голову, держа лису, потом заговорил:

— Хорошая встреча. Я вон из того колхоза. По-казахски называется Ак-Кудух, по-русски — Тихоновка. Муздыбай меня зовут, а отца звали Акшолак. По старости меня освободили от тяжелой работы, сказали — будь охотником. Вот и охочусь. — Он встряхнул метровую лисицу, еще раз посмотрел на Щербакова. — Знаешь, какой у казахов есть обычай?.. Добытого зверя, если еще не успел приторочить к седлу, подари встретившимся людям. Но если зверь вынут из капкана — обычай соблюдать не обязательно. Вот я и думал — как поступить? Все же решил: раз встретила женщина, надо подарить, пусть сошьет себе воротник.

— Ни к чему это! Спасибо! — в один голос заговорили Щербаков и Антонина Федоровна.

— Нет-нет, — настаивал Муздыбай, — возьмите. Я знаю, что вы не нуждаетесь в лисьей шкуре. Но уж если я решил, не обижайте. Ты — посланец великого народа, который украшает мою землю, строит на ней большой город. Этот народ научил казахов управлять машинами, добывать уголь из земли. Бери, не оскорбляй старика! — И Муздыбай привязал лису к поясу Щербакова.

— Что же, придется отдарить, — нашелся Сергей Петрович. Он снял с плеча ружье и вручил Муздыбаю. — Примите в знак дружбы. Хорошо бьет.

— О! — воскликнул старый охотник. — Богатый подарок. Не жалко?

— Берите, у меня еще одно есть. Приезжайте вместе со старухой в гости. Будем рады.

Муздыбай хитро прищурился.

— Приеду. Только, пожалуй, и не обрадуешься знакомству. Я ведь не зря приеду. О нашем колхозе буду говорить...

— Что же, потолкуем и о колхозе. Как у вас дела идут?

— Не плохо идут. Только машин мало. А надо бы богатые земли поднять...

— Вон куда клоните, — улыбнулся Щербаков. — Машин пока что и у нас не хватает. Вот пришлют побольше тракторов — поможем, шефство над вами примем.

Взгляд Муздыбая загорелся радостью, старик по очереди пожимал руки Щербакову и Антонине Федоровне:

— Вот спасибо! Поеду и расскажу об этом своим. До свидания, дорогие!

Старик легко вскочил в седло и пустил лошадь галопом.

Лыжники тоже двинулись в путь. Вот из-за холма показалась ферма. Видно было, как Шекер, верхом на коне, гнала коров в ложбину на водопой. Одета она по-мужски, в шароварах, держалась в седле уверенно. Жайлаубай делал проруби для водопоя в маленьких озерах. Взрослые коровы брели к прорубям чинно, гуртом; молодняк, вырвавшись из хлевов на волю, резвился, и Шекер едва успевала заворачивать телят.

Жайлаубай вскинул голову и сразу узнал лыжников.

— Апыр-ау! Да ведь это Сергей и Антонина!

Он не спеша подошел к гостям. И прежде чем подать руку, огладил усы и бороду от инея. Подскакала и Шекер.

Разговор шел смешанный — на русском и казахском языках. Сергей Петрович начал уже понимать по-казахски, а Жайлаубай по-русски. Шекер же с Антониной Федоровной больше объяснялись жестами и мимикой.

Шекер указала на лыжи, потом хлопнула по крупу своей кобылы; этим она хотела сказать: «Почему

гости не на лошадях приехали?» Но Антонина Федоровна поняла так, что ей предлагают сесть верхом, и сразу же согласилась.

— Попробую. Лошадь смирная? — спросила она Жайлаубая.

— Как ягненок! — рассмеялся тот.

Шекер посадила Антонину Федоровну в седло, повела лошадь в поводу. Мужчины шли позади, говорили о делах.

— Как скот, здоров? — интересовался Щербаков.

— Видите, резвится. Больные телята не стали бы прыгать.

— Кормов хватает?

— Не жалуемся. Только водопой в неудобном месте. В холод и буран далеко гонять. В такие дни я не выгоняю скот, пою растопленным снегом.

— Падежа не было?

Жайлаубай обиженно посмотрел на Щербакова:

— Что вы! При мне и у мыши кровь из носа не пойдет.

— При чем тут мышь, почему у нее должна идти кровь из носа? — не понял Сергей Петрович.

— Казахская поговорка, — объяснил Жайлаубай. — Как сказать по-русски — не знаю. Одним словом, не дам скоту бедствовать...

— По-нашему это будет: волос с головы не упадет.

— Вот, вот! — обрадовался Жайлаубай. — Должно быть, так и есть. Вот и научимся друг от друга говорить.

Ферма находилась в километре от центральной усадьбы совхоза, и когда спутники приблизились к усадьбе, из конторы вышел человек. Он пошатывался и мурлыкал песню. Видно, был выпивши.

— Кто это? — спросил Щербаков.

Жайлаубай замялся, пробормотал:

— Не узнаете? Это наш директор совхоза.

— Директор?

Сергей Петрович всмотрелся. Да, перед ним был Каримбай Алибаев, бывший председатель Карагандинского горсовета, снятый в свое время за нераспо-

рядительность. Для исправления его послали заведовать совхозом.

— И частенько он так?

— Каждый выходной, — невесело сказал Жайлаубай. — Да и в будни прихватывает.

Щербаков покачал головой.

Они зашли на скотный двор. Доярки заводят коров в стойла. Двор был теплый, сухой, но воздух спертый, стойла тесные.

Жайлаубай вяловато объяснял:

— Стараюсь делать что могу. Да ведь не все от меня зависит! У директора ничего не допросишься. Вентиляцию надо бы устроить, желоба водопойные проложить... Вот тогда соседние колхозы стали бы брать с нас пример...

Вошел пьяный директор Алибаев, все еще распевая песню. Увидев Сергея Петровича, он сразу замолчал, бросился пожимать его руку.

— С приездом! Будьте мои гостем. Жена сегодня двух гусей зарезала.

— Спасибо, — отказался Щербаков. — Времени мало, хочу поскорее вернуться в город.

— Тогда я принесу вам хороший кусок сюда.

Щербаков поморщился.

— Лишнее... Вам бы, товарищ Алибаев, проспаться надо. К пяти часам пришлите мне лошадь и сань.

— Ваше слово — закон, Сергей Петрович. Иду и ложусь. Лошадь будет.

Он ушел шатающейся походкой. Щербаков посмотрел ему вслед, подумал: «Совсем опустился человек. И здесь не оправдал себя. Надо будет заменить его».

У Жайлаубая небольшой саманный домик из трех комнат, обычно такие дома строят в аулах. Но он отличался от прежнего казахского жилья: потолки в комнате высокие, окна большие, с двойными рамами, пол, правда, не дощатый, но выложен кирпичом и сверху ровно обмазан глиной и утрамбован. Большую часть своей жизни Жайлаубай провел в кочевках по широким степям, а теперь, видимо, решил накрепко осесть на одном месте. Он обнес домик изгородью.

окопал канавой, разбил небольшой приусадебный участок.

— Вспомни-ка, Жайлеке, — говорил Щербаков, — как два года тому назад мы встретились в Караганде на первом субботнике. Вы тогда и юрту с собой привезли, и овец своих пригнали. А теперь, глядите, совсем по-новому зажили. Если я Каримбая с трудом узнал, то и вас тоже. Но каждый по-своему изменился.

— Каждый по-своему, — согласился Жайлаубай.

Шекер и Антонина Федоровна приготовили обед. При виде объемистой кастрюли, поданной на стол, Щербаков оживился:

— Ого! Что тут у вас? С морозца я проголодался...

— Совсем скромное угощение, — сказал Жайлаубай, — жена сварила индюшку.

— Вы что, птицу стали разводить?

— Да, овечек почти не держу теперь. Трудно ухаживать за скотом в совхозе и держать свой. Вот мы с женой и завели индюшек.хлопот с ними мало, а польза большая. Что мы, кочевники, знали об этом? Век живи — весь век учись.

Разговор за столом шел веселый, свободный, — Щербаковы были не впервые у Жайлаубая, да и тот при каждом приезде в город заходил к ним вместе с женой. Все они уже давно привыкли друг к другу.

— Мой Жайлаубай только хвастается индюшками, а на самом деле это я развела их. Такого беспечного мужа, как мой, поискать.

— Почему вы каждый раз укоряете его? — вступилась Антонина Федоровна. — По-моему, он заботливый хозяин.

— Э, дорогая Антонина, — рассмеялся Жайлаубай, — тут надо понять, в чем дело. Когда жена чем-нибудь расстроена, я успокаиваю: «Подожди, все уладится...» По ее мнению, это беспечность.

— И беспечный и легкомысленный! — настаивала Шекер. — Вот поступил на службу, немного образумился. Да и то пропал бы без меня.

Солнце садилось. К окнам подъехали сани, запря-

женные парой вороных. Гости прощались, благодарили за угощение.

Мороз на дворе усилился. Шекер укутала Антонину Федоровну овчинной шубой, а Жайлаубай накинул на Шербакова черный казахский шапан.

Пара сильных коней рванула с места, едва кучер пронул вожжи. Сани помчались, взвихривая снежную пыль. Смеркалось. Антонина Федоровна запела песню, — голос у нее сильный, чистый. На бескрайнем небе плыла позолоченная луна. По широкой, снежной степи мчались сани, звенела русская раздольная песня...

Глава одиннадцатая

Перед зданием городского комитета партии былолюдно. Кто приходил, кто уходил — непрерывное движение не прекращалось. Шли и партийные, и беспартийные. Работники горкома принимали всех, никому не отказывая.

Люди шли и лично к Мейраму — за советом, с требованиями и просьбами.

Вот один из трех посетителей, сидящих перед Мейрамом, говорит:

— Я приехал сюда на работу. Из батрацкой семьи. Участвовал в гражданской войне. Потом руководил волостным ревкомом, был председателем сельпо. А мне предложили в тресте заведовать конным двором. Это насмешка или попросту знать меня не хотят! Вот документы. Разберись в этом деле, дорогой.

Лет он был средних, роста среднего, лицо угреватое. Звали его Асаном. Он выложил на стол ворох сильно потрепанных, местами порвавшихся на сгибах документов.

— Истрепали вы их изрядно, — сказал Мейрам, просматривая документы.

— Ничего. Сниму заверенные копии.

— Подлинник всегда ценнее. Берегите свое богатство.

Асан и в самом деле когда-то был не последним работником. Но сейчас имел вид отсталого человека.

Подобно своим документам, он казался истрепанным и подержанным. Заведовать конным двором Асан считал ниже своего достоинства, а более ответственная должность была ему явно не под силу. Но этот до наивности самоуверенный человек твердо рассчитывал получить руководящий пост. Ему бы учиться, а он опирался на старые заслуги и при каждом возражении артачил, как своенравный конь.

Мейрам сказал со всей прямоотой:

— Если Щербаков предлагает вам заведовать конным двором, советую согласиться. В вашем распоряжении будет не маленькое хозяйство. На что вы способны для дальнейшего — покажет работа.

Асан молча собрал свои бумаги и вышел, унося в душе горькую обиду.

Второго просителя, ждавшего очереди, звали Аталык. На каждый вопрос он отвечал не меньше часа. Говорил не утомимо, без передышки. За свою недолгую жизнь Аталык успел побывать и фотографом, и руководителем танцевального кружка, и режиссером, и драматургом. Сев к столу, он, как и Асан, стал вытаскивать из кармана свои документы.

— Не трудитесь, — сказал Мейрам. — Я верю тому, что вы сказали. Можно владеть многими профессиями, но лучше по-настоящему крепко изучить одну. Вам надо зайти в городской совет, к товарищу Канабеку.

— Не пойду я к нему! — вскипел Аталык. — Ваш Канабек надменный и заносчивый человек. Обозвал меня летуном. Разве так принимают новые кадры?

— Он вас знал раньше?

— Да, знал когда-то.

Мейрам улыбнулся. Похоже, Канабек безошибочно оценил этого человека. Наплыв работников в Караганду не прекращался, среди них, естественно, встречались разные люди. И руководству приходилось внимательно оценивать каждого.

Мейрам с улыбкой ответил Аталыку:

— Я вас меньше знаю, чем Канабек. Да и неудобно мне вмешиваться в его дела. Все-таки я попробую поговорить с ним. А вы зайдите к нему еще раз. Если

он говорит о вас правду, не нужно обижаться, а лучше постарайтесь досконально изучить одно какое-нибудь дело. Если же Канабек ошибается, его нелестное мнение само по себе отпадет.

Аталык вышел из кабинета с таким же мрачным видом, как и Асан.

Третьей была женщина. Ей около тридцати. Ее спокойные глаза смотрели вдумчиво. Все время она сидела молча, изредка чуть улыбаясь изливаниям Асана и Аталыка. Молчала и теперь.

— Ну, женгей¹, говорите, — обратился к ней Мейрам. По документам он видел, что посетительница направлена партийной организацией.

— У меня требования более скромные. Дайте любую работу по моим силам. Об одном только прошу: не направляйте меня в управление треста.

— Почему не хотите в трест?

Женщина медлила с ответом. Мейрам подчеркнул:

— Работы хватает. Если у вас уважительная причина, можем направить в другое место.

— В управлении треста работает мой бывший муж.

— Кто?

— Султанов Жаппар.

Мейрам снова кинул взгляд на документ, лежавший перед ним. Да, Марияш Султанова... Знакомое имя, знакомая фамилия. Он припомнил, что это имя встретилось ему, когда он недавно перелистывал партийное дело Жаппара Султанова.

— Вы, кажется, подходите друг другу и по возрасту и по развитию. Как же случилось, что вы разошлись?

— Нас развело не легкомыслие, а другая, более важная причина. Каждый не хотел свернуть со своего пути в жизни. Вот и разошлись.

— Если ваши пути были разные, как же вы могли сойтись?

Марияш опустила голову, потом ответила:

— Сходясь, я не знала, какие встретятся нам пере-

---

¹ Женгей — обращение к замужней женщине.

пути и развилки на длинной дороге жизни. Он получил образование еще до революции, а я начала учиться при советской власти, окончила рабфак. Мы оба коммунисты. Я работала в женотделе краевого комитета партии. Муж занимал большой пост. Потом его снизили по должности, перевели в область. Почему так получилось — общеизвестно. Он был способный, энергичный человек, но не сумел освободиться от феодальных взглядов, привычек, впитавшихся в кровь. Сначала я терпела. Но когда эти пережитки прошлого привели его к национализму, к правооппортунистической практике, я восстала. Он твердо стоял на своем. И мы развелись.

— Почему же вы ушли с работы в краевом комитете партии?

— Я не могла жить подле него и уехала.

— Может быть, вы и сюда потому приехали, что до сих пор не находите в себе сил окончательно расстаться с мужем? — осторожно спросил Мейрам.

— Нет, не так, — ответила Марияш. — Если раньше я не покидала его по любви, то теперь я преодолела эту любовь. Я готова бороться с этим человеком. Он может стать опасным, если не откажется от своих взглядов.

Она говорила это спокойно. В ее словах не слышно было ни личной обиды, ни женской ревности. Было похоже, что Марияш глубоко продумала все пережитое и приняла твердое решение.

Продолжительная беседа привела Мейрама к заключению, что Марияш женщина способная, волевая, с незаурядным умом.

Он предложил:

— Давайте подождем немного. Подумаем, на какой работе вы будете всего нужней.

— Хорошо, — сказала Марияш и, простившись, вышла.

Кабинет опустел. Мейрам, отдыхая, прохаживался по комнате.

Вошла Антонина Федоровна. Положила на стол папку с бумагами, выжидательно помолчала. Она уже не первый день работала в горкоме, научилась пони-

мать Мейрама и, когда приходила к нему по делу, ни о чем первая не спрашивала.

Выпадали случаи, когда Мейрам и Щербаков расходились во мнениях, не понимали друг друга. Антонина Федоровна осторожно сглаживала эти временные размолвки и незаметно скрепляла деловую дружбу обоеих руководителей.

— Что принесли, Антонина Федоровна? — спросил Мейрам, садясь за стол.

— Проект последнего решения бюро... Вы сегодня еще не обедали?

— Не успел.

— Нехорошо это. Нужно пользоваться временем перерыва, а в выходные дни — отдыхать.

— Вы правы, — согласился Мейрам, открывая папку. — Постараюсь последовать вашему совету.

Мейрам углубился в чтение. Это было очень важное решение бюро. С ростом производства росли требования и к руководителям. То, что еще недавно считалось новым и выверенным, сегодня старело, тормозило развитие производства.

Решение бюро должно было практически отразить многое из этих назревших перемен. Необходимо усилить рабочий контроль на производстве и в учреждениях, в частности ставился вопрос об организации под руководством комсомола «легкой кавалерии». Бюро рекомендовало также создавать из числа передовых рабочих показательные бригады, смелее выдвигать на руководящую работу новых людей, проявивших свои способности и проверенных на работе. Бюро рекомендовало выдвинуть Жуманияза председателем горпрофсовета, а Жанабыла — первым заместителем секретаря горкома комсомола. Старое уступало место новому. На смену не оправдавшим себя работникам приходили энергичные, инициативные люди.

Перемены совершались и в самом тресте, в шахтах. Авария во время бурана мало чему научила Сейткали, он допустил новые промахи, хотя и старался на работе во всем подавать личный пример. Но технических знаний ему явно не доставало, а учиться он не хотел. Скрепя сердце Сергей Петрович подписал при-

каз о снижении Сейткали по должности. Другим приказом Аширбек был назначен главным инженером первой шахты — самой крупной в тресте.

Мейрам, перечитав решение, словно свежего воздуха глотнул. Теперь все зависит от того, как будет выполнено это решение. Растет народная сила! Шахты набирают темпы. Всеми помыслами Мейрам был сейчас там, глубоко под землей, вместе с шахтерами. Наконец он протянул подписанный протокол Антонине Федоровне и вдруг спросил:

— Наверно, Сергей Петрович не сразу пошел на отстранение Сейткали?

— Ему не легко было на это решиться.

— Что же делать? Я ведь тоже люблю Сейткали. Но — каждому свое место. При первом нашем разговоре Сергей Петрович упрекнул меня в том, что я круто беру. Советовал присмотреться к Сейткали, испытать его еще раз, помочь. К сожалению, нельзя было помочь.

— Да, порою вы круто, жестко берете, — сказала Антонина Федоровна, и это прозвучало у нее просто и естественно.

— Что вы имеете в виду? — насторожился Мейрам. — Или жаловались эти сегодняшние просители?

— Нет, я о другом... Извините, может быть это меня не касается. Но мы с Сергеем Петровичем на вас как на родного смотрим... Видите ли, человек не всегда замечает свои недостатки. Взгляните на себя... Мне Сергей Петрович все уши прожужжал о девушке Ардак, и на днях я пошла к ней в школу. Встретила в учительской, нашла предлог заговорить. И вот что скажу: как бы щедро жизнь ни наделяла людей, но ум и красота, добрый характер и общительность, знания и стремление к новому — эти качества редко даются одному и тому же человеку. У Ардак я нашла эти качества. И мне кажется, что вы не в меру строги к ней, не в меру требовательны.

Антонина Федоровна выжидательно посмотрела на Мейрама. Казалось, ее пытливый взгляд проникает в самую его душу.

На лице Мейрама вспыхнул румянец.

Он заговорил взволнованно:

— Это верно, Антонина Федоровна, вы и Сергей Петрович для меня как родные мать и отец. Но душевных переживаний человека иногда не могут понять даже самые близкие люди. Вы думаете, Ардак тоже не требовательна? В том-то и дело, что она строга и непримиримо требовательна к людям. И я еще не знаю, как в глубине души она относится ко мне. Справедливей сказать — Ардак мучает меня, а не я ее.

Антонина Федоровна улыбнулась:

— Ах, вот как! Впрочем, в жизни случается, что друг мучает больше, чем чужой, и все кончается к общему благополучию.

Время было уже позднее, сотрудники разошлись. Мейрам и Антонина Федоровна тоже собрались домой.

Глава двенадцатая

Коротки зимние дни. Но ни один не проходит без следа — что-нибудь да приносит шахтерам. Вот сегодня на первой шахте многолюдное собрание. В красный уголок набилось до двухсот человек. Преобладали кайловщики, крепильщики и вагонетки. Те, которые явились после смены, в рабочей одежде, держались отдельно, сели позади.

За столом президиума разместились секретарь первичной партийной организации, он же бригадир ударной бригады, Ермек, заместитель секретаря горкома комсомола Жанабыл, председатель городского совета профсоюзов Жуманияз, управляющий трестом Щербаков, Константин Лапшин и другие. Руководители производства и городских учреждений не всегда приходили на собрания отдельной смены шахты. Но эта шахта была первенцем Караганды, у нее самый большой план, много рабочих. Да и цель собрания значительная. Оно посвящено практическому выполнению последнего решения горкома о перестройке производственной и организационной работы на шахтах.

Докладывал вновь назначенный главный инженер шахты Аширбек. Люди не шевелясь слушали оратора.

Если кто-нибудь неосторожно поднимал шум, все недружелюбно оглядывались. Аширбек резко критиковал недостатки передовой шахты.

— Мы, товарищи, сравнительно быстро изгнали из нашей практики ручной и конный барабаны — наследие алчных англичан. Хотя это и радостный факт, но он не дает нам права успокаиваться и тем более гордиться, — говорил Аширбек, намекая на тех рабочих и руководителей, которые переоценивали первые достижения на производстве. — Наша первая шахта в настоящее время за один день дает угля столько, сколько в прошлом году давала за месяц. И все-таки этого мало. Если бы силы были распределены и использованы более рационально, если бы мы нашли более эффективные методы труда, то и угля давали бы во много раз больше...

— Вот ты нам и скажи об этих методах! — послышался голос из задних рядов.

Аширбека знали как человека замкнутого, не любившего много говорить. Но если такие люди уж заговорят, то выскажутся до конца. Такое настроение и владело сейчас Аширбеком. Он волновался, часто переступал с ноги на ногу и вытирал платком влажный лоб.

— Наш рост задерживают подготовительные работы. Для того, чтобы шахта работала не в тесноте, а на просторе, нужно проложить подземный путь в тысячу метров длиной, а у нас проложено только шестьсот. Пока не удлиним пути и не умножим штреки, не доберемся до сердцевины залежей. Если копаться с краю, полон рот угля нипочем не наберешь, только зубы зря иступишь. А у нас как повелось? Стоит начальнику шахты товарищу Осипову перевыполнить дневную норму, руководитель треста товарищ Щербаков хлопает его по плечу: дескать, молодец! А когда Ермек говорит, что «поле деятельности у нас суживается, нужно расширять, иначе зайдем в тупик», Осипов посмеивается, называет беспокойство его паникерством. Такого руководителя полезно шелкнуть по лбу, а не по плечу хлопать. Хвастаясь дневной добычей, мы теряем из виду месячные, годовые перспективы.

Если не расширим подготовительные работы, шахта самое большее через два месяца окажется в тупике. Для того, чтобы выйти из него, потребуются месяцы, а то и целый год, да еще сколько тысяч государственных денег ухлопаем!

Аширбек повернулся к начальнику шахты:

— Неужели товарищ Осипов, опытный шахтер, не понимает этого? Скажу и о другом. За последний месяц у нас двести семьдесят пять рабочих часов ушло на простои и исправления повреждений: то путь испортился, то обвалилась кровля, то недостает крепежных материалов... Кто же в этом повинен, если не руководители? Мы все беды сваливаем на малый опыт рабочих и с безмятежной совестью относим убытки за счет государства. Разве это не безответственность? А если поглубже копнуть, то, пожалуй, и вредительство найдем. Строже нужно с товарищей взыскивать за их грехи. А товарищ Щербаков не позволяет птице над Осиповым пролететь, боится, как бы не обеспокоила. Пусть начальник шахты выйдет на трибуну и расскажет нам, как он намерен увеличить в шахте добычу...

Осипов беспокойно двигался на стуле. Когда все повернулись к нему, Осипов поднялся явно смущенный: он ерошил рукой свои густые черные волосы.

Щербаков глядел на него с хитрой прищуркой: «Что, брат, трудновато? Привык одни мои похвалы выслушивать?»

— Я думаю, — начал Осипов, — что дневной добычей пренебрегать нельзя. Из нее складывается продукция месячных и годовых планов. Что касается будущего, я возлагаю большие надежды на тот план, который был предложен покойным Орловым...

Аширбек крикнул с места:

— Вы, товарищ Осипов, копаете колодец, когда перед вами море! Пока не будет удлинен уклон и увеличено количество штреков, добыча не увеличится. А пласт, открытый Орловым, еще требует изучения.

— Он изучен. Там угля много.

Раздался голос старого шахтера Спана:

— Если изучен, то скажи: на какой глубине от этого пласта лежит озеро?

На это Осипов не мог ответить. Он сказал только то, что слышал от Орлова. Изучение нового пласта еще не было начато. Предстояло осуществить пробное бурение. А за пластом действительно лежало огромное озеро шахты «Герберт». Никто не знал, глубоко ли оно расположено или примыкает к самому пласту. Точно не установив всего этого, легко нарваться на аварию.

В еще большем смущении Осипов сошел с трибуны. Никто больше не выступал; новички смотрели на «стариков», а те поглядывали на президиум.

— Придется, видно, мне, — сказал председательствующий Ермек и медленно поднялся из-за стола.

Ему аплодировали. Из прежних ораторов никто не удостоился этого внимания. Люди ждали от старого шахтера прямых слов, ждали, что шахтер найдет правильное решение. Нахмутив брови, Ермек начал:

— Все вы свидетели того, как на месте пяти-шести прежних старых бараков вырос крупный промышленный город Караганда. Руки рабочих его построили. Большая заслуга в этом и наших руководителей, прежде всего товарища Щербакова. Он честно и умело выполняет задание партии и правительства. Сегодня мы критикуем Осипова, но часть критики Сергей Петрович должен принять на себя. Хочет, не хочет, а обязан принять.

— Это уж как водится! — громко сказал Щербаков.

— Да, так у нас водится, — повторил Ермек. — Справедливая критика помогает нам двигать дело вперед. Так давайте же, товарищи рабочие, оглянемся на самих себя...

То, о чем другие говорили с оговорками, Ермек называл смело, резко. Доверие к себе он завоевал не только своим умением рубить кайлом, но и умением рубить честным и правдивым словом. Слушали его напряженно.

— По решению горкома партии у нас организована «легкая кавалерия», — продолжал Ермек. — Теперь

всякая халатность, всякая безответственность изобличается смело. Пока не будут вырезаны с корнем эти болячки производства, оно не сможет развернуться широко. Вчерашняя проверка показала, что только за одну смену вместе с углем на-гора было подано пять вагонеток породы. Большое спасибо комсомольцам товарища Жанабыла, раскрывшим это безобразие!

— Смена Калтая дала больше других породы! — крикнул Акым с места.

— Вот видите! Молодой забойщик, участник «легкой кавалерии» Акым указывает пальцем на старого Калтая! — повысил голос Ермек и метнул взгляд своих огненных глаз на Калтая. — Борьбу нужно вести не только за увеличение добычи угля, но и за чистоту его. У нас есть такие охотники — дать государству поменьше, а получить побольше. Свои личные интересы они ставят выше государственных. Бывают случаи, когда вагонетки не заполняются на четыре пальца. Заявляю здесь твердо: мы не прекратим борьбу до тех пор, пока не выведем на чистую воду всех этих жуликов! — и Ермек поднял свой увесистый кулак.

Алибек съежился, сидя среди шахтеров. Ему показалось, что кулак Ермека занесен над его головой. И тут же укорил себя в малодушии. Он был уверен, что пока никакая опасность разоблачения не грозит ему. «Если и обнаружите мои проделки, то меня самого все равно не сыщете», — злорадно думал он.

— Есть у нас такое ходовое словечко: «орел»¹, — продолжал Ермек. — Охотники в степи спускают орла на дичь, а наши тайные «охотники» спускают «орла» для разрушения шахты. То порвется трос, то сцепление вагонеток нарушится, то испортится дорога. И вот вагонетка летит под уклон. Такой «орел» и человека может покалечить. Надо прямо сказать — у производства сейчас два врага: один враг классовый, который жалит исподтишка и ядовито, как змея, другой — тот, кто беспечно, безответственно относится к делу. Революционная бдительность должна стать пролетарской

---

¹ В старину шахтеры называли «орлом» вагонетку, оторвавшуюся от прицепа.

традицией. И мы никому не позволим нарушать эту традицию!

Ермек начал свою речь хладнокровно, а закончил с подъемом. Его волнение передалось всему собранию. Один за другим шахтеры поднимали руки, просили слова.

Безбородый рыжий Исхак горячо кричал с места: — Если уж говорить, так не в бровь, а в глаз! Вот этот Кусеу Кара... — Исхак огляделся по сторонам, но так и не мог найти спрятавшегося за спины людей Алибека. — Он всегда «болеет», когда спешка в работе, а в обычное время — здоров. И уже дважды подводил нашу бригаду. Если болен, пусть переходит на поверхность. Я больше в свою бригаду его не допущу. А ты, Тайбек, чего тарачишь на меня глаза? Гляди не гляди — все равно скажу правду. Вчера ты пьяный спустился в шахту. А уж если десятник «веселенький», не может быть нормальной работы. Есть у тебя еще привычка мирволить своим собутыльникам. Подбираешь им легкую, выгодную работенку. Шахта не личная твоя собственность. Если не бросишь эту привычку, будем с тобой бороться, товарищ, засучив рукава.

Горячие слова Исхака больно задевали ленивых и нерадивых, заставляли их краснеть, но ни у кого не повернулся язык возразить ему. Все знали бескорыстие ударника Исхака, человека откровенного, с чистым и добрым сердцем.

После него на трибуну вышел Акым. Сразу бросался в глаза его очень высокий рост. Барьер трибуны нормальному человеку приходился по грудь, а Акыму — по пояс. Он стоял как-то несобранно, говорил сбивчиво, но его слушали.

— В прошлом месяце самый большой после Ермека заработок кто получил? Я получил. И самую высокую норму дал тоже я, — начал Акым. — А сейчас? У меня нет сейчас определенного забоя. Десятник Тайбек то гонит меня на раскос, то ставит на лопату. А кто же даст угля, если кайловщик будет болтаться целый день на подсобных работах? Товарищ Тайбек меня каждый день бранит. «Ты, говорит, комсомолец и

на любом месте должен быть ударником. Какая беда приключилась с тобой?» Беда приключилась не со мной, а с нашим десятником.

— Комсомольцы должны смелее критиковать таких руководителей, — бросил реплику Жанабыл. — Почему не вызовете Тайбека на комсомольское собрание?

— Так он же не комсомолец, — растерянно ответил Акым.

— А где профсоюз? — вмешался Жуманияз. — Что смотрит шахтком? Обсудите распоряжения Тайбека на производственном совещании.

— Не считается он с нашими совещаниями, не ходит на них. Наша «легкая кавалерия» на производственных совещаниях и в стенной газете подняла тринадцать вопросов. А разрешены только три. Остальные остались на бумаге...

Акым наизусть, без бумажки, начал перечислять эти вопросы.

Но больше всех парили Осипова. Он часто посматривал на Щербакова, надеясь, что тот поддержит его, заслонит своей грудью, но Сергей Петрович ни одного слова не сказал в его защиту. Курил трубку, внимательно слушал каждого выступавшего, записывал памятки в блокнот.

Так же резко критиковали Осипова и донбассовские рабочие, приехавшие в Караганду вместе с ним. Попросил слова комсомолец Воронов. Его острое веснушчатое лицо разругалось, говорил он торопливо, размахивая локтями.

— Наш начальник шахты слаб по части хозрасчета. А без этого производство вперед не двинется. Еще существует обезличка, неумение найти каждому рабочему его место. У нас в Донбассе не потерпели бы такого беспорядка. И сам Осипов не потерпел бы. Что же здесь с ним случилось? Зазнался — один ответ. Но повинен в этом не только Осипов. Это вина и парткома, значит Ермека Барантаевича, и профкома, и товарища Щербакова!

Сергей Петрович слегка подтолкнул Ермека:

— Попадает нам от комсомольцев.

— Акым и Воронов соревнуются между собой, —

ответил Ермек. — Они давали по полторы и по две нормы, а за последнее время наткнулись на помехи. Вот Жанабыл и наострил их, чтобы резче выступали.

— Кто бы ни наострил их бритвы, одна забота: только бы чище брили, — отозвался сидевший рядом Жанабыл. — Видать, кое у кого сильно отросли бороды. Вот комсомольцы и бреют.

В конце затянувшегося бурного совещания выступил Щербаков. Старый горняк, он много видел таких собраний, знал цену рабочему слову и уважал его. Он никому не сделал замечания вроде: «Это ты лишнее сказал», — даже тем, кто в запальчивости преувеличил недостатки. Он умел в критических выступлениях отбирать зерна истины и выбрасывать все, что было плодом горячности и передержек.

— Критика и самокритика освежает, как чистый воздух. Она изгоняет из шахт вредный газ, — внятно и спокойно говорил Щербаков. — Наше собрание вскрыло много существенных недостатков. Партия требует, чтобы мы не стояли на месте. И плох тот руководитель, который успокаивается на достигнутом. Вот успокоился товарищ Осипов — и ему справедливо попало. А вместе с ним и мне... Что было главным в сегодняшней критике? Указание на то, что мы недостаточно заботимся о будущем производства. Это верно. Однако двигаться вперед можно по-разному. Одни прыгают, подобно дикой козе, другие идут спокойным, уверенным шагом. Товарищ Аширбек призывает к прыжкам, требует проложить тысячеметровый путь. Я понимаю его нетерпение. Но всему свое время. Ведь если сделаем нерасчетливый, неразумный прыжок, можем изувечиться. В ближайшие два-три месяца наша молодая индустрия не сможет дать нам необходимого оборудования для проходки тысячеметрового пути. На необдуманные прыжки я не согласен. Придется немного подождать. Пока ограничимся восемьюстами метрами. Хотя вот Жаппар Султанович никак не хочет помириться меньше чем на двух тысячах метров.

Послышались смешки, а Щербаков продолжал:

— Расширяться будем реально, а не в мечтаниях.

Решение бюро городского комитета партии призывает нас не к бесплодным мечтаниям, а к работе. Что еще ценное, реальное было здесь высказано? Требование изучить новый пласт, открытый Орловым. За изучение надо приняться немедленно, со всей энергией. Много и других предложений было высказано, товарищи. Одни бесспорные, другие нуждаются в уточнении. Во всем мы сейчас не разберемся. Давайте поручим знающим людям разработать резолюцию. Трест примет ее как программу работы на ближайшее время...

Действительно, свежим воздухом повеяло на этом собрании.

Все разошлись. Щербаков ушел с собрания последним — один. Ночь была мгlistая. Скрипя сапогами по затвердевшему снегу, он медленно шел, разбираясь в обильных впечатлениях, которые оставило в нем шумное собрание. Всякий раз после встреч с шахтерским коллективом он чувствовал прилив сил, несмотря на то, что в первые минуты, не легко переживал открытую и резкую критику. Он сознавал, что хозяйство ему доверили большое, что рабочие полагаются на него, а он допустил застой на ведущей шахте. Но как это славно, что откровенно поговорили! Был уже первый час ночи, но домой не тянуло — хотелось поделиться впечатлениями с Мейрамом.

Он повернул к управлению треста. В окнах второго этажа, в комнатах горкома, еще горел свет. Щербаков зашел к жене.

— Добрый вечер! — приветствовал он Антонину Федоровну. — Мейрам у себя?

— Здесь. По телефону с Москвой говорит — товарищ Орджоникидзе вызвал.

На голос из кабинета вышел Мейрам. Глаза у него были веселые, лицо взволнованное.

— Вам привет от Григория Константиновича, — сказал он Щербакову. — Товарищ Орджоникидзе вас вызывал, я ответил, что вы на шахте. Он просил передать: все заявки треста удовлетворены. В первом квартале нам пришлют тридцать врубовых машин. Из них две в этом же месяце — для обучения людей.

— Прекрасно! — Щербаков торопливо шагнул к

Мейраму. — Тридцать машин дадут больше угля, чем сотни кайловщиков. Теперь зашумим!

— Кроме того, Григорий Константинович обещал пятьдесят грузовиков и пять легковых машин. Просил передать также, что строительство Карагандинской ГЭС будет ускорено.

— Вот-вот. Электричество для нас дороже всего! — радостно воскликнул Щербаков.

Быстро сняв пальто, он взял под руку Мейрама и направился с ним в кабинет, оживленно говоря на ходу:

— Новая техника пойдет теперь непрерывным потоком. Люди ждут ее. Я сейчас прямо с собрания рабочих. Жарко было, но хорошо. Чудесный народ, деловой! О производстве говорят как о самом дорогом в жизни. Послушали бы, как рассуждают! Требуют расширения подготовительных работ, удлинения проходов. О завтрашнем дне думают. А вот мы, руководители, кое в чем отстаем. Не покончили с обезличкой, не сумели правильно расставить людей. Большинство простоев и аварий порождаются именно этим.

— А недобитый классовый враг использует наши промахи.

— Как всегда. Вот я и хочу навести порядок на производстве. Прежде всего — твердый хозрасчет. Это научит руководителей по-хозяйски использовать новую технику. Отдельные руководители шахт до сих пор сваливают на плечи государства убытки, проистекающие от их собственной неосмотрительности. Надо ввести такой порядок, чтобы они не только слышали похвалы за свои успехи, но и сами отвечали за убытки. И — кажется, это справедливо — нужно расширить подготовительные работы. Как вы смотрите? — И, не дожидаясь ответа, Сергей Петрович, переполненный впечатлениями от собрания, продолжал: — Резче других критиковали Осипова. Правильно критиковали: успокаиваться начал, не глядит вперед. А я потакал ему в этом.

— Осипов не Сейткали, — заметил Мейрам. — На то, чтобы выправиться, сил у него хватит. Он сумеет обратить критику себе на пользу.

— Все-таки тяжеленько ему, — раздумчиво проговорил Сергей Петрович. — Шахта самая большая, ведущая... Не дать ли ему заместителя? Если выдвинуть в помощники Ермека? Вдвоем потянут?.. Тем более что у них теперь Аширбек.

— Хорошая мысль, Сергей Петрович, — сразу согласился Мейрам. — У Ермека богатая практика за плечами, человек он способный. На первой шахте крепкое создастся руководство...

Время было уже позднее, а Щербаков все еще заглядывал в свой блокнот, заполненный бисерным почерком, и говорил:

— Дело теперь за нами, за освоением новой техники. Из местного населения мы уже начали создавать рабочую армию. Теперь самое время обучать командиров для этой армии. Фабрично-заводские училища себя оправдают. Но этого мало. У меня вот какая мысль возникла... Не послать ли нам человек сто рабочих на практику в Донбасс и в Кузбасс — пятьдесят?

Предложение очень понравилось Мейраму.

— Превосходная идея! Направьте побольше молодежи.

— И про стариков не забудем, — весело отозвался Сергей Петрович.

Было уже очень поздно, когда зашла Антонина Федоровна.

— Долго засиделись! Идемте-ка, я вас угощу чем-нибудь, ведь вы, наверно, не догадались пообедать.

Глава тринадцатая

Глубокая ночь. В доме спят. Только Ермек при свете электрической лампочки, обернутой синей бумажкой, читает «Вопросы ленинизма» на русском языке. Читает он давно, устал. Время от времени пальцами протирает глаза и снова склоняется над книгой. Перед ним раскрытая общая тетрадь в черной клеенчатой обложке. Иногда он что-то записывает. Почерк

у него крупный, некрасивый. Трудно учиться старому шахтеру, на склоне лет познавшему грамоту.

Загавкала собака, спавшая в сенях. Ермек и бровями не повел. Но вскоре постучали.

— Кто там?

— Это я, Байтен.

Байтен вошел, задыхаясь под тяжестью туго набитого мешка, и опустил его на пол.

— Мейрам дома?

— Нет, еще не вернулся.

— Поживей опорожни мешок. Тороплюсь.

— А что в нем такое?

— Бери, все твое.

Заглянув в мешок, Ермек удивился. Там были: масло, сыр, печенье, консервы. Постояв некоторое время в ошеломлении, он пригласил Байтена в комнату.

— Садись! — вдруг гаркнул он. Лицо его приняло ожесточенное выражение, усы встали торчком. — Песты, даже хуже пса! Моя собака, и та не тронет чужие продукты, даже если они будут валяться под ногами! Разве мы тебя, пожилого, почтенного рабочего, затем приставили к государственным продуктам, чтобы ты... воровал?! Где твоя совесть? Ах ты, бесстыдник этакий! Не зря, видно, говорят, что ты повадился по чужим дворам... Теперь и до меня дошел!.. Сейчас же рассказывай, кому и по сколько мешков отнес!

Проснулась Ания, жена Ермека. Поднявшись с постели, она подошла к ним.

Байтен и ухом не повел. Он работал теперь подсобным рабочим на продовольственном складе. Должность сильно пришлась ему по нраву: за короткое время раздобыл, приделался. Тщеславный по натуре, падкий на лесть, он любил похвастаться, как хорошо и привольно ему живется. По глупости своей он вел, что к Ермеку его послали затем, чтобы на самом деле помочь в трудную минуту.

Поэтому он попытался уговорить Ермека:

— Да это ж не ворованные продукты, а государственное добро. Ты полезный для производства человек. Жить сейчас туговато. Вот и решили тебя поддержать. Бери, пользуйся.

— Все зубы тебе выбью! Скажешь правду или нет? — наступал на него Ермек.

Байтен постепенно начал сдаваться.

— Брось, не замахивайся. Много мешков и ящиков со склада уходит. Откуда мне знать, кому их раздают? Я только для тебя старался. Заведующему сделал намек...

— Самому Махмету, что ли?

— Махмету, конечно. Только ради тебя. Стану я просить для других...

Украдкой от Ермека он мигнул Ании: «Бери!» Но та отрицательно покачала головой.

Не зная, как быть с глупым приятелем, Ермек некоторое время молчал в раздумье, потом решительно сказал:

— Забирай свой мешок и сгинь!

Байтен с мешком на плечах вышел за дверь и пропал в ночной темноте. С его лба лился пот. Не заходя ни на склад, ни к себе — он жил в том же доме, что и Ермек, — Байтен явился прямо на квартиру Махмета.

Возле дома стоял гнедой конь Рымбека, запряженный в легкие сани. Байтен постучался. Вышел Махмет.

— Ты что?

— Ой-бой, беда! Только я пришел, Ермек начал допрашивать, как следователь. И щепотки не взял, чуть зубы не выбил мне...

— А ты сказал, что по дружбе принес?

— А как же! Теперь пусть на себя пеняет. Не понимает, глупая голова, что добро ему делают. Будто не найдется людей, которые возьмут да еще поклонятся. Я все целиком обратно принес, мне ничего не нужно. А сейчас пойду, еще заметит кто-нибудь.

Байтен торопливо ушел.

Махмет вернулся в комнату, охваченный страхом, теряясь в догадках. Его одутловатое румяное лицо покрылось бледностью.

— Что там случилось? — спросил Рымбек.

— Не могу понять я этого идиота Байтена! Понес

Ермеку мешок с продуктами и вернулся с мешком назад.

— Смотри, не кроется ли за этим какого подвоха, — предупредил Рымбек.

Пуганому и одинокое дерево кажется рощей. Как ни были эти люди готовы на любую подлость, а все-таки, боясь кары, дрожали всем телом и костили беднягу Байтена на все лады. Наивность его казалась им хитростью.

— Остерегайся! Сплавь этот мешок поскорей из дому, — приказал Рымбек и поднялся уходить. — Если потом возникнет разговор, не признавайся. Свали на Байтена.

— Давайте я положу мешок в ваши санки.

— Нет, я еще должен заехать кое-куда.

— О, знаю! — воскликнул Махмет и стал одеваться. — Отдам отагасы Алибеку. Он проглотит, как песок воду. Подвезите меня.

Положив мешок в сани, они поехали к дому Алибека. По дороге Рымбек принялся подбивать Махмета смелей ухаживать за Ардак.

— Девушка поначалу всегда колеблется, не знает, кого выбрать. Из двух соперников тот победит, кто не падает духом. А ты что теряешься?.. Одного твоего взгляда довольно, чтобы соблазнить не только глупую девчонку, но и замужнюю молодуху.

— Что-то мне сдается, что она спуталась с Мейрамом.

— Робок ты, — усмехнулся Рымбек. — Чем он лучше тебя? В этих делах партийный пост не помог ему, а помеха. У него каждый шаг на учете, а ты иди напролом. Пока он издали примеривается, ты подойди вплотную. Девушка-то охотно разговаривает с тобой?

— О, еще как! Только очень неуступчива, будь она неладна.

— Это не беда. Нет такого твердого металла, который бы не расплавился на огне. Только не переставай улещивать и лови случай...

Махмет считал Рымбека знающим толк в любовных делах и доверял его советам.

Воскресив в Махмете его вожделенные надежды,

Рымбек высадил его возле жилья Алибека и поехал дальше.

Махмет, спускаясь по обледеневшим ступенькам земляного барака, дважды поскользнулся и упал. В последний раз сильно ушибся. Мешок отлетел в сторону. Махмет схватился за бок.

Услышав стук, Ардак открыла дверь.

— Кто здесь?

— Да это я, Махмет.

— Что это вы в такой поздний час? Войдите.

Незадачливый ухажор ввалился в землянку, волоча за собой мешок. При падении он выпачкал пальто. Бок ныл тупой болью. Как ни старался Махмет держаться молодцом, а вид у него был довольно жалкий. Ардак спросила с улыбкой:

— Вы упали, что ли?

— Да, поскользнулся. Скользко тут у вас.

— Подкованная нога не скользит.

— Подкован-то я крепко, но бывают случайности.

— Надо остерегаться случайностей. Не зря говорят: осторожность охраняет от беды.

— Я, по своей природной доверчивости, частенько обманываюсь, — пожаловался Махмет и горестно вздохнул. — Вы для меня стали миражем, который можно только видеть, а притронуться нельзя. Смотрите вы на меня с улыбкой, а сами жестоко испытываете. Придет ли время, когда вы сжалитесь надо мной?

Эти печальные мольбы Ардак слушала спокойно, опустив глаза. Когда он перестал изливаться, она вскинула голову и отступила назад. Бросила взгляд на мешок, лежавший у порога, потом на Махмета. Казалось, она сразу угадала, чем наполнен мешок и чем нутро Махмета. Так же спокойно Ардак села. За последнее время она расцвела пышным цветом. Грудь держала высоко, как птица, на стройной белой шее играло ожерелье из жемчуга. Волосы уже не подстрижены, как прежде, начали отрастать косы. Она заплела их, уложила на затылке. Если недавно в глаза бросалась ее детская непосредственность, то теперь и характер и фигура ее определились. Казалось, и разум ее стал зрелым. На столе лежали две раскрытые

книги. Строчки местами подчеркнуты, на полях — пометки.

После длительного молчания Ардак ответила:

— Я пожалела вас с первой встречи. Но приказывать сердцу нельзя. Я это еще тогда вам сказала. Если бы вы сами жалели себя, вы не стали бы себя мучить.

— Не хочу жалеть! Я бросил свое сердце к вашим ногам. Топчите!

— Очень дешево вы цените свое сердце. Чуть что, бросаете под ноги. Можно ли уважать сердце, которое так легко вынимается из груди и так легко вкладывается обратно? Положите его на место — без сердца не может жить даже лягушка.

Эти спокойно, без насмешки произнесенные слова убили в душе Махмета всякую надежду. Круглое лицо его, похожее на полный торсук, увяло, как бывает с тем же торсуком, когда его опорожняют. Теперь он уже был озабочен лишь тем, чтобы приняли мешок.

— Где отагасы?

— На работе.

— Когда вернется?

— Утром, в шесть часов.

— Этот мешок я принес ему.

Даже не взглянув на мешок, Ардак сказала с досадой:

— Вы член партии и ответственный работник. Что скажут о вас люди, молодежь? Какой пример вы им подадите? Или вы хотите меня унижить? Забирайте этот мешок, забирайте сейчас же! — тоном приказания сказала она и встала.

— Хорошо, я пришлю за ним завтра, а пока пусть полежит здесь.

— Нет, пусть не лежит. Имейте в виду, я говорю с вами так из жалости. Иначе...

Взвалив мешок на плечо, спотыкаясь о ступеньки, Махмет вышел из землянки.

Если какой-нибудь вещи суждено разбиться или сломаться, она непременно столкнется с предметом более крепким. Так Махмет столкнулся с Ермеком и Ардак. Но ему предстояли еще новые неприятности.

Завидя в позднюю ночь человека с мешком, собаки подняли лай. Черный кобель и пегая сука кинулись на него, как бы требуя своим страшным гавканьем: «Отдай свою добычу!» Другие псы их поддержали. Махмет отгонял собак комками затвердевшего снега. Только что он двинулся дальше, как из-за угла вывернулся Жанабыл.

— Кто это? — крикнул он.

Махмет узнал его по голосу, бросил мешок и пустился наутек. Жанабыл погнался за ним. Но бежал не во всю мочь, его душил смех. Наконец не выдержал, повзалился в сугроб, схватившись за бока.

Но Жанабыл не узнал Махмета. Возвращаясь с вечерней работы, он зашел к Ермеку и от него услышал о проделке Байтена. И сейчас подумал, что это Байтен до сей поры таскается со своим мешком, и погнался за ним с невинным желанием попугать его. Однако он не мог понять: каким образом Байтен оказался так далеко от своего барака? Поднявшись на ноги, он увидел, что след ведет к землянке Алибека.

С мешком за спиной Жанабыл вошел в землянку.

Ардак засмеялась:

— Ну и чудеса! Сегодня ночью все возятся с мешками!

— Байтен был у вас?

— Байтена я не видела, а вот Махмет заходил.

— Вот так штука! Значит, я удостоился видеть самого тучного заведующего! — снова захохотал Жанабыл. — Жаль! Если бы я знал, кто попался мне на дороге, я всыпал бы ему тумачов и сам притворился бы, что не знаю, кого колочу.

— Разве секретарю комсомола полагается драться?

— Э, и у секретаря руки не связаны!

Молодые люди привыкли шутить, подтрунивая друг над другом. Бойкий и правдивый Жанабыл всегда нравился Ардак. Она охотно занималась с ним в школе, беседы их затягивались надолго. Но за последнее время они встречались все реже. Вспомнив об этом, Ардак погрустнела.

— С тех пор как ты стал секретарем, ты редко

приходишь учиться, мало бываешь у меня. Как бы не оборвалась наша дружба.

— Не забывай, — серьезно ответил Жанабыл, — что я не легендарный батыр, а обыкновенный человек. Когда-то я считал служащих чуть ли не дармоедами, и только потому, что никогда не видел у них пота на лбу. Это была одна из крупных моих ошибок. А как много было у меня свободного времени! Бывало отработаю положенные шесть часов, а остальные восемнадцать — в полном моем распоряжении. Если бы все наши рабочие умели использовать это время для учения, то давно стали бы инженерами. На встречу с тобой у меня теперь не всегда хватает времени, хоть мы и живем по соседству. Вот сейчас два часа ночи. Ты сидишь и спокойно читаешь книгу. А мы только что разошлись после совещания и споров. О чем спорили?.. Да вот — выпрямить кривобоких людей труднее, чем разогнуть железо. Когда мы выгнали кулака Куржика из аула, мне казалось, что все тяжелое прошлое ушло вместе с ним. И опять ошибся. Старого осталось немало. Махметы и Байтены, старые привычки и взгляды --- все это обломки рухнувшего старого мира. Если их не сбросишь с плеч, они готовы на голову сесть, а классовые враги, те стараются ужалить, как овод. Они-то и воруют мое время, да не только мое. Ты же умная девушка, Ардак. Если вдумаясь хорошенько, то не только упрекать перестанешь, но пожалеешь меня. А я вот жалею Сергея Петровича и Мейрама. Больше себя жалею. Есть ли у них покой даже во время сна?

Ардак, вся подобравшись, сидела, как сокол на тугуре¹. С огоньком в глазах слушала она Жанабыла. Кажется, только вчера приехал из аула этот паренек. В то время руки на работе у него были, как говорится, короткие, а общее развитие — еще короче. Сейчас Жанабыл говорит с ней как опытный, знающий общественный работник. Ардак думала с гордостью: «И я вложила частицу своего труда в его развитие».

Всякому свое. Крестьянин пашет поле, сеет хлеб,

---

¹ Тугур — подставка, на которой сидит охотничья птица.

а его маленькая девочка ковыряет землю и сажает цветы. Когда распускаются цветы, она считает себя счастливее всех. Ардак чувствовала себя сейчас как эта девочка.

— Понимаю, Жанабыл, все понимаю, — проговорила она. — Но вот что... Однажды дочь Карла Маркса спросила у него: «Что такое счастье?» Он ответил: «Борьба». Вся жизнь людей, создающих счастье в мире, проходит в борьбе. Их труды, которые они написали, борясь за наше счастье, и оставили нам в наследство, мы все еще не успели прочесть. А ведь они находили время и для учения, и для науки, и для любви, и для беседы со своими друзьями. Если у нас не хватает на это времени, не сами ли мы виноваты? Пожалуй, всему виной наше неумение организовать себя, наша односторонность. Нет ли такого недостатка и у тебя и у полюбившегося тебе Мейрама?

— У меня-то определенно есть! И я хочу покончить с ним. Поэтому даю тебе слово: три раза в неделю аккуратно буду являться на занятия. Что бы ни случилось, найду время и для подготовки к урокам. — Помолчав, он сказал неосторожно: — Думаю, и Мейрам сумел бы, не в ущерб делу, найти время, чтобы почаще бывать в этом доме.

Ардак вспыхнула.

— Не болтай лишнего! Никто не просит, чтобы он часто ходил к нам.

Жанабыл невзначай разбередил ее рану. После свидания с Мейрамом, когда она убежала, встречались они редко, да и то только на людях. Мейрам остерегался подойти первым, думая, что девушка сторонится его, а ей мешало самолюбие. Сколько раз она бранила себя за то, что не продлила тогда свидания, и все-таки не могла сломить своей гордости и заговорить первой.

— У него нет досуга ходить к нам. И пусть! С некоторыми друзьями лучше держаться подальше.

Жанабыл не придавал значения этим словам.

— Вам, конечно, виднее, куда ходить, где встречаться. Ну, кажется, мы с тобой наговорились. Теперь, разреши, пойду поболтать с Майпой.

Жанабыл взялся за мешок.

— С добычей возвращаешься?

— Да, надолго теперь хватит разговоров об этом мешке.

Ардак осталась одна. Все думала и думала о мельком оброненных словах Жанабыла: «Мейрам мог бы почаще бывать в этом доме».

Глава четырнадцатая

После бурного собрания на первой шахте Щербаков подписал приказ, решительно ломающий прежние порядки. Приказ висел на видном месте в каждой шахте, в помещениях, где выдавались наряды. Прошла уже неделя, как Ермек был утвержден заместителем начальника первой шахты. Его место бригадира ударной бригады по проходке занял Акым.

Ермек вместе с начальником шахты Осиповым обсуждали текущие вопросы в конторе. Казалось, что они были созданы в противоположность друг другу. Ермек — богатырского сложения, уравновешен, спокоен до невозмутимости; Осипов — маленького роста, худощавый, ходит и говорит быстро, скор на решения. Но эти различия не мешали начальнику и его новому помощнику дружно работать.

— Все эти новшества полезны, — с задорной улыбкой говорил Осипов. — Я, друг, поумнел после того, как на собрании покритиковали да Щербаков вlepил выговор.

— Критика всех нас встряхивает, — согласился Ермек. — Когда-то мы раскачались бы приладить к бремсбергу барабан, а теперь живо сделали. Вот начинаем удлинять уклон и направили туда бригаду Акыма. Иначе нам пришлось бы туго с выполнением плана.

— Это ваша с Аширбеком заслуга, — признался Осипов. — Вы без устали твердили об этом. Вот только теперь я понял, что чуть не проморгал главное, увлекшись повседневными мелкими хлопотами.

— Э, — отмахнулся Ермек, — не важно, чья заслуга, было бы на пользу.

Осипов взглянул на карманные часы, поднялся.

— Пора к Сергею Петровичу, он не любит, когда опаздываешь. Вы сейчас в шахту?

— Да, проверю, как теперь идет дело.

— Зайдите и к Аширбеку.

— Обязательно. А вы напомните Сергею Петровичу об удлинении в шахте железной дороги, иначе тормозится вывоз угля.

Выйдя из конторы, они разошлись в разные стороны.

Ермек отправился в шахту. Брови у него сдвинуты. Как и всегда, на лбу — аккумуляторная шахтерская лампочка. Прежде чем спуститься в уклон, он прошел на эстакаду. Поднимался медленно, тяжело нес свое грузное тело. Было над чем задуматься! Совсем недавно он отвечал только за свое собственное кайло, потом — за бригаду. Теперь приходится отвечать за работу всей шахты.

Поднявшись на эстакаду, Ермек немного рассеялся. Острым взглядом окинул шахту, взглянул на кипучий город внизу и невольно вспомнил недавнее прошлое Караганды. Как все изменилось! На ближней сопке — шахта «Верхняя Мариам». На север от нее видны восьмая, девятая, двенадцатая, восемнадцатая, четвертая шахты. На юго-востоке — тридцать первая, двадцатая. Казалось, они, разрастаясь, готовы слиться воедино.

Широко раскинул свои крылья город с многонациональным населением.

Перед глазами Ермека проходили картины старой и новой Караганды. Вдруг послышался грохот — из глубины шахты поднимался состав. Рабочие ловко опрокидывали грохочущие вагонетки. Уголь шумно сыпался вниз. Густая черная пыль покрыла белый снег. Ермек сделал короткие замечания рабочим-вагонетчикам:

— Подальше вали. Почему у тебя вагонетка не смазана?.. Осторожнее с прицепом!

Под эстакаду вошел поезд. Ермек сверху неодобри-

тельно смотрел на рабочих, которые грузили уголь. Сколько народу занято погрузкой! Если бы механизировать их труд? Освободившиеся люди спустились бы в шахту. Еще больше добыли бы угля, снизилась бы его стоимость.

Занятый этими соображениями, Ермек не заметил, как к нему поднялся Сейткали — теперь он работал в профкоме шахты.

— Здравствуй! — сказал он Ермеку и тут же крикнул рабочему, грузившему лопатой уголь: — Где твои рукавицы?

— Не дали.

— Безобразие! — воскликнул Сейткали, повернувшись к Ермеку. — Выдайте немедленно! Что, тебе закон об охране труда не писан, что ли?

— Получит. Это же вновь прибывший. И сам, наверно, не догадался спросить.

— Нужно выдавать, не заставляя просить. Если побьет руку, дело обойдется нам дороже рукавиц.

— А хорошо бы шахткому подумать, как облегчить людям труд. Вот бы помог шахтком администрации, — ответил Ермек. — Смотри, сколько народу занято там, где одна машина справилась бы шутя!

— Администрация не хуже шахткома знает, что Караганда не делает машин для погрузки. Приходится ждать, пока такие машины пришлют.

— Это «ждать» у нас превращается в затяжную болезнь, — с досадой сказал Ермек. — Чем просить да ждать, лучше самим засучить рукава.

— Засучивай! У тебя теперь все права.

— Я и хочу предпринять кое-что. Пока придут машины, сделаем простой деревянный желоб и по нему станем спускать поток угля с эстакады прямо в вагоны. Погрузка намного облегчится и ускорится.

Сейткали внимательно слушал. Разговаривая о желобе, они направились в шахту. Спусковой ход был устроен новый.

Когда прошли около полукилометра, Ермек заметил:

— Нужно усилить вентиляцию. Чувствуешь, воздуха здесь меньше?

Ермек шел, поднимая попадавшие ему на пути куски древесины, угля и породы, и отбрасывал их в сторону. Говорил недовольно:

— Разъяснил бы профсоюз рабочим, что от таких мелких недоглядок может произойти авария.

У Сейткали ноздри ходили ходуном. Он был крайне обидчив. И эту свою обиду высказывал громким голосом:

— Ты что? Стал начальником и на старых товарищей поднимаешь голос? Я ушам своим не поверил, когда ко мне явился Байтен и сказал чуть не со слезами на глазах: «Теперь Ермек не наш». Сейчас догадываюсь, что это правда. Все сваливаешь на шахтком. Если заметил непорядок, действуй сам.

— Все мы должны двигать производство вперед, — ответил Ермек. — По-твоему, если рабочим выдана спецовка и не нарушается рабочее время, то все в порядке? Вон какой шум поднял из-за одной рукавицы!

— Чего волнуешься? Скажи уж прямо, что не обязательно соблюдать законы о труде.

— Разве только охрана труда входит в обязанности шахткома? «Профсоюзы — школа коммунизма» А коммунизм — в первую очередь это новое отношение к труду, увеличение производительности...

— Если бы мы стояли за ограничение производства, то Караганда не разрослась бы так.

— И все-таки ты меряешь по-старому. А сейчас новыми метрами нужно мерить. Всем нам нужно расти, учиться. Без учения ничего в жизни не увидишь, как в шахте без лампы.

Сейткали промолчал. С недовольным видом он дошел до первой развилки и свернул в сторону. Ушел, унося обиду в душе. Он всегда обижался, когда ему говорили: «Плохо растешь».

Ермек с улыбкой поглядел ему вслед и свернул к конюшне. Темносерый конь не мог ступить на правую переднюю ногу, на колене была опухоль. Корм ел плохо; овес, засыпанный в кормушку, остался нетронутым. Ермек похлопал его по спине.

— Видно, о выступ на повороте ударился, недо-

глядел отагасы Алибек, — сказал Ермек и пошел дальше.

Сейчас он шел по самому длинному штреку. От его зоркого глаза ничто не ускользало. Осматривал кровлю и стены, постукивал, проверяя прочность крепей. Казалось, этот человек, идущий под землей по узкому пути, посверкивая в темноте лампой на лбу, чувствовал себя хозяином подземного мира. Гонщики вагонеток узнавали его по свету лампы и по могучей фигуре и не проходили мимо, не окликнув: «Ермек! Здравствуй, Ермек!»

Встретился Алибек, он гнал гнедого коня, запряженного сразу в три вагонетки. Отагасы задыхался так, словно сам, а не гнедой конь тянул эти вагонетки.

— Ермекджан, меня мучает давнишняя боль в пояснице. Сейчас опять схватила.

— Если заболел, иди в амбулаторию, — ответил Ермек. В глаза ему бросилось, что в вагонетках поверх угля насыпана порода; кроме того, вагонетки недогружены. — Из чьего забоя уголь?

— От Исхака.

— Что это с ним? Да и вы тоже, видно, поленились. Нужно полнее грузить вагонетки. Если каждый погонщик будет недогружать, за день наберется тонна. Запомните: в дальнейшем неполные вагонетки принимать у вас не будут.

— Это я недоглядел, поясница замучила.

— Почему захромал Серко?

— Споткнулся и упал на рельсы.

— Когда выйдете наверх, передайте, чтобы немедленно прислали ветеринара.

Ермек пошел дальше, размышляя о Кусеу Кара, который всегда «заболевал», когда возникала какая-нибудь спешка в работе. Сейчас Алибек работал кононом. Вчера, у него повредила ногу серая лошадь, сегодня вагонетки недогружены, но Ермек не считал себя вправе думать об Алибеке дурно: на производстве всякий может допустить оплошность. Но Исхаку простить нельзя.

Ермек повернул к его забою.

Стоял густой туман. Исхак уже успел подрубить

и подорвать пласт. В тумане едва различимы были люди. Слышался звон стальных лопат, лязг вагонеток и шорох угля. Местами уголь обваливался крупными кусками, его нельзя было брать лопатами, и вагонетки грузили вручную, с трудом дыша в пыли. Исхак разбивал кайлом самые крупные куски. Груда угля отвалилась большая. Шла лихорадочная работа. Поэтому, вероятно, у Алибека и «заболела поясница».

— Исхак! — окликнул Ермек. — Ты что, стареть начал? Почему у тебя уголь с породой смешан?

— С какой такой породой?

— Я видел вагонетки у Алибека.

— Кусеу Кара теперь не у меня работает, я за него не отвечаю.

— Забой же твой.

— Если мой, смотри.

Ермек осмотрел всю груду. Уголь был чистый. Отдельные куски сверкали при свете лампы. Он измерил глубину забоя: метр десять сантиметров, высота — два метра.

Исхак стоял по пояс голый. Внимательно наблюдая за Ермеком, он беззвучно смеялся, как бы говоря: «Ну что, нашел породу?» На его испачканном сажей лице блестели зубы да белки глаз.

— Ты, старый скакун, чем больше скачешь, тем больше набираешь скорости, — похвалил Ермек.

— А как же!

Они отошли немного в сторону. Ермек, довольный работой Исхака, все же сделал замечание:

— Нужно выбирать уголь только после того, как уляжется пыль и разойдется дым от взрыва.

— Что же, мы так и будем ждать? Ничего нам не сделается. Не первый год дышим угольной пылью.

— Не годится это. В дальнейшем возьми на заметку. Вот и поток воздуха слабоват. Добавим.

Взгляд Ермека остановился на шахтерах, работавших лопатами. Забой в этом месте ушел вперед, железная дорога отстала. Ермек заметил: один из рабочих бросает уголь лопатой на очень далекое расстояние и так быстро, что двое других еле успевают грузить его в вагонетку.

— Кто это?

— Новенький. Говорит, работал в бригаде силача Хутжана.

— Подожди. Не тот ли парень, который заикается?

— Да, есть у него такой недостаток.

— Что же ты поставил его к лопате? Ай-яй-яй, Исхак! Не можешь отличить таких ценных людей. Немедленно давай ему в руки кайло и бери к себе напарником.

— Не приму! Ты отберешь у меня Дюсембека.

— Постой, не шуми! Разве Акым вырабатывает меньше старых рабочих? Если я только способен разбираться в людях, этот парень не уступит Акыму. А Дюсембеку дадим самостоятельный забой, пусть тоже обучает кого-нибудь.

Исхак внимательно пригляделся к работе заики, словно увидел его впервые, и сказал:

— Ладно, приму. С таким напарником заработок не понизится.

Ермек пошел к бремсбергу. В этом подземном мире, в два километра длиной и в километр шириной, было много разветвленных ходов. Отовсюду наплывал беспрерывный гул, отзвуки напряженной работы. Как звезды, мерцали огни ламп. Шахтеры свободно чувствовали себя здесь, на глубине, достигающей до ста двадцати метров, среди воды, пыли и сажи. Уже и в помине не было скрипящих тачек, длинного долота, пудового молота и коптящей едким дымом шахтерской лампы. Время от времени раздавался грохот взрыва, неумолчно лязгали ползущие по узкоколейке вагонетки.

Ермек дошел до бремсберга. Это был самый большой подземный ход после уклона и главного штрека. Уголь из многих печей и лав поступал через бремсберг.

Пост Жумабая находился на самой высокой точке хода. На стыке двухколейной железнодорожной линии стоял барабан. Концы намотанного на него стального троса были прикреплены к двум вагонеткам. Когда груженная углем вагонетка, гонимая собственной тяжестью, катилась вниз, под уклон, другая поднималась вверх. В обязанности Жумабая входило пускать и

останавливать барабан. Голову он обвязал платком, как это делают казахские косари, полы ватника заправил в брюки. Аккуратно сложенная верхняя одежда лежала возле него; словно опасаясь, как бы кто-нибудь не стащил, он прижимал эту обрядку коленом. Но при всей своей аккуратности, даже в мелочах, он так и не мог справиться со штанами — они у него постоянно сползали вниз.

Когда Жумабай увидел подошедшего Ермека, приподнялся, его рука по привычке потянулась к очкуру. Жумабай даже не заметил этого непроизвольного движения. Словоохотливый и веселый, он тут же начал рассказывать:

— Воля божья, я не перестаю удивляться, до чего дошел ум человека! Вагонетки сами спускаются и сами же возвращаются обратно. Это не работа, а одно удовольствие! Если бы не мастера донбассовцы, нам нипочем бы этого не сделать.

— Верно, Жумеке! Большая Караганда создается не только силами казахов, а силами всего Советского Союза. Больше всего Москва нам помогает. Скоро получим машину, называется «электровоз». Сядет на эту машину один человек и повезет сразу пятнадцать вагонеток.

— А садятся на нее, как на коня?

— Похоже. И взнуздывают, как коня. А еще пришлют машину, которая сама рубит забой. Одна такая машина может сработать не меньше, чем тридцать—сорок кайловщиков.

— Ой-ой! Как же тогда? Ведь за ней не успеешь выбирать уголь.

— Успеем! Уголь потечет по желобу прямо в вагоны.

— Да, все возможно в теперешнее время! — воскликнул Жумабай, возбужденно проводя рукой по редким волосам на подбородке. — Когда мы сюда приехали, эта шахта была похожа на колодец. Уголь вытаскивали ведрами. А теперь вон что делается.

Жизнь научила простодушного Жумабая понимать многое. Он забыл прежние суеверия, заставлявшие его думать, что машину двигает шайтан. Хоть он и

частенько повторял свою поговорку «воля божья», но уже отчетливо понимал — все в жизни делается руками человека. Только об одном жалел Жумабай: родился раньше многих своих товарищей по работе, а остался позади.

— Если уж я сделался рабочим, надо мне научиться управлять хотя бы одной машиной, а не только этим барабаном. Да, видать, для этого нужна грамота, — пожаловался он Ермеку.

— Почему не учитесь? Ведь вы еще не настолько стары.

— Ничего не лезет в голову. Жанабыл и Майпа пробовали меня обучить и так и этак. Ни рука, ни язык не повинуются. Воля божья, стоит мне посмотреть на бумагу, как сразу слипаются глаза.

Ермек рассмеялся. Разговаривая, Жумабай отправлял вагон за вагоном и каждый раз прикладывал к кучке возле себя кусочек угля. Выждав, когда Жумабай отвернулся, Ермек подбросил ему в кучку горсть угля.

— Что это у вас? — невинно спросил он, указывая на кучку.

— Это учет отправленных вагонов.

— Сколько же отправили? Посчитайте.

Жумабай принялся считать, но все сбивался; пересчитывал еще и еще раз, не веря себе.

— Что такое? Вчера в это время было сорок пять, а сегодня уже семьдесят два. Нет, не может быть! Слишком много.

— Эх, друг! — сказал Ермек. — Плох твой счет.

Как бы Жумабай ни был слаб в подсчете, он хорошо знал истину: чем больше отправит вагонеток, тем больше заработает. Впрочем, труд его был напрасный: учет велся специальным человеком. Жумабай считал ради собственного интереса. Ему хотелось заранее знать, сколько вагонеток он отправил.

— Если бы я мог дойти до семидесяти двух, меня бы давно выше всех вознесли. Нет, не может быть столько. Ты, милый, поругай-ка тех, кто внизу задерживает вагонетки. Когда они там задерживают, у меня дело плохо идет.

— Вы сосчитайте все задержки, а потом скажите мне, кто задерживал, — сказал Ермек и поднялся с места.

Во все стороны шли разветвленные ходы. Их трудно разглядеть, темно, как в осеннюю ночь, когда небо обложено густыми тучами. Лампа светила скупо, давая лишь столько свету, чтобы не наткнуться на какой-нибудь выступ. Но Ермек шел, как по широкой улице. От одной выемки он переходил к другой, словно из комнаты в комнату в своем доме. И все больше отдалялся от действующих забоев. Здесь нигде уже нельзя было найти признаков жизни. То и дело встречались глухие выемки с давно выбранным углем. Местами кровля нависала так низко, что приходилось нагибаться. Вот начались заброшенные забои, в которых работали еще при англичанах.

Замерцали вдали три лампы, наметились контуры трех человек. Один из них оказался главным инженером шахты — Аширбеком. Он сидел на том самом куске угля, на котором за минуту до своей гибели присел инженер Орлов. Аширбек просматривал блокнот Орлова с его давнишними записями. Двое рабочих поочередно бурили стену пневматическим буром.

— Лучше бы вам сесть немного в стороне, — невольно вырвалось у Ермека. Он вспомнил, как на этом самом месте натолкнулся в темноте на труп Орлова. — Что, все еще не пробурили? Видно, толстая стена.

— Кажется, приближаемся к цели. Уже прошли двадцать девять метров. Предположение Орлова оправдывается. Остался совсем тонкий слой стены, но признаков воды не заметно. Выходит, он знал об этом и без бурения.

— Да, он был знающим человеком, — подтвердил Ермек. — Я на него смотрел холодно, считал чужаком. А теперь думаю: если подтвердится его предположение, нужно поставить ему на могиле памятник.

Они продолжали беседовать, эти два специалиста, один из которых опирался на науку, другой — на богатую практику. Уголь — не простая глина, которую легко обнаружить в любом месте: тут потребен сложный расчет, потребно чутье. Лист бумаги в руках Аширбека

был исчерчен множеством линий. Указывая на чертеж своим толстым пальцем, Ермек спрашивал:

— Вы думали над тем, как бы нам поменьше израсходовать здесь крепежного леса?

— Думал, но решения не нашел.

— А если оставлять столбы из невыбранного угля?

— Обойдется дороже, чем деревянные крепи.

— Но ведь в Караганде угля больше, чем леса.

— Это верно. Но что уголь дороже привозного леса — тоже верно.

Один старался сберечь надземное богатство, другой — подземное. Ермек помнил, что при англичанах, когда в Караганде не было железной дороги, в лесе ощущалась острая нужда. Лес ценился очень дорого. И Ермек считал, что его предложение даст большую экономию.

Аширбек не соглашался с ним. Каждый упрямылся и стоял на своем. Наконец решили обсудить этот вопрос вместе со Щербаковым.

— Пробили! Пробили! — закричали рабочие.

Они заглянули в отверстие. Воды там не было.

— Ну, Ермеке, можете начинать рубку этого пласта! — сказал Аширбек. — Значит, уровень озера в «Герберте» лежит ниже нашего забоя. — От радостного возбуждения его желтоватое лицо порозовело. — Угля в этом пласте много. Можно расширять объем подготовительных работ, не снижая ежедневной добычи.

— Так и доложим Щербакову, — сказал Ермек.

— Так и доложим, — подтвердил главный инженер.

Настроение у всех было приподнятое. На поверхность возвращались с шутками и смехом, их голоса гулко разносились по забоям. Когда добрались до уклона, Ермек отделился от товарищей.

Он шел по прямому, как стрела, широкому и высокому коридору, стены и кровля которого были укреплены аккуратно уложенными толстыми бревнами. Чем дальше тянулся этот ход, тем больше он уходил вглубь. На ходу уклон ощущался явственно. Большое число подземных ходов брало свое начало от этого коридора. Из них поступал сюда уголь. Этот большой

ход был пробит бригадой Ермека. Каждая стойка знакома Ермеку.

Далеко впереди засветились огни ламп. Доносился глухой рокот отбойного молотка. В забое работала бригада Акыма, которого Ермек научил владеть отбойным молотком и передал ему свой инструмент. Сейчас Акым изо всей силы давил на молоток, крепко держа его в сильных руках. Светло стало на душе Ермека — так светло, словно в ней загорелась шахтерская лампочка.

— Рубани, мой орленок! — крикнул он, подойдя к Акыму.

Несмотря на то, что Ермек был значительно старше своих любимцев Акыма и Жанабыла, он шутил с ними, как со сверстниками.

Акым все глубже впивался стальным стержнем в твердую стену. Услышав голос Ермека, он неторопливо оглянулся. Лицо вымазано то ли грязной водой, то ли потом. Дышал он порывисто, нижняя толстая губа опущена. На нем непромокаемый комбинезон, на голове — медная каска, ноги обуты в резиновые сапоги, грудь обнажена. Своей высокой и мощной фигурой, широко расставленными ногами он напоминал батыров старого времени.

— Кстати пришли, Ермеке, — сказал Акым, улыбаясь. — Вода сильно прибывает. Вы же мастер останавливать ее.

— Когда иссякнет, сама остановится. А если не иссякнет, камерон выкачает.

Вода, набегавшая сверху, просачивалась сквозь кровлю. Под ногами хлюпала жидкая грязь. Для стока воды была вырыта канава, откуда воду выкачивал камерон. Напряженная работа не останавливалась ни на минуту. Крепильщики ставили крепи сразу вслед за забойщиками. Неподалеку от них грузили и отправляли наверх вырубленные уголь и породу. Все — и забойщики, и крепильщики, и вагонетчики — работали попарно. В одиночку действовал только камеронщик. Эта ударная бригада в большинстве своем состояла из передовой молодежи. В бригаде нельзя работать небрежно. Если один отстанет — подведет товарищей,

остановит их работу. Да никто и не позволял себе от-
стать. За шестичасовую смену не было случая и
шестиминутного простоя. Ни один не пожаловался на
усталость, никто не замечал, как идет время.

Ермек восторженно смотрел на ребят.

— Молодцы, комсомольцы! Ну как, даете десять
процентов сверх плана?

Конечно, не только комсомольцы решали в брига-
де успех добычи, но Ермек любил молодежь и всегда
выделял ее.

— Можно и к десяти добавить! — слышались го-
лоса.

— Спасибо, орлы, только хорошенько взвесьте свои
силы.

— Тогда добавляем!

— Что, или не надеетесь на нас? — спросил Акым. —
Организуйте бригаду из старых шахтеров. Попробуем
и с ними соревноваться.

— Старичков у нас на шахте не так-то много. Чем
выделять их в одну бригаду, лучше распределить по
всем бригадам.

На Ермеке был тонкий холщовый пиджак. От ка-
павшей сверху воды он отсырел. Ермек поежился. За-
метив это, Акым стал поддразнивать Ермека:

— Что, воды боитесь? Быть может, скоро и вовсе
перестанете спускаться в шахту? Как же! Начальни-
ком стали!

— Я думаю, и ты не всю жизнь будешь забойщи-
ком. Если так, то плохой из тебя комсомолец... Читал
о врубовой машине?

— Читал. Давайте ее хоть сегодня. Если не на-
учусь работать на ней, считайте меня последним че-
ловеком!

Врубовую машину в Караганде еще не видели,
но все уже знали, что Орджоникидзе обещал при-
слать в первом квартале тридцать этих чудесных
машин.

— Вижу, ты отменный комсомолец! — похлопал
своего любимца по плечу Ермек.

Отозвав Акыма в сторону, он сказал:

— По приказу Щербакова, мы отправляем в Дон-

басс на практику пятерых шахтеров из нашей шахты. Там быстро научишься управлять машиной.

— Пусть сначала едут старые забойщики.

— Молодежи легче осваивать новую технику. Ты отличился в рубке кайлом и отбойным молотком, теперь отличись на машине.

Акым еще никогда не пускался в дальнюю дорогу. Сомнения он высказал чисто ребяческие.

— Пожалуй, тетушка не пустит. Даже когда на работе задержусь, она места себе не находит.

— Ах ты, молокосос! А еще славишься как один из лучших забойщиков.

— Ладно, поеду, если так. Тетушку как-нибудь уговорю. Кто еще едет?

— Много народу. Больше сотни человек.

Ермек, не задерживаясь дольше, пошел к плите.

Сюда со всех сторон прибывали и во все концы отправлялись вагонетки, груженные углем, породой, лесом, наполняя плиту непрерывным прохотом, лязгом и шумом. Каждый вагонетчик старался быстрее сдать уголь. Теперь учитывали не вырубленные метры, как прежде, а поданные на-гора вагонетки. Старый плитовщик Илья Григорьевич не знал ни минуты покоя.

— Меня пропускайте, меня! — шумели вагонетки.

— Сколько вагонеток отправил? — спросил Ермек плитовщика.

В подсчете Илья Григорьевич не применял способа Жумабая.

— Сто двадцать пять, — ответил он сразу.

— Сколько дал бремсберг?

— Семьдесят три.

Здоровенный, плечистый парень пригнал сразу две вагонетки. С силой проталкивая их на плиту, он не слушал выкриков плитовщика:

— Эй, постой, подожди!

Подоспел еще один рабочий. Но нетерпеливый вагонетчик ничего не хотел слушать. На него обрушились со всех сторон с бранью:

— Ты оглох, что ли?

— Куда прешь, как слепой?

— Десятник велел не задерживаться, — оправдывался парень.

— А наш десятник что — просил не торопиться?

Плечистый парень больше не стал спорить, встал в очередь. Опорожнив свою вагонетку, он, не теряя ни минуты, двинулся обратно.

Ермек с удовольствием посмотрел ему вслед.

— Когда прибыл? Такой гору свернуть может!

— Всего второй день на работе, — ответил плитовщик, все еще продолжая ворчать по-казахски на нетерпеливого парня. — Каждый раз прет, как вол. Готов любого пырнуть своими рогами, если десятник ему прикажет.

— Это не плохо, если он добросовестно выполняет приказание командира.

— Да разве так нужно выполнять? Тут порожняка не хватает, а он угоняет его без спросу.

— Сегодня механический даст восемь отремонтированных вагонеток.

— Восемь? Ну, дело быстрее пойдёт.

Плитовщик успокоился и заложил за губу щепоть тертого табаку. В шахте курить нельзя, поэтому Илья Григорьевич пристрастился жевать табак. Не успел он опустить табакерку в карман, как двое рабочих протянули к нему ладони.

— А вы что? Помнится, вы не давали мне на хранение свой табак.

— Ладно, Илюша! Знаешь поговорку: «Горького и кислого для друзей не жалеют».

Насыпая им табаку в ладони, Илья шутил. Давно живя среди местного населения, он был мастер на казахские шутки.

— Если у вас дома кислое не в почете, принесите мне мешок курта, — сказал он рабочим и подмигнул Ермеку.

Движение у плиты не прекращалось. В то время, когда шахта еще была невелика, Ермек всех рабочих знал в лицо и по имени, теперь прибавилось много незнакомых людей. Лица всех шахтеров в равной мере были покрыты черной угольной пылью, но по их говору, по манере держаться Ермек безошибочно угадывал, кто приехал из России, кто с Украины, кто из

соседних с Карагандой районов. Разглядывая людей, Ермек говорил плитовщику:

— Илья Григорьевич! Мы с тобой давнишние шахтеры, не вчера стали коммунистами... Сам видишь, шахта пополняется новыми, молодыми людьми. Для тебя мало только управления движением около плиты.

Илья Григорьевич поежился, в его голубых глазах заиграл смех.

— Ты стал теперь начальником, на тебя трудно угодить. Стар уж я для другой работы.

— Это не ответ! Времена теперь настали молодые, а молодое время и с нас, пожилых, по-молодому спрашивает.

— Разъясни: как по-молодому?

— Управляй не только движением вагонеток, но и мыслями людей. Короче говоря, ежедневно по одному часу проводи с ними занятия по технике.

— Ой, нет, Ермек! На старости лет из меня учителя не сделаешь. Пусть инженеры учат, техники, донбассовцы.

— У тебя большой практический опыт. Вот и будешь делиться своим опытом. Не будем спорить. С завтрашнего дня начинай занятия. Это не только мое мнение, но и парткома, — закончил Ермек.

Пора была подыматься наверх.

Этот ход был проложен им самим, но за последние дни, занятый новыми обязанностями, он его не осматривал. Теперь, возвращаясь, он решил внимательно его осмотреть. С особой тщательностью проверял он каждую крепь и перекладину. Когда вдали возник шум идущего состава, Ермек быстро прислонился к стене и пропускал мимо себя вагонетки. По длине этот опасный путь был больше километра. Ермек смелыми шагами продвигался вперед, проверяя исправность хода.

Глава пятнадцатая

Самым крупным зданием в Караганде был рабочий клуб. Он был построен недавно. В этом клубе проводились городские собрания и вечера отдыха.

Сегодня здесь провожали рабочих, уезжающих в Донбасс и Кузбасс. Люди приходили группами. Рабочие несли чемоданы, сундуки, ящики. В руках у стариков и старух, у молодых женщин, девушек и детей — узелки и корзины. Обширное фойе продолговатой формы быстро заполнилось. Рассматривали роспись на стенах. Общее внимание привлекал портрет товарища Сталина, написанный во весь рост. Сталин стоял, протянув вперед руку. Перед ним расстилалась картина будущей Большой Караганды: высокие дымящие трубы, многоэтажные корпуса, асфальтированные улицы, обсаженные двумя рядами деревьев; по заполненным нарядно одетым, веселым народом улицам бежали трамваи, троллейбусы, автомашины.

Длиннобородый, сгорбленный старик внимательно рассматривал картину. Это был тот самый старик, который в день субботника на трассе водопровода поднял со дна канавы кусок глины.

— Это и есть тот самый Донбасс, куда едут наши дети? Наверно, и в раю не так красиво, как там, — сказал он.

Мальчик с красным галстуком на шее, стоявший рядом с ним, рассмеялся.

— Ата, — объяснил он, — это наша будущая Караганда.

— Ну! Неужели наша Караганда?

— Не только наша, ата, Караганда — третья кочегарка всего Советского Союза, — поучал мальчик своего деда.

Седовласый старец глубоко вздохнул.

— Вот как выходит: не тот много знает, кто больше прожил, а тот, кто больше видел. Ты, светик мой, должно быть, знаешь все это из книг. Пусть же твой отец поедет и увидит Донбасс своими глазами. А я девяносто лет прожил, сидя дома — что я увидел?

Недавние жители аулов, которым еще ни разу в жизни не приходилось провожать своих близких в такой далекий путь, хлопотали, как при снаряжении невесты в аул невесты. Молодая женщина с вздернутым носом, задыхаясь, подбежала к своему мужу, сняла с его головы барашковый тымак, заботливо надела

шапку-ушанку. Наверно, дома она частенько поджаривала своего мужа, как пшеницу на сковородке, а сейчас глядела на него с преданной любовью.

— Эту ушанку я попросила у Бодаубека, она лучше. Друг смотрит на голову, а враг, опустив глаза, на ноги, — закончила она с довольным видом.

Стремительно шагая, в фойе вошел Канабек.

— Приглядывайся, отец, приглядывайся, — сказал он, подойдя к старику.

Тот отвел свой взгляд от картины и пристально всмотрелся в подошедшего.

— Канабек, тебя ли вижу?.. Этот твой дом — настоящий золотой дворец, о котором говорится в сказках!

Старик вырос и прожил всю жизнь в халупе, сложенной из дерна. Понятно, он преувеличивал. Клуб, первый в Караганде, очень отдаленно напоминал дворец, но он был больше других зданий, красивей отделан внутри и снаружи.

— Почему — мой дом, отец? Этот дом принадлежит народу!

— Построили-то его при тебе. А народ и при старом председателе, при Каримбае, существовал, а клуба не имел.

— Что этот клуб? Вон какие будут дворцы у рабочих! Лучше сказочных! — сказал Канабек, указав на картину, и пошел в зал.

Отъезжающие все были в сборе. В большинстве — казахи. Их окружили донбассовцы. Хоть Козлов, Лапшин, Воронов, Ковалюк и другие уже считали себя карагандинскими рабочими, но отъезжающих провожали, как гостей, едущих к ним в дом. Акыму, Балжан и другим давали рекомендательные письма, адреса своих близких и знакомых.

Старики Иван Потапов, Антон Левченко и плитовщик Илья Григорьевич пришли проводить Исхака. Горячий Исхак то и дело пускался в рассуждения:

— Что видел, Иван, прежде, кроме поселка Букбы и мельника Кривоглаза? Ничего не видел! А меня вот посылают в Донбасс. В Донбасс!..

— Да, ты перекрыл нас, — признался дед Иван.

— Перекрыл или недокрыл — это мы узнаем, когда он вернется, — пошутил Илья.

— Эй, давай руку! Если по возвращении не сумею обучить вас всех троих за три месяца, тогда не называйте меня Исхаком!

Поднялся занавес на сцене. В президиуме — всем знакомые лица. Из-за стола, разглаживая свои густые черные усы, встал Жуманияз. Пока в зале устанавливалась тишина, Жанабыл успел попрекнуть Канабека:

— Опоздали? Это у вас называется — подавать пример молодежи?

— У стариков всегда много забот. Только пять минут опоздания, а уже делаешь выговор. Что бы ты придумал, если бы я опоздал на десять минут?

— Вызвал бы на комсомольское собрание.

— От тебя всего можно ждать.

— Товарищи! — начал Жуманияз и запнулся. Он всегда был находчив на слова, а сейчас волновался, в голосе появилась дрожь. — Давно, двадцать лет назад, еще ребенком, с сумкой за плечами я один пешком в зимнюю пору уходил из родного аула искать работы. Сегодня вы, сыны Казахстана, не в одиночку, а сообща едете искать — не работу, нет, а знания. Русские рабочие, русские друзья собрались здесь, чтобы с почетом проводить отъезжающих. А там, в Донбассе и Кузбассе вас ждут широко раскрытые двери. Поездка организована ради того, чтобы облегчить наш труд, сделать его более производительным. Мы достигнем этого, только овладев передовой техникой. Не говоря уже о молодых рабочих, даже опытный кайловщик Исхак и тот не сможет без новых знаний поспеть за темпами Караганды. Поэтому я призываю: осваивайте богатую практику Донбасса и новую, социалистическую технику. Скажу прямо, как представитель профсоюза: только тот будет считаться передовым и полноценным шахтером, кто научится управлять машиной.

— Вот это правильно сказано, — поддержал Сергей Петрович. — Шахтер — великое звание.

Положив свой узелок на колени сидевшего рядом мужа, Балжан вскочила с места.

— Товарищ Щербаков! Даю слово, что вернусь машинистом электровоза!

Послышался басистый голос Акыма:

— А я освою врубовую машину!

Заикающийся молоденький парень, когда-то работавший в бригаде Хутжана, с трудом выговорил:

— Мне г-горно-спасательное дело!..

Голоса неслись со всех сторон. Зал наполнился гулом. Жуманияз поднял руку.

— Знаю! Все вы жадно стремитесь к знаниям. И добьетесь своего. Однако надо поторапливаться. Поезд скоро уходит. Группу, которая едет в Донбасс, сопровождает товарищ Исхак, а с теми, кто едет в Кузбасс, мы посылаем товарища Сейткали. Ну, счастливого пути, товарищи!

Последним попросил слова механик Козлов.

— Могу вас заверить, дорогие друзья: вы приедете в Донбасс как в родной дом. Весь опыт, все знания, которыми обладают донбассовцы, они передадут вам. Кланяйтесь от нас могучему Донбассу — старшему брату Караганды.

Люди дружно встали с мест и направились к дверям. К ним присоединились те, кто ждал в фойе. Шумная толпа двинулась к станции. Козлов шел рядом с Акымом, не переставая говорить:

— ...Он мой старый друг. Не только хороший мастер, но и замечательный учитель. Все, что знает, вложит тебе прямо в душу. В письме к нему я пишу обо всем. Ты не стесняйся. Спрашивай, если что будет непонятно.

Ковалюк и Лапшин шли с Балжан.

— В Донбассе сейчас сосредоточены все виды новой техники, — говорил Ковалюк. — Электровоз — не простая машина. Хорошенько учись электротехнике.

— Привыкай и к слесарному делу, — наказывал Лапшин, подняв указательный палец. — Без этого не станешь хорошим машинистом.

Дали звонок. Отъезжающие поспешили к вагонам. Балжан, задержавшись, посмотрела на своего мужа и сказала:

— О мой большеголовой! — коснулась рукой его подбородка и пошла в вагон.

Одни крепко пожимали друг другу руки, другие целовались. Акым прощался со своей прослезившейся тетушкой. Поезд тронулся.

— Счастливого пути! — раздались голоса.

Лес поднятых рук, множество глаз, устремленных на окна вагонов, провожали поезд, набиравший скорость.

Глава шестнадцатая

Очередное заседание бюро городского комитета партии проходило напряженно. За длинным столом сидели Щербаков, Жуманияз, Ермек, Козлов, Жанабыл, Жаппар, Рымбек и Антонина Федоровна. Рядом с ней — новый работник горкома Марияш. Заседание вел Мейрам. Разбиралось дело о злополучном мешке, который таскали по домам Байтен и Махмет, о всем, что всплыло в связи с этой грязной историей.

Канабек подробно докладывал:

— По поручению горкома наша бригада расследовала жалобы рабочих на хищения и разбазаривание продуктов. Проверили мы и заметку, напечатанную в «Карагандинском рабочем» по тому же поводу. Установлено, что мешки и ящики с продуктами доставлялись разным лицам неоднократно. По показанию Байтена, некоторые подношения были сделаны и товарищам Жаппару и Рымбеку. Трехдневная проверка работы трех магазинов показала, что недовес хлеба составил два с половиной центнера. А у нас десятки магазинов и ларьков, обслуживающих тысячи рабочих. Продавцы проверенных магазинов оказались родственниками завмагов, а завмаги — друзьями и близкими людьми Махмета. Многим вновь прибывшим рабочим карточки выдавались с опозданием, а при выдаче удерживалась часть пайка. Жулики из магазинов ухитрялись получать продукты по аннулированным талонам. Путаница и хаос в выдаче и отоваривании карточек требуют особого расследования. Создается впечатление, что воры действовали организованно.

На днях мы с товарищем Жуманиязом обошли рабочие бараки. Две квартиры привлекли наше особое внимание. В одной живет некий Байжан — дядя Махмета по матери. На руке у Байжана золотые часы, у его жены — золотой браслет. Стены в доме увешаны ценными коврами, пол тоже застлан коврами. Заработок Байжана не превышает четырехсот рублей. Работает он продавцом в хлебном ларьке. Жена сидит дома. Говорят, они приехали в Караганду с единственным старым сундуком. Вторая квартира — Токтая, который приходится свояком товарищу Рымбеку. Токтай работает на центральном продовольственном складе. У него мы застали той по случаю рождения сына. Только байги¹ не хватало, в остальном пиршество шло, как в старину у больших баев.

Жулики облепили орса треста, как мухи. Работники орса связаны между собой родственными, родовыми и всякими иными связями. Думаю, что нами далеко еще не все раскрыто. Не направляет ли все это рука классового врага? Нужно глубже изучить дело...

Наступило недолгое молчание. Выступление Канабека каждый переживал по-своему. Розовощекий Махмет, прозванный в народе «белой булочкой», изменился в лице. Сейчас оно своим цветом напоминало пережаренную, почерневшую корку хлеба. Он то и дело бросал взгляды на Рымбека. Уже не прежнее заискивающее выражение было в этих взглядах, а растерянность и страх. Глаза Жанабыла и Жуманияза горели негодованием. Меирам и Ермек держались спокойно, но лица у них были суровые. Щербаков писал в блокноте, время от времени вскидывал голову и хмурился, погруженный в свои мысли. Марияш не спускала пристальных больших глаз с Жаппара. Он сидел невозмутимо, словно окаменев. Лишь его неподвижный взгляд, остановившийся на одной точке, выдавал напряжение, с каким ему удавалось сохранить эту невозмутимость.

---

¹ Байга — состязания по борьбе и скачкам с присуждением призов. В старину устраивались баями по случаю какого-нибудь семейного торжества.

После Канабека выступила Марияш. Приложив одну руку к груди, опустив другую, она резко выпрямилась. Говорила, глядя то на Жаппара, то на Рымбека.

— Статья, помещенная в газете, вскрыла беспорядки не только в орсе, но и в отделе кадров треста. Десятки рабочих, прибывающих к нам, целыми неделями не могут устроиться на шахты, в то время как ряд требований на рабочую силу отдел кадров оставляет без удовлетворения. Однако товарищ Рымбек проявлял исключительную оперативность, когда речь заходила о его друзьях и земляках. Семьдесят процентов работников, занимающих более или менее ответственные посты на второй, восьмой, двенадцатой и тридцатой шахтах,— выходцы из Каркаралинского района, откуда происходит и сам Рымбек. В этих случаях людей отбирали не по способностям, а по дружеским и земляцким связям. Результат плачевный — все названные мною шахты не выполняют производственный план. Десять человек, работающих в тресте, в том числе и присутствующий здесь Махмет, тоже каркаралинцы. Товарищ Рымбек совершенно забыл указание партии о том, что на работу необходимо ставить только честных и деловых людей.

— Забыл? А может, Рымбек и не забыл, но делал на свой лад, наоборот? — заметил Мейрам.

— Возможно, что и не забывал. Во всяком случае, такой подбор работников нельзя назвать случайным. А вот другие факты. В Большой Михайловке в фабрично-заводских училищах обучаются сотни молодых людей. Я побывала там и обнаружила вопиющие безобразия. Общежития убираются плохо, белье стирается редко, пища скудная и невкусная. Воспитательная работа поставлена плохо, есть случаи ухода из училища. Отдел кадров не уделяет внимания молодежи, а ведь молодежь для нас дороже золота. Когда говоришь об этих непорядках товарищу Рымбеку, он принимает смиренный вид и отвечает: «Я же только начальник отдела, есть люди повыше меня!» Из его намеков можно заключить, что всему виной товарищ Щербаков. Нет, эта уловка не пройдет! Мы хорошо знаем, что все эти вопросы решаете вы с Жаппаром

Султановичем, а Сергею Петровичу даете неправильные сведения.

— Не сводите здесь личные счеты! — бросил Жаппар.

Мейрам, постучав карандашом, остановил его.

Эта реплика Жаппара затронула болезненное место Марияш, она смутилась на минуту, но быстро овладела собой.

— Неправда! Я говорю об этих безобразиях не из-за личной вражды. А ваши действия, Жаппар, пожалуйста, можно назвать проявлением классовой вражды.

— Хорошо, что хоть контрреволюционером не назвала, — опять подал реплику Жаппар.

Марияш гневно глянула на него своими большими глазами и резко ответила:

— Того, кто заслуживает, можно и так назвать!.. В заключение скажу: люди, причинившие столько вреда государству, должны быть строго наказаны.

— Вы кончили, Марияш? — спросил Мейрам. — Слово предоставляется вам, — кивнул он Рымбеку.

Говорливый Рымбек начал свою речь горячо:

— Всем известно, что партийное и административное положение у нас с Махметом совершенно равное. А раз так, то не может быть и речи о моем давлении на него. Он вполне самостоятелен в своих действиях. Городской комитет партии и руководство треста знают, как Махмет поступил к нам на работу. Отдел кадров советовался с кем нужно о его кандидатуре. Это надо учесть тем товарищам, которые обвиняют меня в земляцких связях с Махметом. И вообще здесь слишком много, но в корне неправильно говорили о всяких связях. Было ли хоть одно указание о том, что нельзя принимать на работу людей из той местности, где ты родился сам? Не было таких указаний. Хорошо, пусть такие люди были приняты. Кто-то из них совершил преступление. Но ведь каждый сам отвечает за свои поступки. А Марияш и Канабек требуют, чтобы отвечал я. Кто же из нас нарушает партийные установки? Кто допускает деление людей по родовым и земляцким признакам? Марияш с Канабеком!

— А о своих собственных ошибках вы имеете что-

нибудь сказать? — спросил Мейрам. — Если нет, то и говорить не о чем. Остальное все ясно.

Рымбек осекся. Он мог бы без конца сыпать ядовитыми словами, но теперь поостерегся.

— Конечно, у меня есть и недостатки, и ошибки. Но умышленных проступков не было... Что же, если мне больше не разрешают говорить, я кончил. — Рымбек сделал обиженное лицо, в то время как готов был задохнуться от неизлитой злобы.

Наступила очередь дать объяснения Махмету. Он вытирал со лба обильный пот, все его тучное тело заметно вздрагивало, глаза трусливо бегали. Говорил он путано, перескакивая с одного на другое. В своем кабинете, сидя в мягком кресле, он соловьем заливался перед посетителями, а теперь чувствовал себя жалким воробьем, за которым гонится ястреб. В каждой фразе его, к месту и не к месту, повторялось слово «партия». Но покаяться перед партией в своих темных махинациях у него не хватало мужества. По примеру Рымбека, он закончил общими словами:

— Признаю, допускал ошибки, но вообще-то я честный человек.

Со всех сторон посыпались вопросы:

— А история с мешком — тоже честное дело?

— Клянусь, я не видел никакого мешка. Только от других слышал о нем.

— От других? — возмущенно переспросил Жанабыл. — А кто с мешком на плечах приходил к отцу некоей девушки? Вы приходили! Когда вашего подношения не приняли, вы потащили мешок обратно. Испугавшись собак, вы бросили свою ношу и побежали. За вами погнался один человек. Так было или не так?

— Нет, не так. На меня наклеветали из личной мести.

— Вы знали, что ваш родственник Байжан торговал из-под полы нормированными товарами? — спросил Жуманияз.

— Откуда мне знать?

— Бывали у него в доме?

— Заходил раза два.

— Вряд ли вы могли забыть о том, что Байжан

приехал к нам с одним только ободренным черным сундуком. И вдруг так разбогател! Неужели вы сидели в его доме, закрыв глаза, и ничего не видели?

Махмет хотел ответить, но поперхнулся. Слова застряли у него в горле.

— Ту-у, да он потерял всякую совесть! — воскликнул Жанабыл. — Незачем слушать его болтовню! Прочить его без всякой жалости!

Рымбек не удержался, бросил ехидную реплику:

— Однажды на суде выступил с речью суровый общественный обвинитель, некто Бактыбай. Он потребовал вынести обвиняемому такой приговор, который был бы тяжелее высшей меры наказания. Жанабыл напоминает мне этого Бактыбая.

— Скажите прямо, что у вас душа болит за Махмета! — ответил Жанабыл.

Не вставая с места, заговорил Щербаков:

— Мы теряем много драгоценного времени на разбор этих позорных, жульнических проделок. Но ничего не поделаешь. Слишком вопиющи безобразия. Обвешивания, махинации с карточками, воровство. Главные виновники нам примерно ясны. Виновными должны заняться следственные органы. А нам предстоит извлечь из всего этого уроки. Какие? Покончить с беспечностью! Не будь беспечности у нас, карагандинских партийных и советских руководителей, и, в частности, не будь моей беспечности, жулики никогда не подобрались бы к государственному добру. Да, своей вины я не снимаю, но вот Жаппар Султанович почему-то отмалчивается. Между тем именно он возглавляет ответственное дело снабжения населения. Молчание это кажется мне странным. Пусть начальник снабжения скажет, как он собирается исправить положение. И пора заканчивать разговоры.

Слово пришлось взять Жаппару, но он и не думал складывать оружие. Его худощавое смуглое лицо не выражало ни малейшего смущения; черные узкие глаза смотрели самоуверенно. Когда он говорил, были видны два выступающих передних зуба.

— Население города растет, — начал Жаппар. — Этот рост предусмотрен планом снабжения, а продук-

тов все-таки не хватает. Причиной этому не только хищение и разбазаривание продуктов, вскрытые нами. Как известно, у нас сгорел один из продовольственных складов...

— Но потери от пожара государство нам восполнило, — заметил Мейрам.

— Это верно, — продолжал Жаппар. — Государство не забыло нас. А сейчас выяснилось, что продуктов, к сожалению, сгорело значительно больше, чем мы предполагали вначале. Положение создалось трудное. В этих тяжелых условиях мы не можем простить преступлений Махмета и его подручных. Виновных надо крепко наказать, безжалостно осудить. Но этого мало. Я предлагаю провести поголовную проверку торговых работников и за малейшее упущение строго наказать.

Участники заседания насторожились. По виду предложение Жаппара могло показаться правильным, но было в нем что-то затаенное, подозрительное.

Мейрам, закончив запись на бумажке, обратился к присутствующим:

— Кто еще хочет выступить? Вы не желаете? — обратился он к Ермеку.

— Я согласен с Сергеем Петровичем. Говорили достаточно. Пора, пожалуй, заканчивать, — отозвался тот.

Оставалось выступление секретаря горкома. Мейрам начал с предложения Жаппара:

— Провести массовую проверку торговых работников? — Он с сомнением покачал головой. — Мне это предложение, товарищи члены бюро, не нравится. Устраивать шумиху, кампанейщину, отвлекать на эту кампанейщину внимание населения... В общей суете подлинные враги легче могут укрыться. У нас хватит сил, чтобы другими средствами вывести преступников на чистую воду.

А теперь по существу вопроса. Всем понятно: самое узкое место у нас сегодня — снабжение населения. Народ ради светлого будущего терпит все сегодняшние трудности. Но этому терпению есть граница. Никто не потерпит потворства расхитителям. Тем, кто вставляет

нам палки в колеса, тем, кто мешает созданию Каранды, снисхождения не будет. Вношу предложение: Махмета Торсыкбаева исключить из членов партии, дело о нем передать прокуратуре. А как можно назвать поведение на сегодняшнем заседании бюро товарища Карибаева Рымбека? Он пытался спрятаться за спиной других. А ведь за последнее время я дважды вызывал его в эту самую комнату, говорил, что с подбором работников, с воспитанием кадров у нас неблагополучно. Я называл методы его работы бюрократическими. Знаю, что об этом же говорил с ним и товарищ Щербаков. Не помогли Карибаеву Рымбеку наши беседы... Может быть, мы говорили с ним не очень настойчиво? Да и сами не приняли во-время решительных мер? И здесь я согласен с Сергеем Петровичем: доля нашей вины есть, надо признаться в этом со всей большевистской прямоотой. И с той же прямоотой следует высказаться о Карибаеве Рымбеке. По моему, он заслужил строгий выговор.

— Не слишком ли? — подал голос Жаппар.

— А что вы предлагаете?

Но Жаппар уклонился от ответа.

— У меня есть еще одно предложение. Надо поручить нашей комиссии под председательством товарища Канабека специально расследовать, какова была причастность самого Жаппара Султановича к вскрытым здесь фактам. Возражений нет?

Все члены бюро проголосовали за предложение Мейрама.

Глава семнадцатая

Уже несколько дней с юга дул теплый ветер, съедая толстый снежный покров. По улицам шумно потекли мутные потоки. Жильцы земляных бараков, построенных на склонах холмов, высыпали из дверей. В руках у всех были лопаты, кайла. Каждый подрубал лед у своих дверей и отводил воду. Весна принесла много хлопот, но и люди, и животные, и домашняя птица встретили ее радостно. А детей допоздна нельзя было увести с улицы.

Кочегар Бокай копался возле своей землянки. Подрубил лед у входа, отвел бежавший с возвышенности ручей. Теперь он стоял, опершись на лопату, и с удивлением смотрел на распростершуюся перед ним низину. Земля в низине дала осадку, образовалась впадина, такая глубокая, что в ней свободно смог бы разместиться целый аул. Во впадину набежала вода, разлилось озеро, в нем уже плескались утки и гуси.

— Этак и наши бараки могут обвалиться! — пробормотал Бокай.

Он опасался не напрасно. Одна из шахт проложила свои ходы под холмом, на склоне которого был расположен поселок. Бокай знал, что иногда бывают такие случаи: выберут в забоях весь уголь, забросят шахту — и на этом месте почва оседает, образуются балки или глубокие трещины. Порою приходится переносить в другое место не только земляные бараки, но и дома, построенные в прежнее время. Сердцу Бокай было дорого его убогое жилище, сооруженное в поте лица собственными руками.

— Пожалуй, придется доложить Щербакову, — сказал он, поднимаясь на крышу землянки.

Стены жилья выдавались над поверхностью земли не больше чем на метр, земля была насыпана прямо на потолок, и этот пласт заменял крышу. На крыше, аккуратно свернутый и перевязанный веревкой, лежал ветхий большой войлок, которым Бокай в прежние времена накрывал свою юрту. Войлок был такой старый, что уже не мог служить не только покрышкой, но даже и подстилкой. И Бокай так и не мог решить, что делать с этой прокопченной дымом, изъеденной молью кошмой. Бросить — жалко, использовать тоже нельзя.

— Пусть лежит себе, — рассудил Бокай, постояв над войлоком.

Спустившись с крыши, он вошел в землянку.

Внутри землянки высота потолка была достаточной, чтобы выпрямиться в полный рост.

Жена сидела за работой — что-то шила на недавно купленной швейной машине. Живот у нее выдавался, на темном лице проступили желтоватые пятна.

У них уже был сынок, но вот вскоре ожидалось новое прибавление семейства. Когда приехали в Караганду, мальчик едва умел лепетать, а теперь по целым дням говорил без умолку. За это время многое изменилось в жизни Бокая. Попона из верблюжьей шерсти и черная невыделанная телячья шкура, украшавшие раньше переднее место, отодвинуты к порогу и служат подстилками. Вместо них на почетном месте разостлан поношенный ковер, а поверх него стеганое одеяло. Направо у стены стоит железная кровать, над ней повешен будильник. В этих двух теплых, аккуратно прибранных комнатах ничего не осталось из прежних обиходных вещей, которыми пользовались в юрте, — ничего, кроме старой попоны да телячьей шкуры. Все новые вещи были куплены здесь, в Караганде.

Женился Бокай поздно, жена у него молодая, избалована не меньше ребенка. С мужем и с Тулеужаном она обращалась повелительно. На слова была резка, характером вспыльчива, но, рассердясь, остывала быстро. Такой бывает иногда туча: сгущается, грознеет, а потом рассеется, не пролив ни капли дождя. Спокойный Бокай не придавал значения прихотям жены.

— Слушай, мать моего ребенка, я сейчас пойду к Щербакову, а потом на работу, — сказал Бокай. Чтобы не пачкать подстилки, он стоял у самого порога. — Тулеужан, достань-ка мне очки.

Мальчик взял с подоконника большие синие очки, в которых Бокай работал в кочегарке, сначала примерил их себе, потом начал прилаживать на нос отцу. В то же время, ласкаясь, он просил:

— Я тоже пойду с тобой.

— Нельзя, сынок. В кочегарке обожжешься. Там — огонь, пар. И дорога сейчас грязная. Увязнешь.

— Нет, не увязну.

— Усади его на место! Не балуй ребенка! — прикрикнула молодуха.

— Вон мама бранится, — сказал он ребенку. — Завтра выходной день, пойдем в кино, мой жеребеночек.

Мальчик успокоился. Мать занималась своим делом. Раньше проводы Бокая на шахту доставляли ей

немало забот: нужно было приготовить мужу рабочую одежду, покормить, дать на работу узелок с едой. А когда Бокай вернется — новые хлопоты: помоги умыться, накрой стол. Теперь эти заботы не нужны. При шахте есть баня и столовая. Перед тем как идти домой, муж и вымоется и закусит. Своенравная молодуха, ни о чем не беспокоясь, с утра до вечера с увлечением крутила ручку машинки, оттопырив мизинец и молча шевеля губами.

Когда Бокай оделся и собрался уходить, она остановила его:

— Куда ты? Почему дома не сидится?

— Хочу сходить к Щербакову, пожаловаться. Шахтеры проложили ход, кажется, прямо под нашим домом, будто им не хватает угля в другом месте. Этак и обвал может случиться.

— Зачем же из-за пустяков беспокоить Щербакова? Если обвалится землянка, дадут новую квартиру.

— Дело не в одной нашей землянке, хотя и ее жалко: своими руками сделана! Ударнику в таких случаях молчать не годится. Скажу Щербакову: «Приостанови проходку. Новых домов на всех не хватит. Люди до сих пор, как река, вливаются в Караганду. Зачем же разрушать старое жилье?»

— Пустое говоришь, — надула губы молодуха. — Лучше потолкуй с Щербаковым, чтобы тебя премировали за хорошую работу. Видишь, сынок подрастает. Весна на дворе — как можно без коровы? Вон Бодаубек и тот уже обзавелся коровой.

— Мать моего ребенка, — строго ответил Бокай, — премия дается не по просьбе, а в приказе, тому, кто ее заслужил. Подожди, всему свое время. стыдно быть такой жадной.

— Э-э-й, ему скоро сорок пять, а он говорит о стыде, словно девушка. Слушай: сегодня ты поужинай в столовой. Мы с Тулеужаном пойдем в гости к Жанабылу. Там сегодня будет угощение, если у Майпы родится сын.

— Пусть сначала родит благополучно, а там видно будет — сын или дочь, — сказал Бокай, направляясь к выходу.

Но уйти ему не удалось, в дверях он столкнулся с Константином Лапшиным.

— А-а-а! — радостно воскликнул Бокай. — Вон кто пожаловал. Наконец-то собрался. Ну, здравствуй, Костя! Здравствуй, присаживайся на самое почетное место!

Лапшин поздоровался за руку с хозяином и хозяйкой, потом с маленьким Тулеужаном, но на почетное место не сел, а устроился на табурете у стены. Он осматривался вокруг маленькими быстрыми глазами, довольно улыбался, приговаривая:

— Хорошо! Очень приятно! По-человечески живете, не то что в дряхлой закопченной юрте. Помнишь, я был у вас прошлой осенью?

— А вот моей жене и этого кажется мало, — пошутил Бокай.

— Костя, ты не верь ему, — отозвалась из кухни молодуха, наливая воду в новый никелированный самовар. — Он жадничает, копит деньги. А для чего они нужны, если не одеться как следует, не обставить дом...

— Что верно — то верно, — согласился Лапшин. — Э, хозяйка, ты чего там хлопчешь с самоваром? Если для меня, не надо. Я ненадолго зашел.

— А много ли ему вскипеть, — тараторила молодуха, — пятнадцать минут — и готово. Всегда ты, Костя, торопишься. Не понимаю я, что это значит — некогда да некогда.

— Ты лишнего не говори, готовь скорее, если взялась, — поторопил Бокай.

Как ни отговаривался Лапшин, без чая не обошлось. На кухне уже загудел самовар. Хозяйка выдвинула на середину комнаты круглый стол, и пока хлопотала с закусками, Бокай достал из шкафчика бутылку и пару стаканов. Он встряхнул посудину перед глазами, усмехнулся.

— Я с этой подружкой редко встречаюсь, только при дорогих гостях. Знаешь, Костя, пока жена с чаем хлопочет, не будем терять время, — закуска уже на столе. Чокнемся, Костя, за нашу дружбу!

Но Лапшин отодвинул стакан.

— Подожди, я хочу серьезно поговорить с тобой по душам...

Лапшин достал из кармана кисет, неторопливо свернул папироску.

— Вот какое дело, Бокай. Человек ты теперь грамотный, квалификацию приобрел, ударником стал. Вроде как передовой рабочий. Как думаешь, чего тебе не хватает?

— Право, не знаю, Костя, — смутился Бокай. — Я всем доволен. Это вон жена только ворчит...

— Не хватает тебе главного, друг!.. Я так думаю — в партию надо вступать, если хочешь быть настоящим передовиком, — серьезно сказал Лапшин. — Это не только мое мнение, и другие коммунисты так о тебе говорят.

Бокай задумался, наморщив лоб. Каким-то особым светом было озарено лицо его. Наконец он проговорил:

— Я и сам об этом думал... Большое дело, Костя. Быть хорошим коммунистом — потруднее, чем производство освоить.

— Это правильно, Бокай. Да ведь ты не в одиночку ступишь на этот путь. Есть партийная организация, она заботливая и строгая мать каждого коммуниста. Научит...

— Научит, — тихо повторил Бокай. — Спасибо, Костя, за честь и доверие. Не всем выпадает такая честь... Оправдаю...

— А мы поможем оправдать, — добавил Лапшин.

Друзья помолчали. Говорливая хозяйка, понимая серьезность минуты, тоже примолкла, — расставляла чайную посуду, стараясь не греметь.

Лапшин вскинул голову.

— Что же, теперь можно по маленькой. За дружбу, Бокай!

Они чокнулись. Бокай вытер редкие усы, заговорил:

— Бай Қалтай, у которого я батрачил, всегда твердил: «Если подружишься с русским — держи камень за пазухой». Вот какой пес! Эх, Костя, Костя! Ты русский, а я казах. И никто мне в жизни не сде-

лал столько хорошего, сколько сделал ты. На ноги меня поставил. А Калтай что?.. Будь он проклят!

— И у русских были свои Калтай, — добавил Лапшин, — только и им не удалось расстроить нашу дружбу.

Хозяйка поставила на стол бурлящий самовар, вмешалась в беседу:

— Хватит вам... Я женщина темная, и то все понимаю. Ты, Костя, почаще заходи к нам. Да позови с собой свою толстушку. Она в гостях у нас не похудеет.

— От такого угощения не похудеешь, — рассмеялся Лапшин. — Я боюсь, повадится она к вам, и о своем доме забудет. Ух, любит гостевать моя хозяйка, любит покушать!

Расхохотался и Бокай.

— В старину казахи говорили: «Если конь много ест — бог тебя вознаграждает; если жена любит покушать — бог тебя наказывает». За что ты наказан, Костя?

Лапшин не полез за словом в карман:

— Ты приводил мне другую казахскую поговорку, помнишь? «Когда жена всему хозяйка — дом пропадет». Скажи-ка, кто в твоём доме верховодит?

Бокай только отмахнулся.

— Я думаю, что в наше время не только сами баи и кулаки сошли на нет, но и их поговорки и пословицы.

Лапшин торопился на производство и, поблагодарив хозяйку, стал прощаться.

По пути Бокай поделился своим беспокойством:

— Знаешь, Костя, разработки уже проходят почти под нашими бараками. Землянки могут обрушиться. Хочу Щербакова предупредить.

Лапшин повел плечами.

— Ну и что же? Жалко тебе твою землянку? Пусть разрушается. Получишь новую квартиру в доме жилкомбината.

— Нет, ты не прав, — горячился Бокай. — Дело не только во мне. Ведь придется снести и соседние бараки.

А всех сразу в новое жилье, пожалуй, не вселишь. Угля у нас сколько угодно, а каменных домов всем не хватит. Вот какое дело... Тут надо по-хозяйски рассуждать. Сам же учишь меня по-партийному обо всем думать.

Простившись с приятелем, Бокай повернул к тресту.

Но к Щербакову Бокай не попал. Проходя мимо столовой, он увидел возле стены ее трех человек, пристроившихся среди порожних ящиков. Вид у людей изнуренный, одежда потрепанная. Они были похожи на нищих. Все трое лежали на голой земле, облокотившись на узлы с тряпьем. Должно быть, прибыли издалека, сильно устали. В ответ на приветствие Бокая старик, обросший седой бородой, только пошевелил губами. А мужчина и молодуха даже не подняли глаз. «Что за люди? — подумал Бокай. — До того притомились, что даже говорить не могут!»

— Отдыхаете, отагасы? — спросил он старика.

Тот некоторое время молчал. Потом заговорил слабым голосом:

— Знавал я некоего Мынбая. Когда он нанимал батраков, то обещал: «Если пойдете ко мне работать, будете жить, лежа на боку». Находились простодушные люди, которые верили, что у него и вправду легкая работа. А на деле получилось так: до того намучаются батраки у Мынбая, что даже пообедать сил не хватает, сразу валяются на бок. Вот и мы свалились, как эти батраки.

Бокай не понял, на что намекает старик.

— Вас обидел кто-нибудь? Откуда вы?

— Никем я не обижен! А мои слова понимай как хочешь. Спрашиваешь — откуда? Я обыкновенный старик, приезжий. Никакой вины за собой не знаю, а вот скитаюсь, как неприкаянный...

— Да не тяните вы за душу, скажите, в чем дело?

— А тебе что за интерес? Кто такой будешь? Я не собираюсь плакаться перед каждым встречным.

— Я кочегар механического цеха, — с достоинством ответил Бокай. — Наш цех вон под той высокой железной трубой. Ударником считаюсь. А зовут меня Бокай.

— Та-ак, — протянул старик, в глазах его вспыхнул интерес. — Значит, ударник? — Он приподнялся, сел. — Слышал я от знающих людей, что ударники — это джигиты, которые на работе впереди всех идут. Таким, пожалуй, можно довериться... Хотел было я обиду унести с собой в могилу, но тебе, коли просишь, расскажу... В горах Ала-Тау живет многочисленный род найманцев. Вместе с ними ни богато, ни бедно жил и старик Маусымбай. Когда у него умерла старуха, он уехал в Семипалатинск, к своей единственной замужней дочери. Зять с дочерью как раз собрались переезжать на работу в Караганду. Старик тоже отправился с ними. Вот они приехали. Город незнакомый, в карманах пусто. Стучались в каждую дверь. Восемь дней ходили по шахтам. Работы много, а придирок того больше. То говорят: «Печать на документах неясная». То: «Бумаги написаны неразборчиво». Пойдешь к другому начальнику, отвечают: «Приема нет». Все трое выбились из сил... Вот мы и есть эти трое горемык, которым не нашлось маленького уголка в большом городе Караганде. Нам говорили: «Как приедете в Караганду, сразу найдете место». Вот и нашли — валяемся у этих ящиков.

— Подождите, не отчаивайтесь! — уговаривал Бокай. — Вы, наверно, не знаете, к кому надо обращаться. У начальника отдела кадров Рымбека были?

— Вот у него-то и говорят: «Нет приема», — сердито ответил Маусымбай.

— Тогда к самому Щербакову надо, к Сергею Петровичу. Это у нас самый главный начальник. Он разберется. Пойдемте!

— Ни к кому я больше не пойду, не зови, — упрямо отказался старик. — Буду здесь до конца жизни лежать. — Но высказаться ему все-таки хотелось, он продолжал: — Надеялся я на одного человека. Года два назад познакомился с ним в дороге, в поезде. Мейрам его зовут. Думал, что поможет...

— Мейрам! — воскликнул Бокай. — Это же наш секретарь горкома.

— Без тебя знаю. Я с ним раньше, чем ты, знаком.

— Были у него?

— Заходил.

— И что же?

Маусымбай безнадежно махнул рукой.

— С этим вашим Мейрамом лучше в степи повстречаться, чем в городе. Посадил перед дверьми красивую женщину. Пришел к ней, отвечает: «Уехал на шахту».

Повидимому, старик был самолюбив, не в меру обидчив. Потерпев неудачу, не захотел зайти еще раз.

Бокай быстро принял решение.

— Подождите, я скоро вернусь, — сказал он и быстрыми шагами направился к горкому.

«Что же это такое? — думал он по дороге. — Рабочие на каждой шахте нужны, а тут люди устроиться не могут!»

Секретарша Мейрама куда-то отлучилась из приемной. Ждать Бокаю было некогда, боялся опоздать на работу. Он открыл дверь в комнату Мейрама.

— Входите, входите, — пригласил секретарь. — Как живете? Здоровы ли женгей и ваш маленький?

— Спасибо!

— Как действует котел в кочегарке?

— Хорошо действует.

— А с учением как?

— Продвигаемся. Я и не знал — есть, оказывается наука, которая называется «четыре действия». Трудновато! «Если все четыре действия выучишь, пойдешь учиться на старшего кочегара», — говорит Козлов. Я уже выучил три, осталось одно деление.

— Выходит, приближается к концу. И практику тоже не забывайте. Она — основа науки.

— Что верно, то верно. Какой-то ученый написал о котлах книгу в два пальца толщиной. Молодежь не расстается с этой книгой. На днях я попросил одного почитать мне эту книгу. Бог мой, там описано все, что я делаю каждый день.

Рассуждения Бокай во многом были наивны. С производством, с техникой он встретился совсем недавно и о вещах всем известных говорил словно о каком-то открытии.

Мейрам как бы между прочим спросил:

— Говорят, Боке, вы побаиваетесь, как бы не обвалилась ваша землянка?

— Апи-ий! ¹ Откуда услышал?

— Произнесенное слово, что шило в мешке, не утаишь. Вот оно и до меня докатилось.

— Выходит, язык надо держать за зубами. Не иначе как Жанабыл сказал!

— Один из ваших друзей.

— А я по этому делу собирался зайти к Щербакову. Надо бы проходки с умом делать. Этак можно и всему городу повредить. Ты же сам видел, как мы строили новые дома. Хлопотали, словно ласточки над гнездом. Недавние приезжие не знают об этом, а мы все на своих плечах вынесли. Хорошо бы проходке другое направление дать. Угля много и в других местах...

Мейрам терпеливо стал разъяснять ему, что в процессе строительства Большой Караганды, очень возможно, произойдут и некоторые потери.

— Уголь нужен стране, как хлеб. Чтобы добыть его, мы горные хребты разворачиваем. Иные дома мы в спешке не на месте построили, придется переносить. Пусть это вас не тревожит! Все окупится, Караганда растет. Еще недавно мы мечтали хоть о какой-нибудь кровле над головой, а теперь думаем о многоэтажных, благоустроенных домах жилкомбината. Недавно Сергей Петрович уведомил горком, что Москва утвердила наш проект строительства. По эту сторону Большой Михайловки будет заложен Новый город. Рабочие, в первую очередь ударники, получают хорошие квартиры. Земляные бараки намозолили нам глаза. Для удобства шахтеров между Угольной Карагандой и Новым городом проложим трамвайные и автобусные линии.

— Молчу, Мейрамджан, молчу! — воскликнул Бокай, подняв руки. — И Щербакова теперь беспокоить не стану. Я вот почему зашел... Там, возле столовой, сидят три человека. Издалека приехали. Обижены они

---

¹ А п и й! — возглас удивления.

на нашу Караганду. И на тебя обижены... Никак не могут устроиться на работу...

— Что за люди? Такая нужда в рабочих, а им места не нашлось?

— Я тоже не могу понять. На кулаков или на каких-нибудь проходимцев они не похожи. Старик среди них. Ой, и острый же на язык! Слова его, как стрелы, вонзаются.

— Проводите этих людей в отдел кадров, к Рымбеку.

— Были. Не принимает. И к тебе заходили — не застали. Старик до того оскорблен, что и к Щербаккову не хочет идти. Он говорит, что хорошо знает тебя.

— Знает? Как его имя?

— Маусымбай.

Мейрам постарался вспомнить и не мог, хоть и редко забывал человека, с которым встречался в жизни.

— Ладно, позовите его сюда. Потолкуем.

Бокай торопливо вышел. Еще издали, не доходя до столовой, он крикнул Маусымбаю:

— Идите, Мейрам ждет вас!

Маусымбай, лежавший на земле, даже не шевельнулся на его голос. Мужчина и молодуха выжидательно поглядывали на старика, не решаясь его тревожить.

Бокай торопил:

— Идемте же скорее!

Наконец старик поднял голову.

— Я дал себе слово: ни за что не встану. Но, видно, ты человек упрямый, не отстанешь. Хорошо, будь по-твоему.

Он тяжело поднялся и медленно побрел за Бокаем. Мужчина и молодуха шли за ними, неся свои узлы. Когда стали подниматься на второй этаж, Бокай взял у них узлы и, держа их в руках, вошел к Мейраму.

При входе старика Мейрам резко вскочил со стула.

— Кого я вижу! Вы ли это, Маусеке?

Вид у старика был жалкий: поседевшая борода свалялась, глаза потускнели, по лицу разлилась нездоровая желтизна. Черный шапан с отложным воротником весь в грязи и дырах; ветхий треух съехал

набок. Несмотря на это, гордый старик держался независимо.

— Да, я тот самый Маусымбай! — сказал он холодно.

Гнев и стыд мучили Мейрама. Лицо его покраснело. Сдержанный по натуре, он редко терял самообладание, но сейчас не смог скрыть своего возмущения. Как же случилось, что старик дошел до такого состояния? Усилив воли овладев собой, он стал расспрашивать Маусымбая:

— Давно к нам приехали?

— Из Семипалатинска отправились двадцать дней тому назад да здесь восьмые сутки горе мыкаем.

— Кто эти молодые люди?

— Родная дочь и зять.

— Что с вами случилось? Расскажите подробно.

— Помнишь наш разговор в вагоне? Я тогда получал тебя, а выходит, сам плавал на поверхности жизни. А теперь опустился в самую глубину. Мне ничего больше не оставалось, как написать вот это.

Маусымбай достал из кармана тетрадку и положил на стол. Это был черновик письма на имя товарища Сталина, написанный по-казахски. На десяти страницах рукой старика было описано все, что выпало ему на долю пережить.

Читая тетрадку, Мейрам временами сжимал кулаки.

Старик писал:

«В нашей счастливой стране я никогда не видал такого человека, который, живя у реки, испытывал бы жажду и среди народа чувствовал бы одиночество. А вот мне пришлось испытать это. Караганда богата углем, как море водой. А я жажду и не могу получить работы. Людей здесь много, а я остался в стороне. Кто же в Караганде руководит делом? Рымбек похож на вороватую собаку, которая прячется от всех. У Жаппара холодное, змеиное сердце. Мейрам посадил у дверей своей комнаты красивую женщину, и она отвечает: «Нет его, уехал на шахту». О восьми днях, проведенных мною в Караганде, можно бы рассказать

восемь длинных сказок. Силы мои иссякли, глаза помутнели. Решил писать тебе, аксакалу народа. Только не знаю, будет ли еще биться мое старческое сердце, пока эта жалоба дойдет до тебя, великий человек! Все же я считаю, унизительно умереть, не прокричав о своей беде хотя бы слабым голосом козленка...»

Прочитав письмо до конца, Мейрам вернул его старику. Он чувствовал себя удрученно — никогда еще не давил его плечи такой позор. Прямо под его окнами люди едва не доходят до гибели, а он не видит, не знает.

— Тяжело мы виноваты, отагасы, — проговорил Мейрам, — что довели вас до такого состояния. Немедленно расследуем, чья злая рука действует среди нас. Но придется и мне принимать на себя вину... Большому человеку вы пожаловались и правильно сделали. Большие возникнут разговоры. Придется отвечать... Скажи, что нужно вам в первую очередь?

— Нам троим нужен хлеб. Но ты дай нам в руки лопату, этот хлеб мы заработаем.

— Работы, отагасы, везде много: под землей и на земле, и в городе, и в окрестностях, на полях и в степи, на пастбищах... Выбирайте любую.

— Нам лучше бы в поле или за скотом ходить.

— Хорошо, — сказал Мейрам и позвонил.

Вошла секретарша.

— Пожалуйста, свяжитесь от моего имени с трестом. Устройте, чтобы этих людей отправили в баню, потом в столовую. Нужно им выдать что-нибудь из одежды.

— Остановиться им можно у меня, — предложил Бокай. — Пусть побудут моими гостями, пока не устроятся.

— Спасибо, Боке. Завтра я договорюсь с Сергеем Петровичем, чтобы их отвезли в наш совхоз. Возможно, там они и останутся на работу. Ну, Маусеке, об остальном поговорим после, когда отдохнете.

Когда посетители вышли, Мейрам взялся за телефон.

Не прошло и пяти минут, как вошел человек в военной форме. Лицо моложавое, фигура подтянутая, движения четки. Сняв шинель, военный сел к столу и приготовился слушать.

— Товарищ Пономарев, вам предстоит серьезная работа, — начал Мейрам. — На производстве участились аварии, в торгующих учреждениях вскрыты хищения... У нас большая нужда в рабочей силе, и в то же время по городу скитаются безработные... Вы обращали на это внимание?

— Все это нам известно, — ответил Пономарев. — Могу добавить еще кое-что. Выяснилось, что склад сгорел не от замыкания электрических проводов, а по другой причине. Поступили сигналы о том, что заготовительные органы в Шетском и Жана-Аркинском районах, вместо того чтобы пригнать сюда заготовленный скот, забили его, большое количество мяса испортили и сожгли при перевозке. И вряд ли это случайно...

— Вы, думаю, не ограничиваетесь только регистрацией фактов?

— Мейрам Омарович, враг зарылся глубоко. Мы еще не закончили раскопки.

— Ну, а что представляют собой Рымбек, Жаппар? Присмотрелись?

— Прошлые их известно. Кое-что знаем и о теперешних их делишках. И вы, и Щербаков, и Канабек не напрасно в них усомнились. Ваши догадки оправдываются.

— Спасибо! — поблагодарил Мейрам отрывисто. — Всю гниль до конца надо вычистить! Нам необходимо относиться к этому, как к приказу партии.

— Я так и понимаю.

Глава восемнадцатая

Весна принесла свои трудности. На смену отбушевавшим свирепым снежным буранам пришли проливные дожди. На юге разлились речушки Коктал и Сакур. На севере вышла из берегов река Нура. Надолго

сборвалась транспортная связь с окружающими районами.

Распутица тяжело отозвалась на снабжении города. Это было следствием вредительских действий Жаппара и Рымбека, давших установку: «Складские продукты разбазаривать, подвоз извне затормозить».

История с Маусымбаем еще более насторожила руководителей бассейна. Приказом по тресту Рымбек был снят с работы, а Жаппару объявлен строгий выговор за представление неверных сведений о запасах продовольствия. В районы были командированы ответственные работники с заданием наладить доставку продуктов. Но до наступления распутицы успели прибыть только два каравана из тех районов, куда выехали Жанабыл и Канабек. С каждым днем запасы на складах таяли.

Город переживал трудное время. Продукты выдавались по карточкам только на один день. У магазинов и ларьков выростали очереди. Среди рабочих начался ропот. И горком и трест принимали все меры, чтобы смягчить продовольственный кризис и ликвидировать очереди. Еще никогда Щербаков и Мейрам не попадали в такое затруднительное положение. Суровые и сосредоточенные, они недосыпали ночей, сутками не появлялись дома.

Именно в эти тяжелые дни из центра прибыла комиссия для обследования. Опрашивала рабочих, руководителей треста и партийную организацию, выезжала на шахты. Сейчас в кабинете Мейрама сидит председатель комиссии — человек серьезный, рассудительный; глаза у него спокойные, взгляд пронизателен. Беседа продолжается уже около двух часов. Председатель не торопится. Говорит мало, больше слушает. Видно по всему, что перед выездом он основательно ознакомился с положением в Караганде. Иногда председатель открывает папку, просматривает документы и задает короткие вопросы:

— На вас поступило много жалоб. Ни одну из них вы не признали правильной. Допустим, жалобы не имеют оснований. Но чем же объяснить, что столько жалобщиков недоволено вами?

— Я думаю, одни клеветают сознательно, другие по неосознанности. Мне приписывают то, чего не было.

— На кого же вы опираетесь в своей работе?

— На передовых людей, товарищ председатель. А жалобщики, как правило, люди окостеневшие, они до сих пор вспоминают старые стоянки, с которых народ давно уже откочевал.

— А как, по-вашему, Щербакова можно считать передовым?

— Щербаков — знающий свое дело человек. Он принципиален, предан партии, Сергей Петрович во многом помог мне и как партийный работник.

— Вы полагаете, что он правильно руководит развитием Караганды?

— Судите сами. Когда приехала первая группа работников, во главе со Щербаковым, она нашла здесь пять-шесть ветхих бараков, почти бездействующую шахту да около полусотни рабочих. Не хватало жилья, воды... А сейчас в Караганде почти двести тысяч населения, построены сотни новых домов. Ежедневно мы даем стране несколько поездов, груженных углем. Караганда превращается в третью кочегарку нашей родины.

— А очереди в магазинах тоже можно назвать достижением?

— Нет. Это позор для нас. Очереди — следствие вредительских действий наших врагов. Мы повинны в том, что были беспечны. Я готов нести ответственность перед партией за то, что не смог во-время разгадать вражеские замыслы.

— В последнее время вы запаздываете с выполнением плана. Аварии у вас происходят там, где вы и не ждете... Это все вы тоже относите за счет классовых врагов?

— Я далек от мысли объяснить все наши недостатки только действиями врагов. В нашей работе еще много халатности, неорганизованности, упущений. Это льет воду на колеса вражеской машины.

— Как вы считаете: существуют в Караганде проявления буржуазного национализма?

— Сейчас националисты действуют очень осторож-

но, не выступают открыто. Бывший начальник отдела кадров треста Рымбек Каримбаев и заместитель управляющего треста Жаппар Султанов вмешивали в дело родственные и земляцкие отношения. Мы, хоть и с опозданием, вскрыли это и приняли решительные меры.

— А помните скандал между Бондаренко и Жумабаем?

— Да, неприятная история. Бондаренко и Жумабая умышленно спровоцировали на ссору. Видимо, кто-то хотел раздуть националистические настроения. Но мы не допустили. На общественном суде оба шахтера помирились. Бондаренко был наказан, теперь он заметно исправляется.

За все время беседы председатель комиссии не произнес ни одного резкого слова. Спрашивал спокойно, но взыскательно. Порою задавал неожиданные вопросы. И нельзя было понять удовлетворяют ли его ответы Мейрама. Так, совсем неожиданно он спросил с легкой улыбкой:

— Не было ли между вами и Махметом Торсыкбаевым столкновения из-за ревности?

На лице Мейрама проступил румянец.

— Вон какими путями Махмет хочет замести следы своих преступлений! Девушка, о которой идет речь, лишена старых предрассудков, она выше низких интриг. Она стремится к образованию, к общественной работе. Тут нам с Махметом не из-за чего было ссориться. Он недостойн этой девушки ни по своему развитию, ни по моральному облику. Разберитесь в этом, и вы убедитесь сами.

— Говорят, вы содействуете незаслуженному повышению в должностях близких вам людей?

— Если считать близкими людьми родственников, то у меня их почти нет. Я — одинокий человек.

— Кем вам доводятся Жайлаубай, Жанабыл, Бокай, Ермек, Жуманияз?

— Только Жайлаубай дальний мой родственник. Я с ним случайно встретился в Караганде. Думаю, что и родственник имеет право на работу по своей специальности. Что же касается других названных вами то-

варищей, я сблизился с ними на партийной и производственной работе. Это деловые и честные люди. И было бы ошибкой не выдвигать таких людей.

Близился вечер, в комнате сгущались сумерки. Света еще не давали. Через окна отчетливо доносились голоса людей, стоявших в очереди перед магазином. Шум то усиливался, то затихал. Председатель комиссии посмотрел в окно, нахмурил брови.

— Когда вы наконец покончите с этими очередями? Мейрам низко опустил голову.

— Сегодня мы со Щербаковым говорили с Алма-Атой и с Москвой. Эшелоны с продовольствием в пути. Через три-четыре дня продовольственные перебои закончатся. Положение могло сложиться еще хуже. Но большинство наших рабочих имеют коров, овец, коз. Многие связаны с колхозами. От недостатка продуктов больше всего страдают люди, прибывшие недавно. Но перед народом нам приходится краснеть! — с усилием произнес Мейрам. Он чувствовал себя так, словно поскользнулся и упал на людях. Им владели гнев, досада, стыд.

В эту минуту в комнате вспыхнул свет.

— Да, перед народом приходится краснеть! — согласился председатель.

Он достал из папки жалобу Маусымбая.

— Приходится испытывать стыд не только перед партией, перед народом, но и перед отдельными гражданами. Все, о чем мы с вами говорили, известно в Москве, знает об этом и лично товарищ Сталин. Прочтите вот эту жалобу.

— Читал.

— Тогда приготовьте к завтрашнему дню письменное объяснение. Пока на этом закончим.

Мейрам, понурый и расстроенный, вышел в коридор, заглянул в комнату Марияш. С ней тоже беседовал один из членов комиссии. Не переступая порога, Мейрам спросил:

— Я не помешаю вам?

— Наоборот, вам полезно будет послушать. Заходите, — ответил член комиссии. Это был высокий, ху-

дощавый человек, со строгим лицом и глубоко посаженными глазами. Он сосредоточенно слушал Марияш, иногда записывал ее слова.

Марияш внешне говорила спокойно, ровным голосом, но порою в ее больших черных глазах вспыхивал гнев.

— ...Жаппар Султанов, по моему мнению, стал ярким националистом не по темноте своей. Он — образованный человек и был одним из убежденных главарей буржуазных националистов в Казахстане. Он любит говорить о своих симпатиях к народу, но это ложь. Нутро у него лживое, черное. Он ненавидит и народ, и все новое, что создается в нашей стране. Я подозреваю, что история с Маусымбаем, и пожар на продовольственном складе, и неожиданные аварии на производстве, и разбазаривание продуктов — все это не случайности, а контрреволюционные преступления, вероятно организованные Жаппаром и его приспешником Рымбеком. Анонимные жалобы на Меїрама Омаровича тоже дело их рук...

Член комиссии спросил:

— А как вы убедились, что Жаппар Султанов лжив и ненавидит народ?

— Сейчас отвечу... Это было в начале коллективизации. Я тогда еще жила вместе с ним. Однажды он вернулся с какого-то ответственного заседания мрачный, раздраженный. Едва переступив порог, он воскликнул: «Что делается! Все гибнет, все рушится! Куда идет казахский народ?» С этими словами он повалялся на постель. И с тех пор старался всеми силами помешать ходу коллективизации.

— А чем вы можете подтвердить, что Султанов был связан с руководителями Алаш-Орды?

— Есть фотокарточка, которую я видела. Жаппар снят в обнимку с главарем Алаш-Орды. На карточке есть надпись: «На тебя, брат, возлагаю свои надежды». Я уверена — надпись сделана этим самым главарем.

Член комиссии помолчал, просматривая свои записи, потом сказал:

— Спасибо вам за помощь в нашей работе. Только

у меня еще один вопрос: почему вы раньше никому не рассказывали то, о чем сейчас говорили?

Марияш горячо ответила:

— Честно признаюсь, сначала я надеялась, что Жаппар сам поймет свои ошибки. Я много спорила с ним. Но от этих споров он все больше озлоблялся. Когда же я убедилась, что он неисправим, ушла от него. Но я еще не сознавала, сколько вреда может принести этот озлобленный человек. Здесь, в Караганде, я поняла это и все рассказала Мейраму Омаровичу и Сергею Петровичу.

— Не только рассказала, но и написала, — добавил Мейрам. — И этим документам был дан соответствующий ход. Что касается наших партийных мер, то на Рымбека и Махмета наложены строгие партийные взыскания, а дело Султанова мы выделили и решили рассмотреть отдельно.

Вопросов у члена комиссии больше не было, и Мейрам вышел из комнаты. В коридоре ему повстречался Жанабыл, с которым только что тоже беседовали. И без того горячий, Жанабыл сейчас был распален и говорил взволнованно:

— Столько хлопот, разговоров! Ну чего они ищут? Мы же не преступники!

— Преступлений у нас с тобой нет, а недостатков порядочно.

— Ну и что же? В котле теперь, что ли, прикажешь кипеть?

— Не горячись! Комиссия не для того приехала, чтобы карать. Разберется, поможет нам. А мы обязаны им помочь, обязаны говорить всю правду.

— Я и не собираюсь врать! Кто-то уже пустил слух, что тебя снимают с работы. Вон какая правда!.. Почему не арестуют Жаппара и Рымбека? Нечего с ними долго разговаривать!

— Чудак ты! А почему бы и не поговорить с ними?.. Иди домой, к своей Майпе, и успокойся, — сказал Мейрам и свернул в сторону.

Вечер был прохладный, светлый. Жаркая пора еще не наступила, пыли не было. Чистый вечерний воздух освежил Мейрама. Он расстегнул китель, открыл

грудь. Фуражку держал в руках, заложенных за спину. Погруженный в свои невеселые думы, Мейрам незаметно вышел на площадь, поросшую зеленой травой.

Он остановился перед старым спуском в первую шахту. Спуск теперь был приспособлен под вентиляционный шурф для подачи воздуха. Здесь когда-то Мейрам впервые спускался в шахту.

Воспоминания немного рассеяли его мысли. Он огляделся. С этой возвышенности в светлый вечер Караганда видна как на ладони. Сверкая огнями, громоздились горы породы; высокие трубы выпускали клубы дыма, с высоких шахтных копров сыпался уголь... Далеко в низине виднелось здание электростанции. Между шахтами тянулись длинные составы поездов, груженных углем. Яркий свет электрических ламп, огни поездов — все это создавало величавую картину.

Сколько же упорного труда вложили люди, чтобы пробудить мертвую степь к жизни, создать на пустом месте новый город! Мейрам тоже вложил сюда частичку своих усилий. Он был уверен, что приносит пользу общему делу, оправдывает доверие рабочих. Впрочем, так ли это? Не переоценивал ли он свои знания, опыт, умение работать?

Вдруг ярко вспыхнули огни автомобильных фар. В открытой машине за рулем сидел Щербаков. Рукава рубашки засучены. Поронявшись с Мейрамом, Щербаков круто затормозил. Вылез из машины, стал подниматься на возвышенность. На ходу он курил, и было слышно, как, затаиваясь, он тяжело дышит.

— Что стоите здесь? Воздух, что ли, в шахту накачиваете?

— Да, чистый воздух нам сейчас нужнее всего, — невесело ответил Мейрам. — Еще много у нас душных и темных углов.

— Не надувайте губы! Партия в наших делах разберется. За плохое поругает, за хорошее похвалит. А бесчестных людей выведет на чистую воду. Да, брат, не раскусили мы их! Тут уж ничего не скажешь. Обманывали они нас, дурачили заведомо ложными све-

дениями, водили за нос. Меня-то, старого воробья, на мякине провели...

— Не знаю, чего у меня на сердце больше — обиды или стыда, — хмуро говорил Мейрам. — Считал себя строителем новой жизни, а подлостей врагов не разглядел... Не могу я с этим примириться!

— А вы и не примиряйтесь. Выкладывайте перед комиссией все как есть. Я заявил прямо, что теперь не верю ни Рымбеку, ни Жаппару. Темные, подозрительные люди. Поедем, — пригласил Сергей Петрович. — Что же тут стоять? Тяжело, конечно, но ведь дело нас не ждет. И раньше у меня в жизни не одни были удачи. Я уже по опыту знаю: в таких случаях работа — лучший наш лекарь. Поедем!

— Спасибо, — отказался Мейрам, — я еще поброжу.

Отойдя, он оглянулся. Щербаков, разжигая трубку, все еще стоял на месте, прислонившись к столбу вентиляции. «Меня звал ехать, а сам остался. Значит, тоже не легко на душе», — подумал Мейрам.

И вдруг увидел Ардак. Должно быть, она пряталась где-то в тени, выжидая, когда Мейрам попрощается со Щербаковым. Девушка заговорила взволнованно:

— Второй раз мы встречаемся на этой площади.

— Да, в первый раз это случилось зимой. А вот уж и весна в разгаре...

— Тогда вы раньше пришли, а теперь — я. Знаете, почему? — И, не дожидаясь ответа, сказала: — У вас камень на сердце. Вот я и пришла.

— Вы искренне это говорите?! — воскликнул Мейрам. — От одного вашего слова у меня на душе просветлело!

— Я пришла, чтобы сказать вам... Твердо решила сказать... Сердце у меня раскрылось с первой встречи с вами. Но я тогда сама себе не верила... У меня не было цели в жизни. И я считала себя недостойной большого чувства. Теперь я нашла свое место среди людей. Учю молодежь, сама заочно готовлюсь в вуз. Вы помогли мне найти цель жизни. Сергей Петрович тоже помог... От отца я бесповоротно ухожу. Вот только пусть поправится. Он заболел.

Ардак не сторонилась Мейрама, как прежде. Подойдя близко, она смотрела ему прямо в лицо своими сияющими черными глазами. Когда Мейрам обнял ее и слегка привлек к себе, тонкие руки девушки обхватили его шею.

Всегда сдержанная, настороженная, сейчас она была доверчива и ласкова.

— Говорят, вы скоро уедете отсюда, — говорила Ардак. — Чем жаловаться на разлуку, лучше я сейчас все прямо выскажу: моя заветная мечта — пусть эти руки, обвившие шею любимого, не разомкнутся вечно!

— И ты заставляла меня так долго мучиться? Ждала отъезда, чтобы сказать?

— Нет, не ждала! Не хочу, чтобы ты уезжал. На душе моей станет пусто, как на опустевшем жайлау¹ после откочевки аула...

Ардак поверила, что не сегодня-завтра Мейрама снимут с работы. Слух, пущенный по городу, дошел и до нее. Он уедет из этих мест, покинет ее! При одной этой мысли тоска сжимала ей сердце. Мягкий и грустный голос девушки, осторожные ее ласки согрели сердце Мейрама, вытеснили из него горечь последних дней.

— Не надо печалиться! Никуда я не уеду. Кто это без моего ведома высылает меня из Караганды?

— Жанабыл. Сегодня пришел и говорит: «Ну, долго носилась со своей гордостью? Теперь иди прощайся». Вот я и пришла.

— Я рад, что ты пришла. Но уезжать не собираюсь.

Только теперь она поняла уловку Жанабыла: он с умыслом повторил слух, распущенный о Мейраме.

— Ах, шайтан! — рассмеялась девушка. — А ведь каким печальным прикинулся!

— Выходит, и в наше время не перевелись Тонтаи².

— А что надо сказать этому Тонтаю? Спасибо надо сказать. Это он смазал медом ваши пересохшие губы! — прозвучал громкий голос.

¹ Ж а й л а у — горное пастбище.

² Т о н т а й — предприимчивый герой из старинной казахской сказки.

Это был Жанабыл, вынырнувший из-за угла. Ардак и Мейрам бросились к нему, принялись трепать за уши, тормошить.

— Довольно! — взмолился Жанабыл. — А то еще без ушей оставите в награду за мою услугу.

Взяв под руки Ардак и Жанабыла, Мейрам повел их за город и, позабыв все огорчения, говорил весело:

— Друзья! Сегодня вечером, кажется мне, я достиг вершины моего счастья. До этого испытал немало страданий. Принято страшиться любовных страданий. Но если в конце концов они приводят к счастью, их надо даже любить.

— А вы можете когда-нибудь говорить без философии? — упрекнула Ардак.

— Не может! — подхватил Жанабыл. — Может быть, ты его научишь целоваться без философии...

Мейрам рассмеялся, переполненный счастьем, потом запел:

Ой, Ардак, ты заяц, бегущий по полю,
Я сокол, летящий над тобой...

Распевая в три голоса эту народную песню, они все дальше уходили от города. Перед ними расстилась бескрайняя степь.

Глава девятнадцатая

Жаппар и Рымбек ехали верхом на выхоленных конях по берегу реки. У обоих за плечами двустволки. К седлам приторочены убитые утки. День был солнечный. Земля уже начала подсыхать. Речушка Сакур вошла в берега, воды в ней стало меньше. От разлива в степи остались впадины и выемки, заполненные водой, то продолговатые, как желоб, то круглые, как блюдце. Берега заросли камышом и тальником. Птицы, не видя охотника, подпускали его на расстояние выстрела.

— Очень хороша здесь соколиная охота, — заметил Жаппар.

— Эта местность принадлежала подроду Ожжекен

из рода Сармантай. Именно здесь, в сурочьей норе, впервые и обнаружен был уголь, — рассказывал Рымбек. — Вон там, на склоне, стоял аул Бапан. Уголь нашел пастух из этого аула.

— Вероятно, ожжекенцы давно перешли на оседлую жизнь?

— Раньше других. Аульцы все занимались ремеслами и извозом. Это понятно: близость Караганды и Спасска. Кузнец Коктаинша, который сейчас работает на механическом заводе, тоже из этого аула.

— Он и до сих пор здоров, как бык, железо в узел завязывает. Редко такого человека встретишь.

Так они ехали, разговаривая о чем придется: не кончат об одном, переходят на другое. Но не охота, не беседа о кузнеце Коктаинше были главной целью их прогулки. Они собрались свободно, без опаски поговорить в степи о своих темных делах.

Повернув в сторону от речки, всадники поднялись на холм. Там они слезли с коней, стреножили их, пустили пастись, а сами сели на лужайке перекусить. После нескольких стопок водки разговор оживился. Рымбек вспоминал старину:

— Вон те две возвышенности называются Кулжумыр-Суран. За ними — отсюда не видно — гора Байдавлет. В свое время на нее прикочевал от берегов Сыр-Дарьи Жуман, владелец конского табуна в семнадцать тысяч голов! А вон те горы, что синеют на горизонте, принадлежали Игилику. У него было двенадцать тысяч коней. Потомки Игилика и Жумана и сейчас живут в Караганде. Но опустились, стали похожи на идиотов, ничего в теперешней жизни не смыслят...

Теперь его потянуло на разговор о своем прошлом. Обычно в свою жизнь Рымбек не посвящал не только посторонних, но и друзей. А сейчас, наедине с Жапаром, разоткровенничался:

— Самым большим начальником Спасского завода был пристав. Я два года служил у него стражником. В семнадцатом году Алихан, Ахмет, Елдес и другие¹, бежавшие к восточной границе, по пути заехали

¹ Главари казахской националистической банды Алаш-Орды.

на Спасский завод. Я тогда уже работал в совете. Аликхан собрал рабочих на митинг и сказал им: «В старых книгах сказано, что перед концом света появятся Яжуж и Мажуж¹. Это и есть большевики. Сопротивляйтесь им до последней капли крови»... С того дня я и стал на путь борьбы с советской властью.

Во время митинга русские рабочие подняли шум против Аликхана. За ними поднялись и казахские рабочие. Митинг пришлось закрыть. Тайком от всех я проводил Аликхана до границы Каркаралинского уезда.

Оставаться в Спасске было опасно. Я вскоре уехал. Конечно, в архиве не оставил никаких следов, запасся надежными документами. Вот уже пятнадцать лет живу по этим документам. В них значится, что я происхожу из рабочих и сам был рабочим, потом учился. Все шло гладко. Занимал ответственные посты и ни в ком не вызывал подозрений. А последнее время что-то беспокойно на душе. Неужели что-нибудь органы обнаружили? Убираться надо отсюда поскорее!

Жаппар зябко повел плечами, глаза у него забежали, словно у мыши. Но уже через минуту его лицо приняло прежнее невозмутимое выражение: холодный взгляд, губы плотно сжаты.

Жаппар превосходил своих единомышленников и в красноречии и в упорном отстаивании взглядов. Он заговорил уверенно и жестко:

— Не позволяй своей осторожности переходить в трусость. Не так уж мы слабы, чтобы трусить. В одной только Караганде проведено двадцать восемь аварий. Подождено, испорчено около двухсот тонн продуктов. Мы разбазарили до двух тысяч карточек. Смерть Орлова стоит десятков смертей. Мы не только нанесли миллионные убытки государству, но и довели до отчаяния сотни людей. Если бы Щербаков или Мейрам подозревали что-нибудь, разве они оставили бы нас в покое?

— Пожалуй, так! — приободрился Рымбек.

---

¹ Я ж у ж и М а ж у ж — подобие библейских Гога и Магога, то есть двух мифических народов, которые, по мусульманскому верованию, явятся при наступлении «страшного суда».

— Определенно так, — продолжал Жаппар. — Ждать нам осталось недолго. Международная обстановка складывается в нашу пользу. В Германии уже укрепился фашистский режим. В Италии Муссолини ждет не дождется войны. Япония готовится создать великое государство Азии, в которое включает и Восточную Россию. Американская политика доллара неизбежно приведет к войне. Репетиция войны уже началась и в Европе, и в Азии, и в Африке. Для того, чтобы началась мировая заваруха, достаточно одной зажженной спички. Война вспыхнет сразу, как пожар в степи, и распространится так же быстро, как огонь по сухой траве. Основной фронт пройдет по советской земле. Не исключено, что начнется потасовка и у нас, внутри страны. Вот тогда мы и выступим смело. А пока будем действовать осторожно, выжидать...

Рымбек мельком взглянул на пасшихся лошадей. Нерасседланный гнедой конь со звездой на лбу лег и принялся кататься по земле. Рымбек подбежал, поднял его и, вернувшись, сказал:

— Все-таки ямы, которые мы копаем, не слишком глубоки. Через них легко перепрыгивают. От весны можно было ждать большего.

— Их спасла железная дорога, — сказал Жаппар. — Иначе сели бы крепко. Все-таки мы наделали им немало хлопот. Не только Караганда, но и Алма-Ата, даже Москва встревожилась. Комиссия уезжает завтра с мешками материалов. Мейрама вызывают в Алма-Ату на доклад. Пожалуй, он не вернется из этой поездки.

— А ты зачем едешь в Москву?

— Основное там...

Рымбек дорого бы дал, чтобы знать, что это за «основное». Но Жаппар больше ничего не добавил. Давая Рымбеку понять, что не все двери ему открыты, он переменял разговор:

— Очень хорошо, что тебя так легко освободили от работы... Уезжай в другое место. Заметай следы. Но не теряй со мной связи.

— Я такой план наметил: поеду в область и там попрошусь на какую-нибудь новостройку...

Солнце склонилось к горизонту. На западе, над горами, бродили белые весенние облака, а в восточной части неба сгустилась черная туча. Доносился отдаленный гром, но молнии не было видно. Там шел дождь, в небе висела яркая радуга.

Полюбовавшись на нее, Жаппар предложил:

— Поедем. Птицы все-таки мало. Видно, спарились и несут яйца.

Они проезжали мимо маленького озерка. Над водой проносились кулики и еще какие-то мелкие болотные птицы. Крупной дичи не видно было.

Из-за возвышенности, лежащей перед ними, показались клубы дыма. В прежние времена, когда богатые люди переправлялись со своим скотом на жайлау, бедняки и ремесленники оставались на этой возвышенности, возле колодцев. Они не рисковали откочевывать далеко. Земли здесь использовались под пастбища и только малой частью под пашню. Сейчас земля почти сплошь была вспахана. Клубы дыма поднимались над полевыми станами колхозных бригад, над животноводческими фермами. Пахотные земли и пастбища колхозов тянулись вплоть до плоскогорий, видневшихся вдали.

Перевалив через ближайший хребет, путники выехали к тракторной бригаде. Возле белого шатра собрались пять-шесть человек пеших и один всадник — маленький, худой старик. Поодаль стояли два трактора. Старик держал в руках домбру и пел песню, изредка взмахивая инструментом. В вечерней тишине голос акына разносился далеко. Плугари слушали, не отрывая глаз от певца.

Присмотревшись, Жаппар сказал Рымбеку:

— Это Токен чмокает там губами. Только и знает, что восславляет советы.

Подъехав ближе, Жаппар крикнул:

— Это ты, дряхлый Токен?

В ответ акын пропел импровизацию:

Всюду плодится скот,
Семена дают всходы,
Даже птицам советская власть
Говорит: «Размножайтесь».

А вы привязали добычу к седлам,
Словно хотите сказать:
«Не дадим птицам размножаться».

— Это же утки! — со смехом ответил Жаппар.

Тот, кто сожнет колос зеленым,
Будет есть сыроватый и темный хлеб.
А тот, кто зарежет неоткормленный скот, —
Ест жесткое, лостное мясо.
Ни мяса, ни крови у вашей добычи.
Что же вам снохи приготовят из дичи?

— Да мы это так, из любопытства, подстрелили...
Акын пропел:

Из любопытства не убивают мать,
Не оставляют сиротами детей.
В нашей счастливой жизни
Много других полезных занятий...
Если вы не боитесь крови,
Не давайте пощады волкам, —
По ночам они нападают на стадо,
Не дают отдохнуть пастухам...

Жаппар не стал дожидаться конца импровизации.
Словно говоря: «Брось, надоело!» — он надменно под-
нял голову, нахмурил брови и толкнул коня.

У меня дела неотложные,
Будьте здоровы, детки мои!
Пашите и сейте. Придет жнитво,
Мешки наполняйте зерном.
Так призывает акын!

Пропев это, Токен тронул своего коня.

Отъехав, Жаппар оглянулся назад.

— Досадно! Если бы не этот пустой старик, мож-
но бы поговорить с колхозниками, прощупать их на-
строение.

— Прямо рта не дал раскрыть! Смотри, как ска-
чет! А ведь восемьдесят лет старику, — чего ищет? Ле-
жал бы в постели!

В сумерки они въехали в город. Лошадей остави-
ли на конюшне. Завтра Жаппар уезжал в Москву.
Чтобы закончить беседу, он пригласил Рымбека к

себе. Жил Жаппар холостяком. Жена его училась в Москве и в этом году должна была окончить медицинский институт. А он обзавелся красивой девушкой прислугой, дочерью русского выселенца-кулака.

— Поджарь, Маша, уток и поставь самовар! — распорядился Жаппар и устало прилет на диван. У него был нездоровый вид.

— Устал, что ли? — спросил Рымбек.

— Не знаю, что со мной. Как только повернули обратно, почувствовал себя неладно.

— Сырой воды не пил, а от водки вреда не бывает. Возможно, это у тебя от колбасы или от консервов.

— Желудок как будто в порядке.

— Тогда умойся холодной водой. Пройдет.

За компанию с ним умылся и Рымбек. Но Жаппару не стало легче. Чтобы отвлечься, он достал альбом и стал показывать Рымбеку фотографии. В альбоме были собраны портреты главарей Алаш-Орды. Рымбек долго рассматривал фотографию Алихана.

— Матерый волк. Пожалуй, и теперь не одряхлел.

В это время раздался стук в дверь.

Вошли двое военных с красными петлицами. Они молча предъявили ордера на арест. Рымбек, побледнев, опустился на стул. Жаппар даже не пошевелился на диване, только брови его сошлись над переносьем.

— Одевайтесь! — приказал военный.

Глава двадцатая

Ночь. На перроне людно. Ударил последний звонок. Мейрам стоял на подножке вагона. Провожающие уже пожали ему руку, но не уходили. Среди них была и Ардак. Соблюдая правила приличия, она стояла в отдалении, но несколько минут назад, улучив минуту, успела передать Мейраму букет цветов.

— Следите, чтобы работа на стройке электростанции не прекращалась ни днем, ни ночью, — давал наказ Мейрам.

Поезд тронулся. Мейрам взмахнул букетом цветов.

Пока поезд не миновал станционные огни, Ардак улыбалась, но по лицу ее катились слезы.

К ней подошел Жанабыл.

— Не успел и на километр отъехать, а ты уже раскисла. Еще наглядишься на него, придет время.

— Только бы благополучно вернулся!

— А почему бы ему не вернуться благополучно?

— Кто знает! Жалоб на него много, могут им поверить.

— Главные его клеветники сами угодили в яму, которую другим готовили. Доберемся и до их помощников. А за справедливую жалобу поругают, не без этого! Мы отсюда прямо на электростанцию. Ты не боишься возвращаться одна?

— Лучше проводи. А зачем вы ночью на станцию?

— Пока Мейрам доедет до Алма-Аты, мы уже пустим ее в ход и протелеграфируем ему, чтобы доложил на бюро обкома: станция работает.

— В таком случае идите. Я одна доберусь.

От вокзала до поселка Загородный около километра. Ардак сильно трусила, пробираясь по неосвещенным улицам поселка, но до своего барака дошла благополучно.

Алибек уже два дня лежал в постели. В самом ли деле он был болен, или притворялся — трудно понять. Не жалуясь ни на что, он целыми днями лежал, укрывшись с головой одеялом. Сейчас он встал, сидел на табуретке у дверей барака.

— Лучше стало, коке? — спросила Ардак.

Отец не ответил. Беспокойно вглядываясь куда-то вдаль, вытянув шею, он бормотал себе под нос непонятные слова.

— Что они ищут? — вдруг спросил он, низко пригибаясь, словно хотел спрятаться.

В стороне от города стояло высокое здание элеватора, на котором был установлен прожектор. Длинный луч света медленно передвигался по земле, освещая то один, то другой район города. Сейчас он упал на поселок Загородный. Алибек пригибался, испугавшись света.

Ардак рассмеялась.

— Коке, это луч прожектора бродит. На элеваторе поставили...

— Раньше никакого прожектора не было!

— Недавно установили. Теперь что ни день появляется что-нибудь новое.

Алибек, немного успокоившись, пошел в барак. Но по выражению лица его и по учащенному дыханию легко было заметить, что он чем-то сильно встревожен. Его маленькие змеиные глаза налились кровью, зрачки расширились. Он вздрагивал при малейшем звуке — от потрескивания угля в печке, от шипения капли воды, упавшей из чайника на горячую плиту. Испуганно озираясь, он встал, опустил на окне занавеску, а верхнюю его половину закрыл одеялом. Потом заложил дверь на крючок.

Ардак только теперь обратила внимание на странное поведение отца.

— Коке, почему вы сегодня такой встревоженный?

— Так, дорогая. Предосторожность.

Когда Ардак накрыла стол, налила отцу чай, он тяжело перевел дух и спросил:

— Ты ничего не заметила, дочурка?

— Нет, коке.

— Какой-то подозрительный человек с некоторых пор не отстает от меня ни на минуту.

— Какой человек? Чего он хочет?

— Не знаю. Издали следит за мной. Я спускаюсь в шахту — он тоже спускается. Возвращаюсь домой — и он идет за мной. Ближе никогда не подходит. Но я его заприметил. Вот два дня не выхожу из дому — выжидаю, что он предпримет. А он все время бродит вокруг нашего барака. И каждый раз по-разному одевается. Иногда подходит к двери, к окнам, прислушивается.

— Почему же вы не спросили, что ему надо?

— Он может выстрелить. Постой! Вот опять... И не один...

Ардак вскочила со скамьи, дрожа всем телом. На ее помертвевшем лице жили только черные испуганные глаза. Руками она крепко ухватилась за скобу двери.

Алибек юркнул под кровать.

— Держи крепче! Не пускай! — говорил он свистящим шепотом.

Прошло несколько минут. За дверью — ни звука. Ардак начала приходить в себя.

— Вам показалось, коке.

— Нет, он притаился, подслушивает.

Ардак устала держать дверь. Страх ее постепенно рассеивался.

— Уж не галлюцинация ли у вас, коке?

— Ты совсем оглохла, дочка. Самое меньшее их было двое. Я хорошо слышал шаги, шепот...

— Почему же они не постучались и не вошли?

— Говори тише. Они еще здесь. Они догадались, что мы заперлись...

— А если я вылезу в окно, посмотрю?

— И не думай! Схватят!

Ардак никогда бы не поверила, чтобы ее смелый, предприимчивый отец мог так испугаться. Он был страшен. Ноздри его раздувались, глаза как бы роняли искры. Изредка его странное бормотание переходило в явный бред, который рождал у Ардак тяжелые подозрения.

— ...Когда я спал, я видел сон... Вот проснулся от испуга. Нет, оказывается, не проснулся, а продолжал спать... Сейчас я не сплю?

— Нет, коке. Что с вами?

— Орлов... Обвал... Авария... Я не знаю, не знаю, — шептал он, закрыв руками лицо, и вдруг вскрикнул: — Рымбек расскажет все! Предаст! О, гадюка! Ты все знаешь, гадюка! Ты погубил меня! Изрезать на куски и бросить в огонь! Задушил бы тебя своими руками! Скажи всю правду, скажи скорее!..

Глаза его впились в лицо Ардак, узловатые руки с толстыми пальцами потянулись к ее шее. Она отшатнулась, бросилась к двери.

Снаружи слышались шаги, голоса. Алибек метнулся к койке, укрылся одеялом. Осушив глаза, Ардак открыла дверь. Вошли Шекер — жена Жайлаубая и Майпа.

— Здравствуй, милая! Давно не видала тебя,

соскучилась, — говорила Шекер, обнимая Ардак и целуя ее в щеки.

Моложавая лицом, Шекер казалась еще нестарой женщиной. Глаза ее радостно блестели. Каждым своим словом она давала понять, что уже считает Ардак своей родственницей.

— Чем ты так расстроена, золотая?

— Ничего...

— Уж не заболел ли твой коке?

— Да, прихворнул что-то.

— Услышала я, что Мейрамджан уезжает в Алматы, — без умолку болтала Шекер. — Приехала проводить, да вот опоздала.

Она сразу же предупредила, что времени у нее нет, ей нужно скорее возвращаться домой. Но вместо этого села, развязала опояску и вынула из-за пазухи две бутылки.

— Думала, нужно захватить с собой хоть какой-нибудь подарок. Привезла для тебя и Мейрама по бутылке подслащенной сметаны. Ох, жалко, не поспела к поезду. А все старик — ничего не соображает. Еще вчера он знал, что Мейрам уезжает, а мне сказал только сегодня. Я всполошилась, поехала верхом... Этой же ночью нужно быть дома. Работы уйма. Старик сейчас на посевах, а я за скотом присматриваю. Что теленок, что ягненок — требуют ухода, словно дитятки малые. К тому же скотинка-то государственная, вдвойне надо отвечать. Если нет моих телят перед глазами, спать не могу. Когда уезжала, попросила присмотреть за молодняком старика Маусымбая. Но он такой же неповоротливый, как мой Жайлаубай. Наведалась бы ты к нам, Ардакджан. Степь зазеленела, скот плодится... Очень приятно летом в степи...

Девушка, занятая своими мыслями, рассеянно слушала говорливую Шекер. Потом попросила Майпу:

— Ты поставь самовар, я скоро вернусь.

Сказав это, она вышла.

У дверей стоял молодой рыжий конь, на котором прискакала Шекер. Ардак ловко вскочила в седло. Резвый скакун, никогда не видавший города, пугался всего, что встречалось на пути: то фыркал, то круто

бросался в сторону. Ардак, дочь аула, с детства привыкла к верховой езде. Коротко подобрав волосяной повод левой рукой, она не давала рыжему коню воли и время от времени подстегивала его концом повода.

Перемахивая через ямы и ухабы, перелетев через железнодорожный путь, скакун быстро донес Ардак к электростанции.

Ардак привязала коня и вошла внутрь здания. Народу там было много. Среди других она увидела Щербакова, Канабека, Жуманияза и Гительмана. При помощи козел, сооруженных из толстых бревен и двойных талей, рабочие поднимали наверх массивный чугунный маховик. Слесарь Лапшин командовал громким голосом:

— Раз, два! Взяли!

Рукава он засучил, лицо покраснелось, на лбу блестели капли пота. Жанабыл и Жуманияз, сняв пиджаки, тоже взялись за концы талей. Жанабыл кричал время от времени:

— Ну, комсомольцы, дружней!

Ардак с любопытством разглядывала невиданную машину.

Спустя два дня это огромное колесо завертится с неуловимой для глаз скоростью и приведет в движение машину, которая занимала в длину почти все помещение. На одном ее конце было установлено динамо. От него тянулись толстые провода. Электрический ток, пройдя по проводам, поступит в распределительный аппарат, а потом при помощи рубильников на мраморной доске, прикрепленной к стене, будет включен в сеть и потечет в разные концы города.

Ардак понимала всю важность происходящей сейчас работы. Электростанция для Караганды — неотложная потребность. Девушка не решалась отрывать людей от дела, но и тревоги своей не могла сдержать. Улучив минутку, она подозвала Жанабыла легким кивком головы. Жанабыл сейчас же подбежал к ней.

— Случилось что-нибудь?

— Отец как-то нехорошо заболел. Я боюсь с ним одна оставаться... Вот и приехала...

— Почему не позвала Майпу?

— Тут не только Майпе, а и тебе станет страшно.

— Что за болезнь такая?

— Не знаю. Я до смерти перепугалась. Пойдем со мной, если только можешь.

Вдвоем они сели на рыжего коня и поскакали. Жанабыл расспрашивал по дороге:

— Умом, что ли, тронулся?

— Если это и помешательство, то какое-то особенное. Уж очень неладно бредит.

— Разобрала, что говорит?

— У него с языка не сходит Рымбек и еще какие-то люди. Говорит, что я главный его враг. Задушить меня хотел...

— Это, дорогой товарищ, похоже на болезнь на политической подкладке, — заключил Жанабыл. — Когда мы раскулачивали Куржика, он тоже взбесился. А был точь-в-точь как твой отец: молчаливый, скрытный, копил злобу в себе. Должно быть, от этого у него и началось брожение в мозгу.

— Не знаю.

— Не волнуйся. Я остался сиротой пяти лет от роду и, как видишь, не умер.

— Если бы отец умер положенной смертью...

— Ну, а если заслуживает неположенной смерти, ты здесь ни при чем.

— Как после этого смотреть людям в глаза?..

— Э, ошибаешься! Люди давно не связывают тебя с отцом. Тебя не отец воспитал, а советская школа, советская среда! Это все знают.

— Милый Жанабыл, скажи правду: не будут люди презирать меня за отца?

— Если бы они могли презирать, Жанабыл не сидел бы сейчас с тобой на одном коне.

— Почему я не родилась такой смелой, как ты? Ты все можешь осилить своей смелостью. А я всегда буду робеть...

— Не стели мягко, я привык к жесткому. Если ты робкая девушка, то упаси меня бог встретиться с отважной.

Ардак около своего барака слезла с коня, а Жанабыл поскакал в поликлинику.

Когда Ардак вошла в комнату, Алибек сидел со связанными за спиной руками. Глаза у него горели, как у бешеного волка. В комнате находился Жумабай и еще двое рабочих-соседей. Увидев дочь, Алибек пришел в ярость:

— А, вернулась! Донесла! Пейте мою кровь! Ухожу из этого мира неотмщенный! Одер, Сена, Дунай, Волга — все реки вышли из берегов. Разлились не водой, а кровью... Бушуют Балтика, Тихий океан, Атлантика. Всюду кровавые волны. А я хоть бы твоей крови успел хлебнуть! Погубила меня ты! Теперь я жалок, я бессилен. Развяжи мне руки! Мой язык распух от жажды. Дай пить! Дай в последний раз в жизни напиться холодной воды.

Ардак наполнила водой большую пиалу и стала развязывать отцу руки. Все зашумели:

— Не надо, не надо!

Не слушая, она освободила руки отца и сказала тихо:

— Пейте, коке.

Алибек схватил пиалу, жадно припал к ней. Напившись, он схватился обеими руками за голову. Сидел, раскачиваясь из стороны в сторону.

Вошли Жанабыл, врач и двое санитаров. Алибек стремительно вскочил на ноги.

— Я готов. Не прячьте под халатами ваши красные петлицы!

— Я врач, а не военный.

— А, врач? Значит, я болен? — дико выкрикнул Алибек и широко шагнул к двери.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Один за другим шли годы. Это было решающее, переломное время. Страна Советов уверенно вступила в социализм. Советские люди, руководимые партией большевиков, создали могучую отечественную индустрию. Одержал победу колхозный строй. При поддержке всего народа партия разгромила явных и тайных врагов нового общества, сломила сопротивление кулачества. За жизнью Советской державы следил весь мир: одни — с восхищением, другие — с ненавистью. Одни не переставали грозить войной, других пример советского народа вдохновлял на борьбу с угнетателями.

Вместе со всей страной изменила свой облик и Караганда — третья всесоюзная кочегарка. Вошли в строй около сотни шахт, все они были механизированы. Кайла, паровые механизмы уже вышли из обихода. Производство питала электрическая энергия. Уголь

добывался врубовыми машинами и отбойными молотками, подавался из забоев электровозами и конвейерами. Все дальше в степь проникали разведывательные партии, ставили буровые вышки, исследовали недра земли.

Город теперь делился на две части: на Новую Караганду и на Угольную Караганду. Город стал областным, центр его находился в Новой Караганде.

Население росло. Перед руководителями Караганды и перед многотысячным коллективом шахтеров вставали новые задачи. Предстояло овладеть совершенными механизмами, расширить источники электроэнергии, наладить снабжение города и шахт водой. Что ни день, то новые заботы. Но это были радостные заботы людей, которые растут, которые за несколько лет на голой земле собственными руками создали огромный индустриальный город.

В один из летних дней Мейрам стоял у окна своего рабочего кабинета. Это была просторная светлая комната в новом трехэтажном здании, где помещался городской комитет партии.

Четвертый десяток шел Мейраму. Он возмужал, фигура стала плотнее, густые черные волосы кое-где начали серебриться. На нем был белый полотняный китель, аккуратно разглаженный.

Во дворе бил фонтан, окруженный деревьями. На газонах зеленела трава. На клумбе пестрели цветы. Металлические столбы поднимали над зеленью матовые стеклянные шары.

— Хорошо бы перед каждым корпусом разбить такую площадку и по вечерам освещать ее, — вслух сказал себе Мейрам. — Но для этого нужно изобилие воды, больше электричества...

Вошла Антонина Федоровна. Эта энергичная, деловая женщина мало в чем изменилась за минувшие годы. Все такая же быстрая, легкая и бесшумная была у нее походка. Только причесывалась она по-другому: раньше носила прямой пробор, а теперь взбивала волосы и укладывала их на затылке в узел. От этого ее свежее, розовое лицо казалось более открытым. Анто-

нина Федоровна положила перед Мейрамом толстую папку.

— Здесь все материалы Каргрэса, которые вы просили подобрать. Машина уже ждет вас. Когда вернетесь?

— Должно быть, поздно.

— Я вечером нужна буду в горкоме?

— Сегодня, пожалуй, отдохните. Только попросите, пожалуйста, чтобы ко мне к семи часам вызвали Аширбека.

У подъезда его ждал курносый шофер. Он открыл дверцу «эмки».

Перед зданием городского совета машина остановилась, и к ним присоединился Канабек.

Поехали к Угольной Караганде. Туда от Новой Караганды двадцать километров. Грунтовая извилистая дорога тянулась по отлогому склону. Быстро ехать нельзя: часто попадались ямы, выбитые грузовиками.

Машиной управлял Мейрам. Шофер сидел рядом, готовый при малейшей оплошности помочь «ученику».

Подъехали к окраинам Угольной Караганды. Здесь выбоин на дороге стало больше, и они были глубже. Машину подбрасывало, как телегу на кочках. Мейрам передал руль шоферу и не преминул уколоть Канабека:

— Должно быть, горсовет отложил починку дороги до коммунизма?

— Перестань меня щипать, дорогой! Сам же заставляешь в первую очередь заботиться о шахтах. А стоит кому-нибудь споткнуться на разбитой дороге, как опять на горсовет киваешь. Вон и моя старуха покою мне не дает. Сегодня все утро пилила за то, что поломалась крышка у мусорного ящика — у того, что стоит во дворе нашего дома. Так и требует: «Прими неотложные меры». О, грехи! Выходит, и за крышку мусорного ящика я в ответе.

По сторонам дороги местами стояли озерки воды. Порой посредине озерка виднелся старенький домишко, затопленный по крышу и брошенный жильцами. Там, где из-под земли выбирали весь уголь, почва оседала и на поверхности образовывались впадины.

Постепенно они заполнялись водой. Из воды торчали уже ненужные, развалившиеся бараки. Угольная Караганда строилась, бурно росли новые здания, а старые, временные постройки бросали.

Пересекли линию железной дороги и въехали в северную часть Угольной Караганды. Над обогатительной фабрикой колыхалось облако пыли. Ветер разносил ее, она густо оседала на дороге, набивалась в машину. Впереди, за ее пеленой, почти ничего не было видно. Шофер вел машину с трудом.

Миновали город и поднялись на возвышенность. Здесь остановились. Вышли из машины, чтобы отряхнуться. Встряхивая свой пыльник, Мейрам говорил:

— В будущем жилые корпуса перенесем подальше от производства, в Новую Караганду. Трудно здесь людям жить.

Неподалеку группа рабочих устанавливала высокую металлическую треногу: три массивных железных столба соединялись верхними концами, а внизу наглухо цементировались. Несколько таких треног уже протянулись цепочкой...

Канабек, занятый собою, ответил не сразу. Он разделся до белья, тщательно вытряс пиджак, брюки. Приземистый, с выпирающим животом, он посмотрел, задрав голову, на долговечное сооружение, иронически пожевал губами и проговорил:

— О некоем пастухе было сказано: «Свистит так громко, что земля дрожит, а гонит всего-навсего двух коз». Вот и здесь... Устанавливают такую махину — а зачем? Только для того, чтобы подвесить проволоку в палец толщиной.

— Не забывайте, Канабек, эта проволока для Караганды то же, что вена для человека. По ней потечет электрический ток.

— Будь я инженером, пустил бы между Карагандой и Каргрэсом подвесной воздушный поезд. Эти столбы выдержат любую тяжесть.

В прошлом году Мейрам побывал в Донбассе, видел движущиеся подвесные вагонетки. Сейчас он представил себе, как такие же вагонетки носятся в воздухе между Карагандой и Каргрэсом.

— Мысль хорошая. Но что мы будем перевозить по этой подвесной дороге?

— Все сможем перевозить. Помяни мое слово, вокруг Каргрэса со временем вырастут крупные заводы. Много будет всяких перевозок.

— Когда построим заводы, тогда и подумаем о подвесной дороге, — ответил Мейрам, садясь в машину.

Дорога пошла каменистая, не пыльная. Дул прохладный ветерок. Машина катилась легко и плавно. До Каргрэса оставалось километров тридцать—тридцать пять. По сторонам проплывали фермы совхозов и колхозов. Казалось, нет такого склона, на котором не расположилась бы какая-нибудь постройка — дом, скотный двор, сарай... По проселочным дорогам непрерывно двигались машины, тракторы, подводы.

В прежнее время у этого тракта, среди пустынной степи, одиноко жил «пикетчик» Муздыбай. Происходил он из малочисленного рода, который в старину, не выдержав натиска более сильных родов, откочевал вглубь степи. Муздыбай поселился в русском поселке. Там он прожил несколько лет. А потом построил на большом тракте заезжий дом и сделался, по местному выражению, «пикетчиком». Проезжавшие по тракту русские и казахи останавливались у него. Плату он брал — кто сколько даст, а зачастую случалось и так, что кормил и предоставлял ночлег безвозмездно. Но если человек не понравится, в дом не впускал. Сейчас Муздыбай по старости был освобожден от тяжелой работы, но продолжал заниматься охотой и добычу свою сдавал в колхоз. Это он несколько лет назад подарил Щербакову и Антонине Федоровне лису.

Мейрам предложил заехать к Муздыбаю, с которым любил поговорить. Так и сделали.

Седовласый старик копался на огороде, разбитом около обветшалого дома. Заслышав шум машины, Муздыбай с трудом разогнул спину и начал всматриваться в приезжих, заслонив глаза от солнца ладонью. Годы обессилили его, но он и дома не сидел сложа руки — сейчас полел картофель. Высокая зеленая ботва

доставала ему до колен. Он стоял, держа в руке только что сорванный пучок травы.

— Кто такие будете, детки? Уж не Мейрам ли?..

— Да, Муздеке, не обознались. Как поживаете, здоровы ли?

— Не спрашивай. Старость набрасывается на человека, как волк, — не отгонишь. Задрать еще не может, но крепко хватает зубами то за бока, то за спину.

— Сколько вам теперь?

— Восемьдесят третий пошел. Заходите в дом, поговорим.

— А если здесь присядем, на воздухе?

— Можно и здесь. Степные жители любят город, а городские — степь. Эй! Где вы там? Вынесите кошму, одеяло. Ставьте скорее самовар...

Муздыбай не дал гостям и слова вымолвить. Рассказывал о старине, хвалил новую жизнь, до которой ему посчастливилось дожить. Он свободно говорил по-русски.

Высказав все, что было на душе, он кивнул на Канабека:

— А кто этот парень?

И, вытянув свою длинную шею, уставился на Канабека.

— Этому «парню» лет немногим меньше, чем вам, — ответил Мейрам. — Зовут его Канабек. Он председатель Карагандинского горсовета.

— Уважаемая должность. Он, должно быть, ученый человек?

— Всю жизнь учится. И в старое время учился и сейчас все учится.

— А-а, — удовлетворенно протянул Муздыбай. — А не учился ли он в прежнее время в городе Троицке, у известного муллы Зейнуллы-хазрета?

— Всякое бывало, — пошутил Мейрам.

Старик молча поднялся с места и направился в дом.

— Кажется, натворил ты дел, — сказал Канабек смеявшемуся Мейраму.

Муздыбай вернулся с кораном огромной толщины, подал его Канабеку.

— Прочти-ка, светик, нараспев, как бывало читывал Зейнулла-хазрет. Я человек темный, послушаю из уст грамотного.

— Забыл я эту науку, почтенный Муздыбай, начисто забыл, — отказывался Канабек. — Разве удержишь в памяти все, чему учили в детстве?

Муздыбай с осуждением покачал головой:

— Ай-ай! Не удержал в памяти, чему учили в детстве? А что выучишь на старости лет, то еще легче забывается. Нехорошо! Этак ты позабудешь все просьбы и жалобы, которые подают тебе в горсовет. Плохо дело. Мы в колхозе таких забывчивых председателей ругаем на своих собраниях без всякой пощады.

Он с сожалением вздохнул.

— Что же теперь делать? Придется, видно, мне самому занимать гостей. Хотите, песню спою? Вот мне нравится одна русская песня.

Не дожидаясь уговоров, старый Муздыбай запел «Карие глазки». От напряжения у него вздулись вены на худой шее, но дыханием он управлял свободно, высокий, залиvistый голос хоть и дребезжал порой, а все-таки еще не потерял звучности.

— Жаль, что в молодости никто не оценил такой голос, — заметил Мейрам. — Из вас, Муздеке, хороший певец получился бы.

— Э, в молодости я и сам себя не ценил, такие уж были времена... Спасибо, что заехали, послушали. Душу с вами отвел. Я хорошо знал твоего покойного отца, Мейрамджан. Бывало отправляется на заработки, мимо моего двора никогда не проедет. В народе не зря говорят: «Твой отец умер, но живы люди, видевшие его». Вот я еще жив. Много видел, много испытал. Могу советом помочь. Спрашивай, о чем хочешь.

— Вот вы много видели, Муздеке. А что бы вы еще хотели получить от жизни?

— Трудный вопрос, светик, — ответил старик задумчиво. — Вся моя долгая жизнь представляется мне сейчас как один короткий день. Но есть нечто, что всегда поддерживает человека в жизни: надежда. Помню, умер у меня первый сын. Я чувствовал себя так, словно мне перебили поясницу. Но ни на минуту

не оставляла меня надежда на то, что родится новый сын. Внезапно умерла жена, дом остался без хозяйки мне казалось, что весь мир осиротел. И все-таки я надеялся, что найду новую подругу жизни. Трижды я сам тяжело болел, лежал при смерти, но верил, что поднимусь на ноги, буду жить и работать. Людям вокруг меня тоже тяжело жилось, угнетала бедность, давило горе. Но все надеялись на лучшие дни... И вот пришло время — сбылись надежды народа. А мне уже восемьдесят третий год пошел. Отчего же мне не двадцать пять? Увы, это мое желание несбыточно!.. Но все-таки я доволен, что на склоне жизни увидел счастье народа.

Муздыбай медленно поднялся со своего места.

— Разговорами сыт не будешь... Эй, кто там есть? Несите мясо, чай!..

Но гости отказались от еды. Наскоро выпили чай, поблагодарили за беседу и отправились дальше.

Вскоре показалась высокая труба Каргрэса. Она еще не дымила. Местность эта была заселена и в старое время. На берегу реки Нуры раскинулся поселок Самаркан. Недалеко от него стоят деревянные здания казенного типа. Когда-то в них размещалась больница, единственная на шесть окрестных волостей. Сейчас больницы открыты в каждом районе. А эти обветшавшие бараки пойдут на слом. Рядом с новым зданием вокзала и многоэтажными корпусами жилкомбината они кажутся сущими карликами.

Путники внимательно оглядывали растущий при станции городок.

— Инженер строительства Ибраш — заботливый парень, — сказал Мейрам, указывая Канабеку на засаженную деревьями обширную площадь среди новостроек. — Здесь будет отличный парк.

— Да, — согласился Канабек, — по всему видно, здешний поселковый совет немало потрудился, чтобы благоустроить городок.

— Но что-то не заметно, чтобы местные советы много думали об удобствах для населения.

— Вот и угоди на тебя! — проворчал Канабек. — Мало сделаешь — ругаешься, много сделаешь — при-

писываешь заслуги другим. Ладно, молчу. Пусть будет по-твоему: все здесь сделал Ибраш!

Мейрам частенько подтрунивал над Канабеком. Было забавно видеть, как Канабек сердился, надувал толстые губы, и забавно слушать его колкие ответы.

— Вы же всегда подчеркиваете, что любите самокритику, — не унимался Мейрам.

— Одно дело, когда сам критикнешь, другое — когда тебе мнут ребра! — отшутился Канабек.

Он вылез из машины и пошел в сторону поселкового совета, а Мейрам отправился к строящейся плотине. Там кипела самая напряженная работа.

Нуру временно запрудили и отвели воду в прорытый дугообразный канал. Ниже запруды дно реки обнажилось. Здесь был вырыт глубокий котлован, местами уже забетонированный. Теперь строители поднимали насыпь основной плотины, утрамбовывали ее. Ширина плотины была запроектирована так, чтобы четыре грузовика могли свободно проехать в один ряд. Люди трудились горячо, всюду двигались машины. В ход были пущены не только тракторы, грузовики, экскаваторы, механические катки, плайнеры, но и лопаты, кетмени, кайла. На берегу группы рабочих изготовляли цементный раствор, гнули арматуру. Шло сооружение пяти широких водоспускных шлюзов, закрываемых массивными металлическими щитами.

На противоположном берегу, на обломке взорванной скалы, одиноко сидел человек и рассматривал большую карту, развернутую на коленях. Мейрам пошел к нему. Тот сложил карту и поднялся навстречу.

— Здравствуйте, Мейрам Омарович! Рад, что приехали.

— Здравствуйте, дорогой инженер Ибраш! Жена еще не приучила меня называть вас по имени и отчеству, потому и не добавляю — Жакаевич, — шутливо сказал Мейрам.

Ибраш приехал из Алма-Аты на Каргрэс в качестве будущего начальника станции, а сейчас наблюдал за окончанием строительства. Мейрам встречался с ним всего второй раз.

Они присели на обломок скалы. Инженер снова раз-

вернул свою карту, Мейрам раскрыл папку — разговор пошел о будущем Каргрэса.

— Каргрэс не ограничится подачей электроэнергии в Караганду, — говорил Ибраш. — Плотина даст возможность накопить двести пятьдесят миллионов кубометров воды. Образуется огромное озеро, площадью в семьдесят пять квадратных километров. Поднявшаяся вода достигнет районного центра — Токаревки, в двадцати километрах отсюда. Местные власти уже приступили к переселению колхоза, расположенного на этих землях. Все ценное перевозится, остальное сжигается и протравливается. Ну, не беда! Вокруг треста много колхозов и подсобных хозяйств. Дадим им электрический ток, воду. На первых порах обеспечим поливом три-четыре тысячи гектаров посевов.

— Надо ли так щедро расходовать воду? — спросил Мейрам, еще не совсем разбираясь в сути дела, но испытывая беспокойство за снабжение города и шахт.

Ибраш объяснил:

— Из самого озера Караганда не получит ни капли воды. Мы сейчас добрались до второго, подземного русла Нуры. Видите, устанавливаются два мощных насоса? Они будут выкачивать воду из обширного подземного бассейна. Для Караганды этой воды хватит вдоволь. Надземное озеро — это ресурсы самой станции. Поля колхозов и подсобных хозяйств мы будем орошать водой, уже использованной станцией. Не пропадет даром и отработанный пар. Будем им отеплять жилые дома, сэкономим на этом сотни, а может, и тысячи тонн угля...

Ибраш говорил о будущем Караганды уверенно, смело рисовал картину ее процветания. Его карие глаза блестели, живое, подвижное лицо порозовело. Почти каждую свою фразу он заканчивал словами: «так сделаем», «так будет».

Мейрама заразила эта уверенность и увлеченность инженера.

— Мне трудно судить о том, что вы рассказали, я не инженер. Но я верю, что вы очень скоро воплотите эти свои мечты в действительность. Прошлый раз

вы говорили о возможности использования потоков ветра в степи. Интересная идея! Изложите-ка на бумаге. Обдумаем. А потом, возможно, обсудим ваш доклад на бюро горкома.

— Это было бы очень кстати! — еще больше оживился Ибраш.

Они стали спускаться вниз, к плотине. Ибраш продолжал:

— Эти шлюзы и металлические ворота имеют очень важное значение. Весной, когда усилится приток снежных и дождевых вод, озеро может переполниться, возникнет опасность прорыва плотины. Тогда мы откроем ворота и спустим лишнюю воду...

— Чего вам не хватает? Чем можем помочь, чтобы скорее окончить стройку?

— У нас всего достаточно, — улыбнулся Ибраш.

— Не часто услышишь от строителя такой ответ.

— Нехватки, конечно, у нас есть, но устранение их от нас самих зависит.

— Когда собираетесь сдать станцию в эксплуатацию?

— Сдадим в установленный правительством срок.

— А у нас так повелось, дорогой Ибраш Жакаевич, что каждую пятилетку мы стараемся выполнить раньше срока.

Инженер быстро взглянул на Мейрама.

— Вы меня вызвали на откровенность, придется ответить. Мы приняли решение, но держим его про себя — пустить станцию на три месяца раньше.

— Если будете бороться за четыре месяца раньше срока, еще лучше!

— Посмотрим... Пообещать легко, выполнить труднее.

На плотине установлена большая доска почета. Над ней протянут плакат из красной материи, на нем написано крупными буквами: «Все включайтесь в социалистическое соревнование!»

Мейрам обратил внимание на фамилии двух рабочих: один из них перевыполнил норму в четыре раза, другой — в пять.

— Покажите-ка мне этих молодцов!

— Пойдемте к экскаватору.

Невдалеке от экскаватора рабочий богатырского сложения разравнивал специальным инструментом насыпь плотины. Проходя мимо, Мейрам узнал его и не удержался от радостного восклицания:

— Удача в деле, Жетеке! Как сюда попали? Вы же работали на железной дороге?

Рабочий испытующе взгляделся в лицо Мейрама.

— Что-то не узнаю вас, забыл.

— А помните сильный буран на железнодорожной линии? Вы тогда очищали путь от снега. Меня зовут Мейрам. А вас, насколько помню, Жетписбай. Так ведь? Вы тогда еще сказали: «Я родился, когда моему отцу было семьдесят лет».

— А, теперь вспомнил, дорогой! Куда мне до отца! Однажды он один вытащил из колодца упавшую туда лошадь. Пастухом он был в ту пору. В байском табуне — триста коней. Пригонит их к глубокому колодцу — и давай черпать воду каугой¹ на все триста голов. Ничего, даже лоб не вспотеет. Куда мне до отца!..

— Ну, и вам, как погляжу, жаловаться не на что.

— Что я! Едва успеваю разравнивать за ним землю, — кивнул Жетписбай на экскаватор.

— Где же человеку тягаться с машиной? Она одной горстью тонну забирает.

— Не в том дело. Сила во мне уже не та. Кажется, стареть начинаю. Вот Байжан — это богатырь. Выполняет пять норм.

Мейрам ждал увидеть богатыря более могучего, чем Жетписбай. Но Байжан оказался человеком среднего роста, хоть и широким в плечах. Байжан горло восседал на своей машине и не обращал никакого внимания на наблюдавших за его работой руководителей.

— Не любит, когда его отвлекают от работы, — сказал Ибраш. — Замечательный работник. В иностранных государствах таких бесценных людей заставляют строить укрепления вроде линии «Мажино», «Зиг-

---

¹ Кауга — ведро из сыромятной кожи, прикрепленное к длинному шесту.

фрида» или «Маннергейма». А у нас они сооружают крепости народного хозяйства.

— Если бы за границей только строили укрепления... Хуже! Гитлеровская Германия собирается разжечь костер войны. Вот мы и должны поскорее закончить эту крепость труда!

— И откуда взялся этот подлец Гитлер? — зло сказал Жетписбай. Лицо его дышало гневом. — Пусть только попробует потягаться! Моя мать не жалела для меня сливочного масла!

С виду простоватый, Жетписбай разбирался в международных событиях, читал газеты, слушал радиопередачи. Он думал не только о своей работе на плотине, он думал и о том, как защитить от посягательств врага эту плотину, создаваемую руками народа.

— Наши богатыри, — с гордым чувством говорил Мейрам, — сильны не только мощью своих мышц. Их моральный дух выше заоблачных гор. Через такие горы вражеским самолетам не перелететь!..

Подъехал на машине Канабек. С ним — инженер, ведающий сооружением городка Каргрэса. Это был скромный, скупой на слова человек. Он часто взглядывал на Канабека, как бы прося: «Расскажи лучше ты, как идут у нас дела с постройкой городка». И Канабек не скупился на похвалы:

— Хорошо инженер строит. Это не Гительман. На Каргрэсе городок быстро растет. Уже шесть зданий жилкомбината стоят под крышами!

— Все шесть полностью закончили?

— Седьмое начали!..

Вчетвером они осмотрели машинное отделение станции, могучие насосы, которые будут качать из недр земли воду для Караганды, недавно разбитый парк, новую баню.

Зашли в столовую. После обеда Мейрам сказал Канабеку, что пора возвращаться. Теперь ехали по берегу Нуры. Когда перевалили через Кожир и взяли направление на сопку Жалгиз-Тюбе, Мейрам окликнул спутника:

— Канеке!

— А? — отозвался Канабек, открыв глаза. За день

он порядком устал от ходьбы и разговоров и вздремнул.

Ибраш показал мне подробную карту этой местности, какой она станет в недалеком будущем. Возвышенность Кожир с трех сторон обступит вода. А сопка Жалгиз-Тюбе превратится в небольшой остров. В степи море разольется. Не чудо ли, а?

— И это чудо мы в нынешнем году увидим?

— Обязательно.

— Откуда же скопиться морю? Ведь снеговая вода уже сошла.

— Ибраш уверяет, что воды и в реке хватит.

— Сомнительно что-то... Как же обойдется население в низовьях Нуры, если ее перегородят плотиной? Без воды будет сидеть?

— Озеро наполнится за один-два месяца. А потом река потечет по руслу, как и прежде.

Справа от дороги дымились подожженные старые лачуги, хлевушки. Передвигались группы людей. Здесь проводилась обработка дна будущего озера: хлам сжигался, протравливался. Длина обрабатываемой площади достигала тридцати километров, ширина — четырех-пяти. Берега озера отводились под посевные поля колхозов Тельмановского района и подсобных хозяйств Караганды. Со временем здесь предполагали ввести огородно-овощные культуры; Каргрэс даст воду для поливки полей и огородов, электрифицирует колхозы и подсобные хозяйства.

— Ибраш — дельный инженер! — не умолкая, говорил Мейрам. — Нельзя не верить ему. Как только степь насытится водой и озарится электричеством, среди этих сопок расцветет настоящий рай! Помните, Канеке, как люди радовались, научившись держать в руках кайло? Мы считали себя победителями, когда стали качать воду из шахты «Герберт». Всякие там жаппары и рымбеки, ничего не смыслившие в технике, считались у нас «образованными». А теперь смотрите-ка! Мы взнуздываем дикую реку и заставляем ее работать на нас. А Ибраш мечтает подчинить советскому человеку ветер. Аширбек раздумывает над тем, как обновить самую новую технику. Какие разительные пе-

ремены! Жизнь стремительно идет вперед. Чтобы руководить крупным предприятием в наши дни, мало окончить институт, нужно стать доктором наук.

Канабек с грустью отозвался:

— Вам, молодым, хорошо говорить о науке, знаниях... А вот мы, старые клячи, отстаем...

— Нельзя отставать, Канеке, ни молодым, ни старым. Жизнь не позволит...

Выдался тихий вечер. Степь дышала весенним благоуханием. Так бы и ехать бесконечно по этой благоухающей степи...

Неподалеку от железнодорожной линии машина повернула в сторону Караганды. С грохотом пробежали поездные составы, по степной дороге мчались автомашины, тянулись подводы, верховые. На горизонте, на гребнях длинных холмов, словно грозовая туча, вставала темнеющая Караганда. Начинало смеркаться. В небе зажигались звезды. Караганда замерцала огнями.

— Канеке, смотрите! И небо и земля усыпаны звездами! — воскликнул Мейрам. — Это звезды нашего будущего!

Они въехали в город уже в темноте. Канабек сошел у своей квартиры. Вскоре машина подкатила к трехэтажному дому горкома.

Глава вторая

Время было позднее, около часа ночи. Ардак в домашнем халате сидела у стола. Перед ней — раскрытые книги. Строчки густо подчеркнуты, поля испещрены пометками. Погруженная в свои занятия, она не замечала времени.

Уже несколько лет как Ардак замужем. Появился сын. Ардак немного пополнила; она вступила в тот возраст, когда полным цветом распускается женская красота. Белое лицо приняло легкий розовый оттенок, черные глаза всегда полуприкрыты длинными ресницами; вскинет ресницы — словно лучами согреет. Не пудрилась, не румянилась, не любила украшений, ни брас-

лета, ни колечка. Только никогда не расставалась с заветными ручными часиками, полученными в награду за успешное обучение неграмотных. Часики были для нее дороже любых украшений.

Домашнее хозяйство не поработило Ардак. Она заочно окончила филологическое отделение института. И теперь готовила диссертацию по казахскому фольклору.

Из соседней комнаты, осторожно открыв дверь, вошла Шекер, тетка Мейрама. Она заметно постарела за эти годы, согнулась. На плечи накинут шапан, голова повязана обиходным белым платком; кунлюка¹ Шекер не носила. Молча постояв, она повернулась уходить.

Ардак оторвалась от записей, подняла голову.

— Это вы, апа? Все еще не спите?

— Думы всякие одолели, спать не дают.

— Что за думы?

— Не помешаю, если расскажу?

— Нет, я сегодня уже наработалась.

Шекер медленными шагами подошла к столу, присела рядом с Ардак.

— Молодость не вечна, дитя мое. На смену ей приходит старость. А случается и так, что тяжелые дни посещают задолго до старости. Болезнь, скажем... Думала ты когда-нибудь об этом?

— Что-то не приходилось, апа! — легко улыбнулась Ардак.

— Вижу, что не приходилось. Должно быть, все некогда: детей учишь, сама учишься. Мейрамджан тоже с утра до ночи на работе. А много ли заработали? В комнатах — голые стены. Стулья, столы... ну, кровати. Вот и все богатство. А ведь у нас люди бывают. У меня лицо порой прямо горит огнем от стыда. Вон Байтен и тот ковром обзавелся, разостлал его на почетном месте... В жизни, говорю, всякое бывает: можно и прихворнуть. А что ваша служба? Тонкий волосок, который всякую минуту может оборваться. Что тогда будете делать? На что вы надеетесь? Позаботилась бы о себе! Мой старик Жайлаубай за скотом в совхозе

---

¹ К у н л ю к — головной убор пожилых казахских женщин.

ходит. Вот бы вы и пустили к нему в стадо пару овец. Пусть гуляют. Если не о себе, то о сыночке Болатджане позаботились бы. Подумай-ка, мой светик...

Ардак видела, куда клонит тетка. Возраст у Шекер почтенный, и рассуждала она по старинке: дескать, надо всегда иметь запас на «черный день». Ардак попыталась растолковать старушке, что она не права.

— Спасибо, апа, за советы. Только не годятся они. В наше время главное богатство — не в количестве скота и всякого добра, а в полезной специальности и хорошем образовании. Я думаю, мы с Мейрамом не бедны этим.

— Нельзя пожаловаться, милая.

— Вот и получается, что мы богаты. Питаемся хорошо, одеваемся не хуже других. А лишнее добро — только обуза человеку.

— Ой, нет! Не скажи...

— Я вас понимаю, апа. Вы вспоминаете о черных днях, которые выпадали вам на долю в прежней жизни. В наше время трудовому человеку нечего бояться черных дней. Все мы работаем для того, чтобы государство стало богаче. А государство в свою очередь заботится о нас. Учит нас, помогает воспитывать детей. Вот Мейрам думает с осени водить Болатджана в детский сад.

— Ой, стыд какой! — воскликнула Шекер, ушипнув себя за щеку, что служило у нее признаком возмущения. — Вот и поговори с ними! Чтобы я больше не слышала таких слов! Ни за что на свете не соглашусь доверить Болатджана чужим людям. На весь дом крик подыму!..

От негодования Шекер больше не находила слов. Ушла в детскую комнату, где спал в кроватке ребенок, и принялась ласкать его, стараясь не разбудить. Для бездетной Шекер Болатджан был самой большой радостью в жизни.

Ардак на цыпочках подошла к двери, послушала, как старушка вполголоса говорит ребенку нежные слова. Ворчливая, всегда озабоченная Шекер и несмысленыш Болатджан забавляли Ардак. По вече-

рам она любила рассказывать Мейраму всякие смешные истории о Шекер и сыне.

И сегодня Ардак с нетерпением ждала возвращения мужа, прислушивалась к каждому шороху в коридоре.

Наконец хлопнула дверь. Мейрам вошел не один, с ним был Ермек. Войдя, Мейрам весело спросил:

— Водка для Ермека найдется в этом доме?

Ардак взглянула на него с легкой укоризной: «Неужели надо спрашивать?» — и принялась накрывать стол.

Ермек сильно переменился. Это был уже не прежний грубоватый, малообщительный кайловщик, который недолюбливал всякого, кто носил «белые воротнички», называл таких людей «баями». Теперь Ермек разговорчив, приветлив. На нем хорошо разглаженный темносиний костюм, аккуратно повязанный галстук, на ногах новые ботинки. За последние годы Ермек учился в Свердловске, окончил Промакадемию. Недавно его назначили начальником первой шахты.

Приглядываясь к Мейраму, Ермек добродушно подшучивал:

— Э, что я вижу, секретарь! Обзавелся только одним ребенком, а виски уже начали седеть! Смотри, к тому времени, когда у тебя появится второй, совсем лысый будешь.

— У него и сейчас волосы лезут, — так же шутливо ответила Ардак.

— Да, и время и люди меняются, — поддержал шутку Мейрам. — Возьмем, к примеру, Ардак. Скромная была девушка, застенчивая, а теперь без умолку стрекочет. Или — Ереке. На угрюмого, неповоротливого верблюда был похож. А сейчас, гляди, быстрый, сметливый, как лиса.

Мейрам первый поднял рюмку.

— Когда Ереке уезжал, мы пили за его успешное учение. А теперь выпьем за удачную его работу. До дна выпьем!

Все чокнулись. Ермек крякнул, разгладил усы.

— Что ты вспоминаешь прошлое? Мало ли что было раньше? Уголь добывали вручную. А ныне вон

сколько без меня наворочали! Везде машины, всюду электроэнергия. Про кайло уже забыли. Все у вас механизировано... Молодцы, ничего не скажешь!

Разговор оживился. Мейрам говорил с не меньшим, чем Ермек, жаром:

— При новой технике работать, конечно, легче и выработка несравненно выше. Но это еще не все, Ереке. Техника развивает способности человека. Вот что важно! Люди мозгами шевелят. Вон Козлов электрическую лебедку сконструировал. Шутка? Лебедка в каждой лаве заменяет шестерых вагонетчиков. А по всему Карагандинскому бассейну она высвободила сотни рабочих. А Лапшин! Этот разработал способ погрузки угля из бункеров прямо в вагоны. Раньше экскаватором грузили. На то, чтобы нагрузить вагон, больше часа требовалось, а теперь за двадцать минут это делается. Акым со своими ребятами чудеса делает. И это еще только начало, Ереке!

— Что слышно о предложении Аширбека? — поинтересовался Ермек. — Очень интересная идея. Открытая шахта, открытый способ добычи угля... Тут есть над чем подумать...

Мейрам нахмурился, неохотно ответил:

— Щербаков все еще не соглашается. Прикидывает, подсчитывает.

— Это хорошо, что подсчитывает, — одобрил Ермек. — Надо всесторонне проверить. Не забудь, в наших краях выпадает много снега, часто дуют бураны. Открытую шахту может завалить снегом, залить водой. Аширбек интересную новинку предлагает. Но я вот сомневаюсь, можно ли большой железнодорожный состав подавать прямо в забой и нагружать его углем. В Донбассе метеорологические условия куда благоприятнее наших, там огромный производственный опыт накоплен, и все-таки шахты закрытые. Нет, Сергей Петрович прав. Его нужно послушать. Не след торопиться...

Мейрам досадливо поморщился.

— Ну вот, и ты в один голос с Сергеем Петровичем поешь! У Донбасса, конечно, учиться надо. Но ведь и там предел техники добычи угля еще не достиг-

нут. Да и, вообще-то говоря, разве существует предел развития науки и техники? Нет такого предела!

Ермек слушал, покачивая головой. Он думал: «Годы прошли, а наш Мейрам все такой же — ни минуты спокойно не посидит, все горячится, дергает, тормозит. На то, видно, и молодость — не терпится».

Все же он выразил сомнение:

— Знаешь черный холм за шахтой номер восемнадцать? Раньше мы его «черным забоем» называли. Англичане собирались заложить там открытую шахту. Но у них ничего не вышло.

— Англичане нам не указ! — горячился Мейрам.

Его начинала сердить осмотрительность Щербакова и Ермека.

— А вот Чайков и Аширбек другого мнения. Они за немедленную закладку опытной открытой шахты. Спорят, обсуждают... А в это время тысячи тонн угля лежат под землей, и не глубоко, можно взять открытым способом. Осмотрительность вещь хорошая, но нельзя же так тянуть!

И Мейрам продолжал наступать на Ермека:

— Овчаренко говорит, не надо целики оставлять в забоях. Что же, ты и тут сомневаешься?

— Нет, в этом я не сомневаюсь, — спокойно ответил Ермек. — Да и Щербаков не возражает против предложения Овчаренко. Из-за чего горячиться? Что верно, то верно. Целики сэкономят нам тысячи тонн угля.

— А с новыми металлическими крепями Аширбека ты знаком?

— Знаком. Хорошие крепи. Их можно по мере необходимости удлинять и укорачивать. И на вес не очень тяжелы. Если расчеты Аширбека оправдаются, то эти крепи сослужат хорошую службу. А сколько леса, сколько рабочего времени мы сэкономим! Но расчеты-то надо еще оправдать, дорогой. Вот в чем дело.

Занятия в академии многое дали Ермеку. И если раньше он тоже горячился, торопил с введением новшеств, то теперь хорошо знал: каждое изобретение требует научного изучения, тщательной проверки. А Мейрам не унимался:

— Какого ты мнения о комбайне Козлова?

— Пока ничего определенного не могу сказать. По чертежу еще не все вижу. Правда, Акым ухватился за проект, считает его осуществимым. Но проверить необходимо.

Мейрам недовольно скривил губы.

— Проверить!.. Вот и Сергей Петрович до сих пор проверяет.

Ардак молчала при этом разговоре, но теперь и она вмешалась:

— Сергей Петрович только в том случае принимает решение, если окончательно убежден, что предложение правильное. И, по-моему, разумно поступает.

— Да ведь пока мы окончательно убеждаемся, время проходит.

— По-твоему получается, что всякое изобретение можно принять без тщательной проверки и без научно-технического обоснования?

— Не так у меня получается! Я хочу сказать, что не нужно бояться нового, нужно смелее вводить все новое.

— Осторожность — не трусость, Мейрам. А бросаться очертя голову в неизвестность — не храбрость. Это вещи различные, — рассудительно заметила Ардак.

Ей не впервые приходилось сдерживать своими советами нетерпеливого Мейрама. При этом она всегда находила в себе должный такт, подбирала спокойные слова. Мейрам нередко прислушивался к ее советам.

И сейчас его горячность упала, он задумался. Его раздражение было понятно Ардак. Вместе с Ермеком он только что был на техническом совещании. Щербаков выступал против некоторых поспешных, еще недостаточно проверенных предложений. На людях Мейрам не хотел вступать в спор с ним. Но здесь, дома, дал себе волю.

С доброй улыбкой Ардак добавила:

— Иногда наш Мейрам хочет один руководить всей Карагандой. Ему представляется, что только ему люди обязаны своими успехами. Да если бы Сергей Петрович был робким человеком, Караганда никогда не вырослась бы так широко.

Ермек поддержал молодую женщину:

— Мы Щербакова не первый день знаем. Семь раз отмерит, прежде чем отрезать. Ты ему предложишь: «Давай сделаем вот так». А он сейчас же в ответ: «А что из этого получится?» Я тоже считаю: это не боязливость, а трезвая, разумная предусмотрительность, желание избежать возможных ошибок.

— Время не ждет. Решают время и темпы, — все еще не сдавался Мейрам.

В пылу спора они не заметили, что рюмки полны, водка не выпита, ужин остывает.

Ардак напомнила:

— Ереке, вы забыли о рюмке. Пейте! Вам дай волю, вы и во сне будете твердить «шахта» да «шахта».

— И о рюмках и о закуске забыли. Нехорошо, — спохватился Мейрам.

Беседа приняла более спокойный характер. Вспомнили Жанабыла. Не забываются близкие товарищи! Наперебой вспоминали забавные его выходки, острые словечки. Все соскучились о нем, нетерпеливо ждали, когда он вернется. Сейчас Жанабыл учился в Москве, в высшей партийной школе.

— Способный он джигит! — сказала Ардак. — В последнем письме пишет: «Сначала я писал «шай кушайт», а сейчас и по русскому языку у меня отличные отметки». Вы, Ереке, тоже начали с «кайла едет», а теперь окончили Промакадемию. А вот наш Мереке только и знает, что долбит: «Нужно расти», — а сам что-то не слишком торопится с ростом.

Мейрам смущенно оправдывался:

— Если бы у меня было столько свободного времени, сколько у тебя, я, наверно, уже давно доктором наук стал бы.

— А кто это повторяет: «Если человек не растет, значит он не умеет распоряжаться своим временем»? — уколола Ардак. — Ты так долго тянешь с защитой кандидатской диссертации, что, пожалуй, на защиту докторской у тебя и жизни не хватит.

— Знаешь, — повернулся Мейрам к Ермеку, — все-таки до чего ж надоедлива эта ваша учительница!

Никак не может понять: я урывками, между делом готовлю диссертацию. А она все недовольна. Ей что? Вернется из школы — и свободна. А у меня что ни вечер — какое-нибудь совещание.

— Не-ет! Ты не прав, — решительно возразил Ермек. Подняв над столом свою увесистую руку, он погрозил пальцем. — Ты положительно не прав. Нам с Жанабылом тоже казалось, что на учение не хватает времени. И если бы Ардак не донимала нас: «Учитесь», — не вышли бы мы в люди. Жанабыл не учился бы сейчас в Москве, а ходил бы по свободным вечерам в цирк, глазеть на клоунов и наездниц. А я не пошел бы дальше забойщика. Ардак любит науку и других приучает любить ее. Я, дорогая, на всю жизнь должник перед тобой. Жанабылу хорошо, он уже расплатился. Он говорит: «Я помог их женитьбе и этим погасил свой долг».

Рассмеялись. Беседа текла не иссякая. Было о чем поговорить — многое испытано и пережито вместе. В прошлом они встретились молодыми: по возрасту или по знаниям. Караганда росла на их глазах. Они сами создавали ее. Живая история всегда интересней, чем та, о которой пишут в книгах...

Только когда часы пробили три, Ермек поднялся с места. Мейрам вышел проводить его. В это время зазвонил телефон. Ардак взяла трубку.

Говорила Антонина Федоровна.

— Мой старик что-то расшумелся. Только сейчас прилег. А у вас как?

— И наш горячился не в меру. Мы с Ермеком как-как успокоили его.

— Что у них произошло там, на совещании?

— Не знаю. Должно быть, поспорили. Хотя Мейрам уверяет, что все время молчал.

— Он-то молчал, зато другие за него говорили. А ведь моего старика не проведешь! Сердится: «Хоть и молчит, а знаю, что Мейрам не на моей стороне».

— Вы не волнуйтесь, Антонина Федоровна. Поспорят и помирятся. Не впервые!

Вернулся Мейрам. Ардак положила трубку. Мей-

рам остановился у приоткрытой двери детской комнаты, где спали Болатджан и Шекер.

Ардак подошла к мужу, тихонько потянула за руку: — Пойдем, я расскажу, какой у нас с Шекер был интересный разговор.

Она смотрела на Мейрама улыбающимися, черными, как у сайги, глазами. Взявшись за руки, они пошли в спальню.

Глава третья

В конторе первой шахты шло производственное совещание. Среди собравшихся были Ермек, Акым, Сейткали и Исхак. Все четверо — старые друзья. Желание у них одно: поднять, улучшить работу шахты. Но как это сделать? Вот тут они и разошлись в мнениях. Разговор становился все горячее и шумней.

— Техника-то у нас новая, а организация труда в лавах старая! — выкрикнул распаленный спором Исхак и стукнул кулаком по столу. — Для чего же, спрашивается, мы ездили в Донбасс?

Исхак был старше других по возрасту. Недавно его избрали секретарем партбюро. Всего час назад, памятуя о своих летах и партийной должности, он старался сдерживать наиболее горячих спорщиков, а теперь и сам разошелся.

— Неправильны ваши графики! Пересоставьте! — кричал он, уставившись выпуклыми глазами на Ермека. — Не так в Донбассе составляются графики!

Ермек промолчал, но лицо его залилось краской. Обидно выслушивать подобные упреки. График он составлял вместе с Аширбеком, работающим теперь главным инженером первой шахты.

Разгоряченный словами Исхака, заговорил предшахткома Сейткали. Широкие ладони он положил на стол, его толстые кривые пальцы беспокойно шевелились.

— Шахтком придерживается такого же мнения. График надо пересмотреть. Почему у нас один цикл растягивается на два дня? График в этом повинен! Мы за последние пять дней недодавали по пятнадцати про-

центов нормы. Этак за месяц задолжаем государству тысячу тонн угля. Разве этого мы добивались, когда механизировали шахту? Разве для этого наш заведующий Ермек ездил на учебу? Наша шахта никогда еще не попадала в такое трудное положение. Стыдно в глаза людям смотреть!..

Ермек продолжал молчать. Он раскрыл лежавшую перед ним коробку папирос. Справа от него, на стене, до половины покрашенной желтоватой краской под цвет дуба, торчали два штепселя. Ермек взял со стола электрозажигалку, сунул ее в один из штепселей и прикурил папироску, в другой он вставил вилку электровентилятора. Над столом заиграл ветерок, но и он не охладил спора.

Молодые шахтеры держались на совещании выжидательно. Каждого из них волновали неудачи последних дней, но как-то неловко было задеть старшего по возрасту и по опыту Ермека, к тому же он многих из них обучил работать.

Акым глянул на молодого механика Актанова, секретаря комсомольского комитета шахты, подзадорил: — Ты чего молчишь?

Механик, еще неопытный в деле, покраснел и обронил всего несколько слов:

— Мне думается, что Ермек слишком распылил технику. Управлять ею становится все труднее...

Его слова сразу подхватил молодой боевой шахтер Семенов; до сих пор он нетерпеливо слушал выступавших. Вскинув голову, Семенов проговорил:

— Ермек Барантаевич! У нас трудности с подачей транспорта, подчас не хватает порожняка. Это все потому, что вы слишком раздробили производственный процесс... Транспорт застревает по закоулкам. Подумайте над этим.

Ермек не ответил, сохраняя невозмутимый вид. Но его побагровевшее лицо, пронзительный взгляд маленьких острых глаз говорили о том, что терпение его уже иссякает. Так и случилось. Ермек резко выдернул штепсель, гудение вентиляционного пропеллера оборвалось.

Ермек прикрикнул на Акыма:

— Это ты, вислогубый, всех будоражишь! — По старой памяти он дружески-шутливо называл Акыма вислогубым. Но на этот раз голос его звучал гневно, глаза смотрели сердито. — Ну, говори конкретно! Чего ты хочешь?

Привыкнув выступать на собраниях стоя, Акым поднялся с места. За эти годы он еще больше вытянулся ростом, возмужал, раздался в плечах. Но следил за собой плохо: галстук сбился на сторону, пиджак застегнут не на ту пуговицу.

Не дав ему заговорить, Ермек крикнул тоном приказа:

— Поправь галстук! Застегнись как следует!

Акым послушно привел себя в порядок. Теперь, когда парень стоял на свету, по лицу его легко было определить, что он не один год рубил кайлом твердый уголь: щеки и лоб испестрили едва заметные точки — следы от брызжущего крупинками угля.

Заговорил Акым горячо, а на первый взгляд казалось, что характер у него вялый.

— Ереке, я вам многим обязан! Это вы сделали меня кайловщиком. И я старался не опозорить вас. Вы хорошо знаете, что с того самого дня, как по-настоящему взял в руки кайло, я стал перевыполнять норму. А когда перешел на машину, тоже не ударил лицом в грязь. Одним из передовых считаюсь... А вот за последние пять дней краснею от стыда.

— Я, что ли, в этом виноват?

— Не вы, а ваш график!

— Ты что же, хочешь работать без графика?

— Нет, хочу работать с графиком. Но его надо обеспечить. Ведь по графику каждая лава должна давать в день по одному циклу. А у нас найдется хоть одна такая лава?

— Значит, добивайтесь выполнения графика!

— Рады бы... Крепежный лес не подается во-время. Ремонт к сроку не выполняется. Не хватает порожняка... Масса неполадок! Как тут добьешься обеспечения графика? Вспомните: в те дни, когда я давал по одному циклу и вырабатывал рекордные нормы, было сделано все, чтобы устранить неполадки.

— Чудак! — усмехнулся Ермек. — Сам знаешь, тогда для тебя были созданы особые условия. И новый график рассчитан на то, чтобы эти условия имели место в каждой лаве. Как их создать? Нужна находчивость, нужна расторопность самих рабочих. Нужно, чтобы каждый рабочий на своем участке не отставал от других.

— Эх, не знаете вы наших условий, Ереке! — сокрушенно сказал Акым.

Услышав такие слова из уст своего ученика, Ермек ушам не поверил. Растерянно посмотрев на него, ответил невпопад:

— Если не знаю, то подскажи!

— Когда мы работали кайлом, главная задача наша была — отвалить пласт. А теперь самое главное — выдать на-гора отваленный уголь. Прежде чем уголь из забоя попадет в железнодорожные вагоны, он должен пройти через множество механизмов. Испортится один из них, остановятся и другие. Вот эти остановки вы недостаточно учли при составлении нового графика. Ваш график тогда будет хорош, когда мы устраним все остановки в пути.

— Ну, и устрани, коли умеешь!

— А я о чем говорю? — удивился Акым. — Надо хорошо наладить железнодорожное хозяйство. Установить более сильные лебедки. Сделать штреки прямыми, путь узкоколейки ровным. Вот тогда и ускорится оборот вагонеток. Тогда люди перестанут кричать: «Давайте порожняк!» Надо добиться, чтобы к началу работы каждой смены во все лавы подавалось по двадцати — двадцати пяти готовых к отправке вагонеток и было отвалено по два-три метра угля. Необходимо во-время доставлять крепежный лес. Вот и исчезнут задержки при отправке угля. Что для этого нужно сделать? По-моему, одну из трех смен надо перевести на подготовительно-ремонтные работы, а две оставить на добыче угля...

Ермек спросил ядовито:

— А знаешь, сколько сот тонн угля дает каждая смена?

— Знаю, Ереке. И это меня ничуть не смущает.

Если мы хорошо наладим подготовительные работы, две смены дадут больше угля, чем сейчас дают три.

— Болтун ты этакый! — гневно воскликнул Ермек. Он вскочил с места и так же, как перед этим Исхак, ударил кулаком по столу; карандаш вылетел из его рук и скатился со стола на пол.

Ермек принялся ходить взад и вперед по комнате, продолжая говорить и бросая на Акыма прозные взгляды.

— Ишь, какой! Ему горя мало, если шахта недодаст сотни тонн угля за смену. Да еще осмеливается говорить: «Не знаете». Когда я в первый раз спустился под землю, ты, вислогубый, еще материнскую грудь сосал!

Акым притих, только насильственно улыбался и краснел. Он глубоко уважал Ермека, который помог ему сделаться одним из лучших мастеров угля в Караганде, и уже раскаивался в том, что с губ его сорвалось обидное «не знаете». Но в основном вопросе парень не уступал.

— Пусть вы много знаете, а только — моя правда! — твердо сказал он.

— Эй, с каких это пор ты стал так разговаривать?! — крикнул Ермек, подбежав к Акыму.

Парень чуть не заплакал от обиды, заговорил прерывисто:

— На вас не угодишь! То требуете — высказывайся смелее, а скажешь правду — ругаетесь.

— Хватит, Ермек! — вдруг крикнул Исхак. У него дрожали руки и губы. — У меня кровь тоже не рыба, может закипеть!..

Но так и не успел объяснить, что случится, если кровь у него закипит. Все разом повернулись к окну. Горячая ссора сразу угасла, словно костер, залитый водой. В окно было видно, как к дверям конторы подъехала машина Аширбека. Главный инженер вылез из кабины. Его горбоносое лицо и бритая голова были в поту. День стоял жаркий, над шахтой повис невыносимый зной. Аширбек вошел в контору, вытирая платком лицо, шею, голову и говоря на ходу:

— Экая жара! Прямо-таки душит... — Он протянул Ермеку свернутую в трубку бумагу: — Вот, получай. Разрешил Щербаков.

Все сгрудились у стола, склонились над чертежом. Это была схема металлической крепи. А внизу рукой Щербакова написано: «Разрешаю изготовить пятьдесят штук».

Послышались голоса:

— Маловато! Это на сколько же метров крепления хватит?

— Скупое распоряжился, скупое!

Аширбек улыбнулся, подмигнул недовольным.

— На первый раз хватит. Когда увидит, какие результаты дадут первые пятьдесят крепей, разрешит и тысячу. Наш Сергей Петрович вояка старый. Без подготовки в наступление не пойдет... Ну, не будем терять времени! Не медля нужно передать заказ нашему механическому заводу. Я уверен, крепи будут введены во всех шахтах, они сэкономят государству тысячи кубометров леса.

— Значит, премию получишь! За такое дело следует...

— А как с открытой шахтой?

— Пока не разрешает. Настаивает на глубоком изучении. Не только Щербаков, вон и Ермек, и многие старые шахтеры сомневаются... А все-таки, друзья, я своего добыюсь!..

Лица людей прояснились, подобрели. Люди всегда радовались нововведениям в шахте. Ермек тоже успел успокоиться. Миротлюбиво он сказал инженеру:

— Старые шахтеры не против твоего предложения. Мы только стоим за то, чтобы молодежь не ошибалась.

Он подошел к повеселевшему Акыму, слегка дотронулся пальцем до его нижней губы, потом похлопал по плечу.

— Обиделся? Ладно, обсудим твое предложение. В какой-то части оно заслуживает внимания...

Звонко затрещал телефон. Ермек взял трубку и сразу изменился в лице.

— Где? Немедленно сообщите всем подземным

точкам! — крикнул он в трубку и сломя голову бросился к двери, говоря на ходу: — На четвертом участке пожар! Позвоните спасательной и вспомогательной командам!

Глава четвертая

В старое время в таких случаях над шахтой выла сирена. На ее зов собирался народ. Немало уходило времени на то, чтобы спустить в шахту пожарную и спасательную команды. Сейчас все шло иначе. За две минуты подъемная клеть спустила Ермека вниз. Он ловко и быстро надел противогазовую маску, сел на электровоз и помчался к месту пожара. Участок, где случилось несчастье, был самым дальним. Электровоз, непрерывно звеня колоколом, сверкая мощной прожекторной лампой, высекая из проводов вспышки синего света, несся вперед, не сбиваясь с главного пути среди боковых подземных разветвлений.

Машину уверенно вела Балжан. Она тоже была в маске. Электровоз обгонял рабочих, бегущих с фонарями в руках. Электровозы, вагонетки, конвейер стояли без движения. Действовали только вентиляция и подъемная клеть. Большая опасность нависла над шахтой. Подземный пожар — явление грозное, его трудно тушить. Возможны человеческие жертвы, возможна длительная остановка производства.

Действиям мешал густой едкий дым, постепенно распространявшийся по всей шахте. Люди выскакивали из пекла, спотыкаясь и падая, ослабевших вели под руки.

Ермек прибыл к месту пожара одним из первых. Стремительно соскочил с электровоза. Но что мог он предпринять в одиночку? Дымно горел толстый пласт угля. По шахте разлилась густая мгла, и среди нее то там, то здесь вспыхивало пламя, с треском рушилась кровля. Ад кромешный... Нельзя было сделать ни шагу.

Но вот подоспели спасательная команда и добровольный вспомогательный отряд, состоявший из рабочих шахты. Все в медных касках, на лицах — специальные маски, с запасом кислорода на несколько ча-

сов, в руках — противопожарное вооружение. Люди действовали умело и быстро.

Руководил человек исполинского роста — лишних слов не бросал, командовал жестами. Он первым шагнул к огню и начал отгребать в сторону горящий уголь, стремясь изолировать охваченный пожаром участок и не дать пламени распространиться дальше. Из-под его лопаты по горящему углю пробегал пушок огня. Дымная завеса не позволяла видеть самоотверженную работу команд. Только звон лопат, ломов и кайл да треск пламени свидетельствовали о самоотверженной борьбе человека с огненной стихией.

И все же пламя бушевало с прежней силой. Ермек, опытный шахтер, знал, что надо как можно быстрее изолировать горящий участок, кирпичной кладкой наглухо закрыть ход с обеих сторон. Прекратится доступ воздуха, и тогда огонь задохнется, пожар потухнет. Но глины и кирпича здесь, на месте, нет, надо их немедленно доставить, сделать об этом распоряжение по телефону. Телефон — в аварийном убежище шахты, надо бежать туда. И Ермек сейчас же бросился в убежище, задыхаясь от бега. Там он сорвал с себя маску и перевел дух. Здесь уже были двое пострадавших. Один из них лежал на спине, запрокинув голову. Острая его борода торчала кверху и время от времени вздрагивала — значит жив! Женщина-врач уверенно повторяла:

— Ничего, пройдет.

— Да это же Жумабай! — воскликнул Ермек, взглядевшись в лицо пострадавшего. — Как вы себя чувствуете, Жумеке?

— Ничего, по воле божьей. Только голова сильно трещит.

Второй рабочий уже совсем отдышался. Он сам нацедил себе из бачка стакан воды, выпил.

Убежище оборудовано надежно: ни дым, ни газ сюда не проникнут. Врач дежурил здесь круглые сутки. Воздух снаружи поступал по трубе. В этом подземном хорошо оборудованном медицинском пункте рабочие всегда могли получить первую помощь.

У телефонного аппарата сидел Щербачков, рядом с

ним — Аширбек. Сергей Петрович громко отдавал в трубку распоряжения:

— Акым? Немедленно доставьте к месту пожара кирпич и глину. Действуйте энергично! Ни минуты промедления!

Он был спокоен, этот пожилой, выдавший всякие виды донецкий шахтер. Он безошибочно знал, где в данную минуту находится тот или иной нужный ему человек. Уже который раз за время общей работы Ермек убеждался, что это настоящий большой командир-производственник. В шахте было хорошо организовано противоаварийное дело. Каждый рабочий заранее знал свои обязанности в возможной борьбе со стихией, знал маршруты, по которым должны идти бригады в случае несчастия. И сейчас нельзя было заметить ни паники, ни суеты. Едва пробили «тревогу», шахтеры сразу же заняли свои посты и помогали спасательным командам.

Щербаков оглянулся на Ермека.

— Ты откуда? Жертв и в самом деле нет?

— Нет. Но пожар не поддается тушению, Сергей Петрович.

Щербаков поднялся с места, скрипнув стулом.

— Я уже отдал распоряжение, чтобы доставили кирпич и глину. Ну, за дело! Пойдем на место.

Утолив жажду и надев маски, они вышли из убежища.

Дым начал было распространяться по всем забоям шахты. Но мощный поток воздуха, хлынувший от вентиляторов, загнал его обратно на участок пожара.

Поток воздуха в то же время раздувал пламя. Стены и кровли ближних ходов на протяжении добрых ста метров стали яркobelыми: их обсыпали густым слоем сланцевого порошка, чтобы не могла вспыхнуть приставшая к ним угольная пыль.

Начальник пожарной команды отваливал лопатой горящие красные глыбы, откидывал их в сторону и приказывал поливать водой с размешанной в ней глиной — такая смесь быстро гасила огонь.

Ермек нырнул в густое облако дыма и пара, громко позвал начальника, распорядился:

— Немедленно заложить с обеих сторон входы!

— Э-э, вы что же, х-хотите замуровать уже готовый к отправке уголь? — заикаясь, возражал начальник.

— Большая часть угля находится по эту сторону пожара. Выполняйте!

Начальник пожарной команды все еще колебался, будучи уверен, что здесь он полновластный командир и все обязаны подчиняться его воле. Тем не менее он не мог не признать, что распоряжение Ермека правильное. Круто повернувшись, начальник нырнул в облако дыма.

— Отставить! Отходи! — слышалась его громкая команда.

В конце длинного штрека брали свое начало два хода, ведущие к загоревшемуся участку. Люди начали быстро замуровывать эти ходы. Кирпич и глина были уже под рукой. Опытные бойцы команд действовали дружно.

Теперь можно было не беспокоиться за ликвидацию пожара, и Ермек вернулся в убежище.

Жумабай сидел, прислонясь к стене. В одной руке он держал маску, в другой — записную книжку. Глядя в нее, он медленно шевелил губами, что-то повторая.

— Как же это ты угорел, Жумеке? — заинтересованно спросил Ермек. — Ведь на тебе маска была?

— Воля божья, вот сижу и удивляюсь. Я первый заметил пожар. Чувствую, как-то сразу начал нагреваться воздух, запахло дымом, дышать стало тяжело. Я надел маску и побежал. Встретилась Балжан на электровозе. Я сказал ей и побежал обратно к месту пожара...

— А дальше?

— Второпях попал в другой ход. Бежал долго... То ли в маске кончилось лекарство, то ли задохнулся от бега, только ноги у меня подкосились. Тогда я лег на куском железа начал бить по рельсам и трубам. Тут подоспел один боец, поднял меня и доставил сюда.

— А зачем в книжку смотришь?

— У меня тут все правила записаны. Читаю.

— Правила техники безопасности надо знать наизусть.

— Да разве можно столько правил вместить в голове? Она ведь не больше кулака... Скажи-ка, милый, жена знает, что я жив-здоров?

— Если не знает, так сама скоро тебя увидит. Сегодня неплохо бы в гости к тебе зайти. Если уж ты так счастливо отделался, то созывай народ, угости.

— Да, случай самый подходящий. И баран стоит во дворе, откармливаю к возвращению Жанабыла. Да уж чего тут ждать? Вон и товарищ Щербаков приехал к нам на шахту. Он еще никогда не был у меня в гостях. И его позвать бы... Только не знаю, как жена. В этих делах она хозяйка.

— Э, разве жена пойдет против мужа?

— Ой, не скажи! Отвратительный, признаться, у нее характер. Воля божья, но в иной час из сущего пустяка поднимает бурю...

За Жумабаем теперь была слава старого шахтера. Грамоту Жумабай осилил, к подземному хозяйству привык, как к своему дому. Только характер у него остался прежний — смирный, податливый. Где Жумабай, там и смех. Сам он никогда не пытался, да и не умел смешить. Просто уж так выходило: глянут на него люди, послушают его речь — и не могут удержаться от смеха.

В убежище вернулся Щербаков. Ермек рассказал ему о сегодняшних приключениях Жумабая.

— Вот молодец! — похвалил Сергей Петрович. — Первым заметил беду и других предупредил. — Он говорил с Жумабаем, как с малым ребенком. — Таких молодцов отличать надо. И бойцов пожарной команды тоже не забудьте премировать.

— У них своя организация, свое начальство, пусть оно и премирует, — возразил Ермек.

— Ну вот! — невольно рассмеялся Сергей Петрович. — А еще меня называют скупым. Вот кто, на поверку, настоящий-то скупец! Нет уж, раскошеливайся, ведь пожарники спасли твою шахту!

Торопливыми шагами вошел Жуманияз, сбросил маску, стащил с себя спецовку. Потный, сердитый, он

Не поздоровался ни с кем, даже свои красивые черные усы позабыл разгладить. Сразу набросился на Ермека:

— Вы что, ошалели? А еще опытным шахтером считаетесь? Безобразие! Толкуете о разных новшествах и не видите, что у вас под носом творится. Не в облака надо смотреть, а в забой. Пожар еще не потушен, и — что же это такое? — вдруг по шахте мчится электровоз, сыплет искры! Я вам напоминаю о технике безопасности. Хотя бы об этом не забывайте, если не сумели предупредить пожар. Не допущу в забой ни одного рабочего. Делайте что хотите!

— Жумеке! — проговорил Ермек, выждав, когда председатель горпрофсоюза немного остынет. — По главному пути пущен только один электровоз. Это совершенно необходимо. Да там и безопасно. Все остальное движение приостановлено... Вы правы, пожар мы не сумели предупредить. Это признаю. До сих пор не изучили как следует качество нашего угля, еще не знаем условий, при которых он может загореться...

— Пора бы изучить, — строго заметил Сергей Петрович. — Сколько раз я напоминал об этом товарищу Аширбеку! Изобретения — дело хорошее, но и свой уголь необходимо знать. Придется об этой азбуке напомнить в приказе.

— Приказ приказом, а вот будьте добры уплатить рабочим за простой, — все еще не унимался Жуманияз.

— Не шумите, Жумеке, заплатим. Рабочие не будут страдать из-за нашей неосмотрительности.

— Не могу без шума, Сергей Петрович! Раньше в каждом ауле были старики-крикуны. Вот и я такой.

— Не знаете, где сейчас Мейрам Омарович? — спросил Щербаков, уже думая о чем-то другом.

— Опять на Каргрэс уехал. Я вчера тоже был там.

— Так, так! — оживился Сергей Петрович. — Ну, что у них с плотиной?

— При мне закрыли последний шлюз. Вода прибывает. Уже скопилось небольшое озеро.

— По всему видно, строители сдадут станцию досрочно?

— Обещают сдать на три месяца раньше срока. Теперь обеспечим Караганду и водой и электрическим током. Осветим все шахты, словно ясным днем.

— Да, Каргрэс резко изменит картину, — проговорил Сергей Петрович, глядя перед собой так, будто уже видел огни электростанции.

Вернулись руководители шахты, начальник пожарной команды. Главный инженер Аширбек доложил о ликвидации пожара:

— Оба входа в забой замурованы. Поставлены дежурные для наблюдения за температурой воздуха и за газом. Огонь скоро погаснет сам собой. Во время бедствия паники не было. Человеческих жертв нет. При тушении пожара каждый выполнял свои обязанности умело. Хозяйство шахты — транспорт, электрические провода, вентиляционные и водяные трубы — в полном порядке. Теперь нужно усилить вентиляцию, очистить воздух — и шахта возобновит нормальную работу.

Щербаков, выслушав рапорт, остался доволен, но не преминул заметить:

— Это несчастье должно послужить вам уроком, товарищ главный инженер. Я очень ценю ваши поиски новых методов работы. Однако не забывайте и элементарных порядков. Надо изучить качество нашего угля, чтобы знать точно, при каких условиях он способен к самовозгоранию. По этому поводу завтра я издам приказ и прошу им руководствоваться.

Начальник пожарной команды добавил, заикаясь:

— Вблизи участка п-пожара я работать пока запрещаю.

Жумабай присмотрелся к нему и вдруг вскочил с радостным восклицанием, обнял начальника, — при этом голова его едва пришлась по грудь этому исполниту.

Они только сейчас узнали друг друга. Вот встреча! Начальник пожарной команды — это же тот самый паренек-заика, с которым в первые месяцы по прибытии в Караганду Жумабай работал в бригаде

силача Хутжана. В этой бригаде был тогда и Алибек. Жумабай помнит — паренек-заика однажды обругал Алибека: «Т-ты, наверно, к-кулак!» После поездки в Донбасс этот парень стал начальником пожарной команды. Теперь он превратился в настоящего богатыря — на каждое его плечо свободно можно посадить по человеку. Постепенно выяснилось, что именно начальник пожарной охраны сегодня спас едва не задохнувшегося Жумабая и притащил его в убежище.

— Дорогой Айтжан! — воскликнул Жумабай. — Я на всю жизнь в долгу перед тобой! Приходи ко мне в гости, обязательно приходи!

Щербаков в свою очередь пожал Айтжану руку.

— Большое спасибо вам и вашим храбрым бойцам за мужественную работу! — Он снял свои ручные часы, передал их Айтжану. — Точно ходят. И вы всегда работайте с такой же точностью, как эти часы. Это не награда, просто я даю на память...

Все так же шумно обсуждая происшествие, люди покинули убежище. Из железных труб и резиновых шлангов со свистом вырывался воздух, освежая шахту, разгоняя запах дыма.

Глава пятая

Поднявшись наверх, Щербаков сразу же отправился в баню; она помещалась в том же корпусе, где и комната наряда и ламповая. Баня, оборудованная при шахте, улучшила быт рабочих. Теперь шахтеры приходили на работу в чистой одежде. В помещении наряда они переодевались в спецовку, получали наряд, лампу и спускались под землю. Закончив свою смену, сдавали спецовки и лампу, мылись в бане, переодевались в чистое и возвращались домой.

Щербаков на пожаре был в рабочей одежде. Помыться и переодеться необходимо. В баню, недавно отстроенную при этой шахте, он попал впервые и с интересом ее разглядывал. Стены облицованы керамикой, полы цементные, покрашенные в шахматные квадраты. Во всю длину раздевалки, рассчитанной человек

на двести, стояли двухстворчатые шкафы для одежды. На каждой дверце написана фамилия рабочего. В любое время дня и ночи наготове ванны и душевые кабины, парные отделения. Баня была бесплатная.

Пожилая женщина — кастелянша, старожилка Караганды, подала Щербакову простыню.

— А ну-ка, Анна Петровна! — обратился к ней Щербаков. — Может, вспомните, какова была баня при англичанах? Устоит против нашей?

Анна Петровна постучала старческими негнушми-ся пальцами по керамической облицовке стены.

— Я такой красоты и в церкви не видела. У меня мать была мастерица. Из таких же вот цветных шелковых квадратиков она одеяла шила. Больше ни с чем не могу сравнить. Я уж и не знаю, стекло это или камень, а может, и драгоценность какая. Ума не приложу: почему вы не жалеете казенных денег? Зачем такая роскошь в бане?

— Пусть рабочие пользуются всеми удобствами после трудового дня.

— Ой, поскромнее живите! Приведет ли такое расточительство к добру? Ну зачем было тратить фарфор для уборной да еще ставить там дорогое зеркало? Наш начальник шахты казенные деньги — как воду льет. Пожурили бы вы его, Сергей Петрович! Нельзя так расходоваться. Ведь денежки не легко даются...

Сергей Петрович посмеялся над рассуждениями наивной старушки и пошел в душевую кабину. Помывшись и переодевшись, он заглянул в столовую для рабочих. От его глаз не ускользнуло ничто. Остановился перед большим панно на одной из стен зала. На высоком холме, в степи, стоит охотник; пущенный им беркут стремительно падает на бегущую лисицу. Сергей Петрович достал пенсне, протер, стал рассматривать картину. «Художник Жунусов», — прочитал он в нижнем углу панно.

— Талант! Настоящий талант, если я что-нибудь в этом понимаю, — решительно проговорил Щербаков.

Посторонний человек, глядя на него, мог бы подумать: «Приезжий, что ли, какой? С таким любопытством рассматривает». Но Сергея Петровича знал весь

город. Да и сам он был внимателен к людям. Проходя по столовой, он здоровался почти с каждым встречным. Одного называл по фамилии, другого по имени, третьего только по отчеству, а иных даже по прозвищу, данному товарищами. Потом он сел за стол.

Подошла совсем молоденькая девушка со вздернутым носом. Перебирая оборку фартука, спросила:

— Что подать, Сергей Петрович?

— А найдется, что хочу? — спросил Щербаков, с усмешкой взглянув на девушку.

— Смотря по тому, чего пожелаете.

— Нарзан, например.

— Есть.

— Подайте бутылочку. Подождите, ишь какая пряткая! Рабочие довольны питанием?

— Не жалуются, Сергей Петрович. Только вот напитков иной раз не хватает.

— Почему не хватает?

— Это вы и без меня знаете, Сергей Петрович. Ведь из других городов приходится завозить.

— Пусть побольше завозят.

— Самое бы лучшее здесь изготавливать.

— Нарзан, что ли?

— Нет. Фруктовые воды.

— Дельный совет, девушка. Надо подумать.

Подавальщица собралась уходить. Но он снова остановил ее, взяв за угол фартука.

— Просто как ртуть, не может на месте постоять... Замечательный у вас фонтан. Кто смастерил такой?

— Неужели не знаете? Джумаш.

— Джумаш? Кто это Джумаш?

— Да наш Джумаш, сын деда Исхака.

— Старого забойщика Исхака?

— Да.

Пока девушка ходила за нарзаном, Сергей Петрович с интересом разглядывал фонтан. Посредине бассейна, объемом с юрту, две мальчишеские фигуры, умело вылепленные скульптором, стояли как живые. Ребята нагнулись, собираясь плеснуть друг на друга водой. В бассейне плавали живые рыбки.

Столовая шахтеров была отделана, как нарядный

ресторан. За столиками сидели заведующие участками шахты, мастера, механики, инженеры, техники, рабочие. Сергей Петрович знал их всех в лицо и о каждом мог бы рассказать: кем был в прошлом, кем стал теперь.

Утолив жажду, Щербаков вышел на улицу, сказал шоферу:

— Поезжай тихонько за мной.

И пошел пешком.

Сначала он решил было пройти к театру, стоявшему на площади в низине, но на полпути передумал и круто свернул к окраине города, расположенной на возвышенности.

В недавнем прошлом по склонам этого холма только ветер гулял, а сейчас не осталось ни клочка незаселенной земли. В спешке тех лет поселок строился как попало, без плана, и разросся неслыханно быстро. Дальним своим концом он упирался в поля соседних колхозов. В тридцатом и тридцать первом годах, когда только закладывался фундамент Советской Караганды, в поселок со всех сторон стекались рабочие. Среди других поселились здесь Ардак, Жанабыл, Бокай. Теперь на холме выстроены индивидуальные жилища городского типа. Поселок назывался Загородным.

На другой, северной, окраине города, за станцией железной дороги, вырос такой же поселок, названный в память о прежних землянках Копайгородом.

В центре Караганды многоэтажные здания, прямые улицы располагались строго по плану, а поселки возникали сами по себе, без надзора инженеров-строителей, без чертежей. Но и здесь население нуждалось в электричестве и воде.

Сергей Петрович шел и раздумывал: «Как только вступит в строй Каргрэс, сейчас же начнем прокладывать к окраинам водопроводные трубы, тянуть электрические провода».

Ход его мыслей был прерван чьим-то громким голосом. Он поднял голову и возле ближнего дома увидел Канабека и Байтена.

— Это что за порядки? — кричал Байтен. — Поло-

вина жителей поселилась в городе на всем готовеньком. У них в домах все удобства. А кто Караганду строил? Мы! А почему у меня нет ни электричества, ни водопровода? Проводите скорее, пока я настоящий шум не поднял!

Годы сильно изменили Байтена. Передние зубы у него выпали, и когда в разговоре он волновался, то брызгал слюной. Черные усы посеребрила проседь, голова была обрита, и голая макушка походила на закругленный набалдашник ступки, которою долгие годы толкли соль. Когда его перевели на более легкую работу, он на первое время притих, но потом снова воспрянул духом, стал попрежнему придирчив и требователен.

— Не шуми, — успокаивал его Канабек. — Сам виноват: зачем ушел из казенной квартиры, зачем здесь построился? Ну, а теперь потерпи: получишь воду и свет наравне с другими.

— Я поселился здесь, чтобы было место пасти корову, — не унимался Байтен. — Тогда тут простора всем хватало, а теперь тоже тесно стало. И удобств нет никаких...

— Тряси его хорошенько, не отпускай! — шутливо подзадорил Щербаков. — Здравствуй, Байтен. Давненько я не слышал твоего громкого голоса. Ну, как живешь? Где работаешь?

— Куда я уйду от своего механического цеха? В охране работаю, цех сторожу...

При этих словах Байтен, по старой привычке, принял важный вид, подбоченился. Механический цех уже давно превратился в завод, а Байтен по старинке все еще называл его цехом.

— Да, — продолжал он хвастаться, — большими делами мы заворачиваем в мехцехе! Все шахты, весь город держим в своих руках. Помните, как я спас от аварии четвертую шахту? Привел туда двенадцать слесарей в такой буран, что собственного носа не увидишь! Мы без передышки работали двадцать восемь часов. Люди, прослышав о нашем подвиге, за ворот себя хватили от удивления. А сейчас разве работа? Скука. Все делают машины. Зайдешь в цех, так от

движения машин голова кружится. Только машина без присмотра тоже не может. Ее надо охранять. А кто охраняет? Байтен!.. Политический орган так решил: охрану поручить Байтену — никому другому...

Щербаков и Канабек только переглянулись, поспешили распрощаться с хвастуном и дальше пошли вместе.

Пестрая, беспорядочная жизнь протекала в поселке. Один хозяин у ворот своего дома резал барана, собрав группу зевак... Водовоз продавал из бочки воду, зазывая покупателей протяжными криками. Какой-то новосел так далеко выдвинул свою незаконченную постройку, что почти перегородил узкую улицу.

Среди бестолково разбросанных домов и домишек радовало глаз только белое трехэтажное здание школы-десятилетки. Школа обнесена оградой, обсажена деревьями.

— На совесть построили! — любовался Щербаков. — Приятно посмотреть.

Вдруг он спросил с удивлением:

— А это что за сооружение возводят?

— Мечеть строят, — смущенно ответил Канабек.

— Мечеть? Кому она нужна?

— Нашелся десяток верующих стариков. Сложились, наскребли денег, купили стройматериалы. Доняли меня заявлениями: «Разреши. Отведи место». Что поделаешь? Нет такого закона, чтобы запретить. Не знаю уж, кто к ним пойдет молиться.

Каждому хозяину, строящему свой дом, обычно помогали соседи: сходились чуть ли не со всей улицы. Сообща трудились и русские и казахи. А вот возле мечети копались только два ветхих старика.

Щербаков вздохнул озабоченно:

— Культуры, культуры надо сюда побольше, и как можно скорей. Отстает наша окраина от центра. А у председателя горсовета, кажется, не слишком-то душа болит при виде этих непорядков!

— Почему только у меня душа должна болеть? Чьи рабочие здесь живут? Треста!

Щербаков не остался в долгу:

— А кто городом управляет? Горсовет!

— Ладно, ладно! — примиряюще сказал Канабек. — Оба мы в ответе. Не отойдем в сторонку. Все-таки я думаю, что трест должен помогать поселкам и по части культуры, по части благоустройства. Что касается горсовета, мы завтра же примем развернутое постановление.

— Все постановлениями грозишься? Не только в них сила.

— Сила и в моей заботе, Сергей Петрович. Я вот спозаранку сюда прибежал. Не успел со старухой и чашку чаю выпить.

Беседуя, они вошли в парк. Если не говорить о школе, он был пока единственным культурным уголком в поселке Загородном.

Любят шахтеры отдохнуть в парке. Молодая зелень колышется под легким ветерком. Тихо шелестит листва деревьев. Красочные цветники напоминают узорчатые казахские изделия из войлока: текеметы, тускигизы и сырмаки, заменяющие в народном обиходе ковры. А всего два-три года назад здесь лежала голая степь, лишенная даже дикого кустарника.

День только начинал клониться к вечеру. Буфеты, киоски, тир, танцевальная площадка еще не открыты. Народу в парке мало. Лишь кое-где слышались громкие голоса играющей детворы.

Щербаков по-хозяйски осматривал разбивку насаждений, витрины, плакаты. Вот он остановился перед огромной разноцветной картой мира на фанерных щитах, прибитых к двум столбам, заметил:

— Не на месте поставили. Надо перенести на главную аллею. Там болеелюдно. А стенд с портретами стахановцев установить поближе к входу. На площадке скульптура нужна, фонтаны...

— Сергей Петрович! У нас ни цемента, ни алебастра нет.

— Ну, вот! Грозные постановления ты мастер выносить, а как до дела — только жалуешься. Ладно, отпущу материалы.

— Что важничаешь? Не моя старуха ходит сюда отдыхать, твои же шахтеры гуляют.

Они вернулись к своим машинам, ожидавшим

их у входа в парк. Канабек еще издали крикнул шоферу:

— Поезжай в горсовет, а оттуда домой! Я на машине этого богача съезжу куда надо.

— Ишь, и тут норовит на чужбинку проехаться! — не смолчал Щербаков.

Они отправились в Новую Караганду. Дорога тянулась по склону плоского холма. Непрерывно шли машины. Гудели на столбах провода. Центр города днем и ночью был связан с Угольной Карагандой.

Новый город лежал в двенадцати километрах от производства. Но шахты, непрерывно расширяясь, подступали к городской черте.

Повсюду на вершинах холмов видны шурфы, шахтные мосты, груды угля и порода. Между шахтами бегают поезда. Раньше на поездах возили только уголь, а теперь через каждый час подается состав специально для пассажиров. Но и этого мало. Чтобы доставить на работу или домой, с работы, всех рабочих, от поселков к шахтам курсируют автобусы.

Щербаков хмурится:

— Еще не слишком-то хорошо мы обслуживаем шахтеров. Трамвай нужен, а впоследствии и троллейбус. Асфальт нужен! Видишь, как разбита дорога? Шахты подступают к самому городу. Надо оградить его от угольной пыли зеленым поясом.

— Многое нам нужно, — отзывается Канабек. — И без Дома культуры городу не обойтись.

— Все будет! — твердо говорит Сергей Петрович. — Если нам не навяжут войну, мы крепко возьмемся за культурное строительство, Канабек Амантаевич!

Потянулись улицы Нового города. Высоко поднялись многоэтажные здания. Пышно распустились в скверах молодые деревья. На площадях бьют фонтаны. Всюду кипит, переливается жизнь.

На балконе четырехэтажного дома сидел Бокай, держа в руках домбру. Внизу, запрокинув голову и опершись на мотоцикл, стоял Жумабай. Он громко говорил, часто взмахивая рукой, при этом у него тряслась борода, — должно быть, рассказывал о том, как сегодня тушили пожар на шахте.

— Ладно, ладно! — примиряюще сказал Канабек. — Оба мы в ответе. Не отойдем в сторонку. Все-таки я думаю, что трест должен помогать поселкам и по части культуры, по части благоустройства. Что касается горсовета, мы завтра же примем развернутое постановление.

— Все постановлениями грозишься? Не только в них сила.

— Сила и в моей заботе, Сергей Петрович. Я вот спозаранку сюда прибежал. Не успел со старухой и чашку чаю выпить.

Беседуя, они вошли в парк. Если не говорить о школе, он был пока единственным культурным уголком в поселке Загородном.

Любят шахтеры отдохнуть в парке. Молодая зелень колышется под легким ветерком. Тихо шелестит листва деревьев. Красочные цветники напоминают узорчатые казахские изделия из войлока: текеметы, тускигизы и сырмаки, заменяющие в народном обиходе ковры. А всего два-три года назад здесь лежала голая степь, лишенная даже дикого кустарника.

День только начинал клониться к вечеру. Буфеты, киоски, тир, танцевальная площадка еще не открыты. Народу в парке мало. Лишь кое-где слышались громкие голоса играющей детворы.

Щербаков по-хозяйски осматривал разбивку насаждений, витрины, плакаты. Вот он остановился перед огромной разноцветной картой мира на фанерных щитах, прибитых к двум столбам, заметил:

— Не на месте поставили. Надо перенести на главную аллею. Там болеелюдно. А стенд с портретами стахановцев установить поближе к входу. На площадке скульптура нужна, фонтаны...

— Сергей Петрович! У нас ни цемента, ни алебастра нет.

— Ну, вот! Грозные постановления ты мастер выносить, а как до дела — только жалуешься. Ладно, отпущу материалы.

— Что важничаешь? Не моя старуха ходит сюда отдыхать, твои же шахтеры гуляют.

Они вернулись к своим машинам, ожидавшим

их у входа в парк. Канабек еще издали крикнул шоферу:

— Поезжай в горсовет, а оттуда домой! Я на машине этого богача съезжу куда надо.

— Ишь, и тут норовит на чужбинку проехаться! — не смолчал Щербаков.

Они отправились в Новую Караганду. Дорога тянулась по склону плоского холма. Непрерывно шли машины. Гудели на столбах провода. Центр города днем и ночью был связан с Угольной Карагандой.

Новый город лежал в двенадцати километрах от производства. Но шахты, непрерывно расширяясь, подступали к городской черте.

Повсюду на вершинах холмов видны шурфы, шахтные мосты, груды угля и порода. Между шахтами бегают поезда. Раньше на поездах возили только уголь, а теперь через каждый час подается состав специально для пассажиров. Но и этого мало. Чтобы доставить на работу или домой, с работы, всех рабочих, от поселков к шахтам курсируют автобусы.

Щербаков хмурится:

— Еще не слишком-то хорошо мы обслуживаем шахтеров. Трамвай нужен, а впоследствии и троллейбус. Асфальт нужен! Видишь, как разбита дорога? Шахты подступают к самому городу. Надо оградить его от угольной пыли зеленым поясом.

— Многое нам нужно, — отзывается Канабек. — И без Дома культуры городу не обойтись.

— Все будет! — твердо говорит Сергей Петрович. — Если нам не навяжут войну, мы крепко возьмемся за культурное строительство, Канабек Амантаевич!

Потянулись улицы Нового города. Высоко поднялись многоэтажные здания. Пышно распустились в скверах молодые деревья. На площадях бьют фонтаны. Всюду кипит, переливается жизнь.

На балконе четырехэтажного дома сидел Бокай, держа в руках домбру. Внизу, запрокинув голову и опершись на мотоцикл, стоял Жумабай. Он громко говорил, часто взмахивая рукой, при этом у него тряслась борода, — должно быть, рассказывал о том, как сегодня тушили пожар на шахте.

— Видал? — весело повернулся Щербаков к Канабеку. — Один еще недавно ютился в земляном бараке, похожем на сурочью нору. И вот поднялся на четвертый этаж. Другой только тем и интересовался в жизни, мычит ли на рассвете его черная корова. И, смотри, оседлал мотор! Да и как не расти людям, если все кругом растет? Знаешь, сколько мы теперь расходует на строительство? Сотни тысяч рублей в день! Где еще найдешь государство, которое вкладывало бы столько средств на благосостояние народа, на строительство новой жизни?

В ответ Канабек только молча кивнул головой.

На западе к городу прилегало большое озеро. За ним темнел лес. На берегу озера, на опушке леса, виден был дом отдыха шахтеров, окруженный садом.

Машина остановилась около озера. Канабек с трудом вылез из машины, охая и поглаживая живот.

— Годы, годы... Боюсь, не отстать бы от жизни. Как вспомню о том, что еще только вчера эти места были голые, словно мой подбородок, как посмотрю, что стало теперь кругом, так оторопь берет: ох, не угонюсь! А отставать нельзя. Прав ты, многое еще нам предстоит сделать. Возьмем, к примеру, это озеро. Ну что за озеро? Лужа в сравнении с Карагандой! А этот лес... Рощицей он окажется среди степи. Что будем дальше делать, Сергей Петрович? Подскажи.

Они медленно шли по берегу, Щербаков ответил, раскуривая трубку:

— Озеро будем копать: углублять и расширять.— Он помолчал и возразил сам себе: — Впрочем, немного от этого выиграем. Вода начнет застаиваться, портиться... Хорошо бы подвести сюда проточную реку, а на другом конце сделать сток...

— Где мы найдем такую реку?

— А если подвести приток Нуры?

— Далековато. Да и пойдет ли вода на подъем?

-- Будем качать машиной.

— Уж лучше тогда качать из коренной Нуры.

— Боюсь, воды в ней не хватит — ведь надо и Карпрэс обеспечить и Караганду снабдить.

— А если выкопать канал ниже Каргрэса, подвести проточную воду к озеру, а потом по другому каналу снова спустить ее в русло реки? Как ты думаешь?

— Надо со специалистами посоветоваться, — ответил Сергей Петрович после некоторого размышления. Он вздохнул: — Вода, вода... всюду она нужна... Вот откачиваем мы воду из шахт. Даром пропадает. Почему бы ее не использовать для поливки улиц и насаждений?

Канабек не переставал допрашивать:

— Как ты смотришь, в какую сторону лучше расширять посадку леса? Ведь что может получиться? Насадим лес, а там уголь найдут. Придется вырубать...

— Нет. По плану северо-восточное направление взято правильно. Там угля нет. К тому же летние ветры и зимние бураны дуют именно с той стороны. Смело продолжай посадки. Пусть леса защищают город...

Они далеко ушли по берегу озера. За разговорами не заметили, как наступил вечер. Солнце спряталось за холмом. Но и Сергею Петровичу и Канабеку казалось, что они еще не все высказали друг другу. Дела предстояли большие. По плану озеленения Караганды лесные массивы должны протянуться к югу от старого города на двадцать пять—тридцать километров и примерно на такое же расстояние в сторону Балхаша, по линии железной дороги. В черте города уже заложено несколько парков, посажены тысячи деревьев. Теперь задача состояла в том, чтобы ни одна улица не осталась без зелени, чтобы при каждой шахте был свой парк.

Только перед самыми сумерками Сергей Петрович и Канабек свернули к дачному городку. В зеленом лесу, на берегу озера, рассыпались маленькие дачи.

По аллее шли Ардак и Антонина Федоровна, держа за руки Болатджана.

У Сергея Петровича детей не было. С внезапно прояснившимся лицом он заторопился навстречу мальчику, поднял его, прижал к груди.

— Ой, курносик! До чего ты послушный и ласко-

вый! Вот бы отцу признаться у тебя частицу твоего характера!

— Папа считает, что он и со своим характером не плох, — заметила Антонина Федоровна.

— Да его характер, пожалуй, не прирастет ни к кому другому, — добавила Ардак.

Сергей Петрович рассмеялся.

— Метко сказано! Вот и выходит, что папе нужно постараться как-нибудь приноровиться со своим характером к товарищам.

Шутка была не столь уж добродушной. Должно быть, Сергей Петрович все еще не мог забыть памятного производственного совещания, когда Мейрам молчанием своим фактически поддержал не совсем продуманные предложения Аширбека.

Из дому в сопровождении геолога Чайкова вышел Мейрам. В руках у Чайкова какой-то камень, за плечами тяжелая сумка. Горячо продолжая разговор, он шел к машине.

— Это дело огромной важности! — донеслись его слова.

После встречи в степи несколько лет назад Чайков не обрывал дружбы с Мейрамом. Как только случалось бывать в городе, он неизменно навещал его.

Канабек подтолкнул Щербакова в бок.

— В руках камень держит. Сумка тоже набита камнями. Опять какую-нибудь находку привозил показывать.

Проводив гостя, Мейрам вернулся. Не дождав-шись, когда он подойдет, Канабек крикнул:

— Ну, что на этот раз нашел твой плешивый дружок?

— Да, — ответил Мейрам, — каждый что-нибудь находит. Чайков, и Аширбек, и Ермек — все они постоянно ищут, заменяют старое новым. На этот раз Анатолий Федорович привез интересный образец.

Что это был за образец, Мейрам не успел досказать. Подбежал Болат, ударил его обоими кулачками. Мейрам, сделав вид, что не устоял на ногах, свалился. Мальчик тузил его изо всех сил и приговаривал:

— Я боксер, боксер!

Ардак закрыла книгу, поднялась со скамейки, начала унимать драчуна:

— Ты еще маленький! Подрасти сначала.

Она подозвала тетю Шекер и отправила с ней мальчика домой.

Щербаков в это время рассказывал Мейраму:

— Мы с Канабеком только что из поселка Загородного. Собственными глазами видели, как мало в нем культурных условий жизни. Слышишь, секретарь?

— К сожалению, бескультурья много не только на окраинах. Посмотрите-ка на центр Караганды... — начал было Мейрам.

Но Ардак вмешалась в разговор:

— Я часто слышу, что вы говорите о культуре, о борьбе с невежеством, предрассудками. А о литературе молчите, словно сговорились. Что же помогает формировать мысли и чувства человека, как не литература? Справляется ли она со своей задачей? Задумывались вы над этим?

Мейрам не нашелся что ответить. Смущенно он взглянул на Щербакова.

— Выручайте, Сергей Петрович!

Щербаков ответил то ли шутливо, то ли серьезно:

— Э, ты теперь и без моей помощи ни в воде не тонешь, ни в огне не горишь.

Ардак настойчиво продолжала:

— Казахский народ осваивает производство, применяет в труде передовые методы. А посмотрите, что иногда появляется в казахской литературе. Некоторые наши писатели до сих пор пользуются старинными сказочными формами. Разве они пригодны для изображения современной жизни?

Серьезно и тихо Щербаков ответил:

— Ты права, дочка. — Как и в прежние дни, он ласкательно называл ее дочкой. — Для нашей литературы формы сказочного эпоса, конечно, узки. У нас есть великий путь — путь социалистического реализма. По этому широкому пути должна пойти и уже идет казахская литература. Верно я говорю?

Ардак горячо подхватила:

— Очень верно! Вот я и хочу написать обо всем этом в своей диссертации. А вон Мейрам молчит! — возмущалась Ардак. — Ты же политик, Мейрам. Ты читал вот эту повесть? В ней русские имена словно нарочно искажены. Вместо Дмитрий написано Метрей, вместо Федор — Шодор. Один герой называет автомобиль «чертовой телегой». О чем это говорит? Я скажу, о чем: в свое время националисты клеветали, будто казахи никогда не свыкнутся с городским трудом. А в этой книге автор перепевает ту же националистическую песню. Он словно хочет сказать, что казахи не в силах усвоить современный культурный язык. Ты, Мейрам, борешься с национализмом. Твердо борешься. Но разве некоторые высказывания в этой книжке не разновидность того же национализма? И разве можно терпеть архаизмы и ветхость в языке, примитивность в литературе? Это же политика, Мейрам!

Он взял из ее рук книгу, но в сумерках не мог рассмотреть обложку.

— Кто написал эту повесть?

— Тут написано «Айшик». Это псевдоним. Но кто бы ни был автор, он не скроется от меня под вымышленным именем. Я выступлю против него!

Она порывисто встала, пошла к дому, бросив на ходу:

— Вот поеду в Москву, попрошу прочитать мою диссертацию. Там мне помогут, обязательно помогут.

Вскоре поднялась со скамьи и Антонина Федоровна, медленно зашагала по аллее, кутаясь в платок.

Мужчины некоторое время молчали. Потом Сергей Петрович кивнул вслед ушедшим:

— И в самом деле, говорим о росте людей, а порою не замечаем, как рядом с нами люди растут...

— И своим женам помогаем маловато, — добавил Мейрам.

Глава шестая

После ликвидации пожара на первой шахте возобновилась нормальная работа.

Впрочем, вполне нормальной назвать ее было нельзя. План за декаду остался невыполненным на

пять тысяч тонн. Врубовая машина давала цикл за полтора-двое суток, тогда как по графику на прохождение полного цикла полагались одни сутки. Это отражалось на зарработке шахтеров. Теперь уже хмурились не только передовые забойщики Акым и Исхак, но и рядовые рабочие. Распространялись подозрительные слухи: дескать, техники понавезли много, а овладеть ею не умеем. Областная газета пока еще молчала о прорыве на ведущей шахте, но шахтная многотиражка забила тревогу, резко критиковала новый график.

Руководители шахты день и ночь не выходили из забоев, старались вскрыть причины отставания и ликвидировать прорыв.

Сегодня главный инженер Аширбек с утра находился в лаве. В расстегнутом плаще шоколадного цвета, согнувшись, он сидел на складном стульчике. Рядом, на подставке, стояла аккумуляторная лампа. Глаза инженера поблескивали из-под козырька фуражки с металлическим верхом. В одной руке он держал блокнот, в другой секундомер. Минутами и секундами надо измерить действия людей и механизмов, чтобы найти наконец и устранить помехи в работе.

От самого начала лавы врубовая машина продвигалась под уклон. В стену вонзился длинный бар мощного механизма. Быстро снующие вокруг бара резцы, как пилами, подрезали породу. Машина казалась приземистой, ползла медленно, словно черепаха, но за смену давала столько угля, сколько могли нарубить тридцать—сорок кайловщиков.

Но Аширбек, присмотревшись к работе, остался недоволен. Он сказал машинисту:

— Медленно работаете.

— Уголь здесь очень твердый, — ответил Акым.

— Может, резцы затупились?

— Я тупых резцов не ставлю.

Впереди стоял столб в обхват толщиной, врытый комлем в землю, а вершиной в потолок. Столб был опоясан стальным тросом, концы которого, прикрепленные к машине, наматывались внутри ее на особое приспособление. Таким образом врубовая машина продвигалась вперед.

— Пора готовить новый столб, — заметил инженер.

— Он уже установлен, товарищ Аширбек. Видите? Он машину не задержит.

Акым смело, без запинки давал объяснения. Голова этого высоченного человека чуть не упиралась в кровлю. Яркий свет его лампы, прикрепленной ко лбу, освещал лаву, играл бликами на глянцевых глыбах угля. Акым пригнулся, посмотрел на углубившийся в стену бар, проверяя его движение. Потом заложил за губу насвай и, выпрямившись, повернулся к Аширбеку. Врубовщик молча улыбался, покачивая головой, словно хотел сказать: «Не здесь ищите причины задержек, а где-нибудь в другом месте. Скорее всего — в своих расчетах».

А вслух уверенно произнес: .

— Если прибавите еще один цикл в смену, и моя машина справится. Уголь не успевают убирать, вот в чем беда.

Двое рабочих передвигали вслед за машиной рештак — металлический желоб, протянутый вдоль лавы. По этому желобу потечет нарубленный уголь.

Акым кивнул на рештак:

— Вещь хорошая — электричеством движется. Только неполадки часто случаются. Ленточный транспортер надежнее. Почему не установите его в моей лаве?

— Ты считаешь, что это поможет выполнению графика? Хорошо, завтра же установим.

— Обещаний много, а помех еще больше, — проворчал Акым. — Эти помехи, как путы на ногах, ходу не дают.

Аширбек поднялся со своего стульчика, перешагнул через рештак и пошел к крепильщикам. Там, где уголь был уже выбран, кровлю подорвали и обрушили. Беспорядочно валялись темные тяжелые глыбы. И сейчас еще временами с гулом обваливались куски породы. Но над врубовой машиной кровля была укреплена прочно. Густо и попеременно стояли здесь металлические и деревянные стойки. Именно в этой лаве шло испытание нового вида металлических стоек, предложенных Аширбеком.

Инженер подошел к пожилому крепильщику:

— Ну как, годится мое изобретение?

— Очень удобная вещь, — отозвался рабочий. —

По весу не тяжелая и к высоте легко подогнать: хочешь короче сделай, хочешь — длиннее. В лесе большую экономию дает. Опять же не пропадает без толку: закончим работу на одном месте, снимаем и переносим на другое. Побольше их надо сделать и в других лавах применить.

— Вот вы и напишите об этом в газете, — подсказал Аширбек. — Оправдают себя крепи — и в других лавах применим.

— А напечатают?

— Почему же не напечатать? Газета рабочая.

В лаву вошел бурильщик. В одной руке у него моток электропровода, в другой — электросверло. Быстро наладив свой инструмент, он принялся бурить стену. Вскоре стена испещрилась глубокими ямками, похожими на гнезда стрижей в высоком яру. Позже придут запальщики, заложат в эти отверстия взрывчатку и обвалят стену. Раньше, чтобы обрушить пласт угля, требовались десятки рабочих. Тяжелыми молотами они забивали в стену стальные клинья. Работа эта считалась одной из самых трудных и даже опасных. Но вот появились электросверла и взрывчатка. Двое запальщиков стали легко управляться со всем делом.

Аширбек несколько минут постоял возле бурильщика, но нигде не обнаружил недоделок, не отметил ни одной заминки. Бурильщик догонял врубовую машину. Запальщики тоже не заставляют себя ждать. Уголь без вмешательства людей, при помощи сконструированного Козловым специального приспособления, потечет в рештак, а по рештаку — в вагонетки, стоящие перед входом в лаву. Процесс на этом не заканчивается. Различные механизмы, связанные друг с другом, будут подавать уголь все выше, ближе к поверхности земли, пока он не подыметя наружу и не загрузит железнодорожные вагоны. Но если хоть один из этих механизмов застопорится, поток угля остановится.

И Аширбек искал сейчас: где же тормоз, нарушающий привычный ход работы?

В лаве стоял полумрак. Здесь и там сверкали огни ламп. Слышались звуки, напоминающие хруст, — это врубовая машина резала пласт. Иногда раздавалось крепкое словцо — значит какой-нибудь механизм выходил из повиновения человеку.

Когда Аширбек вернулся на прежнее место, машина Акыма уже стояла в самом конце забоя.

— Вот, товарищ инженер! — сказал ему машинист. — Как видите, работаю без задержки. Смотрите не смотрите, а у нас помех не найдете. Мы не вчера приехали из аула. Наши ребята по пяти-десяти лет работают в забое и курсы проходили и школу. В Донбассе уголек добывали, кое-чему научились. Стало быть, не у нас ищите изъяны, а в своих подсчетах. А я со своей стороны опять скажу: одну из трех смен обязательно надо перевести на подготовку забоя.

— Ты шутишь, парень! Снять целую смену с добычи? Да мы по самые плечи завязнем в долгу!

— Нет, не завязнем. Механизмов у нас много. Согласуйте их работу — вот и выполним график.

— Согласовать механизмы надо, но без того, чтобы терять добычу целой смены.

— Товарищ инженер! Да вы подсчитайте... Если забой будет аккуратно подготовлен, две смены добудут больше, чем все три вместе. В Донбассе на многих шахтах так и заведено.

Их спор прервал пронзительный свисток. Рабочие не медля разместились в укрытии. В лаве остались только двое: девушка казашка и русский парень. Они действовали быстро и ловко — подносили взрывчатку, устанавливали электроприборы. Выходя из лавы, Аширбек напомнил запальщикам:

— Будьте осторожны! Не спешите!

Он спрыгнул вниз, в штрек. После трехчасового пребывания в полутемной лаве глаза болезненно восприняли яркий свет. Аширбек выключил свою лампу. Штрек был залит электрическим светом. Звеня в колокол и ведя на прицепе вереницу вагонеток, мчался электровоз.

Возле лебедки, подающей уголь из лавы к вагонеткам, стоял главный механик шахты Козлов и пристально разглядывал деталь механизма.

— Что разглядываете? — крикнул Аширбек. — Ваша лебедка высвободила в каждой лаве по шести вагонетчиков. Или вам мало этого?

— Не думаю, чтобы вы осматривали свои металлические стойки с меньшим вниманием, — ответил механик. — Сам знаешь, еще не все выжимаем у техники, нельзя успокоиться. Кто успокоится, тот конечный человек. А я себя не считаю таким.

— Как продвигается дело с вашим угольным комбайном?

— Мозгую. Тут математика нужна, физика. В старину я их плохо знал. Теперь на курсах подучился, да маловато. Помогай, инженер, ты университет окончил.

— Поможем, Борис Михайлович, поможем!

— Спасибо! Только я уж сначала нарисую свой замысел на бумаге, а потом и попрошу совета. — Козлов указал на лебедку: — Кажется, слишком близко к лаве установили. Вагонетчик и покритиковал меня...

— Отодвиньте подальше.

— Далеко тоже нельзя. Слишком много требуется электроэнергии.

Аширбек неожиданно спросил:

— Почему вы ни разу не высказали своего мнения о новом графике? Мы сейчас бьемся над ним.

Но Козлов и на этот раз промолчал. А высказаться хотелось. После того как шахта за первую декаду месяца недодала пять тысяч тонн угля, Ермек начал прислушиваться к критике Акыма, пересматривать и проверять свой график. Точка зрения главного механика шахты в этом деле была очень важна. Козлов хорошо знал упрямый характер Ермека и поэтому помалкивал, оправдываясь тем, что не считает себя специалистом-угольщиком.

Аширбек не отставал:

— Я ведь тоже приложил руку к новому графику. Что в нем не так?

— Свое мнение я высказал Щербакову, — ответил Козлов. — Вчера Сергей Петрович вызывал меня по этому вопросу. Я сказал ему все, что думаю.

Но что именно механик сказал Щербакову, сейчас он не повторил, ограничившись этой неопределенной фразой. Снял очки, протер их, повертел в руках, оттопыривая короткий искалеченный указательный палец.

И вдруг заговорил:

— Ладно уж... Если так необходимо мое мнение, скажу... График ваш дельный. Только составлен не очень складно. У нас в шахте тринадцать участков. Общая рабочая площадь тянется на семь-восемь километров. Железнодорожная и электрические линии непомерно удлинены. Даже при нормальной работе всех механизмов уходит слишком много времени на доставку людей, транспорта и материалов от плиты к плите, от горизонта к горизонту. Еще труднее вывозить уголь. Вы понадеялись на обилие техники, несколько разбросали силы и сверх меры расширили площадь работ.

— Предлагаете сузить площадь?

— По-моему, не мешало бы сузить. Если мы рабочую площадь сожмем и усилим работу в забоях, график у нас будет соблюдаться в точности.

— Ладно, подумаем...

Аширбек пошел вдоль штрека. Он осматривал развилки и повороты дорог, электропроводку... Все это он видел каждый день, но сегодня его внимание было особенно напряженно. Его заинтересовал парень, сидевший с газетой в руках у опрокида.

— В чем дело? — отрывисто спросил Аширбек. — У вас перерыв?

— Какой там перерыв! Вагонетки почему-то не поступают. Где-то задержались.

Но тут из-за поворота показался электровоз с длинным составом вагонеток, груженных углем. Как только вагонетки были отцеплены, электровоз двинулся в обратный путь.

— Балжан! — успел крикнуть Аширбек. — Почему задержалась?

— Вагон сошел с рельсов!

Механизм одну за другой подтягивал к себе вагонетки и опрокидывал их. Уголь с прохотом сыпался в широкий раструб бункера, переходивший внизу в узкую горловину. Опорожненные вагонетки сами откатывались в сторону, выстраивались в ряд. При помощи машины один человек управлялся за десятерых. Из бункера уголь попадал на широкий резиновый транспортер и поднимался вверх по уклону.

Аширбек спустился к транспортеру и пошел вдоль ленты. Она заканчивалась у следующего бункера, через который уголь поступал в скипы.

Здесь подъемом угля управляла женщина. По стволу шахты скользили два стальных троса. К концу каждого был прикреплен двухтонный скип. Один из них — пруженый — уходил вверх, на его место опускался второй — порожний. Задвижка горловины бункера механически закрывалась и открывалась, как только скип наполнялся или как только опускался порожний. Время от времени женщина сигнализировала электрическим звонком: «Наполнился, поднимай». В случае какой-либо задержки она звонила на поверхность по телефону.

Наблюдая за движением тросов и скипов, Аширбек в то же время следил за секундной стрелкой своих часов. Спустя некоторое время он снял телефонную трубку.

— Коммутатор! Дайте машиниста! Товарищ машинист, говорит главный инженер. У вас скорость четырнадцать метров в секунду. Кто вам разрешил нарушить правило? Отрегулируйте! — Потом он повернулся к женщине: — Сколько подняли?

— Пятьсот двадцать семь.

— Простои были?

— Более часа.

Аширбек озабоченно покачал головой. Каждый час простоя скипов съедал десятки тонн угля. Это было нетерпимо. Аширбек с трудом сдержал себя, чтобы не выругаться.

Теперь Аширбеку предстояло проследить дальнейший путь угля уже на поверхности.

И наверху уголь продолжал свое движение,

В длинном деревянном сарае уголь высыпался из скипа в огромный бункер. Из нижнего его отверстия куски угля падали на качающуюся металлическую сетку. Возле нее стоял рабочий. Тяжелым молотом он разбивал на сетке крупные глыбы.

Рабочий пожаловался Аширбеку:

— Все стоят у машин, только я машу молотом. Смените меня и на это дело поставьте какую-нибудь машину.

— Как бы мы не обленились, если всюду машины поставим, — пошутил Аширбек.

— Не в лень дело. Скучно мне, вот что. Только и знай, что маши. И сегодня и завтра одно и то же. Хочется разумной работы.

— Потерпи, посмотрим. Что-нибудь придумаем, — ответил Аширбек, направляясь дальше.

Вот еще один бункер, доверху наполненный углем. И под ним непрерывно качающаяся сетка. Уголь, просеянный сквозь эту сетку, разделяется на два потока — по одному транспортеру движутся крупные куски, по другому текут мелкие. Мелочь бежит быстро, как горная река, а увесистые куски ползут медленно.

По обеим сторонам движущихся лент, стоя друг против друга, женщины очищали уголь от породы.

Только одна очень молоденькая девушка работала без напарницы. Ее пальцы, словно клюв курицы, хватающей зерно, проворно отбирали породу.

— А где ваша соседка? — спросил Аширбек.

— Заболела.

— Почему бригадир не поставил замену?

— Зачем? Я и одна успеваю. Не верите? Тогда попробуйте увеличить мне норму или ускорьте ход ленты.

— Нет, милая! Движение транспортера ускорить нельзя.

— Почему нельзя? На что же у нас инженеры?

— Не в инженерах дело. Ваши соседки не успевают за лентой, будут оставлять породу в угле.

— Пусть успевают! Чего тут трудного? Особой науки не требуется.

— Ты, сорока, не стрекочи, — прикрикнула на нее

пожилая женщина. — Самое главное — чтобы уголь был чистый.

— А я о чем говорю? Надо работать и чисто и быстро!

— Ладно, ладно. В твои годы мы тоже торопились. Лучше за делом следи хорошенько. Уголь глаза требует, дорогая моя. Ты это запомни!

Аширбек приблизился к самому большому бункеру. Дальше хода не было. Инженер посмотрел вниз. Там, на открытой площадке, скопились груды угля. На одной из них лежал скипер, прикрепленный к тросу. Рядом вилась железнодорожная линия. Под бункером, делая небольшие остановки, передвигался состав, вагонов тридцать — сорок. Шумно, как водопад, уголь сыпался сверху в вагоны. Внезапно его поток прекратился.

— Простой! Давайте угля, угля! — тотчас же донесли голоса.

И вдруг скипер, лежавший на запасной гряде угля, зашевелился и начал подгрести его к яме, ссыпать вниз. Из ямы уголь по конвейеру поднимался в вагоны. Погрузка из аварийных запасов еще недавно велась вручную, потом был приспособлен экскаватор. Но вскоре слесарь Лапшин предложил использовать скипер, конвейер — и дело пошло быстрее.

Аширбек осмотрел и проверил все — начиная от лавы и кончая верхним бункером. Его желтоватое лицо почернело от угольной пыли. Каждый сустав и косточка ныли, требовали отдыха. Хотелось пойти в баню, освежиться. Аширбек так и решил сделать.

Он шел, опустив голову, сгорбившись. Тревожные мысли не давали покоя. «Необходимо подавать уголь наверх в таком количестве, чтобы своевременно загружать поезда, прибывающие непрерывно. Но слишком много неполадок в работе механизмов на шахте. Самое главное — неслаженность. Остановится одна машина — стоит весь огромный агрегат. Прав этот нескладный парень Акым. — Инженер собственными глазами увидел неполадки и весь свой блокнот заполнил записями. — Надо принимать срочные меры. Да бани ли тут?»

С омраченным лицом Аширбек вошел в просторное помещение нарядной. Здесь было людно. Уже собрались рабочие второй смены. Они получили лампы и ждали гудка. Люди группировались побригадно. Слышался неразборчивый гул сливающихся голосов.

Сдав свою лампу, Аширбек поднялся на небольшое возвышение в конце зала. Это уже вошло в традицию: перед началом работы каждой смены он делал сообщение о замеченных недостатках и указывал пути их исправления.

Едва Аширбек открыл блокнот, как к нему подошел молодой инженер, его помощник.

— Все заведующие участками здесь? — спросил Аширбек.

— Все.

— Тогда слушайте, товарищи! В четвертой лаве только из-за одного поломавшегося винтика врубмашина простояла тридцать восемь минут. Что это значит? Это значит, что поток угля приостановился больше чем на полчаса. Сосчитайте сами, сколько угля сожрал этот маленький винтик. Почему в лавах нет мелких запасных частей? Скажите, товарищ Асет!

Выслушав сбивчивые оправдания Асета и сделав ему внушение, Аширбек продолжал:

— А в первой лаве рештак иногда не успевает выбирать уголь из-под машины Акыма. Товарищ Данченко видит это каждый день, но не принимает мер к тому, чтобы установить в лаве ленточный транспортер. Что скажете, товарищ Данченко?

— Прошу сутки срока на установку транспортера.

— Хорошо, так и запишем, — согласился Аширбек. — На участке товарища Таутана не хватает крепежного леса. У товарища Петрова вагонетки сходят с рельсов. Разве это дело?.. Многие из нас стараются оправдать крупную недодачу угля изъянами нового графика. Весьма возможно, что график еще не совершенен. Но ведь те недостатки, о которых я говорил, порождены не графиком, а недосмотром мастеров и заведующих участками. В данном случае они повинны в недодаче стране угля!

Послышались голоса:

— Правильно говорит инженер!

— Давно пора изжить эти недостатки!

На этих летучих совещаниях речи не затягивались. Для прений не оставалось времени. Только вопросы, ответы, предложения... Главный инженер сегодня проявил исключительную требовательность. Когда совещание подошло к концу, он стал подзывать к себе руководителей участков и каждому отдавал распоряжение.

Проревел зычный, протяжный гудок. Бригады отправившись в шахту.

В помещение нарядной вошел Ермек, только что поднявшийся на поверхность. Едва открыв дверь, он спросил Аширбека:

— Как дела на правом крыле?

Аширбек с досадой махнул рукой.

— Пока работаем в закрытых шахтах, конца не будет всяким неожиданностям и неполадкам!

— Да подожди ты с этим! Твои открытые шахты готовыми не свалятся с неба. Сегодня о закрытых шахтах речь идет. Я вот что хотел сказать... Кажется, мы и в самом деле кое в чем просчитались. Критика рабочих справедлива. И Щербаков за дело нас ругает... Придется изменить график.

— Да, повидимому, придется изменить... Акым тоже прав. Нужно подумать о переходе на две смены.

— Нет, сначала попробуем сузить фронт работ и укрепить участки.

— Ладно. Пошли в баню. По дороге договоримся.

Глава седьмая

В Новом городе, возле парка, стояло трехэтажное, красиво отделанное здание, в котором помещалось управление угольного бассейна. Кабинет Сергея Петровича — во втором этаже. В обширной комнате — шкафы, огромный стол, дюжина стульев. На окнах и дверях — тяжелые портьеры. В шкафах за стеклами — образцы пород. По правую сторону, под рукой у Щер-

бакова, круглый столик, заставленный телефонными аппаратами.

Сергей Петрович почти без перерыва говорил по телефонам, снимая то одну, то другую трубку. Соединялся не только с трестами, но и непосредственно с шахтами. Человек прямодушный, не кичливый, всегда одинаково владеющий собой, он размеренно и спокойно руководил огромным делом. Казалось, из кабинета ему отчетливо видна жизнь всей подземной и надземной Караганды. «Вы отстаете, пошевеливайтесь», — напоминал он по телефону одним. А других предостерегал: «Вы идете впереди! Не сбавляйте темпа, но и не зарывайтесь». Он подзадоривал, толкал вперед, для каждого находил нужное слово. По несколько раз в день просил станцию вызвать Алма-Ату, Москву. Его мысль работала неутомимо.

Он бросил взгляд на большие стенные часы. Время подходило к двум. В этот час Сергей Петрович ежедневно проводил по селектору краткие производственные совещания на одной из шахт. Сергей Петрович поднял трубку внутреннего телефона, громко произнес:

— Прошу внимания! Летучее техническое совещание коллектива шахты номер один считаю открытым. За последнюю пятидневку шахта значительно подтянулась с выполнением плана. Главный инженер товарищ Аширбек правильно подметил неблагополучие с механизмами на шахте и сумел его устранить. Но далеко еще не все резервы использованы. Надо смелее рационализировать работу. Ермек Барантаевич, что вы думаете предпринять?

Ермек слушал Щербакова со второго участка своей шахты. Без промедления он ответил:

— Мы советовались с Аширбеком, выслушали мнение передовых рабочих. Вы были правы, Сергей Петрович, когда предостерегали нас. Мы действительно раздробили фронт работы. Теперь придется вносить изменения...

— Какие именно?

— Сократим количество участков, укрупним их. В соответствии с этим внесем изменения в график и усилим работы в забоях.

— Акым! — окликнул Сергей Петрович. — Что скажешь по этому поводу?

— Я здесь, товарищ Щербаков! — громко отозвался молодой врубовщик. — Ереке правильно сказал: участки надо укрупнить. Но это еще полдела. Я убежден, что нам нужно переходить на двухсменную работу.

— На двухсменную? Почему ты так считаешь?

— Положение дела подсказывает, Сергей Петрович. В моей лаве скапливаются десятки тонн добытого угля, но вагонетки и все необходимое подаются с большими перебоями. Какой-нибудь механизм ломается — вот и задержка. Я думаю: если одну из смен перевести на подготовительные работы, на ремонт механизмов, то эти помехи будут устранены. И угля будем добывать больше, чем работая в три смены. Товарищи из Донбасса одобряют этот способ. Я запросил их письмом и получил ответ.

— Что ж, послушаем главного инженера.

Аширбек отвечал из своего кабинета. Держа трубку около уха, он не отрывал глаз от лежащего перед ним плана шахты.

— Сначала я сомневался в разумности предложения Акыма. Но, изучив материалы и подсчитав, я, пожалуй, склоняюсь к тому, чтобы переменить свое мнение.

— А не целесообразнее будет объединить оба предложения — и о переходе на двухсменную работу и об укрупнении участков?

— Да, полезно объединить. Многие рабочие тоже предлагали это на страницах многотиражки.

— Многотиражку, товарищ Аширбек, я тоже внимательно читаю. Думаю так: если предложение исходит от Акыма, то в его лаве и попробовать — для опыта — перейти на двухсменку. Пока только в одной его лаве. Необходимо, Ермек Барантаевич, создать ему все необходимые условия. Вы слышите? Прошу завтра же в письменном виде представить мне ваши соображения. Я рассмотрю эти материалы и дам окончательный ответ.

— Только поскорее! — попросил Аширбек.

— Не спешите. Все будет сделано в свое время.

Помните, как вы торопили меня с переходом на новый график? Не будем повторять ошибок.

— К слову, — напомнил Аширбек, — как с массовым изготовлением металлических стоек?

— Твои стойки будут применены во всех шахтах. Что себя оправдало, то оправдало.

— Спасибо, Сергей Петрович.

— Считаю, товарищи, совещание закрытым. — Щербаков положил трубку.

Мейрам, сидя в своем кабинете, прослушал совещание от начала до конца. Как только оно закончилось, он поднялся из-за стола, вышел в приемную и предупредил секретаршу:

— Я иду на комбинат. Если буду очень нужен, звоните туда.

День выдался жаркий. Мейрам, перейдя на теневую сторону улицы, медленно шел вдоль высоких домов. Около комбината стояли машины управляющих трестами, начальников шахт, инженеров. Преобладали «эмки», «газики» уже выходили из употребления. Среди машин стоял совхозный фаэтон, запряженный парой породистых вороных лошадей. Мейрам любовался рысаками и вошел в подъезд комбината.

В кабинете Щербакова он повесил на привычное место фуражку, приветливо поздоровался.

Сергей Петрович встал ему навстречу, улыбаясь так широко, словно они бог весть сколько времени не виделись. Ничто не напоминало об их недавней размолвке, вызванной нетерпеливыми предложениями Аширбека.

— Совещание прошло дельно, — заметил Мейрам. — Вы правильно поддержали предложение Акыма. Вам, как производственнику, виднее, но и я чувствую, что теперь дело пойдет на лад.

— Жизнь покажет, Мейрам Омарович! — оживленно откликнулся Сергей Петрович. — Наперед ничего не могу сказать. Проверим... А вот из прорыва выбираемся наконец — это факт! — Он потряс большим листом бумаги, сплошь покрытым цифрами. — Видели? Последняя сводка! Шахтеры — хозяева своему слову: как скажут, так и сделают. Сто один процент

по всему комбинату! Конечно, не все вровень идут, есть и отстающие. Надо их подтягивать, надо помочь им догнать передовиков.

— Это так, — подтвердил Мейрам. — Но передовых не нужно придерживать, пусть смелее стремятся вперед.

— Кто же их придерживает? — удивился Щербаков. — Вот посмотрите. — Он достал записную книжку, привычным жестом вскинул пенсне. — В этом году из девяноста четырех рационализаторских предложений, поступивших к нам, осуществлено восемьдесят. Неплохо? Но предложение предложению рознь. В ином отваги хоть отбавляй, а обоснованности мало.

Мейрам насупился, промолчал, чувствуя, что может вспыхнуть старый спор. Причина разногласий, порою возникавших между ними, заключалась в том, что Сергей Петрович был сторонником точного расчета, проверки каждого новшества на практике. А Мейраму часто не хватало терпения, он с лету подхватывал новое предложение, горячился и требовал немедленного проведения его в жизнь.

Сергей Петрович неторопливо набивал трубку, говорил мягко:

— Мне о другом хотелось с вами посоветоваться, о самом важном для нас в текущую минуту... И это как нельзя кстати, что вы пришли.

Помолчав, он глубоко затянулся, выпустил густой клуб дыма. Мейрам нетерпеливо ждал.

— Каргрэс закончена, — продолжал Щербаков. — Вы это знаете. Теперь и вода и электричество для нас не проблема. Как дальше будем жить, в какую сторону развиваться? Давайте поговорим, подумаем.

— Вот-вот! — быстро подхватил Мейрам. — Я ведь за этим и пришел к вам! Производительные силы растут, электрические мощности бассейна увеличиваются. Творческая мысль передовиков порою обгоняет жизнь. Что вчера казалось открытием — сегодня стареет. Народ вперед рвется, Сергей Петрович! И это закономерно. Нельзя одергивать людей, нельзя отставать от них.

Щербаков сощурил глаза, в них играла легкая

усмешка. Ему хотелось возразить: «Да кто же одергивает?» Но он сдержался. Встал с кресла и, поскрипывая по ковру мягкими хромовыми сапогами, прошел к огромной карте Карагандинского бассейна, занимавшей всю стену. Он знал эту карту наизусть.

— Самое важное для нас сейчас — не разбрасываться, не хвататься за все. Всего не охватишь сразу. Надо найти самое главное.

— Что же вы считаете самым главным? — испытующе спросил Мейрам.

— План, Мейрам Омарович! План и директивы нашей партии и правительства. В их основе лежат последние научные достижения и социалистическая практика. Установки партии — наш маяк. Не потеряем его из виду — не заблудимся и в самом широком море!

— Верно! — подтвердил Мейрам. — Но выполнение плана требует творческих дерзаний. Не бойтесь этих слов, Сергей Петрович.

Теперь Щербаков не мог сдержать усмешки. Ему ли — старому шахтеру, прошедшему с партией весь путь революции, поднявшемуся от простого саночника до государственного деятеля, — бояться дерзаний? А вот секретарь горкома почти вдвое моложе его. Молодости свойственно иногда ломиться в открытую дверь, кричать как о новом открытии о том, что разумеется само собой. Беды в этом, конечно, нет. С таким горячим секретарем не закиснешь.

Мейрам тем временем взволнованно продолжал:

— Творческие искания наших людей не измерить сантиметрами, не взвесить граммами. В процессе исканий они могут ошибаться: один хватается за край, другой не достает до края. Мы должны наполнить чашу до краев, сберечь каждую каплю. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаю, Мейрам Омарович, очень хорошо понимаю. Но не лучше ли держаться конкретности?

— Я и перехожу к конкретному... Почему вы до сих пор не разрешаете Аширбеку испробовать добычу угля открытым способом? Мне непонятна эта осторожность. Почему бы не выделить для опытов одну шахту? Аширбек предлагает подавать поезда непосред-

ственно в забой. Ну и что же! В строительстве социалистической индустрии неизбежны издержки. Будь мы инициативней, Караганда стала бы не только очагом угля, но и очагом технической мысли!

Щербаков покачал головой.

— Издержки... опыты... А для этого выделить целую шахту. Не боюсь я опытов, Мейрам Омарович! И риска не боюсь. — Сергей Петрович звонко, помолодому рассмеялся. — Только я не картежник, чтобы слепо рисковать. И шахты для меня — не игрушки. Ради неоправданного риска не только миллиона — рубля не истрочу, потому что рубль этот государственный, добытый не легким трудом рабочего класса. Ох, я очень хорошо знаю, как не легко достается этот рубль!..

— Поймите, — горячился Мейрам, — как выгодна открытая шахта! Ведь мы сразу поднимем добычу угля!

— Знаю я все. Большое дело, интересное...

— Так почему же до сих пор не разрешаете? — уже сердясь, крикнул Мейрам.

— Вот это правильный вопрос. И я постараюсь на него ответить...

Щербаков раскрыл блокнот, постучал по нему согнутым пальцем.

— Тут у меня размышления многих бессонных ночей записаны. Советы инженеров, шахтеров... Хорошо ли мы изучили климатические условия Караганды? Вполне ли уверены, что открытые шахты смогут бесперебойно работать при здешних метелях зимой, при бурном таянии снегов весной? Нет, мы еще недостаточно это знаем. Нужны совместные усилия ученых и практиков многих специальностей. Вон и у Ермека Барантаевича вызывают тревогу климатические условия Караганды. А ведь человек Промакадемию кончил. И опыт у него обширный. Его послушать надо. Возьмите сооружение шахты... Сколько новой техники потребуется! Какие мощные экскаваторы нужны! Есть у нас такие экскаваторы? Нет еще. Вы знаете, наконец, что уголь открытой шахты низкокачественный. Значит, в основном он пойдет на местное топливо. Стоит или не стоит посоветоваться с местными топлив-

ными учреждениями? Стоит. Вот я и веду переговоры с заинтересованными учреждениями. Запросил Москву...

— Сколько же на все это потребуется времени? — нетерпеливо воскликнул Мейрам.

— Думаю, меньше, чем если бы мы начали копать шахту не мощными экскаваторами, а кетменями. Впрочем, временем мы распоряжаемся сами. Большевики не такие люди, чтобы в затылках чесать. За месяц-другой, надеюсь, обойдемся.

Сергей Петрович подошел к Мейраму вплотную и обнял его за плечи. Мейрам быстро встал со стула. Было похоже, что он хочет освободиться от этого объятия. Но рука Щербакова крепко и сильно лежала на плече Мейрама.

— Эх, Мейрам Омарович! Люблю я горячность и смелость в людях. Вон и Чайков горячится! Приятно его слушать. Мечтает применить при закладке шахт атомную энергию. Увлекательная идея! Что же, по-вашему, я должен сказать Чайкову: давай действуй немедленно? Бывает ведь так, что из мечты не живое дело, а конфуз может получиться. Это — глядя по тому, насколько мечта опирается на реальные возможности выполнения.

Сергей Петрович едва удержался, чтобы не напомнить Мейраму, что получилось из нового графика Аширбека и Ермека, из их предложения максимально разукрупнить участки. Разбросали силы, не сумели согласовать работу механизмов. А ведь Мейрам тогда безоговорочно поддержал их предложения. И вот чуть не сорвали план добычи.

Но Щербаков, по своей неизменной деликатности, промолчал об этом, только добавил:

— Придет время — и мечта Чайкова осуществится. Я в этом уверен.

Мейрам в упор посмотрел на него своими серыми пристальными глазами. Щербаков спокойно выдержал его взгляд.

— Значит, не разрешаете закладку открытой шахты?

— Пока не разрешаю. Считаю преждевременной.

— Так...

Мейрам прошелся по комнате. Потом снял с вешалки фуражку. У порога он задержался.

— А помните, с чего вы начали разговор? Каргрэс пущена. Время подумать, как расти дальше...

— Вы правы, Мейрам Омарович, именно с этого я начал разговор.

Сергей Петрович шагнул к двери, у которой стоял Мейрам.

— Я вот о чем думал... Наши энергетические мощности возросли. Не обратиться ли нам к правительству с ходатайством о расширении плана добычи? Может быть, обсудим этот вопрос и на ближайшем бюро горкома?

Предложение понравилось Мейраму. У него сразу просветлело лицо.

— Это хорошо! Обязательно обсудим.

— И дальше... Это предложение Акыма о двухсменной работе. Ей-богу, как сильно вырос парень после поездки в Донбасс!

Мейрам улыбнулся; его улыбка была словно луч солнца, пробивший последнее облако развееиной непогоды. Он пожал руку Сергею Петровичу — сдержанно, но все-таки дружески.

Щербаков видел в окно, как Мейрам вышел из подъезда. На ходу он немного сутулился. Что-то кольнуло сердце Сергея Петровича. «Кажется, обиделся. Ну, что же делать?..» Он, Сергей Петрович, любил и любит его... Мейрам приехал в Караганду желторотым юношей. Каждому его успеху Сергей Петрович радовался, как успеху родного сына. Но и огорчаться приходилось не раз. Не только на похвалах растут люди... Мейрам вырос. Заговорил своим собственным голосом. Но еще горяч, очень горяч. Ломится вперед без оглядки — и частенько стучается головой о выступ скалы...

С озабоченным лицом Щербаков подошел к телефонному столику.

— Пожалуйста, соедините меня со вторым секретарем обкома партии... Асман Амантаевич? Еще раз здравствуйте. Вас снова Щербаков беспокоит. Мейрам

Омарович очень торопит с открытой шахтой... Нет, не поссорились, но близко к тому. Огорчился... Запросить мнение Москвы? Я так и сделал. Убедительно прошу вас, объясните это Мейраму Омаровичу... Конечно... не так уж много осталось ждать. Спасибо.

Облегченно вздохнув, Щербаков положил трубку.

Без стука вошел Козлов, держа подмышкой свернутый в трубку лист ватманской бумаги.

— Что скажешь, Борис Михайлович?

— Вот сделал, посмотри.

Старый механик одним движением шумно развернул лист на столе, положил на углы пресспапье и массивную крышку чернильницы. На чертеже была изображена схема угольного комбайна.

Сергей Петрович, внимательно рассматривая схему, задавал вопросы:

— Какую наметил производительность?

— Пятьдесят пять тонн в час. Стопятидесятиметровую лаву мой комбайн пройдет за восемь часов. Нарубленный уголь автоматически поступает на рештак... — с гордостью перечислял Козлов.

— Сколько человек будут его обслуживать?

— Вместе с крепильщиками семь человек. Количество людей в бригадах значительно уменьшится. Я называю, Сергей Петрович, самые скромные данные. Производительность комбайна будет все время расти... Он действует, как врубовая машина. Вот здесь три бара: один — прямой, два — косые... — объяснял Козлов.

— А почему не указал точные расчеты баров и других частей?

— Будут указаны, Сергей Петрович...

— С инженерами, с Аширбеком советовался об этих расчетах?

— Об этом еще не успел. А вообще-то во многом советовался.

Щербаков отодвинул от себя чертеж.

— Когда все обсудите, все доделаете, тогда и приносите. Вместе проверим твои расчеты. Вещь, кажется, хорошая. Но по одному чертежу трудно судить.

Механик начал быстро скручивать лист в трубку. Лицо его покраснело, губы тряслись.

— Это как называется? Бюрократизм, вот как! У меня же почти все готово!

Щуплый механик рядом со Щербаковым словно воробей. В гневе своем он еще больше походил на воробья.

— Я твоего покойного отца, Петра Алексеевича.. знал. Настоящий был шахтер. Дружили крепко. А ты с какой причины зазнаешься? Почему отпихиваешь мой чертеж? Забыл, что из пролетариата вышел? Я тебе ценнейшее изобретение принес. А ты?..

Сергей Петрович ни слова не проронил в ответ; выждал, когда Козлов, устав браниться, опустится на диван.

Тогда сказал добродушно:

— Перекипел? Если остались патроны, стреляй до конца. Только бьешь ты холостыми... Видишь ли, угольный комбайн уже пытались конструировать Шевченко и Афанасьев. Не вышло у них. Тяжело, громоздко, неэкономично получилось. Ты кое в чем ушел вперед, но еще во многом повторяешь их ошибки. Широко пользуйся технической консультацией специалистов. Тебе ведь ни в чем не отказывают, а ты ершишься. Так кто же зазнается — я или ты?..

Вошла секретарша, подала телеграмму. Сергей Петрович прочитал, взглянул на часы.

— Жанабыл прилетает. Поеду на аэродром. Продолжай работу, Борис Михайлович. У тебя должно получиться.

— Возьми и меня с собой, — попросил Козлов. — Я тоже поеду встречать, Жанабыл ведь мой лучший ученик!

Глава восьмая

Выйдя от Щербакова, Мейрам направился в обком партии. Прямо перед домом, где помещались обком и облисполком, раскинулась обширная площадь, только в прошлом году огороженная и засаженная деревьями. Между аллеями были разбиты цветники и

газоны. Деревья за год хорошо привились, и голая площадь превратилась в сквер. В самом центре возвышался памятник Ленину: знакомая фигура с простертой рукой. В тени деревьев были расставлены скамейки, окрашенные под цвет зелени. Били фонтаны, охлаждая воздух жаркого дня.

В Угольной Караганде, словно сорняки среди хлебов, то там, то здесь, торчали старые хибары, а здесь не найти старины. Всюду прямые и ровные улицы, дома в три, четыре и пять этажей, скверы, фонтаны.

Мейрам шел парком. Взгляд его отдыхал на пестрых, красочных клумбах. Он не удержался, быстро сорвал пышный розовый цветок и тут же подосадовал на себя: «Если каждый станет рвать...» Но не бросать же цветок на землю, если уж сорвал! Поколебавшись, Мейрам прикрепил его к петлице.

— А ты, оказывается, любитель цветов! — вдруг послышался басовитый голос Анатолия Федоровича Чайкова. Он держал в руке большой распечатанный пакет. Чайков только что вышел из обкома.

— Люблю, — признался Мейрам. — Кажется, нет ничего красивей их.

— Все-таки не полагается портить клумбу.

— Из-за одного цветка и такой шум! Сам в степи небось рвешь их сотнями.

— То — степь, а тут — клумба.

Обменялись крепким рукопожатием.

— Лысина на голове нашего геолога увеличивается с каждым днем, — шутил Мейрам.

— Что поделаешь! А у нашего секретаря седых волос на висках все больше.

Искорки смеха в зеленоватых глазах Чайкова погасли так же быстро, как и вспыхнули. Он взял Мейрама под руку и повел к скамейке.

Когда сели, геолог начал без всяких предисловий торопливой своей скороговоркой:

— Я сейчас от Александра Андреевича. К тебе направлялся... Знаешь, придется переселять «Долинку».

Мейрам круто повернулся к нему.

— Ты серьезно говоришь?

— Вполне серьезно. Там, где дело касается угля, я не шутник.

«Долинкой» назывался огромный совхоз, расположенный в сорока километрах от Караганды. В его хозяйстве — десятки тысяч голов скота и тысячи гектаров посевов, огородов, бахчей и садов. И вот теперь все это огромное хозяйство предстояло перевести на другое место.

Чайков рассказал, чем вызвана такая необходимость. Следуя за залеганиями угольных пластов, геологическая разведка вплотную подошла к «Долинке». Анатолий Федорович радовался богатству пластов, его нисколько не пугала сложность перемещения совхоза.

— К чему медлить? Надо заложить на территории «Долинки» несколько шахт и скорей переселять совхоз.

— Не такой уж легкий вопрос, Анатолий Федорович. Со Щербаковым надо посоветоваться.

— О, Сергей Петрович — старый шахтер! Его хлебом не корми, только скажи: здесь уголь лежит! Да, по совести, кому это нужно — празднично хранить под пастбищами и огородами такое богатство?

— Дело не в огородах, а в посевах.

— Послушай, в Казахстане довольно земли для посевов. Вон ее сколько — глазом не охватишь. Я составлю экономический расчет, если хочешь.

Что тут возразить? Уголь — как металл, как и нефть — основа основ хозяйства страны. И уж если Чайков говорит о ценности пластов, верить ему можно. У него огромный опыт, более тридцати научных трудов, посвященных изучению недр Казахстана. Чайков тесно связан с научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Алма-Аты и постоянно консультируется с ними.

Быстро и отчетливо произнося каждое слово, геолог убежденно говорил:

— Там, на запад от города, протяженность залежей угля достигает шестидесяти—семидесяти километров. По определению наших геологов, и на востоке не меньше. Караганда — неисчерпаемое подземное море

угля. Но мы богаты не только углем. Вот послушай, что пишет мне Каир Амантаевич...

Чайков и раньше часто говорил о казахском геологе Каире Амантаевиче. Они были не только коллегами, но и друзьями со времен студенчества: в начале двадцатых годов вместе окончили Томский университет. Во время жарких споров в те годы с еще не разоблаченными тогда вредителями оба доказывали коксуюемость карагандинских углей. Это еще больше укрепило их дружбу. Каир Амантаевич работал теперь в Алма-Ате, в Казахском филиале Академии наук СССР.

Чайков прочитал вслух несколько строчек письма. — «С радостью сообщаю, что земля Казахстана оказалась богатой не только углем, цветными металлами, но и железной рудой, следовательно — чугуном и сталью...» Понимаешь значение этих слов? — Анатолий Федорович ткнул пальцем в письмо, потом вложил его в конверт. — А ты говоришь — пастбища! Скот везде можно пасти. Не обязательно на угле и руде. Надо закладывать карагандинскую металлургию. Как на Урале, в Кузбассе... Это значит — потребуются сотни, тысячи специалистов. Уже сейчас пора думать об открытии в Казахстане новых техникумов, высших учебных заведений. Понадобятся ученые люди, много ученых людей!.. Кстати, — вдруг спросил он, — ты когда собираешься защищать диссертацию?

Мейрам смутился от столь неожиданного вопроса.

— Должно быть, осенью этого года.

— А Ардак?

— Возможно, и она успеет.

— Выходит, мы получим сразу двух новых ученых: одного — филолога, другого — экономиста. Очень славно! Я напишу об этом Каиру Амантаевичу. Пусть радуется.

Чайков быстро поднялся и, попрощавшись, крупными шагами пошел по аллее, наклонив голову, но внезапно круто повернулся: второпях он забыл на скамейке свою кепку.

— Понимаешь, сейчас нужно отправлять разведывательную партию... Тороплюсь... Щербакова я уже не

успею повидать. Передай ему наш разговор. Привет Ардак!

— Спасибо, Анатолий Федорович!

«Вот всегда так: ворвется Чайков, словно буйный ветер, нашумит, взбудоражит, разбудит новые мысли, даже голова закружится! Посоветоваться надо. С кем? Конечно, прежде всего с Сергеем Петровичем...» Так уж повелось, такой сложился обычай.

И недавний спор со Щербаковым отступил куда-то на задний план, показался сейчас незначительным в сравнении с тем, что говорил Чайков. И в обком теперь как-то неловко идти: Чайков уже был у Александра Андреевича, говорил с ним о «Долинке», о будущем угольно-металлургической Караганды. А Мейрам явится старые споры решать. Да и есть ли причины для спора?

Мейрам очнулся от своих размышлений лишь у дверей кабинета первого секретаря обкома партии. Обычно он заходил к Александру Андреевичу без доклада но, узнав от помощника, что секретарь говорит по телефону с Москвой, Мейрам на этот раз задержался в приемной, вошел только после того, как разговор закончился.

В глубине просторного кабинета сидел за столом широкоплечий пожилой человек в белом костюме. Лицо у секретаря еще моложавое, без морщин, лоб высокий, гладкий, жесткие с проседью волосы подстрижены ежиком, глаза большие, ясные. Александр Андреевич проницательно взглянул на Мейрама.

— Что мрачный?

— Есть на то причины, Александр Андреевич. Разрешите по порядку...

И он передал разговор со Щербаковым. Рассказывал — и все время чувствовал неловкость: не надо бы говорить. И слова подбирались вялые, неуверенные.

Александр Андреевич ответил не сразу. Он вообще не любил торопливости в решении вопросов. Для Мейрама Александр Андреевич не был новым человеком. Несколько лет назад именно Александр Андреевич приезжал в Караганду во главе комиссии по проверке жалоб на Мейрама. Он сумел отделить ложь от

правды и поддержал Мейрама. Позже, когда Караганда стала областным центром, Александр Андреевич переехал в область, был избран первым секретарем обкома и горкома партии. Мейрам был вторым секретарем горкома и практически вел все партийные дела в городе, но сложные вопросы он никогда не решал без участия Александра Андреевича.

— Помните ли? — спросил после молчания секретарь. — Семь лет назад у нас с вами в одной из комнат двухэтажного стандартного дома здесь, в Караганде, произошла долгая беседа.

— Хорошо помню.

— Вы тогда удачно сказали: «Если уж начинать борьбу, то нужно победить». Ваша непримиримость к классовому врагу меня тогда порадовала. Но если бы вы теперь проявили нетерпимость к друзьям только потому, что они не согласны с вашим мнением, я бы не нашел причин радоваться. Мало цены такой непримиримости.

— Я не совсем понимаю вас, Александр Андреевич.

— Сейчас объясню, Мейрам Омарович. В прошлом году, в этом же месяце, вы подняли порядочный шум по поводу комбайна Шевченко и Афанасьева. Вы обвиняли Щербакова в том, что он не поддерживает предложения рабочих. Ну, где же этот комбайн? Поторопились вы тогда с комбайном. Поторопились с обвинениями Сергея Петровича. Я понимаю, вами движут лучшие чувства: хотите успеха производству. Но обстоятельства надо хорошенько взвешивать. Нужен детальный расчет. Недавно вы с такой же пылкостью вознесли выше небес график Ермека. А график пришлось изменять. Иногда, прямо скажем, грубовато вы вмешиваетесь в права советских и хозяйственных органов. Помните золотое правило: в спорах должна победить верная мысль, и пусть победит не моя, если она неверная. Понятно я говорю?

— Понятно, — раздумчиво ответил Мейрам. — Должно быть, сгоряча я увлекаюсь иногда и склонен командовать.

— То-то и оно. А ведь ничего нового для вас я

не сказал. Уверен, что Сергей Петрович не раз то же самое вам говорил. Он большой человек, хороший коммунист, крупный работник.

— Я люблю Сергея Петровича, уважаю! — вырвалось у Мейрама.

— Вот и отлично.

Зазвонил внутренний телефон. Александр Андреевич поднял трубку. Судя по разговору, звонил второй секретарь обкома партии Амантаев.

— Тороплив, это верно, — отвечал Александр Андреевич. — Но, по-моему, он сообразительный парень... Да вы не беспокойтесь, все в лучшем виде обойдется. Поймут друг друга.

Закончив разговор, секретарь снова повернулся к Мейраму.

— Значит, не терпится с открытой шахтой? Это верно: интересное дело, увлекательное.

— Если так, зачем же медлить с ним?

— Э, Мейрам Омарович! Не один Аширбек и не только мы в Караганде думаем об открытой шахте. В Москве тоже не плохие специалисты. И они по нашей просьбе изучают вопрос.

— Время уходит. Долгие месяцы могут пройти.

— Будем думать, что не месяцы, а недели... Потерпите. Так вернее будет. А то споткнуться можно...

Александр Андреевич протянул Мейраму руку:

— Как будто договорились?

— Договорились.

И Мейрам уже не раскаивался в том, что зашел к секретарю обкома.

Глава девятая

Четыре года не был Жанабыл на родине. Много за это время изменилось в Караганде. Не мог не заметить Жанабыл и того, как переменился характер его когда-то робкого и рассеянного тестя Жумабая.

На следующий день после приезда старик потащил зятя и дочь Майпу на шахту — посмотреть, что произошло на ней за эти годы. Жумабай ходил по шахте непринужденно, с видом хозяина. Он указал Жана-

былу на молодого электросварщика в защитных очках. Электрические вспышки, как лезвием, резали толстую железную полосу. Металл таял, плыл, словно воск, рассыпались и шипели ослепительные искры.

— Это сын Бондаренко орудует, — сказал Жумабай.

— А как сам Бондаренко? Больше не скандалит?

— Что ты! Для него теперь что казах, что русский — все равны.

— Раньше не так он думал.

— То раньше. Отсталый был человек. Э, не стоит вспоминать! Мы все крепко сроднились.

— Дело не в простом родстве, Жумеке, а в сознательности людей.

— Вот и я то же говорю. Сознательные стали.

Они вышли из шахты. Вокруг стояли новые высокие и красивые здания. Жумабай перечислял, где что размещено, знакомил с каждым новым для Жанабыла человеком.

— Теперь наша шахта и механический завод в сто раз больше против прежнего... Вот в этом здании — клуб, зрительный зал на пятьсот человек. А рядом — столовая и магазин. В этом большом корпусе — наша контора. Здесь мы получаем наряды на работу, лампы. Это баня. Видел, прошел кудрявый парень. Это новый маркшейдер Асет. А навстречу нам идет заведующий участком. Фамилию его никак не могу припомнить... столько народу кругом...

— Жумеке, — перебил Жанабыл, — а в театре вы бываете?

Жумабай с обидой посмотрел на зятя.

— А как ты думаешь? Оперу «Кыз-Жибек» три раза слушал! «Айман и Шолпан» — уж и сам не считаю, сколько раз...

Жанабыл подмигнул Майпе, сказал вполголоса:

— Смотри-ка, мой тесть на старости лет начал по театрам ходить. Еще, чего доброго, влюбится в какую-нибудь легендарную казахскую красавицу!

— Ну что ты! Как тебе не стыдно подшучивать над старым человеком?

— Ладно, ладно, старик понимает шутки,

Жанабыл задержал шаг. Запрокинув голову, разглядывал высокий копер, укрепленный на металлических устоях, дощатый сарай, в котором сортируют уголь... Да, раньше их не было. Много перемен кругом. Да и сам Жанабыл далеко не тот. Держится солидно, не дает воли своему горячему характеру и острому языку. Четырехлетнее обучение в партийной школе сказывалось: Жанабыл стал сдержанным, повзрослел. Приятно ему видеть новшества, но и на старое тянет взглянуть. Растроганно он говорит Майпе и Жумабаю:

— Мало что от прежнего осталось. И, может быть, в последний раз доводится взглянуть на старину. Ведь скоро от той Караганды, которую мы строили кустарным способом, ничего не останется. А с какими усилиями строили! Каждая мелочь была дорога сердцу. Я, помню, еще смеялся над Бокаем, не понимал, почему, вплоть до того дня, когда он переехал на новую квартиру в жилкомбинате, жалко ему было выбрасывать прогнивший войлок, который когда-то служил ему крышкой для юрты.

— То-то и оно! — воскликнул Жумабай. — Теперь ты понимаешь, чем дорога была мне моя черная корова?

— Да, да, как память о прошлом, которое совсем исчезает. Музей есть в городе? А то молодежи негде и увидеть старину.

— Как не быть! Воля божья, чего там только не поставили! И станок Майпыджан стоит, и твой станок, и моя тачка, на которой уголь возил. И все это бесплатно показывают.

— Вон как! А ведь и тачка и мой станок только вчера были действующими орудиями труда, — задумчиво говорил Жанабыл. — А сегодня их сдали в музей, и они стали историей Караганды. Быстро же мы, Жумеке, очень быстро двигаемся вперед!

— Быстро, говоришь? А тут наши ребята подняли шум, говорят, что медленно движемся.

— Кто поднял шум?

— Аширбек, Акым... да мало кто еще!

— Вон как! Вы все, я вижу, знаете?

— А почему бы мне не знать?

У конторы шахты стояла группа людей, из старых карагандинцев среди них один Ермек, остальные — новички. Ермек стал знакомить Жанабыла.

— Вот наш маркшейдер Асет Лабасов. А это — заведующий девятым участком Аристанов. Машинист-стахановец Данченко. Секретарь комитета комсомола Ержанов...

— Сколько же теперь народу на первой шахте? — поинтересовался Жанабыл.

— Вместе со служащими около трех тысяч.

Разглядывая новых знакомых, Жанабыл пошутил:

— Э, ребята, да вас бы Байтен не назвал рабочими.

— Это почему же так? — обиделся один из собеседников.

— А вот как! Мы из аулов приходили на шахту босиком, работать начинали кайлом и молотком. Вот Акыму и другим пришлось и ворот покрутить, и тачки повозить. А вы пришли из школы и сразу же сели за машины. Разве это работа?

Шутку поняли. Все, в том числе и Ермек, засмеялись.

Только простодушный Жумабай принял слова Жанабыла за чистую монету и возбужденно воскликнул:

— Правильно он говорит, правильно! Когда мы работали в бригаде покойного силача Хутжана, на нас рубашки от пота никогда не высыхали. А сейчас — какая работа? За людей все машины делают...

Жумабай прямо сиял от счастья и гордости, растягивая в улыбке рот. Ну что может быть приятнее? Вернулись долгожданные дети. Выучились, в люди вышли. На них смотрят, слушают их с почтительностью. Как не загордиться?

Майпе не терпелось взглянуть на бывший механический цех. После дороги она почти не отдохнула. До того ли! Как только начали собираться в родные места, она от волнения не могла ни есть, ни спать. А тут всю прошлую ночь не давали покоя друзья, которым не терпелось повидаться с нею. Сегодня с раннего

утра отправились на шахту. Но Майпа не чувствовала усталости. Жанабыл понял ее нетерпение.

— Майпаджан Жумекена что-то уж слишком часто поглядывает на механический завод. Тянет ее туда. Пожалуй, придется пойти. Я не прочь. Мы, уже взрослые, писали «шай кушайт» и «кайла едет», а теперь перешняя молодежь из пеленок прыгает в школу. Посмотрим, как они работают.

— Эх, жаль, смена моя подошла, а то бы я сам все показал! — отозвался Жумабай. Он говорил с таким видом, будто своими руками построил механический завод.

Завод занимал огромную площадь, огороженную забором. Через открытые ворота было видно длинное высокое здание из красного кирпича. Окон в стенах не пересчитать, все они широкие, светлые. Стекла то и дело озарялись вспышками электрического света. Оттуда доносился гул станков и машин. Вдоль забора рядами стояли новенькие вагонетки, сделанные на заводе, вагонетками был заполнен и весь двор.

В воротах, спиной к Жанабылу и Майпе, стоял вооруженный вахтер. На его шею из-под фуражки спадали пряди седых волос. Фигура вахтера показалась Жанабылу знакомой.

— Да ведь это Байтен, — шепнул он Майпе. — Так и есть!

Осторожно подкравшись сзади, Жанабыл зажал ему ладонями глаза.

— Не балуйся! — завопил Байтен. — Не положено шутить! Пусти, говорю. Стрелять буду!

Он попытался стащить с плеча берданку.

— Ну, стреляй, — рассмеялся Жанабыл, отступив в сторону.

— Ой, чтоб тебе! — воскликнул Байтен. — Дай обниму!..

Старые друзья обнялись, у обоих из глаз брызнули слезы. Байтен всегда был болтливым, взбалмошным, но по существу безобидным человеком. В прошлом Жанабыл часто вышучивал его, но беззлобно, и друзья никогда не ссорились. Теперь Байтен постарел, согнулся. Куда девались былые лихие ухватки, само-

уверенность, ухарство? Жанабыл с грустью отметил перемены, происшедшие со старым товарищем.

— Волосы у тебя прямо серебряные стали, Байтеке: от старости или оттого, что на душе посветлело?

— Конечно, оттого что на душе посветлело. С чего мне печалиться? На здоровье не жалуясь, работа легкая. Живу хорошо. Построил дом в четыре комнаты. Корову завел, коз и козлят. Получаю пенсию. А зарплата сама собой идет.

Но тут же не удержался и прихвастнул:

— Правда, работа у меня ответственная. Политический орган так и сказал: «Только одному Байтену можно доверить охрану завода».

— Что сейчас делают на заводе?

— Э, не спрашивай! Это государственная тайна. Хоть ты мне и друг, не скажу. После той истории с мешком ухо стал держать востро.

Жанабыл не мог удержаться от смеха.

— Ой, Байтеке, сколько же с тобой всяких историй случилось!

— И не говори. Есть что вспомнить. А как мы работали тогда!.. И теперь лицом в грязь я не ударил бы, да вот связан по рукам и ногам этой охраной. Важное дело! Большое мне доверие оказали. Я ни одного человека не пропущу на завод, прежде чем не узнаю, что он за птица.

— А нас-то пропустишь?

— Вы — другое дело. Для вас везде двери открыты... Небось работать сюда вернулся? Что делать собираешься?

— Еще не знаю. У нас с Майпой отпуск. Партия скажет, куда идти.

За разговором они и не заметили, как летело время. Жанабыл расспрашивал, где работают сейчас те его старые товарищи, которых он еще не успел повидать. Байтену было чем поделиться с другом: и теперешнюю и прежнюю Караганду и всех ее людей он знал досконально.

Байтен с грустью сказал:

— Теперь мы, старые рабочие, стали меньше

пужны в Караганде. Столько народу понаехало, да всё с образованием.

Жанабыл возразил:

— Нет, я не согласен, Байтеке! Старые кадры — это золотой фонд Караганды. А наплыву новых людей можно только радоваться. Помнишь, как мы нуждались в специалистах? Не меньше, чем в воде. Я только что встретил на шахте молодых работников, говорил с ними. Замечательные ребята!

— Э, разве на шахтах мастера? Ничего они не стоят перед нашими заводскими. Вот у нас — специалисты! Сам Козлов каждый день приходит делать опыты. Или меня возьми. Любую машину знаю, только вот управлять еще не могу...все некогда...

Жанабыл и Майпа дружески простились с говорливым Байтеком и вошли в заводской двор. Не легко было ориентироваться здесь, не легко найти знакомые места, где работали раньше.

Высокой железной трубы уже не было. На ее месте поднялась новая. Массивная, сложенная из красного кирпича, опоясанная металлическими обручами, она уходила чуть не под облака. Из ее широкого горла валил и медленно стлался в безветренном воздухе черный дым. А вот знакомое низенькое здание, сослужившее Караганде большую службу в первый год ее существования. Здесь раньше помещались парогенератор, нефтяной двигатель и три-четыре токарных станка. Ничего от прежнего теперь не осталось. Углы и закоулки разгорожены, образовалось одно большое помещение. Стены заставлены шкафами и полками, на которых разложены разные инструменты.

Перед одним из шкафов стоял высокий, плечистый старик в очках.

— Ковалюк! — шепнула Майпа Жанабылу. — Очки стал носить.

— Подожди, узнает он нас или нет?

Они стояли, выжидая. Ковалюк повернулся, увидел их и удивленно воскликнул:

— Жанабыл, Майпа! Фу, шайтаны, разоделись как! Настоящие франты. Насилу узнал.

— Да и у вас вид важный в этих очках. А кладовая-то какая, настоящий магазин!..

Ковалюк крепко расцеловал гостей.

Мешая русские слова с украинскими, Ковалюк рассказал о старых знакомых... Деда Ивана уже нет в живых. А его неизменный друг — Антон — одряхлел, ушел на пенсию. Кочегар Бокай перевелся на Каргрэс. Сын Жолтая стал токарем, работает на трех станках. Козлов и Лапшин вышли в большие люди и все свое время отдают изобретательству.

— В помещении старого мехцеха только один я остался, — сказал Ковалюк. — Заведую инструментальным складом.

Внимательно оглядев помещение, Майпа вспомнила:

— Дядя Ковалюк, а ведь моя машина стояла вон в том углу, а станок Жанабыла — тут...

— Верно, угадала, дочка!

— Где та девушка, которая заступила мое место?

— О, она высоко поднялась: летчицей стала.

— Похоже на нее. Бойкая была девушка.

— А ты чему обучилась?

— Телефонному делу. На техника сдала.

— Хорошую специальность выбрала. У нас здесь в таких людях нужда. Да, все-то вы учитесь, обгоняете нас, стариков.

Жанабыл и Майпа пошли посмотреть механический завод. Внутри он имел более величавый вид, чем снаружи. Цехов не пересчитать. Обширные залы. В токарном отделении десятки станков резали, строга-ли, сверлили. Из чугуна, железа, стали, меди, цинка делали здесь части и детали для разных механизмов.

Обходя станки, Жанабыл и Майпа натолкнулись на Умирджана, сына Жолтая.

— Здравствуйте! — приветствовал их молоденький паренек.

— По-русски говоришь чисто, молодец! — похвалил Жанабыл. — Должно быть, школу окончил?

— Школу. И по-русски и по-казахски.

— Как поживает отец? Крепкий еще?

— Крепкий. Что ему сделается!

— А меня узнаешь?

— Как не узнать! Я еще помню, как вы с моим отцом из старой проволоки стальной трос свивали.

— А я бы не узнал тебя, если бы мне не сказали.

— Ну, вы со мной мало встречались, я тогда учился в фабрично-заводском училище.

Умирджан разговаривал на ходу, переходя от одного станка к другому. На станках острые резцы строгали чугунные болванки. Молодой токарь поминутно справлялся с чертежом, измерял деталь. Требовались предельная точность и мастерство: возьмешь больше или меньше хоть на толщину лезвия бритвы — и деталь испорчена. Жанабыл, подойдя ближе, осмотрел болванку.

— Молодец! Не каждый токарь сможет так точно и чисто обработать поршень. Ты сразу на трех станках работаешь? Вон как! А мы и на одном еле управлялись.

— Чего ж тут... Вон Петя на четырех успеваает.

— Сколько же зарабатываешь?

— Тысячи две в месяц.

— Выходит, получаешь не меньше инженера?

— На своем деле каждый обязан инженером быть.

Жанабыла восхищала новейшая техника, сосредоточенная в цехе. Под потолком работает мощный механический кран; любую тяжесть переносит с места на место, как легкую щепку. Станки снабжены электрическими кнопками. Достаточно нажать кнопку, чтобы в малую долю секунды пустить или остановить станок. Были здесь и усовершенствованные аппараты, измеряющие самую точную резьбу, и различные приборы, назначения которых Жанабыл не знал. Ящики полны тончайшими, как кружева, металлическими стружками. Болванки, закрепленные в станках, вращались с такой быстротой, что невозможно было определить их форму: словно в мираже, сверкали они белым, синим, желтым светом.

Жанабыл, завороженный силой и сложностью этой передовой техники, в увлечении говорил Майпе:

— Вот это подлинные чудеса! А мы-то гордились в свое время, что работаем на машинах. Вот где они, настоящие машины!

Пол в цехе был асфальтированный, гладкий. Станки с ровным гулом легко, словно войлок, резали металл. Сквозь гул тихо звучали мелодии, передаваемые по радио. Из больших открытых окон тянуло свежим ветерком, живые цветы на подоконниках шевелили своими головками.

Жанабыл и Майпа зашли в формовочный цех. Здесь нет ни одного станка, ни одной машины. Рабочие из глины готовили разнообразные формы. В литейном цехе эти формы наполнялись металлом. А потом болванки шли в обработку на токарные станки.

В дальнем углу хлопотал Козлов. Ему помогал молодой рабочий.

— Здравствуйте, Борис Михайлович! — сказал Жанабыл. — Над чем вы тут колдуете?

— Да все со своим комбайном возжусь. Модель хочу сделать, Сергей Петрович ни словам, ни чертежам не верит. Требует: модель ему подавай. «Хочу, говорит, в натуре видеть». Ох, и придирчивый человек!

— Я что-то не замечал этого.

— Подожди, заметишь. Препней простоты в Сергее Петровиче больше нету. Требует с нас как с ученых.

Жанабыл рассмеялся.

— Да ведь с неучей и спрашивать нечего.

— Посмейся, посмейся... Тебе хорошо. Ты четыре года кряду науки проходил.

— А далеко вы продвинулись с разработкой комбайна? — спросил Жанабыл.

Козлов оживился. Он быстро развернул чертежи, расставил готовые части модели и с увлечением принялся рассказывать о конструкции комбайна.

— Вот это изменение мне Аширбек посоветовал внести. А это Акым... Все тут руку и рабочую смекалку приложили: инженер, механик, машинист. У меня почти все готово. Вот смонтирую модель, покажу Сергею Петровичу — тогда мы с ним другим языком побеседуем.

Жанабыла взволновала эта юношеская страстность Козлова. А механик говорил без умолку:

— Машина ни днем, ни ночью не выходит у меня

из головы. Все свободное время отдаю ей. Подумай-ка, сколько пользы она даст государству!

— Вы добьетесь своего, Борис Михайлович! Щербаков тоже верит в это.

Неожиданно в цех торопливой походкой вошел Ермек. Повидимому, он искал Жанабыла и Майпу.

— Вот что, — обратился он к гостям. — У меня к вам есть одно хорошее предложение. Жили вы в большом городе и, наверно, уже стали отвыкать от нашей степи. Завтра выходной. Почему бы нам не проехаться на животноводческую ферму? Сергей Петрович зовет. Кстати, и дело там у нас есть. А вы отдохнете и погуляете.

Жанабыл согласился, но Майпа отказалась, сославшись на усталость после дороги.

Глава десятая

Животноводческая ферма управления комбината, куда Ермек пригласил Жанабыла и Майпу, была расположена в нескольких километрах от Караганды, в степи. На краю глубокой ложбины стояло длинное белое здание с остроконечной крышей. На фоне степной зелени здание слепило своей белизной. Здесь были размещены главные службы фермы.

На ферме работали наши старые знакомые: Жайлаубай с женой, Шекер, старый Маусымбай с дочерью и зятем.

У Жайлаубая сегодня тревожный день. Утром он выехал с фермы на темнорыжей кобыле и сразу взял в галоп. Он объехал ложбину, поднялся на вершину холма и вдруг с пронзительным криком погнал лошадь вниз, во впадину за холмом. Пожилой и обычно неторопливый, теперь он мчался, не разбирая пути, словно горячий юноша на конских состязаниях. Споткнувшись лошадь, и он кубарем перелетел бы через ее голову. У Жайлаубая были причины к такому беспокойству. На ферме пропала одна из лучших, породистых коров — рыжая, с белой отметиной на лбу. Мучаясь перед отелом, она сорвалась с привязи и убежала. С того

дня, как была открыта ферма, Жайлаубай заведовал ею, и за все это время у него даже телята не пропадали. А тут — породистая корова, любимица всей фермы...

На скаку он увидел наконец корову, лежавшую в низких зарослях карагача. Ему почудилось, что Рыжуху терзает волк, и старик погнал лошадь во весь опор.

— Апырау¹! — воскликнул он. — И угораздило же тебя забрести сюда!

И вдруг с облегченным сердцем придержал лошадь. Вот оно что: Рыжуха телится! Рыжуха судорожно мотала головой. Это быстрое мелькание головы над кустарником и создало у Жайлаубая впечатление, что корову терзает волк. Жайлаубай радовался своей ошибке и смеялся над ней.

Стреножив лошадь, он стал ждать, когда корова отелится.

Через несколько минут на белый свет появился отличный, упитанный теленок, рыжий, весь в мать.

— Ох, и намучилась же ты, жануар², — в состраданием сказал Жайлаубай.

Он подул в рот и ноздри теленка, вытер его пучками травы. Корова поднялась на ноги и, жалобно мыча, принялась облизывать свое детище.

Жайлаубай оставил их в покое, стоял и думал: «Человеку, скотине, летающей птице и бегающему зверю — всем дороги их дети».

С грустью подумал, что всю свою жизнь прожил бездетным. Уже стукнуло шестьдесят. Видно, ему и Шекер так и придется скоротать свой век одинокими. Положим, есть родной племянник — Мейрам. Да ведь редко приходится его видеть.

— Ну, чем не дитя? — воскликнул Жайлаубай, любясь теленком. Он поднял его на руки, завернул в свой шапан и понес к ферме, ведя лошадь в поводу.

Корова плелась сзади. Теленок искал вымя матери, мотал головой и тыкался мордой в подбородок

---

¹ Апырау — возглас удивления, сожаления, огорчения.

² Жануар — ласкательное обращение к животному.

Жайлаубая. Старик отворачивался, улыбаясь во весь рот, приговаривал:

— Эх, дитя, дитя!

Рука у него затекла. Он взвалил теленка на плечо и рукой сжал его задние ноги, чтобы теленок не дрыгался.

Жайлаубай устал, вспотел, но был счастлив. Это ощущение счастья прибавляло ему сил. После первого теленка Рыжуха дала три тысячи литров молока. А в этом году, конечно, даст не меньше пяти тысяч. А эта телочка, что лежит на плече, через три года станет такой же ценной удойной коровой...

Усталость все-таки сломила старика. Он опустил свою ношу на землю. Теленок сейчас же встал на четыре ноги, мать бросилась к нему, и он припал к ее вымени.

Просторно в степи. Серый куладын¹ кружился в вышине, падал вниз, снова взвивался. На бугре стояла волчица с отвислыми сосцами и смотрела на них. Жайлаубай погрозил ей плеткой. В прошлогоднем, высохшем ковыле спала, свернувшись клубком, большая пестрая змея. Шум разбудил ее. Она зашипела, развернулась и поползла по траве, подняв голову. Жайлаубай заметил ее лишь потому, что тревожно зафыркала лошадь. Он сильным ударом толстой плети разможил гадине голову, вырыл рукояткой яму и закопал змею.

— Вот и погубил я врага! — сказал он с торжеством. — Убить змею — это хорошая примета.

Медленно пропуская сквозь пальцы свою рыжеватую поседевшую и поредевшую бородку, он поглядывал вокруг. Перед ним раскинулись широкие пастбища фермы. Но ферма занималась, помимо скотоводства, и зерновым хозяйством, засекала немало земли.

«Да, всходы нынче хороши, — рассуждал Жайлаубай. — Одно худо: этакая стоит сушь. Поди-ка найди здесь воду. А если построить по оврагам плотины, задержать снеговую воду? Тогда и на посевы хватит

¹ Куладын — крупная степная птица.

и скот можно не перегонять с одного пастбища на другое... А каждое новое пастбище — это новые стада».

Так размышлял Жайлаубай. А ведь когда-то он ни о чем другом не заботился, кроме своего собственного скота. Вероятно, старик забыл дни, когда все население Караганды вышло на рытье канавы для водопроводных труб. Люди копали землю, а Жайлаубай не мог решить: то ли ему помогать соседям, то ли присматривать за своим скотом. Если бы Жайлаубай сейчас мог присмотреться к себе со стороны, удивление его было бы безмерно: такие с ним произошли перемены.

Приближался полдень. Сгущался зной. Справа мелькнули яркие вспышки света: это солнечные лучи ударили в фары «эмки», спускавшейся с холма. Вот автомобиль резко свернул с дороги на целину и помчался прямо на Жайлаубая.

«Чья же эта машина? — недоумевал Жайлаубай. — Нет, это не машина нашей Марияш».

Он терялся в догадках, пока «эмка» не притормозила неподалеку от него. Из машины вышли Щербаков и Марияш.

Жайлаубай бросился к ним навстречу, стал пожимать руки.

— Вон как! Оказывается, сам товарищ Сергей Петрович пожаловал посмотреть наш скот! Что-то и глазам не верю. Уж не заблудились ли вы? Так редко бываете у нас.

— А зачем мне часто бывать, если за скотом ходит такой опытный хозяин, как Жайлаубай? — отшутился Щербаков.

— Ну, раз уж приехали, то скажите: оправдываем ли мы ваше доверие?

— Наперед знаю, что оправдываете.

Сергей Петрович теперь довольно свободно говорил по-казахски и умел в традиционном духе поддерживать дружеский, шутливый разговор, столь распространенный среди казахов.

— А вы почему тут расположились? — полюбопытствовал Щербаков. — Что с вашей коровой?

Жайлаубай рассказал о приключениях сегодняш-

него дня. Рассказ не удивил Сергея Петровича, он давно знал заботу Жайлаубая о скоте. Но вдруг этот старый и с виду простецкий человек начал делиться с ним неожиданно смелыми планами: дескать, хорошо бы перехватить овраги плотинами и задержать снеговые воды.

В беседе перешли на русский язык. Сергей Петрович переглянулся с Марияш.

— Хорошее предложение, займитесь этим делом, Марияш.

— По-моему, сначала нужно электрифицировать ферму и только потом браться за плотины, — возразила Марияш.

— Не такое уж большое дело электрификация, когда мы построили Каргрэс. Теперь справимся быстро. Электрификация высвободит у вас много рабочих, занятых сейчас на подсобных работах. Вот и поставьте их на строительство плотин.

— А я хотела перебросить их на уборку хлебов.

По своему обыкновению Сергей Петрович сразу загорелся новым делом. Он горячо убеждал Марияш:

— И с уборкой справитесь. На помощь землекопам вышлем экскаватор. Я думаю, в этом году успеете возвести хоть одну плотину.

— Если пришлете экскаватор, то, конечно, справимся, — согласилась Марияш.

Энергичная и умная, она вполне оправдала надежды Сергея Петровича и Мейрама. Вот уже второй год управляла она фермой и безукоризненно наладила хозяйство. Но личная жизнь Марияш попрежнему была не устроена. Она отдохнула от пережитых потрясений, которые доставил ей Жаппар, пополнела, похорошела, но жила одиноко — избранник не находился. По крайней мере так думали о ней.

Щербаков с любопытством приглядывался к Жайлаубаю, словно впервые видел его. Наконец сказал:

— У нашего Жайлеке голова хорошо работает. Надеюсь, Марияш, вы цените это? О государственных интересах заботится.

— Если бы не ценили, не премировали бы. Вы же сами утверждаете эти премии. Товарищ Жайлаубай

у нас день ото дня богатеет. Поговаривают, что в сберкассе у него чуть ли не сто тысяч рублей лежит. Это все от премий. Он каждый год перевыполняет план удоя молока. Увеличил стадо до ста пятидесяти голов!

— Почему же вы не представляете его к правительственной награде? — удивился Сергей Петрович. — Государство тоже награждает по заслугам.

— Я советовалась с Мейрамом Омаровичем, но он почему-то отмолчался, — ответила Марияш. — Вероятно, из деликатности: ведь Жайлаубай приходится ему дядей.

— Вы оформите документы. Я поддержу ваше ходатайство.

Сергей Петрович повернулся к Жайлаубаю:

— Перенесите, Жайлеке, теленка ко мне в машину. Мы сейчас поедem осматривать посеы и по пути завезем его на ферму.

Жайлаубай поплотнее укутал теленка в шапан, положил в машину. Он наказывал Марияш:

— Хорошенько держи его. А то он будет барахтаться и ослабнет. Когда привезете на ферму, сейчас же взвесьте. Пусть его запишут в книгу под кличкой Рыжая находка.

— Почему «находка»?

— А потому, что я уже совсем отчаялся найти не только теленка, но и мать. И все-таки нашел. К тому же телушечка вся в мать. Как вылитая. Вот тебе и Рыжая находка.

Жайлаубай любил давать клички животным и был в этом деле непревзойденным мастером. Он самолично «крестил» большинство телят на ферме. Суббота, Весна, Майская бурая, Дождь, Красавица светлая, Франтиха... — какие только клички он не придумывал, и все не случайно, а смотря по характеру животных или глядя по тому, когда телята появлялись на свет.

Проводив машину, Жайлаубай сел на лошадь и двинулся не спеша к ферме, подгоняя идущую впереди корову. По дороге ему пришлось переезжать через мостик. Посредине его зияла щель. Жайлаубай сокрушенно покачал головой.

— Оступится лошадь — ногу поломает. И никто не догадается починить!

Он пустил кобылу пастись, а сам принялся нарезать острым складным ножом ветви кустарника. Нарезал охапку, крепко перевязал их прутьями и забил щель.

— Вот и хорошо! — сказал он, удовлетворенно разглядывая дело рук своих и поглаживая бородку.

На ферму Жайлаубай вернулся уже за полдень. Возле коровника, где находились стойла, женщины доили коров. Жайлаубай ввел отысканную Рыжуху в коровник.

Здесь его встретила Шекер, сообщила:

— Теленка я взвесила. На три килограмма больше потянул, чем прошлогодний бычок от Рыжухи.

— Значит, и молока в этом году Рыжуха даст больше.

Они ввели Рыжуху в отделение для стельных коров. Пол здесь дощатый, ровный, много света, вентилятор гонит поток свежего воздуха, на стене висит градусник.

Шекер напоила корову, засыпала корм, потом сказала:

— Ты знаешь, приехали Жанабыл и Ермек. Надо бы их принять, как положено.

— Где они сейчас?

— Осматривают ферму.

— Пожалуй, и Сергей Петрович заглянет к нам.

А куда запропала Ардакджан?

— Повела гулять Болата. Боюсь, не напекло бы ему голову. Иди же скорее, похлопочи.

Но Жайлаубай поглаживал бороду и не торопился уходить. Все здесь радовало его глаз. Помещение высокое, светлое, стены внутри побелены. Вдоль стен устроены желоба для стока жидкости. У каждой коровы отдельное помещение. В стойлах кормушки и поилки. Двое рабочих подвешивали к потолку электрические провода. Скоро в стойлах зажгутся лампочки, и можно будет испробовать электродойку.

— Да, — проговорил Жайлаубай, — Марияш никак не назовешь плохой хозяйкой.

Жайлаубай некоторое время следил за работой доярка, потом направился в соседнюю ложбину, где паслось стадо телят. Здесь он встретил Маусымбая.

Это был уже не тот Маусымбай, которого в памятную для Караганды тяжелую весну Бокай нашел около столовой чуть не умирающим с голоду. Седая борода Маусымбая отросла длинней, стала гуще, щеки порозовели. Он был теперь таким же важным и осанистым, каким встретил его Мейрам по пути в Караганду.

С того давнего утра, когда Щербаков направил Маусымбая, его дочь и зятя на ферму, чтобы они отдохнули и подкормились, все трое остались здесь на постоянную работу. Старик, способный ко всякому ремеслу, занялся ремонтом помещений, но его больше тянуло к уходу за скотом.

Сейчас Маусымбай врачевал теленка: складным ножом соскабливал у него с языка наросты. Операция была болезненная, теленок бился, его держали зять и дочь Маусымбая.

— Что ты делаешь? — упрекнул Жайлаубай. — Ведь ветеринар уже осматривал животное, дал лекарство.

Но старик молча продолжал операцию. Закончив ее, он аккуратно вытер нож, положил его в карман и только после всего этого ответил:

— Что понимает твой ветеринар? Он даже не знает, откуда берется у телят болезнь «кылау». Вот этот бычок полежал на мокром месте, застудился, и у него появились на языке пупырышки. Бедняжка ничего не может взять в рот. Дождись, когда подействует лекарство врача. Мое средство вернее. Завтра болезнь как рукой снимет.

— Если от твоей операции будет толк, лечи, пожалуйста. Но вдруг теленку станет хуже? Тебе отвечать придется.

— Ну, за лечение-то во всяком случае ты мне заплатишь?

— Какая там плата! Еще с тебя причитается.

— Да-а, — протянул Маусымбай, — начальство не просчиталось, поставив сюда такого скрягу, как ты. Копеечку зря не истратишь.

Они всегда подтрунивали друг над другом. Шутки их иногда кололи весьма чувствительно. Но сейчас Жайлаубай был слишком озабочен, для того чтобы изощряться в остроумии.

— Слушай,— миролюбиво сказал он,— ко мне гости приехали. Нужно овцу зарезать на угощение. А я не держу овец. Может, ты дашь мне одну из своего стада...

— Если тебе нечем угощать, пусть гости идут ко мне. Я приму Ардак не хуже, чем ты.

— Не в ней дело, Ардак — свой человек, родственница. Приехали Ермек и Жанабыл.

— Тогда купи овцу. У тебя денег куры не клюют.

— Фу, какой несговорчивый! Я ведь не даром прошу. Сколько тебе за нее?

— За каждую ногу по тысяче рублей.

— Брось шутить, говори толком.

— Ни копейки не уступлю. Уж если сейчас не прижать тебя, то когда же?

— Скряга! — с сердцем сказал Жайлаубай и пошел к лошади: надо было ехать искать овцу у более сговорчивого хозяина.

— От тебя научился,— ответил Маусымбай.

Дождавшись, когда Жайлаубай отъехал на порядочное расстояние, он крикнул:

— Понял теперь, как вредно скупиться?

— Понял! — отозвался Жайлаубай, не оборачиваясь.

— Ладно, забирай овцу. Потом сочтемся.

Как раз в эту минуту слышался гудок. Из машины, истомленные жарой, вышли Ермек и Жанабыл. Едва успели поздороваться, как подъехали Щербаков и Марияш.

Сергей Петрович с места начал поддразнивать Ермека:

— Ты зачем сюда пожаловал? Здесь не подсобное хозяйство первой шахты, здесь ферма комбината. Тебе тут нечего делать!

— Приехал взглянуть на чужое хозяйство.

— Говорят, ты частенько наезжаешь сюда?

Ермек смущенно замолчал, даже покраснел.

Жанабыл ответил в тон Щербакову:

— Кажется, ваши намерения, Сергей Петрович, тоже не очень ясные?

— Что ж я делаю плохого?

— А как же? Забрали в машину Марияш и ездите с ней повсюду. Каково Ермеку стерпеть!

Шутка была слишком прозрачна, Дело в том, что два года назад Ермек овдовел. В последнее время он и в самом деле зачастил на ферму, придумывая для этого разные предлоги. Ненаходчивый и нерешительный с женщинами, он не находил случая признаться красивой и независимой Марияш в своих чувствах. Она, кажется, догадывалась, что влекло Ермека на ферму, не отталкивала его, но и не подавала особых надежд. Марияш было приятно, когда в ее присутствии серьезный и всеми уважаемый мужчина смущался и краснел, как юноша. В такие минуты глаза Марияш, серые и большие, светились улыбкой.

Возможно, шутки по адресу Ермека продолжались бы, но в это время подъехали на «газике» Чайков и Мейрам. Еще со вчерашнего дня они колесили по степи; геолог показывал Мейраму новые месторождения. На обратном пути Чайков и Мейрам завернули на ферму отдохнуть.

Быстрый, проворный Чайков первым выскочил из машины, громко заговорил, сопровождая свои слова оживленной жестикуляцией.

— Превосходно съездили! Замечательно! Степь щедро раскрыла перед нами свои богатства. О, да тут полно гостей! Здравствуйте!.. Здравствуйте, Жайлаубай! Я частенько слышал, что вы человек зажиточный и гостеприимный. Посмотрим, посмотрим...

— Уж не знаю насколько я гостеприимен, — усмехнулся Жайлаубай. — А вот вас отпущу только через неделю. Эй, жена, овцы мало, скажи, чтоб зарезали кобылицу!

— Сдаюсь, сдаюсь! — поднял руки Чайков.

Семья у Жайлаубая — два человека, и жилье он занимал небольшое. Он отвел своих гостей в одно из новых, только что отделанных помещений фермы, куда еще ни разу не загонялся скот. Разостлал на

полу кошмы, поверх них накинул одеяла, положил подушки.

Чайков еще ни разу не был на ферме. Все здесь восхищало его.

— Прохладно, светло, чисто! Потолки высокие. Смотрите — и градусник, и вентиляция, и электричество! Молодец, Марияш, молодец! Настоящая хозяйка!

Потом он устремился к Щербакову, с каждым словом наступая на него, а Щербаков отступал, пока оба не оказались в самом углу помещения.

— Ну, почему ты медлишь с закладкой открытой шахты? — быстро говорил Чайков. — Дай возможность Аширбеку развернуться. Не бойся, промашки не будет...

— Ох, дай же мне хоть здесь отдохнуть, — шутливо отбивался Сергей Петрович.

Но Чайков продолжал наступать:

— Закладывай открытую в Федоровке. Мы с Мейрамом Омаровичем только что оттуда. Уголь там лежит совсем близко к поверхности.

Мейрам, не вмешиваясь в разговор, сидел на кошме, облокотившись на подушки. Ему что-то нездоровилось сегодня. Он только поддерживал Чайкова кивками головы да поглядывал на Щербакова, как бы говоря: «Сами видите, не один я тороплюсь».

Но Сергея Петровича убеждать не приходилось. О поверхностном залегании угля в Федоровке он уже знал от местных жителей. Не кто другой, как Сергей Петрович, стремясь проверить эти сообщения, попросил однажды Чайкова «покопаться в районе Федоровки». Он много знал — этот грузный, спокойный и молчаливо думающий человек. Его маленькие, зоркие, как у беркута, глаза видели далеко, чутье было безошибочно. А когда для нового дела наступал час, Щербаков говорил твердо и решительно: «Пора, начинайте». Вместе с тем он не терпел преждевременного шума, излишней горячности, громких, хоть и искренних слов.

Видя, что Чайков слишком уж кипятится, он сказал ему вполголоса, но так, чтобы услышал Мейрам: — Немного потерпеть осталось. Мы свою работу

закончили. На днях приедет комиссия из Москвы. Виднейшие специалисты скажут свое веское слово.

В эту минуту вошла Ардак. Она была в белом, свободно сшитом платье, с непокрытой головой. Черные косы тяжелым узлом уложены на затылке. Движения плавные, легкие. Ардак, здороваясь, по очереди обошла всех, каждого обласкала лучистым своим взглядом.

Чайков усадил ее рядом с собой.

— Ну, как двигается диссертация?

— Ох, неторопливо движется, — рассмеялась Ардак. — Путь науки тернист. Это вы первый подали мне мысль о диссертации. Если застряну в дебрях науки, вам и вытаскивать.

— Эх, Ардакджан, между геологом и филологом слишком большое расстояние. Вряд ли дотянется моя рука до вас, чтобы вытащить из дебрей. Но, я уверен, и не придется. Самое главное — вы начали работу. Начало — самый трудный этап. Это я по себе знаю.

— Мне кажется, и конец будет не легче.

— Ничего. Нашелся человек, который помог начать дело, найдутся люди, которые помогут и продолжать и закончить... Я вашей работе придаю большое значение. Вспомните-ка, на первый субботник в Караганде пришли только две девушки: вы и Майпа. А теперь сколько казашек работают на производстве! В то время вы были единственной учительницей. А посмотрите теперь... На субботнике вы первая имели мужество выступить с песней перед сотнями слушателей. Наверно, страшно было? Посчитайте-ка, сколько сейчас певиц-казашек! Вот так же дерзайте и в науке. Вас поддержат, помогут. Сначала вы напишите диссертацию, а исправлять и дополнять легче будет.

— В моей диссертации, — задумчиво говорила Ардак, — меня попрежнему занимает основная мысль: правильно ли некоторые казахские ученые понимают народный эпос и правильно ли иные наши писатели используют этот эпос в своем творчестве? Я все больше убеждаюсь, что тут много путаницы и даже вредных взглядов. Эпос эпосу рознь. И нельзя всякое сказание называть народным.

— Я прочел повесть этого Айшика, которую ты мне дала, — хмуро отозвался Мейрам. — По-моему, проявление национальной ограниченности. И права ты была, когда говорила, что мало мы, партийные работники, занимаемся литературой. Признаюсь по секрету, я заканчиваю статью об этой вредной книжке. Пошлю в Алма-Ату в газету. А тебе, Ардакджан, придется посмотреть статью, как там по части слога.

В разговор вмешался Жанабыл:

— Мне кажется, что ты, Ардак, умаляешь значение народного творчества.

— Нет, не умаляю, а только хочу, чтобы к нему правильно подходили. Нельзя феодальные, байские сказания выдавать за подлинно народное творчество. Нельзя нашим писателям в форме старинных сказок и замысловатых преданий рассказывать о новых явлениях социалистической жизни.

Ардак говорила горячо, убежденно. Это были слова человека, много думавшего и готового отстаивать свои взгляды.

Что касается Жанабыла, он вступил в спор нечаянно для самого себя, о фольклоре у него было смутное представление.

— И все-таки эти предания очень интересны. Я с удовольствием их читаю! — говорил он.

— Конечно, интересны как исторический памятник, — соглашалась Ардак. — Но надо правильно оценивать их, разумно пользоваться ими, а не принимать черное за белое. Вот представь себе, Жанабыл, ты читаешь роман, скажем, о нашей Караганде. И написан этот роман языком архаическим, каким сейчас никто не говорит, полон древних мифических представлений; все делают в этом романе не люди, а какие-то таинственные волшебные силы... Что бы ты сказал?

— Конечно, я закрыл бы такую книгу и сказал, что все это сплошная чепуха. Чего-чего, а уж Караганду я знаю. Хорошо знаю, какие люди создавали ее и каких усилий это им стоило! — с горячностью сказал Жанабыл.

— Вот видишь! А нашелся некий Айшик, который

смотрит на нашу жизнь глазами средневекового человека.

— Невежда он!— воскликнул Жанабыл.— Сдаюсь, Ардак, полностью сдаюсь!

Но Ардак не так-то легко было остановить, если разговор зашел о волновавшем ее вопросе.

— Возьмем, к примеру, сказания о Кенесары. В некоторых Кенесары восхваляется. А кто его восхвалял? Прихвостни баев. А в подлинно народных творениях он «злодей Кене».

Тут Ардак повернулась к Маусымбаю.

— Вы, Маусеке, знаете немало народных сказаний. Что в них говорится о Кенесары?

Медленно и важно Маусымбай заговорил:

— О Кенесары я знаю не только предания, но и правду. Я помню своего прадеда, который умер девяноста лет от роду. Он рассказывал, что когда Кенесары напал на киргизов и хотел истребить их, то казахи, жившие в области Жетысу, возглавляемые батыром Сыпатаем, восстали против него. Мой прадед был в числе восставших. Мои сородичи ненавидели этого деспота.

Жайлаубай добавил к рассказу Маусымбая:

— Наш род Жаналы не подчинился Кенесары, ушел от него и осел в урочищах Аршалы.

— Слышали, что говорят настоящие представители народа? — воскликнула Ардак.

Она рассказала, что в прошлом году в Алма-Ате нашли в архиве Казахского филиала Академии наук поэму «Топжарган», относящуюся к эпосу о Кенесары. В этой поэме о Кенесары говорится как о презренном мучителе народа. Ардак прочла наизусть отрывки из поэмы. Потом сказала:

— Националисты прятали от народа его же собственные творения, а нам подсовывали байские, феодальные сочинения.

— Так, так, доченька, — одобрительно сказал Щербаков. — Ты на правильном пути. Не забудь, как обещала, написать в своей работе: единственно правильный метод для наших писателей — это метод социалистического реализма.

— К реализму нас еще Абай звал — почитатель Пушкина, Лермонтова, Белинского, Чернышевского, Добролюбова! — оживленно откликнулась Ардак. — Вот послушайте, что он писал, высмеивая акынов — приверженцев феодального Востока, угодливо воспевавших ханов:

Все песни Шортанбая, Дулата, Бухар-Жырау —
Сплошные заплаты на рваных лохмотьях,
Дарига-ай¹. Тот, кто любит
Правдивое слово,
Ложью назовет эти песни.

— Справедливые стихи, — похвалил Маусымбай.

— А у нас, — с негодованием сказала Ардак, — сочинения всех этих шортанбаев и дулатов порой включают в школьные учебники. Нельзя так некритически оценивать культурное наследие прошлого.

— Ну вот! — подхватил Чайков. — А вы говорите, что трудно закончить диссертацию. Вот вам и хороший конец. Это даже мне, геологу, ясно.

Шекер давно уже стояла у порога и ждала, когда утихнет непонятный для нее спор.

Ардак спохватилась:

— Ох, увлеклась я! Наверно, кушанье готово. Надо помочь тебе, Шекер!

Глава одиннадцатая

Из Москвы прибыла комиссия специалистов, о которой говорил Щербаков. Все спорные вопросы были подробно обсуждены на производственном совещании, в присутствии управляющего комбинатом, а позже — на заседании бюро обкома партии. Было решено ускорить закладку открытой шахты. У входа в первую шахту был вывешен приказ:

¹ Д а р и г а - а й — восклицание, приблизительно соответствующее русскому: «Если бы только знали!»

Приказ № 31

По распоряжению управляющего комбинатом товарища Щербакова из трех смен шахты одна смена переводится на выполнение подготовительных работ, две смены остаются на добыче угля. Ввиду перехода на работу в открытую шахту главный инженер Аширбек освобождается от своих обязанностей.

Начальник шахты Ермек Барантаев»

События совпали с отзывом из Караганды Мейрама. Его переводили с повышением в Алма-Ату, в одно из партийных учреждений. Вместо него секретарем горкома был избран Жанабыл.

Сегодня Ермек поднялся из шахты в приподнятом настроении. На его лице, покрытом угольной сажой, сверкали белки глаз и белые зубы. Торопливыми шагами он вошел в красный уголок. Рабочие, ожидающие своей смены, играли в шахматы и домино. Только что принесли свежий номер шахтной газеты. Один из рабочих начал читать вслух.

— О, Акым опять пошел в гору! Работает на двух машинах!

— Сколько дал?

— Сто двадцать процентов.

— Ох ты, вислогубый мой! — не удержался Ермек.

— А у Воронова — сто восемнадцать.

— Почти вровень идут.

Ермек подошел к диаграмме, вывешенной на стене, и стал наносить сегодняшнюю сводку выполнения плана по своей шахте. Красная зигзагообразная линия заканчивалась чуть выше середины листа. Ермек продолжил ее круто вверх. Повернувшись к рабочим, он громко сказал:

— Товарищи! План шахты выполнен на сто десять процентов.

Рабочие столпились вокруг диаграммы.

Легким шагом Ермек вышел из красного уголка, торопясь в горком партии.

В кабинете секретаря сидели Жанабыл и Щерба-

ков. Ермек широко распахнул дверь. Жанабыл вопросительно посмотрел на него:

— Что, Ереке?

— Довели до ста десяти процентов!

— Отлично! — воскликнул Жанабыл. — Ведь отлично, Сергей Петрович?

Щербаков промолчал, барабанил пальцами по столу. Успех, конечно, радовал его. Но, испытанный производственник, он знал, что успехи порой бывают временными, — жеребенок-стригунок в начале пути тоже стремительно бежит.

— Конечно, хорошо, — согласился управляющий. — Посмотрим, что покажут следующие дни. Надо закрепить этот уровень добычи на весь месяц.

Неожиданно вошла раскрасневшаяся от жары Ардак. На лбу у нее выступили капельки пота. Она, видимо, бежала — говорила задыхаясь:

— Тороплюсь очень. Послезавтра мы уезжаем в Алма-Ату. Надо проститься, товарищи! Проститься надо! — с трудом повторила она. — Сергей Петрович, друзья, мы с Мейрамом очень просим... Завтра соберемся на берегу озера у Каргрэс. В последний раз...

Сергей Петрович в замешательстве взглянул на Жанабыла, на Ермека.

— Время-то очень горячее. Надо закреплять успех.

— Завтра воскресенье, — напомнил Ермек.

— В такую пору и в воскресенье дело не спит.

— Значит, вы не можете, Сергей Петрович? — спросила Ардак.

Щербаков провел ладонью по седым волосам.

— Эх, уговорила, дочурка! Будь по сему, поедем.

Сегодня день предстоял боевой. Щербаков и Жанабыл отправились на холм — будущую открытую шахту. Ехали в одной машине. Сергей Петрович сел рядом с шофером. И грустные и радостные мысли теснились в его голове.

Вот и Мейрам уезжает. Расставание. Придется ли когда-нибудь столкнуться так близко? Словно частичку души уносит Мейрам. Все, чему за долгие годы научила Щербакова партия, мысли свои, чувства, выдержку в борьбе, веру в победу общенародного дела —

все старался он передать своему ученику. Сумел ли?.. Может, не де конца, но кое-чего добился. В Караганду Мейрам приехал почти юношей, в большую жизнь уходит зрелым, опытным человеком. И Ардак Сергей Петрович помог встать на ноги. Трудно росла девушка. Что же, счастливой дороги, друзья! Не его, Щербакова, в этом заслуга — благодарить нужно всю многообразную, радостную, бурливую советскую жизнь на земле, отвоеванной народом. А ему, Сергею Петровичу, довольно сознания, что у него на глазах выросли еще два строителя коммунизма. Мало ли их, его воспитанников, рассеяно по стране! За его спиной сидит еще один... Прибрел из аула неграмотным парнем, машины никогда не видел. И пошел вверх!.. Четыре года отдал учению. Молодец, право, молодец! А все-таки жизненного опыта, партийной закалки маловато. Что ж, попробуем наверстать.

Сергей Петрович круто повернулся и, навалившись широкой грудью на спинку сиденья, заговорил громко:

— Вот закладываем открытую шахту. Выделили на это крупные силы. Рабочих теперь на других участках поменьше. Значит, надо удвоить усилия, не снижать добычу. Стране уголь нужен, много угля. Международное положение, видишь, какое тревожное? Гитлер замахивается на весь мир. Мы должны быть начеку. Ответим ему трудом, укреплением страны. А в труде коммунисты, как и всюду, впереди. Ты помни это, секретарь. Крепче сплывай людей, веди за собой.

— Постараюсь, Сергей Петрович! Помогу вам.

— В первую очередь народу надо помогать, — поправил Щербаков. — Народ у нас хороший — что русские, что казахи. А начеку быть нужно. Угля побольше, металла! Ты объясни это людям.

Вот и холм, отведенный под открытую шахту. Здесь уже работали недавно полученные мощные экскаваторы. Издали они были похожи на темных наров¹, то опускающих, то поднимающих свои длинные шеи.

---

¹ Нар — одногорбый верблюд, отличающийся крупным сложением.

— Людей не слишком-то много! — заметил Жанабыл.

— Пока не нужны, на земляных работах один такой экскаватор заменяет сотню людей.

Работа была начата недавно, но прожорливые машины уже врылись в землю. Из котлована поднялся Аширбек. Щербаков пошел навстречу ему, весело говоря:

— Ну вот, настал черед и для открытой шахты! Теперь дело за тобой. Бери этот холм приступом.

— Возьмем, Сергей Петрович!

— Теперь уже я буду торопить. Когда сдашь шахту?

— Закрытой вы дожидались бы целый год, а эту сдадим через три-четыре месяца.

— Довольно с тебя и двух! А на третий месяц изволь выполнять план добычи. Темпы, товарищ Аширбек, темпы! Время не терпит.

— Если два месяца, то при условии... — начал было Аширбек.

— При каком? — перебил Щербаков.

— Прежде всего необходимо подвести железную дорогу. Земли, видите, сколько вынули? Завалили всю площадку. Надо ее подальше отвозить поездом... Ну, электроэнергия нужна — это уже во вторую очередь...

— Понятно. Наворочаете земли целую гору — уберите за вами! Придет осень, зима, начнется возня со снегом, с водой. Сколько же полезной работы выпадет на добычу самого угля?

— Маловато. Зато угля будем давать больше и дешевле. Если бы все пласты были доступны для открытой разработки...

Аширбек так увлекся, что сунул в рот папиросу не тем концом.

Жанабыл не удержался от острого словца:

— Ишь какой горячий, без спички собирается закурить. Переверни папироску-то.

— Будешь тут горячим. Вон как Сергей Петрович начал торопить.

— Ну, вы мне в свое время тоже покоя не давали.

Скажи-ка лучше, инженер: с каким пластом имеешь дело?

— Пласт залегает неглубоко. Толщина пятнадцать метров. Залегание отлогое. Поезд легко подавать прямо в забой. Кроме высокой производительности и дешевизны, эта шахта...

— Довольно, — остановил его Жанабыл. — Теперь я поддерживаю Сергея Петровича. Самое большее через два месяца ты должен выдать на-гора первый уголь. Всем необходимым поможем. Только выдержи-вай сроки.

Гонг известил об обеденном перерыве. Затихло лязганье экскаваторных ковшей. Машинисты пошли обедать. Щербаков и Жанабыл осмотрели площадку и котлован. Потом, захватив с собой Аширбека, поехали назад, в город.

То справа, то слева от дороги тянулись недавно посаженные леса. Дальние казались темными, ближние — яркозелеными.

Наполняя небо гулом, шел на посадку самолет, — неподалеку отсюда был аэродром. А внизу, на земле, с грохотом мчались поезда, проносились автомашины. Колхозные селения перемежались с подсобными хозяйствами комбината, с рабочими поселками, с мелкими предприятиями.

— Вчера здесь была голая степь, — рассуждал Жанабыл. — А еще говорят, что глаза ненасытные! Нет, такое зрелище даже их насытить может.

Они подъехали к саду, раскинутому на берегу пруда. Здесь Жанабыл попросил остановить машину. Он зашел на квартиру к Мейраму.

Новый секретарь делился с Мейрамом своими впечатлениями после поездки на открытую шахту, спрашивал о людях. Разговор затянулся до глубокой ночи. В этот вечер Жанабыл так и не вернулся домой, он заночевал у Мейрама.

На следующее утро к озеру у Каргрэс двинулись две машины. На передней разместились Мейрам с Бо-

латом и Жанабыл с Майпой. На задней — Щербаков, Антонина Федоровна, Ардак и Жумабай.

Выходной день. В Угольной Караганде шумел базар. Скот, подводы, грузовые машины, магазины, открытые палатки... Народу нет счета. Аульские колхозники привезли в город продукты и закупили промышленные товары.

Когда машины, следуя дорогой в Каргрэс, поднялись на холм, Мейрам вспомнил:

— Стоп! Ардак просила пригласить Бокая. Он сейчас дежурит на городской станции. Заедем к нему.

И он повернул машину.

Когда подъезжаешь к электростанции со стороны города, в глаза бросаются высокие металлические установки конической формы, обнесенные изгородью. От крайней установки сеть проводов тянется к огромному красному зданию. Со стороны Каргрэс к зданию подступают железные треноги с подвешенным к ним толстым металлическим тросом.

Внутри станции вдоль стен стоят мраморные плиты с рубильниками.

Бокай был один в обширном зале. На столе, покрытом красным сукном, — телефонный аппарат, газеты и журналы.

— Вот так кочегар! — сказал Жанабыл, входя в зал.

Бокай вскочил.

— Жанабыл, Мейрамджан!.. А чем я плох?.. Садитесь!

— Вы же писали, что работаете на новой станции кочегаром, — напомнил Жанабыл.

— А кто же я, как не кочегар? Большая станция на Каргрэс — родная мать моей станции. Сами мы не вырабатываем ток, только принимаем его от Каргрэс и распределяем по городу.

Вместе с гостями вошел в зал и начальник станции. Он перебил Бокая:

— Остальное расскажете по пути. Товарищи приехали за вами.

— А как же дежурство?

— Для такого случая дадим вам замену.

Бокай поскреб в затылке, он колебался.

— А если я приеду попозже, Мейрамджан? — сказал он неуверенно. — Когда бросаешь работу раньше времени, на душе кошки скребут.

— Ладно. Только не слишком запаздывайте.

Когда выехали на большую дорогу, Мейрам передал руль шоферу и, повернувшись к Жанабылу, заговорил, блестя горячими глазами:

— Обратил внимание? Вот это и называется социалистическое отношение к труду. Оно вошло Бокаю в плоть и кровь.

— Я тоже подумал об этом, — ответил Жанабыл.

Дорога спустилась в широкую равнину. Впереди показалось озеро. Синий простор его едва охватывали глаза.

— Это же не озеро, а море! — восхищенно воскликнула Майпа. — Смотрите, гора окружена водой! Вон посередине озера видна какая-то гора.

— Это сопка Жалгиз-Тюбе, — сказал Мейрам. — В будущем году озеро разольется еще шире. В длину оно будет до двадцати пяти — до тридцати километров, а шириною — до семи-восьми. Уже и сейчас озеро настолько глубоко, что по нему могли бы ходить речные пароходы.

— Почему же не ходят?

— Придет надобность, пойдут. Сейчас ходят моторные лодки.

Вокруг — ни клочка свободной земли, все занято посевами и огородами колхозов и подсобных хозяйств. Издали поверх зелени видны только верха машин да поднятая ими пыль.

— Где вода, там и жизнь, — продолжал Мейрам. — Начальник Каргрэс Ибраш сдержал свое слово: обеспечил водой не только Караганду, но и сельское хозяйство. Запомни, Жанабыл: Ибраш — крупный специалист, человек со смекалкой, вроде Аширбека. Теперь он поставил себе новую задачу: использовать силу степного ветра.

— Ибраша я еще не видел.

— Сегодня увидишь.

На берегу озера, посреди широкой зеленой поляны,

уже стояли две машины, несколько велосипедов были прислонены к ним. А рядом стояла бричка с поднятыми вверх оглоблями.

— Конечно, это наши старики Жайлаубай и Маусымбай так картинно поставили бричку, — рассмеялся Мейрам.

— В старину только баи да купцы задирали оглобли на своих повозках, — заметил Жанабыл. — Вот я их сейчас распушу за старые привычки!

— Ну, Маусымбай за словом в карман не полезет. Смотри, как бы тебя самого не высмеял.

Большинство гостей уже съехалось. Щербаков с Антониной Федоровной и Чайков с женой прогуливались по берегу озера. Маусымбай, Жайлаубай, Шекер и Балжан хлопотали у земляного очага. Байтен одиноко лежал на разостланном ковре. От очага поднимался бледносиний дым и медленно расплывался в тихом воздухе.

Мейрам поздоровался со стариками.

— Эй, наши аксакалы такое готовят угощение, что нам одним не одолеть. Придется вызвать на помощь батыров старого времени.

Седобородое лицо Маусымбая разрумянилось: должно быть, он уже отведал свежего кумыса.

— Э, силы у нас побольше, чем у древних батыров!

— Да, да, — подхватил Жанабыл, — у Маусыкена и в похвальбе недостатка нет. Смотрите, как подражает баям: до неба задрал оглобли своей повозки.

Но не так-то легко было смутить острого на язык старика.

— Правду говоришь, светик, у нас ни в чем недостатка нет. Найдем ответ и на твои слова. Бай ездил в фаэтоне, одевался с иголочки. А оглоблю байского фаэтона кто поднимал? Батрак. Теперь посмотрим, как ты одет. Тоже с иголочки. А кто поднял оглобли повозки? Я поднял. Вот и скажи: кто из нас подражает баям — я или ты?

— Жумеке! — крикнул Жанабыл тестю. — Спешите на помощь, этот старик побивает меня.

— Я, милый, не мастер шутить, — отозвался Жумабай. — С девушками в молодости и то не шутил.

— Байтеке, тогда выручайте вы!

Байтен поднял голову.

— На словах этого старика переспорить не берусь. Вот на работе я потягался бы с ним.

Но Маусымбай и Байтена принудил к молчанию:

— Верно, на работе за тобой не угонишься. Ведь ты до печенок изучил все машины, только управлять ими не умеешь!

Шутки не прекращались. Раздавался непрерывный смех.

Жайлаубай принес до черноты закопченную сабу¹, стоявшую в тени машины, налил большую чашу кумыса и поставил у ковра.

Подъехали еще две машины. В них — Канабек, Козлов, Лапшин, Исхак, Акым и Ермек. На озере, со стороны Каргрэс, показалась моторная лодка. Это, конечно, Ибраш плывет. С берега вернулись гулявшие.

Большинство гостей окружило Канабека. Он смешил слушателей забавными историями.

— Моя старуха наотрез отказалась ехать. Говорит, дорога не асфальтирована, в машине растрясет. До чего вредная женщина! Вот когда Мейрам похлопает по плечу Ардак, она рдеет от удовольствия, а моя кричит: «Убери руку!» Уж не знаю, как ей и потрафить.

Подошла моторная лодка Ибраша. Канабек, не дав ему сойти на берег, крикнул:

— А где твоя молодуха, дорогой!

— В Алма-Ату уехала.

— Ну, теперь пиши пропало!

От полдневного солнца и выпитого кумыса стало жарко. Спустились к озеру купаться. Ибраш и Жанабыл повезли женщин кататься.

Моторная лодка стремительно мчалась, разрезая синие волны. Ветер развеивал платья женщин. Хором запели песню, голоса заглушали стук мотора.

— Друзья! — проговорила Ардак. — Если бы вы знали, как не хочется уезжать отсюда! Я ведь расцвела вместе с этой степью, выросла среди вас!..

---

¹ С а б а — кожаный сосуд для кумыса.

Майпа уже вытирала набежавшие на глаза слезы. Расстроилась и Антонина Федоровна. Стараясь овладеть собой, она успокаивала Ардак:

— Не горюй, милая! Советская земля всюду прекрасна. Везде у нас родные люди.

— Это я знаю. Но есть же у человека самые дорогие, самые незабвенные минуты в жизни. Эти минуты я провела здесь...

— Одна из них наверняка останется на той площади, где вы встречались с Мейрамом, — заметил Жанабыл.

Ардак улыбнулась сквозь слезы.

— От тебя, Жанабыл, даже прямолинейную шутку приятно выслушать. Ибраш, вы еще мало знаете его. Ох, каким он был сорванцом! Теперь он вернулся рассудительным, серьезным человеком. Жанабыл, ты тоже запомни: Ибраш — один из лучших наших товарищей. Обоим вам я желаю дружбы.

— Постараемся сдружиться, — ответил Жанабыл. — Если ты и Мейрам подружились с Ибрашем потому, что он дал Караганде воду и электроэнергию, то наша дружба окрепнет на другой основе: Ибраш заставит ветер работать на нас.

— Заставлю, товарищ секретарь! Даю слово! — уверял Ибраш.

Он направил лодку к острову посреди озера. Здесь тоже были посажены деревья и выстроены два новых дома; по всему острову бродили стада уток и гусей. От их разноголосых криков звенело в ушах.

— Здесь у нас заложен птичий заповедник, — пояснил Ибраш. — Фабрику птичьего мяса откроем. Есть думка построить рыбный завод. В этом году мы уже пустили в озеро мальков. Первый ветродвигатель я думаю установить здесь, на этой сопке. Дадим электроэнергию фабрике и заводу. У нас будут свои консервы из рыбы и дичи.

Когда вернулись к лагерю, все гости были в сборе. Приехал Бокай с всей своей многочисленной семьей, приехали Жуманияз и Сейткали.

Канабек сам себя избрал распорядителем за столом.

— Друзья, я и здесь воспользуюсь своими административными правами... Слово для первого тоста предоставляется Мейраму. Хоть он и моложе многих присутствующих, но по случаю отъезда окажем ему почет.

Мейрам поднялся с места и заговорил, обводя рукой окрестность:

— Товарищи, посмотрите вокруг себя! Из узенькой речки Нуры создано широкое озеро. Из ничтожного колодца хлынул поток угля. Слава о Караганде разнеслась по всей Советской земле. Нам есть чем гордиться! Все это сделано нашими людьми! Выпьем же до последней капли за наших людей.

Эти слова взяли за сердце и Жайлаубая и Маусымбая, никогда и капли не бравших в рот.

— Налей-ка! За народ просит пить.

И старики опрокинули в рот свои рюмки.

Попросил слова Чайков.

— Вон за тем бугром, — указал он, — девять лет тому назад мы с Аширбеком встретили Мейрама Омаровича. Он ехал тогда в Караганду. В разговоре со мной он сказал с грустью: «Нашему народу еще долго придется овладевать наукой и техникой». А сейчас только вот на этой массовке собралось немало местных инженеров и техников. Я тогда говорил, что Караганда по запасам угля занимает третье место в Союзе. А сегодня хочу сказать, что запасы карагандинского угля неисчислимы. Да только ли уголь хранят недра казахской земли? Ибраш Жакаевич, смелее развивайте водное и энергетическое хозяйство. Близок день, когда вокруг Каргрэс задымят гиганты металлургии. Выпьем, товарищи, за дальнейшее раскрытие подземных богатств Казахской республики!

Один за другим следовали тосты. Но головы оставались ясными: помогал прохладный ветерок, дувший с озера.

Только Байтену вскоре начал изменять язык. Он повторял Жумабаю, сидевшему рядом с ним, все одну и ту же фразу:

— Эх, вспомни, как мы работали!

По просьбе Мейрама поднялся со стаканом в руке Щербаков. Речь его была краткой:

— Мы пробудили к жизни эту степь только благодаря нашей великой партии, благодаря сталинской дружбе народов. Конечно, иногда мы между собой спорили. Но без честных споров что за работа, что за дружба?

Он широко шагнул к Мейраму, крепко обнял его и расцеловал.

Глава двенадцатая

Наступила осень. Мглистое небо с утра роняло на землю мелкий, как пшено, крупчатый снежок. К полудню небо начало проясняться, густые серые тучи уплыли на восток. Выглянувшее из-за облаков солнце залило своими лучами город угля.

На гребне большого холма ясно обрисовалась новая шахта. Вокруг нее выросли дома недавней стройки. Длинной вереницей тянулись столбы электропроводки. Слабый ветер тихо наигрывал в проводах.

Открытая шахта напоминала широкое горное ущелье. Экскаваторы на большую глубину вскрыли недра земли. По высокому краю выемки шел состав, груженный породой, а внизу громыхал поезд с углем. Поезда шли непрерывно.

Аширбек показывал свое хозяйство Щербакову, Жанабылу, Козлову и Ермеку. Он был в приподнятом настроении, говорил слишком громко, жестикулировал излишне широко. Мечта его сбылась. И если он сегодня немного приукрашивал достоинства своей шахты — все понимали его и только улыбались в ответ.

— Вы только посмотрите, как красиво! — без усталости повторял Аширбек.

Шахта и в самом деле представляла собой красивое зрелище. По обеим сторонам выемки поднимались высокие гладкие обрывы. На поверхности темнели бугры вынутой породы. А над головой, на недосыгаемой высоте, синело небо. Это так не походило на привычную подземную шахту! Выемка тянулась по склону на расстояние полутора-двух километров. Глубина рва

достигала двадцати метров, а ширина — почти половины километра. По всей этой площади тянулся сплошной, сейчас обнаженный пласт угля толщиной в пятнадцать метров.

— Только успевай брать уголь и вывозить его! — возбужденно говорил Аширбек. — Не нужны ни лавы, ни вентиляция, ни врубовая машина, ни комбайн. Поезд проходит непосредственно в забой. Нам нужны только электросверла, взрывчатка и экскаватор для навалки угля. Вагоны погружены — вези куда хочешь. — Аширбек не без иронии взглянул на Ермека, начальника закрытой шахты.

— Ишь, как расхвастался! — ухмыльнулся Ермек. — Всему свое место, инженер. Там, где уголь залегает на большой глубине, открытую шахту не заложишь.

— Это верно. Я не о том говорю... У тебя работают сотни людей и механизмов. Ты зарылся, как крот, в землю. А у меня все снаружи, все просто. Так вот — предлагаю соревноваться. Посмотрим, кто больше даст угля!

Ермек не успел ответить, вмешался Козлов:

— Смотри, парень, проверка моего комбайна подходит к концу. Мы еще потягаемся с твоей открытой шахтой.

Щербакову давно были знакомы эти дружелюбные споры и пререкания. Он не вмешивался в них, сосредоточенно присматриваясь к работе в новой шахте.

В забое стоял состав из сорока вагонов. Два экскаватора с двух сторон нагружали поезд углем. Каждый ковш сразу зачерпывал тяжелую грудку угля. Доносился голос десятника, бранившего экскаваторщика:

— Где у тебя глаза? Видишь, через край вагона насыпал!

— Я хотел пополнее, а хватил лишку.

— Кто за тобой уголь подбирать будет?

— Так не лопатой же я насыпаю, а экскаватором. Не считаешь.

Жанабыл невольно рассмеялся.

— Раньше десятники кричали навалщикам: «По-

чему не полную вагонетку насыпал?» А этот бранится, зачем сверх меры насыпал.

Сергей Петрович прошел вдоль всего состава, поднялся на край открытой шахты, взобрался на бугор породы. Отсюда открывалась вся Караганда.

Со всех сторон шли груженные углем составы и, сливаясь на основной магистрали железной дороги, непрерывным потоком катились дальше. Вот из ущелья открытой шахты показался поезд. Прощальный гудок паровоза потряс воздух, состав двинулся к главной магистрали.

Когда грохот поезда утих, Щербаков сказал:

— Что ж, еще одно дело сделали. Еще один шаг вперед. Нужно дать телеграмму Мейраму Омаровичу. Теперь начнем внедрять открытую разработку. Организуем самостоятельный трест открытых шахт.

— Эх, использовать бы в этом деле атомную энергию! — воскликнул Аширбек.

— А что ты думаешь о подземной газификации угля? — спросил Жанабыл.

— Комбайн хочу поскорее закончить, — вздохнул Козлов.

— С комбайном мы зашумим! — подтвердил Еремек.

Все четверо умолкли — ждали, что ответит Щербаков.

А он стоял на груде породы, широко расставив ноги, всматриваясь в степную даль, и ветер трепал на его непокрытой голове гриву седых волос. Косой луч солнца, вырвавшийся из-за облака, упал на его лицо с крупными выразительными чертами. О чем думал Щербаков? Что навеял ему этот степной простор? Может быть, вспомнился тот далекий день, когда в сопровождении друзей он приехал на бричке в незнакомый край, на заброшенный, жалкий промысел? Уныло скрипел тогда ручной ворот, поднимая из глубины на поверхность простую бадью с углем... Или вспоминались бессонные ночи в тресте, волнение, тревоги, радость первых побед? А может быть, в смутной облачной дали виднелись высокие трубы фабрик и заводов, которые встанут здесь, слышался гул новых,

доселе невиданных машин, поступь тысяч и тысяч упорных людей, идущих покорять степь?

Он медленно просунул в карман руку, достал трубку, кисет с табаком и повернулся к своим спутникам.

— Все у нас будет, друзья! Наши надежды, наши мечты — все сбудется! Мы пришли сюда не подачек просить у природы, а подчинить ее своей большевистской воле. Мы пришли сюда утвердить счастье народа. Принимайтесь, товарищи, каждый за свою работу. Дел у нас впереди много!

Редактор С. Сабитова

*

Рисунки А. Николаева
Худож. редактор И. Царевич
Техн. редактор С. Симонов
Корректор М. Покровская

*

А05997. Сдано в набор 10/VIII 1953 г.
Подписано к печати 11/XI 1953 г.
Бум. л. 7,56 = печ. л. 24,81. Авт.
л. 23,28. Уч.-изд. л. 23,68. Заказ 1764.
Форм. бум. 84×108^{1/2}. Тираж 30 000.
Цена 8 р. 10 к. по прейскуранту
1952 г.

*

Тип Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Misses J. W. -

8 р. 10 к.